

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир На руинах Империи

Том первый

18+

Татьяна Зубачева

**Аналогичный мир. Том
первый. На руинах Империи**

«Автор»

2019

Зубачева Т. Н.

Аналогичный мир. Том первый. На руинах Империи /
Т. Н. Зубачева — «Автор», 2019

В великом множестве миров и Вселенных попадаются удивительные совпадения, когда миры, находящиеся в разных Вселенных, настолько схожи, что на первый взгляд воспринимаются как идентичные. Этот мир не лучше и не хуже любого другого «земного» мира. Может, он параллелен нашей Земле, а может перпендикулярен... А может, это просто один из вариантов. Удивительны как сходства, так и различия с нашим миром. Нет, никто из нашего мира туда не попадал, они сами по себе, мы сами по себе. И жизнь множества людей этого мира только похожа на нашу. Аналогия – не тождество.

© Зубачева Т. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Вступление	5
Книга первая	8
Тетрадь первая	8
Тетрадь вторая	34
Тетрадь третья	63
Тетрадь четвёртая	90
Тетрадь пятая	120
Тетрадь шестая	148
Тетрадь седьмая	177
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир

Том первый

На руинах Империи

Вступление

Любой мир велик и безграничен для живущих в нём, конечно же, людей, называющих свою планету Землёй, а светило – Солнцем и убеждённых в своей значимости и неповторимости. Но все миры схожи и история разных человечеств схожа, потому что закономерности развития планет и обществ при всём разнообразии форм схожи и аналогичны, иногда до мелочей.

Немного истории и географии этого мира. Совсем немного. И как сказал великий Андерсен: «Ну, начнем. Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь».

Шёл сто двадцать первый год новейшей эры. Ничего такого особого сто двадцать лет назад не произошло. Просто люди устали от сосуществовавших различных летоисчислений и необходимости каждый раз пересчитывать где какой год от какого события. И решили начать с нуля, а эру назвать новейшей.

С того нулевого года прошло много лет и совершилось множество событий. Важных и даже важнейших для участников и малозначащих и даже ничтожных для свидетелей. Одним из таких событий была эта война.

Европу так часто сотрясали войны, что их давно перестали воспринимать, как что-то необычное и страшное. Тем более, что мировых, то есть охватывающих большинство стран материка, было мало и случались они редко, а локальные... на две, максимум три страны... так почти каждый год кто-то с кем-то воевал. Для участников – война, для остальных – пограничный конфликт, вооружённое противостояние, даже «недоразумение». А уж что там происходит на Восточном и Южном материках – это вообще мало кого в Европе волновало. За исключением опять же непосредственных участников. А в общем внутриевропейские границы давно утрясены, связи экономические, политические и культурные давно отлажены, и воевать вроде не из-за чего. Конечно, время от времени распадались старые империи и создавались новые, бунтовали провинции и анклав, «наглые сепаратисты» или «благородные борцы за независимость» – это смотря с чьей стороны – пробовали на крепость государственные армии, побеждали или терпели поражение, но всё это опять же... если не за окном твоего дома, то не так уж и важно. А уж когда метрополии делили территории своих колоний на Южном материке, или две крупнейшие старые империи Восточного материка – Индия и Китай – опять выясняли кому же принадлежит вон та плодородная долина и серебряные рудники, и кому – магарадже или богдыхану – должны платить налоги горные племена, ну, так опять же никого в Европе особо не волновало. Колониальные войны – всегда чужие.

Но война России с Америкой, не так давно – по общеевропейским историческим меркам – провозгласившей себя Империей, вызвала определённый интерес. По многим причинам. Ну, во-первых, это продолжение давнего конфликта России с Англией. Когда-то именно Россия поддержала бунт колонистов на дальнем юго-востоке Европы и даже признала самопровозглашённую Республику – ну, не монархию же, отделяться, так отделяться, пусть будет как угодно, но, чтобы не так, как в метрополии – полноправным государством. Англия сделала свои выводы, и уже в её колонии на Южном материке ехали чиновники, военные, торговцы, но

только колонизаторы и ни в коем случае не колонисты. Ошибаться может каждый, но повторяет свои ошибки только дурак. А во-вторых, конфликт оказался не столько территориальным, хотя спорная область с откровенным названием – Пограничье и со смешанным населением, разумеется, была и фигурировала в официальных документах, а политическим и даже идейным: Империя за рабство, а Россия – против. И если территориальные споры возможно закончить каким-то компромиссом, поделив предмет спора на взаимоприемлемых и взаимовыгодных условиях, то идейные, как и религиозные, ведутся до полной победы или взаимного уничтожения.

Новое государство жило, хотя многие весьма опытные политики годами, десятилетиями, а потом и веками предрекали ему неминуемые развал, гибель и крах, и, кстати, были правы, потому что ничего вечного не существует, только вот в сроках постоянно ошибались. Назвав себя Америкой – по несколько искажённому имени одного из древних мореплавателей, прошедшего вдоль всей Европы с юга – Республика была, в общем и целом, не хуже и не лучше многих других, жила и развивалась, постепенно расширяясь до естественных – географических и политических – рубежей, заняв в конце концов весь полуостров от морского побережья на юге с несколькими сохранившимися анклавными колонистами других стран до границы на севере с Россией, столь же неспешно двигавшейся во встречном направлении. И развивалась Республика в общем-то тоже, как все, в общем европейском направлении, правда, с определёнными нюансами и зигзагами. Вот, например, рабство. В западной Европе оно практически закончилось в классической древности конфедерации Эллады и Римской Империи. Отдельные элементы ещё промелькивали кое-где, но уже существенного значения не имели. Крепостное право, даже весьма схожее в некоторых странах некоторыми своими особенностями с рабством, всё-таки им не было, аналогия – не тождество! В будущую Республику чернокожих рабов с Южного материка успели завезти ещё английские администраторы и наместники новых территорий. После провозглашения независимости рабство осталось, хотя подвоз прекратился вследствие наложенного обиженной метрополией экономического эмбарго.

Да и в общем в Европе тогда начали усиленно распространяться идеи равенства и братства, крепостное право всюду стремительно отменялось, сопровождаясь... ну, теми явлениями и эксцессами, которыми всегда сопровождаются радикальные изменения экономических и социальных отношений. Ну, и рабство пришлось отменять, принимать новые законы, ну, всё как у всех. Потом опять потрясения, смена режима, и уже не Республика, а Империя. Но тоже как положено, с императором, армией, стремлением к расширению. И новым введением рабства. Уже на новом, более высоком технологическом уровне с использованием новейших научных разработок и завидной – в некоторых смыслах – упорядоченностью и систематичностью.

Когда Республика провозгласила себя Империей, очень немногие, но наиболее предусмотрительные обратили на это внимание. Потому что имя обязывает. Империя должна воевать и завоевывать. Или погибать. Новая Империя рьяно восстановила рабство в невиданных до этого формах. Но опять же всё это было далеко. Да, интересно, да, кое в чём даже перспективно, но это оставалось сугубо внутренними делами. И опять же, самые проницательные просчитав грядущие последствия, сделали выводы о закономерности будущего краха строящейся системы. Но раз соперник – любое государство всегда соперник для других, ибо земля и прочие ресурсы ограничены, и чтобы у тебя стало больше, надо, чтобы у кого-то стало этого меньше – сам готовит себе будущие неприятности, то зачем ему мешать?

В России гремели свои революции, клочкотали и бурлили гражданские войны, а ранее дворцовые перевороты и бунты, и в общем было не до южного соседа. Пограничье заселялось стихийно с обеих сторон, и там даже одно время поговаривали о собственной независимости, но разговоры быстро затихли, резко прекращёнными соответствующими службами и органами опять же с обеих сторон, граница раздела встала достаточно прочно и никем долгое время не оспаривалась. Пока опять же не появилась Империя.

Да, вначале и Империя усиленно занималась внутренними чистками и обустройством, породив среди прочих последствий волну эмиграции, чем-то схожую с той, которая когда-то сформировала саму тогда ещё Республику из европейцев, бежавших от религиозных, политических и национальных преследований. Был такой период массовой миграции, что позволило историкам потом называть эти десятилетия «Переселением народов».

За вновьявленной Империей наблюдали с интересом и некоторой настороженностью. Уж слишком... гм, интересными оказывались некоторые внутренние преобразования. Но дипломатические связи не прерывают из-за таких пустяков, а торговые несколько видоизменились, но также не затронули сути уже сложившейся системы.

Но Империя должна расти. Несколько мелких почти локальных стычек, громкие победы, кое-что присоединили, кое-что объявили своим протекторатом, но все понимали, что это так, это несерьёзно, нужна большая война. Нужно идти дальше. Но дальше было море, а на севере Россия. Война была неизбежна. И она началась. Как любая война, особенно при явной неизбежности и усиленной подготовке, неожиданно и страшно.

И затянулась.

Затянулась настолько, что выросло и отвоевало несколько поколений. Принято считать, что за сто лет сменяется три поколения, но это в мирное время, а военные поколения сменяются ускоренно, и выжившие новобранцы быстро становятся опытными и даже старыми ветеранами. И вот на войну уходят уже родившиеся после её начала. И теперь война многим казалась привычной и даже не особо опасной или тяжёлой. Человек ведь привыкает ко всему, на то он и человек. Выживет там, где любая скотина сдохнет или взбунтуется.

Затяжные и скоротечные бои, наступления и отступления, долгие дни и месяцы практической неподвижности фронта, зарывшегося в землю и закрывающего небо крыльями бомбардировщиков, наземные, воздушные и морские бои, внезапные прорывы, стремительный отход и мучительное отвоёвывание сданного, бои за город, за холмик, переправу, мудрая тактика и бездарная стратегия, и наоборот...

И вдруг война кончилась. Как кончается всё, и хорошее, и плохое.

Закончилась война, как и полагается: блистательной победой одних и безоговорочной капитуляцией других.

Разумеется, одним из первых указов оккупационной власти был указ о полной отмене отношений зависимости, то есть рабства. А также всех привилегий и ограничений по расовым признакам.

Для множества людей началась новая жизнь. Оказалась она сразу и хуже, и лучше прежней, потому что была другой. Но люди оставались теми же, и многие упрямо пытались жить по-прежнему, не считаясь с переменами, но были и те, кто считал выгоднее приспособиться, а не спорить.

Конечно, жизнь изменилась. Но для них не настолько, чтобы они растерялись и не знали, что делать. Как что? Приспосабливаться, вот что. К войне приспособились, значит, и к миру приспособимся. Каждый по-своему, конечно.

Первая весна свободы была холодной и дождливой. Толпы бывших рабов и бывших рабовладельцев брели по разбитым дорогам, грелись у костров, дрались, а то и убивали друг друга в коротких ожесточенных схватках, и снова разбрелись в поисках еды и тепла.

Каждый опасался всех. Ватагой или семьёй, конечно, сподручнее отбиваться, но одному легче прокормиться, ни с кем не делаясь.

Книга первая

Весна свободы

121 год

Тетрадь первая

Штат Алабама

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Эркина разбудила боль. Видимо, в тесной куче тел кто-то задел рану на щеке. Или плечо. Он невольно дёрнулся, тревожа соседей, и все зашевелились, задвигались. Кто-то надсадно закашлялся, несколько голосов ответили руганью. Эркин осторожно поднял голову: небо заметно посветлело, звезды уже не различались, или это у него с глазами что-то? Глаз тоже болит. Он хотел поднять руку, пощупать голову, но боль в плече снова отбросила его в беспмятство.

Когда он пришёл в себя, было уже совсем светло, и вокруг клетки, как и вчера, толпились зеваки. Хохотали, показывали пальцами, тыкали палками. И опять было негде укрыться. Они сгрудились в центре клетки и так стояли, цепляясь друг за друга.

– Оклемался? – шёпотом спросил его высокий негр в залитой кровью рубашке.

Эркин понял, что это он держал его, не давая упасть к решётке, под палки, и благодарно кивнул.

– Держись ты за меня теперь. Отдохни.

Негр молча мотнул головой. Но Эркин уже твёрдо стоял на ногах и сам обхватил привалившегося к нему слева и оседавшего на землю парня. Парень уткнулся лбом в его плечо и тяжело со всхлипом стонал. Так, сцепившись воедино, поддерживая друг друга, они сгрудились в центре клетки, спиной к решётке, не отвечая, даже не оборачиваясь на издевательские выкрики. Вчера они пытались ещё что-то сказать, объяснить, просили воды... И получили. Им показали банку и предложили подойти, дескать, между прутьями банка не проходит. Один подошёл, и ему плеснули в лицо кислотой. Вон он стоит, вернее, его держат, голова обмотана какими-то тряпками.

– Джен, Джен! Ты только посмотри на них! – пронзительно верещал высокий женский голос.

Эркин вздрогнул: и через столько лет он не мог спокойно слышать это имя. Он медленно повернул голову и нашёл взглядом крикуху. Маленькая, толстая, с прилипшими ко лбу кудряшками, она подпрыгивала, пытаясь дотянуться до них зажатой в пухлом кулачке палкой, не

ударить, так ткнуть. А кого она звала? Так же медленно Эркин вёл глазами по толпе. И нашёл её, не поверил себе и снова посмотрел. Да, это она, это её лицо. Она только похудела, и глаза как будто потемнели... Эркин резко отвернулся. Нет, он не видел её, не было её здесь. То, единственное, что было у него в жизни, он не отдаст, никому, и ей тоже.

Он не видел, как она резко оттолкнула от себя решётку и стала выбираться из толпы. Он не видел, что она узнала его.

День тянулся бесконечно долго и оставался серым и холодным. Начинался и переставал дождь. Они падали от голода и усталости и вставали под ударами.

Казалось, весь этот проклятый город собрался у клетки, бросая в них камнями и грязью, обливая руганью и нечистотами из заботливо принесённых вёдер.

Эркин уже плохо сознавал окружающее, от голода кружилась голова, от кашля болела грудь, да ещё плечо... и щека... холодный порывистый ветер выдувал из мокрой куртки остатки тепла. Лечь бы, и чтоб уже ничего не чувствовать, ничего. Тупое рабское оцепенение. И единственное, на что их хватало, это не расцеплять рук, держаться друг за друга.

Темнело, и толпа расходилась.

– Холодно им, – не зло, даже сочувственно сказал кто-то.

– Завтра погреем, – сразу ответили ему, и толпа радостно загоготала, засвистела.

Расходились, договариваясь о времени, о бензине...

Наконец, ушли все.

Женя боялась, что оставят охрану, и пошла не сразу. Долго стояла в тени домов, разглядывая клетку на холме. Тёмная бесформенная куча на полу клетки – люди. Охраны нет. Она переложила отвёртку и пузырёк с маслом в карман пальто – хорошо, что она всегда заботилась о «личном ремонтном наборе» для машинки, и никого не пришлось ни о чём просить – повесила сумочку через плечо и сдвинула её на спину, чтобы не мешала. Луна едва просвечивает, как раз как нужно. Пора. А если охрана не у клетки, а внизу, и прячется в тени, как она сейчас... Тогда, подойдя к клетке, она окажется на виду. Ну что ж, если окликнут – она что-нибудь придумает. Вряд ли сразу начнут стрелять.

Подойдя к клетке, она оглянулась. Далёкие редкие огоньки города – не страшно, оттуда не разглядят, а вблизи... никого нет. И дома рядом давно брошены.

Ещё днём она обратила внимание на новенький блестящий замок на двери клетки и сейчас даже не пыталась что-то с ним сделать. Надо найти петли и снять их, открыть дверь, не трогая замка. Как удачно, что клетка не новомодная, у которой, как она слышала, дверь как-то по-особому сделана и не открывается, а откатывается по специальным рельсам, с той бы не справилась, а эту... Было как-то очень давно, ещё девчонкой она видела, как так выпускали запертую в вольере собаку, потеряв ключ от замка. Так что... она справится, не может не справиться. Она приготовила перчатки, но сразу поняла, что работать придётся голыми руками. Женя осторожно прощупывала прутья. Если дверь задвижная – тогда конец, тогда без ключа не получится.

Её осторожная возня всё-таки разбудила кого-то. Над бесформенной кучей тел приподнялась лохматая голова, и в свете луны блеснули глаза. Женя уловила этот блеск и приложила палец к губам. Голова качнулась в ответ.

Слава богу! – дверь на петлях. Три петли: верхняя, нижняя и посередине, – шершавые от ржавчины, на винтах под плоскую отвёртку. Это удачно, гранёной отвёртки у нее нет. Женя начала с нижней петли. Первый же винт вышел неожиданно легко, и Женя чуть не выронила его. И второй вышел, вернее, обломился у самой шляпки. А с третьим... Женя даже начала побаиваться, хватит ли ей масла: чуть не полпузырька ушло.

Спрятав винты в карман, Женя с трудом выпрямилась и с минуту стояла, держась за решётку: почему-то закружилась голова. Переждав головокружение, она взялась было за сред-

нюю петлю, но тут же передумала. Пока у неё есть силы, надо сделать верхнюю. Это будет трудно.

Это и было трудно. Это было так трудно, что она даже не замечала, что кучи тел на земле уже нет, а есть плотная молчащая толпа у решётки.

Вот и третий винт упал в её ладонь. Женя опустила затёкшие руки и увидела их. Тёмные пятна лиц с блестящими глазами. Услышала их тяжёлое дыхание. На секунду шевельнулся страх. Все эти рассказы... И Эркин...

– Эркин, – тихо, словно про себя, позвала она.

Толпа качнулась от её голоса и снова замерла. Женя опустила глаза. Она не может уйти, не сделав... Она же слышала, как договаривались. Договаривались идти жечь. Сжечь людей. Вот этих, что молча следят за ней.

Дверца шаталась, и отвёртка срывалась с резьбы. Женя пыталась придержать решётку другой рукой, но это бы никак не получилось, если бы изнутри в прутья не вцепились десятки рук, намертво прижав её к раме, и Женя смогла работать обеими руками.

Капля масла, поворот. Ещё капля. Ещё поворот. Женя мягко раскручивала винты. Сначала она думала просто выломать дверь, но после первого удачного винта решила, что лучше потом ввинтить их обратно. И пусть ломают головы над «таинственным исчезновением».

Ну, вот и последний винт. Женя сунула в карман отвёртку и отогнула петли. И потянула дверь на себя. Лязгнуло, упираясь в раму, замок. Изнутри на решетку наваливалась тяжело дышащая масса. Ну вот... ну вот... ну ещё... И вот в щель протиснулся первый, и встал рядом с Женей, вцепился, как и она, в прутья, повис на них, упираясь в землю ногами, своей тяжестью удерживая дверь.

Женя думала, что они, выбираясь, будут сразу же убежать. Но они оставались здесь же. И снова десятки рук уже снаружи удерживают дверь.

Ну, вроде всё. Женя ещё раз оглядела клетку и нажала на дверцу. Ей помогли поставить её на место и удерживали, пока она вставляла и закручивала винты.

Ей казалось, что прошло невероятно много времени и вот-вот рассветёт, и их увидят, но когда она спрятала в карман отвёртку, сдвинула на бок сумочку и выпрямилась, была ещё ночь, только луна поднялась повыше и уже ни одного огонька в городе. Женя покачала дверцу. Держит. Им и не догадаться, кто и как это сделал. По-прежнему в полном молчании они все вместе спустились с холма. Внизу Женя остановилась. И они стояли вокруг неё и будто ждали. Чего? Снова шевельнулся страх. И вдруг один из них – высоченный негр – быстро шагнул к ней. Она невольно отшатнулась, но он так же быстро нагнулся, и его губы скользнули по её руке, сжимавшей сумочку. И тут же он отвернулся и ушёл в темноту.

Все случилось так быстро. И, словно это было сигналом, стали расходиться остальные. Будто так и должно, что один благодарит, за всех. И минуты не прошло, как Женя осталась одна. Только шагах в пяти стоял боком к ней...

– Эркин? – шагнула к нему Женя.

И подошла вплотную, чтобы заглянуть в глаза. Он отворачивался, пряча опухшее, тёмное от засохшей крови лицо. Но она уже узнала его.

– Эркин, – повторила она, – пойдём.

Он не шевельнулся, и тогда она потянула его за рукав.

– Ну же, пойдём. Надо успеть.

И он пошёл за ней.

Этот путь по ночному городу Эркин потом так и не смог толком вспомнить. Его уже трепала лихорадка, мучительно кружилась от голода и боли голова. Он останавливался, прижимался лбом к стене или дереву, пережидая приступ, и всякий раз, отрываясь от спасительной опоры, видел её. Она ждала его. По-прежнему в пяти шагах. После того, как он пошёл за ней, она уже ни разу не дотронулась до него.

А ему было совсем плохо. Он даже словно и не понял, что она узнала его. Просто... он снова услышал её голос. И пошёл за ним, не мог не пойти, не мог...

Женя не рискнула ему помочь. Хотя при каждой остановке боялась, что он упадёт. Но так... если кто и увидит их, то просто идут два человека по улице. Каждый сам по себе. Она боялась, стыдилась своего страха, но иначе не могла.

Кажется, обошлось. Вот уже и забор, калитка открылась без скрипа. Женя подождала его, дала войти, вошла сама и заперла калитку. Огляделась. Ни одно окно не светится. Дай бог, все спят. Он сам укрылся в тени сарая и там ждал, пока она достанет из сумочки ключи. Женя открыла наружную дверь и завоzilась с ключами, придерживая дверь ногой. Он понял и броском преодолел освещённый луной кусок двора, скользнул в щель. Войдя следом, Женя наткнулась на него.

– Иди наверх, – она сама себя не услышала, но он понял.

Он старался идти тихо, но Женя слышала его шаги и всхлипывающее дыхание. Он же кашлем давится! – догадалась она. Он же совсем болен. Женя быстро закрыла дверь и поднялась по лестнице, перешагивая через скрипящие ступеньки.

Он ждал её. Здесь, на крохотной лестничной площадке, двоим не развернуться, и Женя, взяв с ключами, то и дело толкала его. Он только еле слышно охнул, когда боль в плече стала нестерпимой. Но вот открылась дверь, ему в лицо пахнуло запахами жилья, его слегка подтолкнули в спину, и он шагнул в тёплую мягкую темноту.

Женя заперла изнутри дверь и прислушалась. Кажется... кажется, пронесло! Они дома! Она привычно шагнула к столу, нашарила и зажгла коптилку. Так же привычно посмотрела в угол. Алиса спала. Одежда свалена кое-как, но это сейчас неважно. По заведенному ею самой обычаю, она сразу, не раздеваясь, подошла к ней, коснулась губами щёчки.

– Мам, ты? – не открывая глаз, спросила Алиса.

– Я-я, спи, маленькая.

– Ты, – удовлетворенно повторила Алиса.

Ну вот, ритуал соблюден, теперь её до утра ничем не разбудишь. Женя огляделась. Где он? А, у печки. Греется. И... и опять кашель...

– Сейчас-сейчас, – заторопилась она.

Переждав приступ кашля, Эркин осторожно огляделся. Коптилка разгорелась, и он различил шкаф, комод между окнами, кровать у глухой стены. Посередине стол, стулья. В углу... Стены и углы то исчезали во мраке, то выступали на свет, хотя коптилка горит ровно. Или это у него с глазами что-то? Онемевшая было от холода щека стала отходить, и боль туманила голову. Даже есть уже не хотелось.

... Сначала раны. Промыть, если можно, перевязать. Потом накормить и уложить. Сон, еда и тепло. Других лекарств у нее нет. Но сначала... Женя спрянула отвёртку и пузырёк с маслом, тщательно вымыла руки и осмотрела пальто. Нет, слава богу, всё в порядке. Разожгла плиту, поставила греться воду. Да, он же грязный, и наверняка вши, его же вымыть надо, но это сложно, а вот тряпье его стирать срочно.

Она вытащила, стараясь не шуметь, корыто. Ещё ведро воды, нет, как хорошо, что она с утра заготовила три ведра. Да, она же и собиралась стирку устроить, нет, очень удачно выходит. Женя щедро бухнула в ведро инсектицида и побежала в комнату. Где он? Ещё у печки? Подбросим в печку дров. Теперь на кухню. Размешать порошок, таз с холодной водой, вода нагрелась? Нет? Пусть ещё постоит, кровь холодной лучше смывать. Чистую тряпочку, так... это на перевязку пойдёт. В комнате уже тепло... Вода нагрелась, таз с горячей водой тоже на стол...

Эркин смутно различал, что рядом бегают, что-то передвигают, но ничего не замечал, кроме тепла, медленно обволакивающего его тело, и боли. И когда его затеребили, чего-то требуя, он никак не мог оторваться от печки. Раздеться? Зачем? На секунду ворохнулся страх и тут же угас. Ему уже всё равно. Он зашарил пальцами по груди, нащупывая крючки и петли,

но быстрые лёгкие руки уже расстёгивали и стаскивали в него куртку, рубашку, и голос... он не мог сопротивляться, пока тот звучал, хотя ни одного слова не понимал, да и не слушал он слов.

– Ну вот, ну вот, – приговаривала Женя. – Больно?.. Рука?.. Ох, что у тебя с плечом, ничего-ничего, я осторожно, потерпи, вот так, руку давай сюда. Ну, вот и хорошо. Всё, всё снимай, давай помогу, ты что, пальцы поморозил? Ничего-ничего, переступи, вот так. Пусть лежит, я уберу, давай к свету, я голову тебе посмотрю...

Он как кукла безвольно подчинился её рукам. Голова, кажется, чистая, уже легче. И ран особо не видно. Ссадины, синяки, но это же пустяки, право слово. А вот правое плечо вспухло подушкой, это хуже. И лицо. Правая щека вся в крови, опухла. И горячий он...

– Ох, ты же горишь весь. Ну, ничего-ничего, садись... Сейчас я свет подвину... ну вот, ну вот... тише-тише, потерпи...

Холод на плечо. Он охнул и зашипел от боли. Так, теперь лицо. Господи боже мой, чем его так, щека, скула, от глаза до рта одним ударом развалена, хлыстом или палкой, здесь швы надо накладывать, а чем? Глаз заплаыл, цел, нет ли, не поймешь ничего... На глаз примочку холодную, вот так. Хорошо, что в госпитале пришлось поработать, а то бы и не знала, как подойти. Щёку пластырем стянуть. На губы тоже пришлось, но, вроде, и не так уж страшно. Вот так полоску, и ещё вот здесь...

От боли и жара он впадал в беспамятство, но боль снова возвращала его в тёмную комнату, к этим рукам и этому голосу.

– Ну вот, ну вот и всё... сейчас кровь сотру и всё. Ох, какой ты горячий... сейчас-сейчас... выпьешь горячего и ляжешь...

Женя не замечала, что говорит по-русски, что он не понимает её. Она метнулась на кухню, к чайнику. Малина где, от простуды малина... Ну вот, как нарочно, не найдёшь... Господи боже, до чего же можно довести человека... Когда она вернулась в комнату, он сидел, где она его и оставила, даже головы на её шаги не повернул.

– Выпей, – сказала она по-английски.

Только тогда он повернулся к ней, протянул левую руку. Но его рука так дрожала, что Женя поддерживала ему кружку, пока он, обжигаясь и задыхаясь от ожогов, пил дымящийся отвар.

– А теперь ложись. Поспишь...

Она помогла ему встать, довела, да что там, донесла на себе до кровати. Он не лёг, упал, и Женя уложила, укрыла его. Как Алису.

Потом она собрала его вещи. Рубашку, штаны, куртку... Ни белья, ни носков, ни даже портянок... На всякий случай она обшарила карманы, пусто, только справка-удостоверение об освобождении. Она убрала её на комод и потащила вещи на кухню, отмачивать в инсектициде. Куртка ватная, потом долго сохнуть будет, но и ему не один день, по всему видно, лежать.

Женя наводила порядок, убирала, и, когда вернулась в комнату, щели в шторах уже светились. Хорошо, сегодня воскресенье, выходной. Она вытащила из кладовки старую перину и постелила себе на полу. Перед тем, как лечь, подошла к Алисе, поправила ей одеяло. Помедлив, подошла и к нему. Посмотрела на тёмное страшное лицо с белым пятном примочки на глазу и полосками пластыря. Спит? Пусть себе спит. И ей нужно лечь. Поспать хоть часок, пока Алиска не проснулась.

Он не спал. Это не сон, а что-то тёмное, тяжёлое, что не даёт шевельнуться и не приносит облегчения. Горячее питьё согрело ненадолго, одеяло давило мягкой тяжестью, но не грело. От озноба сводило ноги, постель вдруг начинала раскачиваться, и он падал куда-то, и самое страшное – это то, что он всё время помнил, что он в доме, лежит на постели...

Когда Женя проснулась, было уже совсем светло. И первое, что она увидела – это, конечно, мордашку Алисы, и её сразу обдало водопадом вопросов. Женя спокойно переждала этот поток, зная, что ответ нужен на один вопрос: «А это кто такой?».

– Он ранен. Его хотели убить. И никто не должен о нём знать.

– Никто-никто?

– Совсем никто, – жёстко ответила Женя.

– А он хороший?

– Да, он очень хороший.

Алиса часто закивала.

– Я никому не скажу.

– Вот и умница.

Надо вставать, начинать день. А Алиса уже забралась к ней под одеяло и притворяется, что спит. Женя ущипнула дочку за нос.

– Вставай.

– Ну, мам, ну ещё минутку.

– Только минутку! – Женя рывком отбросила одеяло и встала, привычно потянувшись и тут же опустила руки. Она же не одна!

Но он не то спал, не то был в забытии. Когда Женя, уже в халатике, наклонилась над ним, он никак на это не отреагировал.

– Эркин, – осторожно позвала она.

«Эркин», – голос пробивался сквозь беспомощность. Он хотел ответить, и боль в разбитых губах приводила его в чувство, и всё тут же опять туманилось. И опять лёгкие тёплые руки касаются его лица. Пить... так хочется пить... Что-то твёрдое касается его губ, раздвигает их, и сквозь зубы в рот вливается тёплая жидкость. Он глотает её, не ощущая вкуса и не насыщаясь.

Он пил, не открывая глаз, прихватывая зубами край чашки, уже и не пытаясь приподняться, и Женя поддерживала ему голову. Пил и даже не стонал, а как-то всхлипывал.

Женя осторожно опустила его голову на подушку. Сменила примочки на глаза и плече и оглянулась на Алису.

– Никому-никому, – строго сказала она. – Проболтаешься – убьют и его, и нас.

Алиса уже не кивала, только молча смотрела. И Женя поняла – дошло.

Тусклый серый свет, какие-то смутные тени, чьи-то шаги, голоса... И боль, всё тело болит, вроде, и не били особо, а болит... Как в пузырьчатке... Пузырчатка? За что?! Он рванулся – и боль... снова боль... И он уже снова там, в страшной пузырьчатке, кошмаре всех рабов имения Говардов...

...С пузырьчаткой он познакомился в первый же день в имении. Его купили на торгах. Он очень уж долго и не стоял в шеренге, даже и оглядеться толком не успел. Краснолицый беловолосый мужчина ткнул пальцем в его грудь, осматривать не стал, заплатил, не торгуясь, и вот он уже, на ходу натягивая рубашку, спешит за новым хозяином. Потом тряска в тесном тёмном кузове крытого грузовика, а не в обычном фургоне-перевозке, среди каких-то бочек и ящиков, и приковали его неловко. Он ещё ничего не понимал. Его только удивило такое пренебрежение к телу спальника.

В имение приехали, когда стемнело. Его за шиворот выволокли из кузова и по-прежнему волоком, хотя он и не думал сопротивляться, протащили через двор, буквально его лбом открыли дверь, и он влетел в ослепительно светлую после тёмного двора комнату. Хохот и крики оглушили его. Он и сообразить ничего не успел, как получил оглушительную затрещину и сразу же удар в живот. Он только выдохнул: «За что?» – и упал под новым ударом по затылку.

Он лежал, скорчившись на полу, его пинали, волокли куда-то за волосы... Потом велели раздеться. Он так и не понимал ничего и привычно повиновался. Он умел раздеваться быстро, но его всё равно били. И вот он уже лежит на полу, на спине, как и велели, с закинутыми за голову руками, а на его лодыжках и запястьях застёгивают кандалы. Но за что?

За что?! Лязгнули замки, ещё странный звук, и провисавшие до этого цепи рывком растянули его так, что хрустнули суставы, и боль захлестнула его. И он остался один, в темноте. И

не сразу ощутил, какой это странный пол. Потом он будет не раз мыть его, оттирая шипастые плитки от засохшей крови, мочи, кала и следов рвоты. И всякий раз будет заново удивляться и шипам, таким маленьким, даже не страшным, когда смотришь на них сверху, и тому, что кто-то смог до такого додуматься, чтобы вот так, без побоев, чтоб самим белякам, значит, руками не махать... А тогда, той страшной ночью, извиваясь в безнадежных попытках лечь поудобнее, пока не понял, что так и задумано, что каждое движение – лишняя боль, тогда впервые он ощутил ту холодную бессильную ненависть, какой раньше никогда не знал...

...Алиса прибежала на кухню и дёрнула Женю за фартук.

– Чего тебе? – нехотя оторвалась от плиты Женя.

– Мам, он так хрипит. Мне страшно.

– Сейчас!

Женя бросила ложку и побежала в комнату. Вон что, голова скатилась с подушки, и весь он как-то перекрутился. Примочки все свалились.

– Сейчас-сейчас.

Какой же он горячий и бредит, что ли. Она заново уложила его, сменила примочки. Он приоткрыл левый глаз и словно пришёл в себя, зашевелил губами.

– Чего тебе? Пить? – Женя склонилась над ним, почти легла ухом на его рот, и не так расслышала, как догадалась. Ох, чёрт, как же она об этом сразу не подумала.

Женя досадливо прикусила губу. Куда бы Алиску деть?

– Алиска! Сядь к окну и смотри на улицу. И не оборачивайся, пока не скажу.

Алиса явно не торопилась с исполнением, и Жене пришлось прибегнуть к физическим мерам.

– Вот так! И сиди смирно!

Алиса надулась, но честно уставилась на неровное от текущих по нему струек стекло.

Женя вернулась к кровати, откинула одеяло. Так, примочки пока снимем. Левую руку на себя.

– Ну, вставай. Ничего-ничего, я держу.

А она-то ещё считала комнату маленькой, а когда тащишь на себе горячее, тяжёлое тело, каждый шаг прочувствуешь.

Женя довела его до закутка в кухне, приспособленного ею под уборную, но оставить одного не рискнула. «Худо станет, не до срама будет», – мамина фраза и сейчас сработала. Какой уж тут срам, он же на ногах не стоит.

Может, ей и показалось, но обратно он шёл легче и не упал как вчера, а сел на кровать, а там уж она помогла, уложила и накрыла одеялом.

– Ну, вот и хорошо. Сейчас примочки положу и всё.

Он шевельнул губами, и она опять склонилась над ним. Что? Что он теперь говорит?

– Джен-нняя, – два коротких выдоха ошеломили её, а он помолчал и опять в два приёма по-русски: – Ми-лайя.

Женя потрясённо выпрямилась. Значит... значит, он всё-таки узнал её.

– Узнал? – повторила она вслух.

У него дрогнул в кивке подбородок.

– Нет-нет, молчи, – заторопилась Женя. – Я тоже тебя сразу узнала. Ты спи себе, спи.

Он послушно закрыл глаз. Женя отошла к столу, где в миске с холодной водой плавали тряпочки, отжала одну и вернулась к нему. Да, она сказала правду, она и в самом деле узнала его, но как это у неё получилось? Сейчас он никак, ну никак не похож на того, красивого, с плутовской мальчишеской улыбкой... И всё-таки это он. В самом деле, он.

– Мне ещё долго так сидеть? – голос Алисы звенел от сдерживаемых слёз.

– Всё, можешь обернуться.

Женя положила примочку ему на глаз, и он вздрогнул от прикосновения. Подошла Алиса, вызывающе выпятив подбородок.

– А я всё равно всё видела!

– Видела так видела, – отмахнулась Женя.

Она вдруг почувствовала себя смертельно усталой.

– Джен! Джен! – позвали её с улицы.

Женя быстро подошла к окну, приоткрыла створку.

– Миссис Маури? Доброе утро. Что случилось?

– Спуститесь, Джен, я не могу кричать.

– Конечно-конечно, миссис Маури, я сейчас спущусь.

Миссис Маури не злая, пожалуй, лучше всех здесь относится и к ней, и к Алисе. Не нужно её обижать.

Женя захлопнула окно, быстро набросила плащ поверх халатика и побежала вниз.

Элма Маури ждала её у крыльца. Обычно, она любой разговор начинала с жалоб на годы и больные ноги, что должно было оправдать её нежелание зайти в дом. И Женя была ей благодарна за это: многие подчеркивали расовую недостоверность Алисы и свою законопослушность, – а Элма Маури достаточно смела, чтобы дружески относиться к Жене, и достаточно умна, чтобы не переходить границы приличий и никого не обижать. Но сегодня она огорошила Женю.

– Где девочка?

– Дома, – растерянно ответила Женя.

– Хорошо, – явно облегчённо вздохнула Элма. – И не выпускайте, пусть сидит дома.

– Да, но что случилось?

– Клетка пуста!

Женя растерялась и не знала, что сказать, но её растерянность приняли за испуг.

– Да-да. Они сбежали! Представьте, Джен, их выпустили!

– Как?!

– Открыли дверь и выпустили. Кто-то выломал замок.

Этого Женя никак не ожидала. Замок?! Но кто?!

– Но кто?! – вскрикнула Женя и уже спокойно повторила. – Кто это мог сделать?

– Теперь они будут его искать! – презрительно скривила губы Элма. – Будто это сейчас важно!

– А что же важно?

– Важно, что они все неизвестно где. Эти черномазые и раньше ни о чём не думали, кроме мести. А теперь, после этой идиотской клетки? И самое страшное, Джен, говорят, там были даже спальники!

– Кто? – тупо переспросила Женя.

– Спальники, Джен, ну, из Паласов. У них-то вообще на уме только одно. А уж на девочек они просто кидаются. Это же маньяки, сексуальные маньяки, Джен. Сегодня никто не выпускает детей. Сексуальные маньяки, в нашем городе, представляете, Джен? Что с вами? Я так напугала вас?

– Н-нет, – Женя вытерла выступившую на лбу испарину. – Я просто стирала, а тут так холодно.

– Да-да, Джен, боже мой, вы так простудитесь. Успокойтесь, я думаю, они всё-таки после всего случившегося сбежали из города, на это у них должно было ума хватить. Но пару дней не выпускайте девочку одну, и сами будьте осторожны. Не ходите одна поздно и запирайте все двери.

– Да, спасибо, миссис Маури, большое спасибо.

– Ну, ничего-ничего, я думаю, всё обойдется. Бегите наверх, Джен. До свидания, милочка.

– До свидания, миссис Маури, – механически попрощалась Женя.

И, боже, как же долго она поднималась к себе, запирала дверь. А, войдя и увидев испуганные глаза Алисы, едва удержала слёзы. Но она пересилила себя, успокоила Алису, усадив её за игрушки, и ушла на кухню. И только там вслух спросила:

– Кто же замок выломал? – и про себя добавила: – И зачем?

Эркин слышал, как её звали вниз, как хлопала дверь, но это всё было так далеко, где-то в совсем ином мире. А он... имя Джен отбросило его назад, в сверкающий залитый огнями Палас...

... Сюда его привезли недавно, ему уже девятнадцать, опытный, вработанный, не мальчишка только-только из питомника, всё знает и понимает. Если бы только надзиратель не цеплялся к нему, всё было бы нормально. Ладил же он как-то с остальными, а с этим... Ну, не любит эта сволочь индейцев, а он что, виноват, что индейцем родился? Он что, выбирал себе, от кого родиться? И на весь Палас метисов или смеси, ну, когда негр с индейцем, и пятерых не наберется, трёхкровок с десятков, в его смене ещё меньше, а чистый индеец он один, и как этот Хмырь дежурит, они в наказанных. Нет, остальным тоже от него доставалось, но это так, по-обычному, а их Хмырь из любой толкучки выковыривал и начиналось... Как сложная клиентка – так им работать. Клиентка недовольна – им отвечать. А есть такие стервы... ничем не угодишь. Как Хмырь дежурит, так все стервы их. И тогда... Но тогда Хмырь в паре с Одноглазым дежурил. И на рулетку его Одноглазый поставил. И Хмырь смолчал. На рулетке риск. Там уже точно на кого попадёшь. И главное – на рулетке всё разовое, редко кто с рулетки на всю ночь уходит. Иные на ходовом номере по пять раз за ночь работают. К утру пластом лежат. Правда, и приверед на рулетке мало. Рулетка – риск. А если не выйдет твой номер – днём отработаешь. А там опять ночь. Тройная смена получается. А он уже полночи простоял в ячейке, и Хмырь уже поглядывал на него с ухмылкой, видно уже придумал ему работёнку похуже. Очередная крашенная стерва с хищным ртом запустила рулетку. Выпало соседу. Не угадаешь что лучше: попасть к такой или остаться на дневную смену. Снова запускают? Да. И фальшиво-радостный вопль распорядителя: «Поздравляю, мисс! Вам выпал, – и пауза – вам выпал выбор! Ваш выбор, мисс!». Тогда он и посмотрел на неё. И увидел... перепуганную девчонку с косичками. И улыбнулся ей. Просто так. А она... она указала на него. И распорядитель заорал: «Выбор сделан! Наши поздравления, мисс!». И какие-то девки визжали: «Джен, Джен! Ты выиграла!», и Хмырь так радостно и злорадно заржал, что он невольно съёжился от предчувствия чего-то страшного. А барьер за его ячейкой уже откинут, и он шагнул через порог в кольцевой коридор, и уже шёл наверх, в кабины, в тишину...

...Эркин судорожно перевёл дыхание. Да, всё так и было. И прислушался. Здесь тоже тишина. Совсем другая тишина... Он хочет спать. Кончится когда-нибудь эта дрожь, чтобы согреться и уснуть? Когда спишь, не так голодно. Спать, спать...

Он стонал и метался во сне. И Жене то и дело приходилось подходить к нему и укладывать его поудобнее, особенно руку и голову. И уже не на глаз клала примочки, а на лоб. Как делала при высокой температуре мама. Опухоль на плече вроде не растёт, пусть ещё полежит примочка, а потом перевяжет.

Серый тусклый день, серые тусклые хлопоты. Свои и дочкины вещи она отнесла и развесила на чердаке, а его в кухне. Вроде, отстиралось как следует. Алиса уже не лезет к нему, занялась своими игрушками. Обычное её воскресенье. Когда надо всё успеть, переделать кучу дел, накопившихся за рабочую неделю, и ещё на следующую такую же задел...

В обед она попыталась накормить его, но он мог только пить, а те несколько ложек, что удалось заставить его проглотить, вызвали у него неудержимую рвоту. И Жене оставалось только поить его малиновым и травяными отварами.

Боль в плече стала глуше, или он просто привык к ней. Человек ко всему привыкает. Он и привыкал. Рабу выбирать не приходится. Старый Зибо тоже на всё бурчал: «Привыкнешь»...

...Зибо болел тяжело, не жаловался, а только повторял: «Вот привыкну и встану». Не привык. И умер. Ночью, душной тёмной ночью. Вдыхали за стеной коровы, шуршали натоптанным сеном телята, иногда звякал цепью бык. А Зибо хрипел, задыхался... И говорил. Говорил без умолку. Он с трудом разбирает это невнятное шепелявое бормотание. Слипались глаза, тяжело ломило спину, и он только молча кивал в ответ, хотя видеть его Зибо не мог – старик уже давно ничего не видел, но не уходил на свои нары, так и сидел на краю нар Зибо и кивал, ничего не понимая, да и не слушая. А Зибо всё говорил, поминал какие-то неизвестные ему клички и имена, с кем-то спорил, у кого-то просил прощения... И всё время возвращался к одному. Что масса Полди надсмеялся над ним, что соврал масса Полди, не может такого быть, чтобы так обманули старого Зибо, конечно, он его сын, ведь по закону рабу всегда возвращают десятого сына, а масса Полди соврал, наклепал на хозяев, хозяин добрый, он не мог так обмануть старого верного Зибо и подсунуть в сыновья совсем другого раба. А он слушал и кивал. И больше всего ему хотелось спать. А Зибо всё шарил руками, будто искал его, и всё хрипел о своём... А потом замолчал. И он, вроде, так и заснул, сидя. И уже под утро понял, что Зибо мёртв. И надо делать, что положено, за него это никто не сделает. А скоро уже идти к скотине. Убирать, доить, чистить, мыть, таскать воду и корм... Он закрыл Зибо глаза, раздел его и завернул в старый мешок из-под комбикорма, что надзиратель оставил на подстилку у порога сапоги обтирать. Потом вынес и положил под навес у задних ворот. Ночной надзиратель засёк его сразу, как он показался из дверей скотной, но ничего не сказал и даже подсветил ему у лужи. И он молча, уложив длинный свёрток на положенное место, вернулся в их тёмный тесный закуток в скотной, собрал одежду Зибо и сложил её у порога...

...Душно и холодно. Так холодно, что зубы стучат и всё тело сводит в ознобе. Он со стоном приоткрывает глаза. Как темно. Или, или он ослеп? Левой рукой он ощупывает своё лицо. А, это повязка со лба сползла на глаза, он отбрасывает её. Но темно по-прежнему. До правого глаза страшно дотронуться. От одной мысли боль усиливается. А левый открыт. Ослеп?! Он подносит к глазу руку, но не видит собственных пальцев. Нет! Нет! Не-ет!!

– Ты что?

Мягкие руки, голос, но главное – свет. Колеблющийся яркий огонек коптилки и за ним продолговатое лицо с огромными тёмными глазами. Он хочет что-то сказать, но она всё и так понимает.

– Ничего-ничего. Сейчас, я тебя поудобнее уложу. И будешь спать. Спи. Ночь сейчас. Спи.

Ночь? Поэтому так темно? Он облегченно вздыхает и закрывает глаза. Да, он будет спать, спать, спать...

Женя осторожно поправила ему волосы, чтобы не касались повреждённого глаза. Пусть спит. А ей, ей уже скоро вставать, а она сидит и в свете коптилки рассматривает его. Как тогда, в Паласе...

...Только там была не коптилка, а ночничок – маленькая смешная лампочка – грибок, гриб-мухомор, с неярким розовым светом. Он заснул, а ей спать не хотелось, и она приподнялась на локте и стала его разглядывать. Ей очень хотелось дотронуться до него, убрать со лба жёсткую иссиня-чёрную прядь, но она боялась разбудить его, пока не заметила, что он не спит, а просто лежит, полуприкрыв глаза, и в узкой щели под ресницами блестит зрачок. И она протянула руку и убрала прядь, и осторожно указательным пальцем погладила его брови, а он всё притворялся спящим и только чуть-чуть двигался, так, чтобы её рука как бы сама по себе скользила по его лицу. А когда она дошла до рта, он вдруг поймал губами её пальцы и будто только проснулся, повернулся к ней, и уже его руки легли на её плечи и гладили её спину, и бока, и бёдра, притягивая её к себе, и его смеющиеся глаза были совсем рядом, и у самого

уха шёпот: «Ну, теперь не страшно? Не страшно?» А она только молча прижималась к нему, и уже не страх, а какая-то иная боль сжимала ей сердце. И она еле сдерживала слёзы, и тогда удержала их...

...Женя медленно отвела коптилку, и его лицо исчезло, растворилось в темноте. А горячее надо поберечь. Она задула коптилку и уже в темноте легла. Да-да, так оно и было. И что бы потом ни случилось, та ночь была и осталась единственной, а он – её единственным мужчиной. А Алиса? Что Алиса? Алиса её дочь и только её. Тот... тот не имеет к ней никакого отношения, физиология не в счёт. Нет, она не хочет сейчас ни о чём думать, не хочет ничего помнить. Она будет спать, ей с утра рано на работу. А до работы надо ещё успеть всё приготовить, оставить Алисе обед и питьё для него, и объяснить Алисе, как его поить, да нет, не справится малявка, только разольёт. Мыслимо ли, на такую малышку уход за лежачим, за раненым взваливать? «Спальники – сексуальные маньяки», а она их на весь день вдвоём бросает. Так ведь работа. Сейчас так тяжело с работой. И всегда ей было тяжело.

Ей стало нестерпимо жалко себя. Но плакать нельзя. Как бы крепко ни спала Алиса, слёзы её разбудят. Она это слишком хорошо знает.

Уже перед рассветом он снова разбудил её своей попыткой самостоятельного похода в уборную. Женя помогла ему преодолеть непосильное расстояние. Ложиться уже не имело смысла. Нужно было начинать день.

Алиса привыкла оставаться одна. В свои пять лет она вообще ко многому успела привыкнуть. Но сегодня всё было совсем по-другому. Этот странный, непонятно откуда взявшийся человек и пугал, и притягивал её. До этого весь её мир состоял из неё самой и мамы. Нет, были и ещё люди, но там, за стенами дома. А этот... Всё как всегда, но ты просыпаешься утром, и всё по-другому. Мама спит на полу, а на маминой кровати, под её одеялом лежит тёмный страшный человек с перекошенным лицом. И всё в доме летит кувырком. Весь день Алиса изнывала от любопытства, но мамин запрет рассказывать о нём исключал – Алиса это не понимала, а чувствовала – и расспросы. «Он хороший, его хотели убить», – это-то понятно, но непонятно всё остальное.

Выслушав обычные мамины наказания и несколько новых, касавшихся этого человека, Алиса, как всегда, проводила маму до нижней двери, поднялась наверх и захлопнула за собой дверь их квартиры, быстренько залезла на подоконник кухонного окна и оттуда помахала маме, и, наконец, вернулась в комнату.

Их комната была главным миром Алисы. Она знала здесь всё и чувствовала себя хозяйкой этого мира. А он был чужим, пришельцем, и Алиса ещё не знала, как ей следует относиться к нему. Для решения у неё был целый день. Сначала надо его рассмотреть. Алиса подтащила к кровати стул, залезла на него с ногами и даже встала на стуле на коленки, чтоб лучше видеть и как следует рассмотреть.

Эркин очнулся от чьего-то пристального взгляда. Он ощущал его кожей как тяжесть. И открыв глаза, увидел белое по-детски округлое лицо и светлые почти белые волосы. Девочка, белая голубоглазая девочка. Молча смотрит на него, очень внимательно и требовательно. Это уже было, он уже лежал такой же беспомощный, и белая девочка так же сверху вниз рассматривала его. Было! В имени. Он невольно дёрнулся, хотел закрыть лицо от удара, и боль снова обрушила его в прошлое, в первую ночь пузырьчатки...

Алису его страх испугал. Она быстренько слезла со стула, но оттаскивать его обратно к столу не стала. Она ещё посмотрит на него, у неё весь день впереди. И она тихонько занялась своим хозяйством в углу за кроватью. Там, под старой большой табуреткой, жил тряпичный лупоглазый пёс Спотти, а наверху жили тоже сшитые мамой медвежонок Тедди и кукла Линда с косами из желтой тесьмы от маминого платья. Но и в игре Алиса прислушивалась к хриплому неровному дыханию этого странного, а может, и страшного человека. Но будет ли она его бояться, Алиса ещё не решила.

... Яркий свет бил по лицу. Он очнулся от этого удара. И от голосов. И первое, что увидел, открыв глаза, это лица. Вокруг него толпились белые, а впереди, совсем рядом с ним две девочки. Они все рассматривали его и обсуждали. Увидев, что он открыл глаза, засмеялись. Мужчины тыкали его носками сапог под рёбра. Но не очень сильно. Такую боль он мог терпеть молча. Младшая из девочек вдруг наклонилась и ударила его по лицу. Удар был несильный, детский, но неожиданный. От неожиданности он и вскрикнул.

– Отлично, мисс! – рассмеялись остальные. – А ну-ка ещё раз!

Второй удар он вынес молча. И старшая из девочек презрительно сказала.

– Ничего не умеешь, дура! Разве здесь больно? Главная боль – вот где!

Он мог повернуть голову и всё видел. Видел, как она аккуратно перешагнула и встала между его раскинутыми прикованными к полу ногами, как, улыбаясь, плотоядно облизнула губы и... приготовилась к удару? Нет, не надо!

– Вот где самая боль! – торжествующе заявила девчонка. – Вон они какие у него раздутые, налитые. Вот их ему и придавим.

И не ударила, от удара боль мгновенная, он бы вытерпел. А она наступила на него и стояла, всё с той же счастливой улыбкой. Собственный крик оглушил его. А она всё смеялась. И все смеялись. Но он уже ничего не слышал, кроме своего крика, и не чувствовал, кроме страшной разрывающей боли в паху. Его облили водой, и он снова видел и слышал. Видел смеющиеся лица, слышал радостный смех. И видел чёрную няньку, которая подвела к нему маленького беловолосого мальчика, и тот неуклюже топал ножкой, пытаясь попасть по нему... И он не мог понять, зачем это. А потом все ушли. И опять была темнота. И он не знал, сколько он так лежал в темноте, и боль в спине от шипов была уже не такой страшной по сравнению с этой новой болью. И опять был свет. И надзиратель отцепил его, и велел встать. А он не мог, затёкшие суставы не слушались его. Пинок в рёбра откатил его к стене, так что он смог, цепляясь за стену, подняться. И вот так, пинками, от стены к стене, его погнали по коридору. От каждого шага тело сотрясала боль, а пинки были точными, но слабыми, только у него уже всё болело. Так его довели до комнаты, где стояла тёмная блестящая мебель и посередине в кресле сидела белая леди, а рядом стоял высокий белый господин. Они были такие, что и через болезненный туман он понял – перед ним истинные хозяева, а то были так... прислужники.

– Вот, миледи, – сказал надзиратель, подталкивая его в спину, – обломали.

Он стоял, как положено: руки за спиной, глаза опущены, но видел их.

– Пожалуйста, полюбуйтесь, – леди указывала на него, но говорила с господином. – Полюбуйтесь. Простейшего дела нельзя поручить этим болванам. Только будучи пьяным можно вместо отработочного купить спальника. И только опять же с перепоя отправить спальника на ломку.

– Ну, всё-таки, дорогая, спальник-индеец, даже не метис, это большая редкость.

– Вот именно! Вы видели, какой пришёл счёт?! Ведь это без толку загубленные деньги! Обратно его не сдашь, и куда его? На Пустырь? Или сразу в Овраг?!

Он похолодел, но продолжал стоять неподвижно.

– Но, дорогая...

– Да-да! Как спальника его после ломки использовать невозможно, а как работника...

Ну, какой из спальника работник?!

– Моя дорогая, вы преувеличиваете.

– Вы так считаете? Спорим!

Она быстро встала и шагнула к нему. Он отшатнулся, но она успела дотронуться до него, слегка, кончиками пальцев, но боль захлестнула его с такой силой, что он, вскрикнув, не удержался на ногах и упал. И остался лежать, вжимаясь в паркет лицом и обречённо ожидая её решения.

– Пожалуйста! – торжествующе прозвучал над ним её голос. – Вы опять проиграли. Вам ясно, не так ли? Всю сумму вычтите у Симмонса, полностью, и предупредите его об увольнении, как только он рассчитается. И, прошу вас, дорогой, не поручайте покупку рабов надзирателям. Это неэкономно. Займитесь хоть этим сами.

– Хорошо, дорогая, вы как всегда правы. А с этим...

– Что, с этим? Ну, отправьте его ещё на ночь в пузырьчатку, а там... куда-нибудь, хотя бы на скотную.

И быстрые шаги. Она ушла.

– Слышали, Грегори?

– Значит, к Зибо его, милорд?

– Да-да, выполняйте.

– Да, милорд.

И удаляющиеся шаги. Жёсткие твёрдые пальцы потрясли его за плечо.

– Вставай, разлётся тут.

В голосе нет настоящей злобы, но ему было уже всё равно. Он встал, преодолевая боль, глядя себе под ноги.

– Пошёл вперёд.

Грегори больше не толкал его, только командовал: «Направо... прямо... направо...», – пока они не оказались опять в пузырьчатке.

– Ну, чего стоишь? Ложись. Да нет, сюда.

Он шагнул на указанное ему место, лёг, и сразу ощутил, что здесь не шипы, а гладкие бугорки. И растянули его, не выворачивая суставов. Наказание без членовредительства – это ему знакомо. Наказанный должен работать, а не залечивать раны. Рабу разрешили жить и даже берегут. Ломка закончена, и увечить раба неэкономно. Сейчас надзиратель погасит свет и уйдёт, и ему до утра лежать в темноте, привыкая к боли. Можно стонать, плакать, но только тихо, а то добавят...

Женя давно научилась работать, не перетруждаясь. Она печатала быстро и без ошибок, делала самые сложные чертежи по самым неразборчивым эскизам, толково вела документацию только потому – как она сама считала, и как её учили – что никогда не задумывалась над сутью печатаемого, вычерчиваемого или регистрируемого. Здесь ей надо печатать. Она сидела за своим столом, в своём обычном костюмчике, как всегда безукоризненно чистом и аккуратном, доброжелательно улыбаясь коллегам и даже участвуя в общих разговорах. Кстати, этим искусством – болтать, не прерывая работы – здесь владели все. А что она при этом думает? Ну, это вообще никого не касается.

Все разговоры сегодня крутились вокруг клетки и побега. Оказывается, у клетки побывали все. До побега.

– Конечно, мальчики погорячились, – Ирэн, как всегда, почти кричала. – Эта клетка, кислота... Решили очистить город от цветных, так незачем устраивать из этого развлечение.

– Вот именно, – поддержала её Майра. – И к тому же весьма вульгарное. Этим они только озлобили черномазых. Дураки, просто заносчивые самонадеянные дураки!

– Ну что вы так, – вступила в разговор Этель. – Они же, в конце концов, хотели, как лучше.

– Хотели! – фыркнула Майра. – Простейшего дела не смогли сделать. Решили не впускать в город цветных. Хорошо, согласна. Выставили патрули. Отлично! Но клетка?! Это уже излишество!

– Да, – согласилась Этель, – теперь вмешается комендатура, и черномазые опять обнаглеют.

– Комендатуре-то какое дело? – возразило несколько голосов.

– А вы думаете, – в голосе Этель зазвучало раздражение, – куда эти чёрные помчались? Конечно, жаловаться в комендатуру. Вы вспомните ту историю с Робинсом. Он всего-то отхлестал одну из своих негрятенок, притом вполне за дело и щадяще, а его арестовали. И всё потому, что её дружки сразу наябедничали коменданту. И эти наверняка уже там свои царапины демонстрируют.

– А мне их жалко было, – тихо сказала Роза.

Она сказала это очень тихо, но её услышали. А Роза, по-прежнему близоруко не отрываясь от машинки, продолжала.

– Ведь, в самом деле, ни за что их. Да, они шли в город. Но... но мы же не знаем, зачем. И... и я видела, патруль у самого дома, где я живу, стоял, я видела, как патрульные их хватили. Из засады. Не спрашивали ни о чём, документы не смотрели, просто сразу начинали бить. Они никому ничего не сделали. А их... вот так...

– Да, – вздохнула Ирэн, – зато нам теперь страшно по улицам ходить. Вообще с этим освобождением всё так... странно... Вот у нас, у моей тёти, кухарка, я, сколько живу, её знаю, так в тот же день, как объявили свободу, ушла. Тётя говорит, даже плиту не погасила. Просто взяла и ушла. И тётя её больше не видела. Сейчас она наняла одну, но первое время было тяжело.

– Да, у всех по-разному, – Майра легко подстраивается под любой разговор. – Вот у нас было двое. Так они и сейчас у нас работают. Только в свой квартал переселились, к цветным, и приходят. Так даже удобнее, что их нет ночью, спокойнее. Цветочек каждый день, готовит, убирает, а Молчун раз в неделю, в саду там, во дворе. Это даже удобнее, чем раньше. Тогда Молчуна каждый день приходилось кормить.

– И много им платите? – поинтересовалась Ирэн.

– Не знаю, – отмахнулась Майра. – Ими всегда отец занимался.

– У вас обошлось, – снова вступила Этель, – а вот Глэдстонов вырезали. И тоже в день объявления.

– Ну, Глэдстоны сами хороши! – возразила Ирэн. – Всё сэкономили, брали отработочных, из резерваций. А индейцы не негры. С ними надо поосторожнее.

– Да, такая экономия разорительна, – сразу согласилась Майра.

Надо вступать в разговор, а то её молчание покажется странным. И Женя спросила сразу у всех.

– Ну, неужели их бы и вправду сожгли?

– Да нет, Джен, конечно, нет, – ответило ей несколько голосов. – Но они этому поверили и сбежали.

– И как это им удалось замок вывернуть?

– Может, им кто-то помог?

– Кто?!

– Ну, хотя бы из здешних чёрных.

– Да самооборона всю ночь их квартал караулила.

Женя едва не ахнула вслух. Так вот почему охраны не было! Как удачно всё получилось!

– Хорошо же они караулили!

– Наверняка пьянствовали всю ночь! Праздновали!

– А теперь, когда вот-вот нагрянет комендатура, попрятались.

– Ну конечно, отвечать будут другие.

– А вы хотите, чтоб мальчишки из-за этих черномазых сели в русскую тюрьму?

– Нет, но...

Самооборону не очень любили и смеялись над ней охотно и со вкусом.

– Мальчишки, хвастуны. На войну не попали и отыгрываются на здешних.

– Ну, всё-таки чёрные попритихнут.

- Они и раньше не очень шумели.
- И потом. Тихий чёрный опаснее. Кто знает, что у него на уме.
- Да, или индейцы. Те вообще...

И так весь день. Женя подкидывала реплики, участвовала в сплетнях, но её участие было мизерным. Ей нужно другое. Ей нужно сегодня уйти с Розы, зайти к ней. Тогда она сможет переговорить со старым Айзеком. И как она о нём раньше не подумала? И занятая этими мыслями, Женя не сразу заметила, что разговор принял новый оборот.

- Всё-таки со спальниками надо было что-то делать!
- И что?
- Так ведь сделали. Их же всех перестреляли.
- Ну, это, может, и слишком. Скажем, куда-нибудь выселить.
- Нет-нет, что вы, только ликвидация.
- Да-да, конечно! Они же помешаны на сексе, это маньяки.
- А те, кто ходил по Паласам, не были помешаны?

Резкий голос миссис Стоун заставил всех вздрогнуть и замолчать. Миссис Стоун редко вступала в разговор. Она была ненамного старше их, но никому не пришлось бы в голову обратиться к ней по имени, спросить о домашних делах. О ней знали: печатает быстро, без ошибок, никогда не опаздывает, никогда не задерживается, ни во что не вмешивается. Неизменно корректный костюм, безукоризненно уложенные волосы, никакой косметики, подчёркнуто прямая осанка. Всё. И вдруг... В её, как всегда, резком голосе сегодня они услышали что-то... личное, сокровенное. Она и раньше могла вот так, одним вопросом, прекратить любой разговор, но сегодня она продолжила.

– Раньше вы не вылезали из Паласов. Найдите хоть одну, что не бегала туда! Даже вы, Джен, наверняка побывали, не так ли?

- Да, – спокойно ответила Женя. – Была.
- А теперь вы их обвиняете. В чём? Для вас по питомникам, резервациям искали, отбирали. Для вашего удовольствия их маньяками делали. Ну, так и получайте теперь...

Она резко дёрнула каретку. И этот звон обозначил конец разговора, вернее, темы. Больше об этом не говорили.

В конце работы Женя, убирая свой стол, уронила коробочку со скрепками. И Розы стала ей помогать. Остальные, как бы и не заметив этого, продолжали весело собираться.

- Джен, вы... вы не зайдёте ко мне? Поболтаем, – застенчиво предложила Розы.
- Хорошо, – кивнула Женя и добавила. – Только ненадолго. Мне ещё за покупками.
- Ну, по дороге всё и купите, – повеселела Розы.

Это в обычаях их конторы: расходясь с работы, забегать друг к другу «на чашечку» поболтать. К Жене никогда не заходили, но иногда приглашали к себе. С Розы та же история. Месяца два назад Розы набралась смелости и пригласила Женю. Женя согласилась. Так она узнала тайну Розы и познакомилась с Айзеком. Нет, конечно, старого Айзека, доктора Айзека, она знала и раньше. Как и весь город. Но пить с ним кофе за одним столом ей не приходилось. Как и никому из их конторы. И, наверное, вообще в городе.

Эркин засыпал и просыпался в сером мерцающем полумраке. Боль в плече стала глухой и далёкой, только щёку дёргало, да болела от жара голова. И от этого, наверное, звенело в ушах и всё плыло и качалось. И проснувшись, он не мог понять, где он и как здесь оказался, да, если честно, и не пытался что-то понимать. Было одно: он болен, ему плохо, он лежит в каком-то доме. Но на него никто не кричит, его не бьют. Не нужно вставать, можно вообще не шевелиться. И осознав это, он опять погружался в сон-забытьё, где уже не было ничего, даже воспоминаний.

Алиса ещё несколько раз подходила к нему. И даже решилась спросить.

– Чего тебе?

Он не ответил ей. Будто и не услышал её. Алиса хотела обидеться, но обижаться на того, кто не замечает тебя, глупо. И она вернулась к своим занятиям.

Алисе так часто приходилось оставаться одной, что она давно ничего не боялась, всё знала и всё умела. Сама в положенный час обедала, сама ложилась спать и вставала. Когда надоедало играть, залезала на подоконник и смотрела в окно. А окон четыре – два в комнате и два на кухне – и можно для интереса пересаживаться с окна на окно, и в каждом что-то интересное.

Вот и сейчас, сидя вместе со Спотти на очередном подоконнике, Алиса разглядывала двор, их калитку, большие ворота, трёх мужчин у ворот и двух собак рядом с ними. Одну из собак, маленькую рыжую, похожую на лисичку из книжки, Алиса видела и раньше. Обычно, она бегала за старичком, что всегда шатался на ходу. Старичок этот был здесь же. А вторую собаку она видит впервые. Большая, серая. Как... как волк. А вдруг это настоящий волк?! Надо его Спотти показать. Она стала протирать запотевшее от её дыхания стекло, когда шум за спиной заставил её обернуться.

Он всё-таки встал. И стоял посреди комнаты. Совсем голый. И шатался. Как тот старичок. Но это было совсем не смешно. Алиса сидела на подоконнике, прижимая к себе тряпичного мягкого Спотти, а он стоял и смотрел на неё. И Алиса вдруг догадалась, что он её не видит. Потом он медленно повернулся и пошёл на кухню. Алиса видела, как он ткнулся в дверной косяк и долго не мог найти ручку. И потом она сидела и слушала, как он на что-то натёкся в кухне, как хлопала дверь уборной, и видела, как он, по-прежнему шатаясь и хватаясь руками за стены, шёл обратно. Ей было всё-таки немного страшно, но и не смотреть она почему-то не могла. И он уже добрался до кровати и лёг, и неловко потянул на себя одеяло, а она всё сидела и смотрела. Потом она осторожно слезла с подоконника и, по-прежнему прижимая к себе Спотти, подошла к нему. Он лежал и шумно дышал. Алисе ещё не приходилось слышать такого. Толстое мамино одеяло сбилось, и он только угол натянул себе на грудь, а больше не смог. И он дрожит. Ему, наверное, холодно. Надо его укрыть. Как это делала мама. Алиса решительно вздохнула и опустила Спотти на пол.

– Сиди здесь, – строго сказала она Спотти. – Я занята, сам поиграй.

Она подёрнула угол, но сразу поняла, что так ничего не получится, и решительно полезла на стул, скинула тапочки и перебралась на кровать. Переступая по кровати, она пыталась выдернуть из-под него сбившееся одеяло. А он совсем, ну, совсем ей не помогал. Чуть не плача от досады, она дёрнула с такой силой, что не удержалась на ногах и стукнулась затылком о стенку.

– Вот, из-за тебя всё, – сказала она ему, и он опять ей не ответил.

Всхлипывая от боли, Алиса расправила выдернутый край, набросила на него и уже прямо по нему полезла обратно. Он застонал, но совсем тихо, не страшно. Алиса прыгнула на пол и подтянула края одеяла. Вот так. Мама ещё бы подоткнула, но она и пробовать не стала, такой он большой и горячий.

Эркин чувствовал, что рядом с ним что-то движется, слышал голос, потом на него наступили, на мгновение вдруг стало больно, но потом опять тёплая мягкая тяжесть накрыла его, и он стал проваливаться в серое беспмятство. Смутно, краем сознания, он ещё понимал, что кто-то укрыл его, и губы невольно шевельнулись благодарностью.

– Пожалуйста, сэр, – сказал рядом тоненький голосок, но это не могло относиться к нему, и он уже беспрепятственно ушёл в забытье, в серое утро после пузырчатки...

...За ним пришёл все тот же надзиратель, Грегори. Отцепил и погнал по коридору в кладовую.

– Получай!

Ему в лицо полетели рубашка и штаны. Он ловил эти вещи и молча быстро одевался. Грубая толстая ткань – домашним ему не быть. Грубые тяжёлые сапоги упали к его ногам, куртка – ну, точно, дворовым работягой теперь. А это что? Портянки? Он их только в питомнике на штрафняке и носил. Ну, ясно, та белая тварь велела ж его на скотную...

– Быстрее! Чего копаешься?!

Он втянул голову в плечи, ожидая удара и быстро обкручивая ступни кусками холстины, сапоги, куртка на плечи, шапка...

– Пошёл!

Он ни разу не поднял глаз и лица Грегори не видел. Только сапоги и руки. Да слышал голос. Не злой. Неужели тогда ночью был Грегори? Зачем ему это понадобилось?

– Вперёд! Да не толкай, олух! Дёргай!

Он послушно дёрнул на себя дощатую дверь и вышел в серый сумрачный день.

– Пошёл, пошёл. Успеешь насмотреться.

Тычок между лопатками указал ему направление. Но он успел понять, что находится на заднем рабочем дворе, а длинное здание без окон – рабский барак.

– Пошёл!

Его привели в рабскую кухню. Во всяком случае, здесь были плита с баками, длинный стол, скамьи и толпа негров за этим столом. От запаха еды у него сразу мучительно заныло под ложечкой. С их появлением в кухне наступила тишина. Негры продолжали молча быстро есть, но он видел, что его рассматривают и взгляды далеко не дружелюбные.

– Тибби! – крикнул Грегори.

– Да, масса Грегори, вот она я, масса Грегори! – вышла из-за плиты толстая негритянка.

– Дай ему ложку, – распорядился надзиратель. – И пусть поест со всеми.

Пока Тибби извлекала откуда-то ложку, надзиратель вышел. Он не сразу это заметил, следя за Тибби и остальными. То, что все оставили еду и теперь уже открыто в упор рассматривали его, не понравилось ему. О вражде между индейцами и неграми он знал слишком хорошо, хотя в Паласах до открытых драк доходило редко. И ни одного индейца не видно, и здесь ему против всех... а драться после пузырьчатки тяжело. Тибби встала перед ним с ложкой в руке, широко радостно улыбаясь, и, когда он протянул руку, бросила ложку ему под ноги. Он нагнулся за ней и, краем глаза поймав неясное движение, успел метнуться в сторону. Удар пришёлся вскользь по плечу, да и куртка смягчила. Но когда он выпрямился, перед ним стоял уже другой противник, на полголовы выше, шире в плечах, с мосластыми кулаками, и он быстро шагнул назад, чтобы прикрыть спину. Эх, если б не пузырьчатка и голодная боль, он бы показал им всем, а так... лишь бы отбиться.

– Раб? – спросил негр.

– Да, – ответил он.

– Побегал и добегался, краснопузый, – ухмылялся негр. – Щас мы тебе прописку сварганим. Ломка – хозяйское дело. А прописка – наше. Ща мы тебя смажем.

Чего он про побег толкует? За отработочного, что ли, тоже принял? Ну и хрен с ними, лучше, чем за спальника. Ладно, прописка так прописка. Ложку он успел засунуть за голенище, руки свободны.

– Смазать и я могу, – попытался он удержать прописку на словах.

Но кулак уже летел ему в лицо. Он отодвинулся, пропуская удар мимо, и рубанул открывшегося противника под рёбра. Откуда-то вынырнул ещё один, он ударил его не глядя, зная, что сейчас на него кинутся все, а там, кого он успеет вырубить, тот уже не ударит. Его сбили с ног, и он мгновенно свернулся клубком, по привычке закрывая лицо, когда хлопнула дверь. И тут же он остался на полу в одиночестве. Начальственный пинок поднял его на ноги.

– Упал, что ли?

В голосе надзирателя – это уже не Грегори, другой – откровенная издёвка, но он ответил смиренно.

– Да, сэр, упал.

– Ну да, ты ж спальник, лёжа работаешь! – заржал надзиратель.

И его гогот дружно поддержали остальные рабы.

– Зибо! – гаркнул надзиратель, и хохот сразу умолк, как выключили.

– Да, масса Полди, – откликнулся старый негр.

– Вот что, Зибо, – подбоченился надзиратель. – Хозяин решил наградить тебя. Ты сколько рабов породил?

– Двенадцать, масса Полди, – гордо ответил Зибо.

– Поработал, старый бугай, ничего не скажешь, – хмыкнул надзиратель. – Так по милости своей хозяин дарует тебе десятого сына. Бери!

И внезапно толкнул его к старику. Чтобы устоять они ухватились друг за друга. И надзиратель радостно заржал, глядя на их вынужденные объятия.

– Так и стойте. Бери сынка, Зибо. Он спальник, так тебе теперь ночью не скучно будет.

– Так у Зибо краснопузый в сынках! – ахнул кто-то.

Ржал надзиратель, что-то кричали и хохотали остальные негры, а они стояли посреди этого в приказных объятиях и молчали. А что тут скажешь? Воля господина – закон для раба.

– Ну, – отсмеялся надзиратель, – по местам, шваль рабская. Зибо, забирай его и марш на скотную, всю кухню навозом провонял! Губастый, где твоё место!

Рабы выскакивали за дверь, получая в напутствие хлыстом, кому уж куда придётся. Зибо шёл медленно, а он следом, и им досталось по два удара. Каждому...

Рози была счастлива. Она идет с работы с приятельницей, а не одна. Как все. Это ведь так тяжело и обидно: идти молча одной в весёлой говорливой толпе вырвавшихся с работы девушек. И каблучки Рози так и отстукивали по асфальту в общем весёлом ритме. Её веселье заразило Женю. Они шли, взявшись под руку, болтая и смеясь, неотличимые внешне от остальных. Как все забегали в попутные магазины. Там к этому часу уже громоздили мелкую фасовку сладостей и прочего к кофе, но Жене надо ещё запастись для дома, и её сумка быстро приобрела «семейный» вид. Конечно, это не соответствует, но из-за войны много семейных женщин пошло на работу. И Рози знала, что они как все. А это очень хорошо – быть как все, не выделяться.

Рози жила на окраине в длинном многоквартирном доме. Снимала комнату в большой густо населенной жильцами квартире. Женя, бывая у Рози, вспоминала детскую игрушку – тридцать кубиков, один другого меньше и вложенных друг в друга. Так и здесь. Дом, в доме квартира, в квартире комната.

Заработка Рози хватило бы, наверное, и на что-нибудь получше, но... но не с её родственниками на что-то претендовать. Во всяком случае, комната Рози имела отдельный вход из холла и нишу с плиткой. А привезённые из дома салфетки, коврики и картинки сделали комнату, по мнению Рози, уютной и очень миленькой. Женя не спорила. У Рози ей в самом деле было приятно и легко. Насколько ей вообще было легко с людьми.

Получилось всё очень удачно. В холле они столкнулись с доктором Айзеком, поздоровались, обменялись замечаниями о погоде, и Рози пригласила его «на чашечку». Доктор поблагодарил и пообещал заглянуть чуть попозже.

У Рози всё для «чашечки» было уже готово, даже кипяток в термосе, чтобы не греть воду для первой чашки.

Они пили кофе с фигурными сухариками и мило сплетничали. Рози очень старалась, чтобы всё было, как у всех, как положено, и Женя подыгрывала ей. Но выдержать общепринятый тон Рози не смогла.

- Джен, вы сказали сегодня, что бывали... в Паласе, – нерешительно начала она.
- Да, – кивнула Женя, – а вы?
- Я? Нет, мне не пришлось. Я выросла на ферме, а там война и всё такое... Так уж получилось. А что, Джен, это действительно так... ну, как рассказывают?
- Не знаю, – пожала плечами Женя. – Я была в Паласе только раз и очень давно. Уже шесть лет прошло.
- Да, но...
- Рози запнулась, но Женя поняла её невысказанный вопрос.
- Мне было семнадцать лет. Я училась в Женском Образцовом колледже.
- Крейгера?
- Да. И девочки уговорили меня пойти. Тогда считалось, что невинность надо терять в Паласе.
- Но... но почему?
- Женя улыбнулась.
- Разве вы не читали пособий?
- Да-да, – закивала Рози. – Я вспомнила, Джен, ну конечно. Боль вызывает неприязнь к источнику, и лучше, чтобы источником боли был раб. Это в самом деле так?
- Не знаю, – повторила Женя. – Я могу судить только по себе.
- Да, – вздохнула Рози. – А у меня ещё не было никого. Мне скоро двадцать, а я ещё девушка. Это ведь ненормально? – на глазах Рози выступили слёзы.
- В войну всё нормально, – отмахнулась Женя. – Вы ещё встретите хорошего парня, и у вас всё будет хорошо.
- Без Паласа? – улыбнулась Рози.
- Конечно, без! – засмеялась Женя. – Их закрыли, и слава богу.
- Джен, но ведь в Паласы ходили не только за этим. Ну, потом, после первого раза...
- Это уж кто как хотел, – ответ прозвучал суше, чем следовало, но Женя не любила разговоров о Паласах и их обитателях.
- Рози не поняла этого. Или не захотела понять.
- Джен, но ведь и по одному разу можно составить впечатление.
- Как сказать, Рози. Мне больше не хотелось туда ходить, – и честно добавила. – Хотя плохо мне там не было.
- Приход доктора прервал становившийся неприятным разговор. Завязалась вполне светская необязательная беседа. Рози сияла – у неё не просто «чашечка», а почти приём.
- А я всегда мечтала стать врачом, – Жене наконец-то удалось выпалить заготовленную фразу. – Но не получилось. И я даже сейчас иногда представляю, как бы я лечила.
- Брови доктора Айзека изумлённо поползли кверху, он даже откинулся на спинку кресла. Явно удивилась такому обороту и Рози, но Жене уже нельзя было останавливаться.
- Вот, например, на ушибы нужны холодные примочки, ведь так? – Женя дождалась кивка и продолжила. – А если у него высокая температура, ну, простуда. Ведь от холода будет ещё хуже?
- Доктор Айзек смотрел на неё пристально и как-то грустно. Он долго молчал, чуть заметно покачиваясь в такт своим мыслям. А Женя напряжённо ждала его ответа. Рози недоумённо смотрела на них и вдруг вскочила, захлопотала.
- Кофе совсем остыл. О, я принесу воды и вскипячу. Не скучайте без меня, – и выбежала из комнаты.
- Наконец доктор заговорил. И неожиданно для Жени по-русски.
- Чтoб бoльшей проблемы, Женечка, у вас не было. Холод только в первый день нужен, так что не волнуйтесь. А открытые раны есть?

– Д-да, – Женя ответила и испугалась, но он смотрел с таким участием, что у неё вырвалось. – Я нагноения боюсь.

– Да, так плохо. И наверняка общее истощение.

– Да, но он не ест ничего, только пьёт.

– Это естественная реакция. Ну, и давайте ему пока... – доктор Айзек грустно улыбнулся, – питьё покалорийнее.

– Я думала, может, молока с мёдом? Мама так делала. И бульон, наверное...

– Мамы всегда делают правильно. Мамы, Женечка, не ошибаются.

Открылась дверь, и доктор Айзек плавно, не останавливаясь и не меняя интонации, перешёл на английский.

И Женя не смогла не оценить его деликатность. Розы хлопотала у плитки, а он рассказывал Жене, какие бывают интересные сочетания лекарств. Это его так увлекло, что он даже вышел и принёс несколько пакетиков. Его ловкие, очень подвижные пальцы соединяли в кучки белые, желтоватые, полосатые, зеленые таблетки. Маленькие и большие, круглые и продолговатые.

– Как интересно. Большое спасибо, – улыбалась Женя. – Мне всего и не запомнить.

– А я оставлю вам, – весело сказал доктор Айзек. – Заверну и надпишу. И даже пронумерую. Изучайте.

– Большое, большое спасибо. Но это... они же дорогие...

– Пустяки, мисс Джен. Образцы, если хотите, учебное пособие.

Рози подседа к столу, разлила свежий кофе. Они ещё немного поболтали. Доктор наговорил им кучу комплиментов и попрощался. После его ухода Женя посидела ещё немного. Ещё раз обсудили причёски и платья, и Женя стала собираться.

На улице она посмотрела на часы и прибавила шагу. Как-то они там без неё? Но очень удачно всё вышло. Так естественно, без натяжек. Даже лекарства удалось раздобыть!

И снова его разбудил взгляд. Эркин приоткрыл глаз и опять увидел белую девочку. Она смотрела на него, и он закусил изнутри губу, ожидая удара. Девочка маленькая, сильно ей не ударить, если придётся не по щеке или глазу, то будет не больно.

– Здесь больно?

Она не дотронулась, только указала пальцем, и он, с безумной внезапно проснувшейся надеждой, что вдруг, вдруг она ещё не знает, что надо бить по больному, ответил.

– Да.

Она убрала руку, а потом вдруг наклонилась и подула на его горячую опухшую щёку. Этого он не ждал и не знал, что делать. Когда белый бьёт, всегда лучше показать, что больно, быстрее отстанут, а тут... непонятно, зачем ей это. Она будто поняла его растерянность и выпрямилась.

– Когда мне больно, мама дует, и боль проходит, – серьёзно сказала девочка. – Я сейчас тебе на глаз дуну.

И сложив губы трубочкой, она снова наклонилась над ним. И странно, её дыхание словно и впрямь принесло облегчение. Во всяком случае, боли от этого не прибавлялось.

– Так лучше? Меньше болит?

– Да, – солгал он, по привычке не спорить с белыми.

А она почему-то обрадовалась.

– Хорошо, правда? Хочешь пить? Мама оставила тебе. Я сейчас принесу.

Он не очень понял, кто и что оставил ему. Но появившийся в её руках стакан с тёмно-бурой жидкостью всё объяснял.

– Только я не умею, как мама. Она сказала, я только разолью. Ты сам, ладно?

Он уже знал, что шевелить правой рукой не стоит, и осторожно попытался приподняться на левом локте. С трудом, но оторвать голову от подушки удалось. И девочка, по-прежнему держа стакан обеими руками, неумело поднесла его к нему. Пить было неловко, неудобно. От напряжения дрожали локоть и всё тело. И каждый глоток отдавался болью в плече, в голове, в груди. Допив, он с невольным стоном упал на подушку.

– Сейчас я стакан отнесу и опять подую, – пообещала девочка...

Когда Алиса, поставив стакан на стол, снова залезла на стул, он опять уже не видел её. Но она все-таки подула ему на глаз и щёку и с чувством выполненного долга вернулась к своим делам.

– А скоро мама придёт, – сообщила она Спотти, заталкивая его под табуретку. – Ты посмотри, какой разгром. Убирай тут за тобой.

Особого разгрома не было. Так, обычный. Но убрать всё равно надо.

Женя вернулась в разгар уборки. Снимая пальто и переодеваясь, она выслушала полный отчёт.

– Умница, – чмокнула она Алису в щёку. – Всё правильно сделала. И не разлила? Ну, молодец.

Она быстро наводила привычный порядок. Костюмчик в шкаф, сумочку... стоп! лекарства! Лекарства на комод, сумочку на полку, покупки на кухню. Молоко сразу на плиту, обед туда же, зажечь плиту, ела без неё Алиска? Так, опять прямо из кастрюли ложкой.

– Алиска! Сколько раз говорила, чтоб не лазила в кастрюлю! Для чего тарелка приготовлена?

– Я из тарелки.

– А чего ж она тогда чистая?

– А её помыла.

– Языком, врушка? Ты ж не умеешь ещё, – рассмеялась Женя. – Убирай все своё быстренько.

– Обедать будем?

– Будем, только сначала ему лекарства дадим.

Молоко уже вскипело. Женя налила в две кружки. Алискину оставила остывать, а в другой разболтала ложку мёда.

– Мам, а это ему?

– Ему.

– А зачем?

– Это лекарство. Молоко с мёдом очень полезно.

– Мам, а молоко дорогое?

– Очень, – вздохнула Женя.

– А ты ему отдай моё.

Женя посмотрела на невинно-лукавую мордашку дочери и рассмеялась.

– Ах ты, хитрюга! Нет, Алиса, вам на двоих хватит. Пошли к нему. Осторожнее, не урони.

Когда она склонилась к нему, он не спал. Или сразу проснулся. Во всяком случае, глаз открыт.

– Ну как ты? – спросила она по-английски.

Он беззвучно шевельнул обмётанными распухшими губами. Женя поправила ему подушку, помогла приподняться.

– Вот так. Сейчас молока попьёшь.

Алиса стояла рядом, держа блюдце с кружкой. Женя взяла её, попробовала о щёку: не слишком ли горячо.

– Пей.

Густая сладкая жидкость словно удивила его, так нерешительно он сделал второй глоток. И пил медленно, отдыхая между глотками. Допив и обессилев, он откинулся на подушку.

– Так, а сейчас лекарство примешь.

Таблетки явно испугали его, он даже попытался отвернуться. Но Женя решительно запахнула ему в рот содержимое пакетика и дала ещё молока, запить.

– Глотай-глотай. Вот так. А теперь давай уложу тебя. Ну, вот и всё. – Она оглянулась на крутившуюся рядом дочку. – Алиска, руки мыть. Быстро.

Алиса, очень довольная тем, что её порция горячего молока уменьшилась, умчалась на кухню. А Женя осталась сидеть у кровати. Осторожно поправила ему волосы, как когда-то погладила брови, вернее только левую бровь, до правой не рискнула дотронуться.

– Ну, как тебе? Совсем плохо?

Он молча скосил на нее влажно блестящий здоровый глаз.

– Ничего, Эркин. Самое страшное позади, правда... Вас, ну, сбежавших, никто не ищет, так что лежи спокойно. Лишь бы нагноения не было, а остальное заживёт. Ты же сильный, я знаю. Ты сможешь.

Вернулась Алиса, и Женя встала.

Дальше всё шло обычным порядком. Они обедали, убирали. Потом она поиграла с Алисой. Всё, как всегда.

Эркин слушал её голос, её шаги, детский голосок, звяканье посуды... Все звуки доходили до него глухо, как через стену. Но прекратился звон в ушах, и постель уже не так качалась под ним. Сладкий вкус во рту... Такого сладкого молока он никогда не пил... и горячего... совсем иной вкус... никогда такого не пил... парное совсем другое... когда доили коров, иногда удавалось немного отхлебнуть, прямо из ведра, если дежурил Грегори. Он не стоял над душой, удой уже в бидонах замерял. Полди совал нос в подойник. А потом молока уже не увидишь. Это только после освобождения пил, сколько хотел... от пуза... совсем другое молоко...

Мысли текли лениво, цепляясь друг за друга, обрываясь на полуслове. Эркин осторожно облизал пересохшие губы, шершавые от какой-то корки. Или это кровь засохла... Как после той драки. Он тогда подрался с отработочными. Тех было трое, и ему пришлось нелегко. Он отделал их, но и его приложили пару раз лицом об уголь, и он долго плевался чёрной кровью. Тогда обошлось, всё зажило, даже следов не осталось... Тогда ему часто приходилось драться. Это потом от него отстали. Ему повезло, что попал на скотную. Они и спали не в общем бараке, а в своём закутке. С Зибо он в конце концов поладил, а с остальными... остальные быстро отстали... в общем бараке он бы не выжил. Каково приходится спальнику, попавшему на ночь к работягам, да ещё дворовым, он слышал, да и самому пришлось как-то в распределителе... А он – спальник, да ещё индеец... Обошлось... Хуже нет, чем спальникам. Их все презирают, и травят, как могут. И белые, и негры, и индейцы. А чем они виноваты?

Думалось об этом уже без злобы, с привычной усталостью. Он никогда этого не понимал. Разве он выбирал себе эту работу? Он родился в питомнике и родился красивым. А остальное решили белые. Вот и всё. Не его решение, не его выбор, у него вообще не было выбора. И вот... Ну, белые ладно, для них что раб, что половая тряпка, ноги вытерли и дальше пошли. А остальные рабы... им-то что до этого? Разве они по-другому живут? Тот же Зибо...

...Они молча дошли до скотной. Зибо ни разу не обернулся к нему, слова не сказал. Будто его и не было. И он не заговаривал. Молча прошёл за Зибо в тесную тёмную клетушку, рядом с кладовкой. Зибо молча снял куртку, бросил её на узкие покрытые сеном нары. Он хотел положить свою рядом, но Зибо замахнулся на него. Он увернулся и приготовился к драке. Здесь, в тесноте, один на один... Это он умел. Но Зибо не стал драться, а по-прежнему молча показал ему на нары у другой стены. Он положил куртку на доски.

– Идём, – разжал наконец губы Зибо.

И началась его работа на скотной. Он делал, что указывал Зибо. После пузырчатки и двух суток голода он уже ничего не соображал. И только привычка держаться на ногах, до конца, во что бы то ни стало, спасала его от голодного обморока. Слабость показать нельзя. Слабого убивают. Это он знал с питомника. И держался этим. И дотянул до вечера, до еды. Под взглядом надзирателя никто не трепыхался. Сидели рядом и хлебали горячее варево. Да и наломались все за день. Но языками работали! И жратва не помеха трепачам. Он слушал не слыша, а Зибо... Зибо угрюмо молчал на все подначки. А уж как изощрялись, что у Зибо свой спальник теперь, дескать, по ночам развлекаться будут, и кто кого раньше умоляет, спальники они такие, неуёмные, а у Зибо сила накоплена, ему уж бабы давно не давали, дали бы спальника на барак – вот бы повеселились, а то всё Зибо одному достанется... И все шёпотом, слышным только за столом. А ему ни до чего было. Как поел, глаза сами закрывались. Так в полусне он и дотащился до их закутка и, не раздеваясь, рухнул на голые доски, и слова Зибо: «Полезешь ночью – убью!» – не тронули его. После пузырчатки гладкие доски, возможность лечь, как он хочет, а не как приковали... Куда ему лезть? И зачем? Ни один раб не работает без приказа...

...Он очнулся от прикосновения холодной ладони ко лбу.

– Эркин, проснись.

Знакомое лицо. Возле губ узкая ладонь с таблетками и кружка с водой.

– Вот, возьми.

Таблетки? Зачем? Он же всё равно не может работать, не надо. Но спорить он не мог и послушно проглотил таблетки, напился. Тяжело переводя дыхание, огляделся, попробовал оттолкнуться от кровати и сесть.

– Конечно-конечно, – заторопилась Женя. – Давай помогу.

Эркин молча мотнул головой и встал. Он должен держаться. Упавшего добивают. Смог же он выдержать тогда. Сможет, выдержит и сейчас.

Женя понимала его, но отпустить не могла. Да и встать он встал, а идти не мог. И Женя опять повела его. Но у входа в уборную он остановился и стоял так, опираясь о стену, упрямо набычившись, пока она не отступила.

– Ну, сам так сам. Я пока перестелю тебе.

Она расправила смятую сбитую перину, встряхнула одеяло, взбила заново подушку. Господи, неужели выкарабкается, неужели всё обойдётся? Вроде получше ему, не сглазить бы. Сам пошёл. И Алиска говорила, что он днём вставал...

И обратно Эркин дошёл сам, сел на кровать и застыл так, поддерживая левой рукой правый локоть.

– Что с тобой?

Женя наклонилась, заглядывая ему в лицо. Он медленно поднял голову, шевельнул губами, ломая засохшую корку.

– Женя...

– Что, милый?

Но он только повторил с той же странной интонацией.

– Женя... – и вдруг неожиданный вопрос. – Ночь... сейчас?

– Да, ночь. Ложись.

– Опять ночь, – вздохнул он, обмякая и склоняясь вперёд.

Но Женя успела подхватить его и уложить. Он ещё что-то неразборчиво пробормотал и внятно повторил.

– Опять ночь.

– Спи, спи, милый.

Женя укрыла его, подоткнула одеяло. Так, третий пакетик она ему даст утром, перед уходом. Надо бы на ночь питьё приготовить. Если попросит, чтоб было под рукой.

...Опять ночь. Душная ночь Паласа. Цветная темнота, музыка, смех, крики. Столько этих ночей было, что одну от другой не отличишь. Как все клиентки похожи одна на другую, и их забываешь сразу, как выйдут за дверь. Сегодня ему повезло: оплатила ночь и быстро уснула. Он только поглаживает её время от времени, чтобы не проснулась. В кабине темно – она не захотела ночник – и душно. Жаркая пахучая духота. Он привык и к жаре, и к духоте, но сегодня что-то уж перестарались истопники. Пот так и льёт, мокрый как из душа. Ладно, жара не холод, и пот работе не помеха. А пока можно лежать и отдыхать, и слушать далёкий глухой гул Паласа. Как всегда, если не было в этом необходимости, он не глядел на женщину, лежащую рядом. Его руки отлично работали вслепую, легко погружая клиентку в блаженную полудрёму-полусон. За стеной в соседней кабине ритмично скрипит кровать. Кудряш старается. Надолго его так не хватит. А это на какую попадёшь... как жарко, сегодня слишком жарко, всё тело скользкое, липкое, пот течет по лицу...

...Эркин со стоном открыл глаза. Ночь. Здесь тоже ночь. И ему не снилась жара, в самом деле жарко, и он весь мокрый, действительно как из душа. Он провёл ладонью по груди и обтёр руку о постель. Одеяло давит так, что тяжело дышать. Как жарко. Слишком жарко.

Он откинул одеяло, и сразу плечи и грудь обожгло холодом, жадно вдохнул полной грудью. Но память о прежнем холоде, когда он никак не мог согреться, заставила его потянуть одеяло обратно, да и знал он, конечно, о простуде и что хуже всего мокрым на ветру оказаться. Так что придётся потерпеть. Попить бы ещё... Ладно, с этим он тоже потерпит, не в первый раз. Попробовать встать... нет, слишком темно, и не знает он, где вода. Жарко, как всё-таки жарко...

Женя проснулась под утро. И сначала не могла понять, что её разбудило. И вдруг сообразила – тишина. Исчезло шумное всхлипывающее дыхание. Только Алиска посапывает. А с ним-то что? Женя испуганно вскочила и как была, в одной рубашке, босиком, забыв о копилке, метнулась к окну, рывком подняла штору, так же на втором окне, подбежала к нему. И в предутреннем сером сумраке увидела мокрое блестящее лицо. Он стал каким-то плоским и лежал очень тихо и неподвижно. Она дотронулась до него, и его мокрая со слипшимися волосами голова безвольно, безжизненно катнулась на влажной подушке. И он... холодный! Ни следа того жара, что обжигал ей руки при каждом прикосновении. Женя откинула одеяло и прижалась ухом к ребристой скользкой от пота груди. И с облегчением не услышала, нет, ощутила мерные ровные удары. Жив! Малина, травы, молоко с мёдом, лекарства доктора Айзека – неважно, что сработало, но температура упала, жар кончился. Он справился, смог!

Он шевельнулся, и Женя сразу выпрямилась, заглянула ему в лицо. Глаза закрыты, плотно сжатые губы, намокшие от пота полоски пластыря еле держатся на скользкой коже. Правая глазница вся чёрная, но опухоль немного опала, и уже видно, что глаз уцелел. Женя укрыла его и отошла к комоду взглянуть на часы. Да, если она хочет всё успеть, надо начинать утро. Обтереть его, напоить, дать лекарства и всё остальное. И белье бы поменять, нельзя ему лежать в мокром... А там уже всё остальное, обычный утренний набор. Женя зевнула и потянулась. Поспать бы ещё... Ну да ладно, неделя не вечность, в воскресенье отосплюсь.

Она накинула халатик, туго затянула поясок и захлопотала. Скатать и убрать постель, затопить печь и разжечь плиту. Какая холодная весна в этом году. До сих пор топить приходится. Молоко подогреть, ну, это успеется. Чем бы обтереть его? Мама для этого брала уксус. А доктор Айзек говорит, что мамы не ошибаются. И белье достать. С бельём у неё плохо. А она ему положит своё одеяло, а его развесит. И подушку у печи просушит. Зря она уже постель свернула, поторопилась.

Приготовив всё необходимое, Женя подошла к кровати.

– Эркин, проснись, Эркин.

Он медленно, с усилием поднял веки. Оба глаза открыл! Правый, правда, чуть-чуть, на щёлочку, но ведь открыл!

– Давай оботру тебя. Ты мокрый весь.

Она решительно отбросила отяжелевшее влажное одеяло и взялась за дело.

Женя обтирала его влажной остро пахнущей тряпкой и тут же – как делала мама – сухим полотенцем, насухо.

– Так, теперь плечо. Ничего-ничего, я осторожно, потерпи.

Он только выдохнул сквозь зубы, когда она осторожно даже не обтирала, а промакивала распухшее фиолетово-чёрное плечо.

– Ну вот. Лежи-лежи, ты же весь мокрый.

Она могла только догадываться по его напряженному молчанию, как щипал уксус ссадины, густо покрывавшие его живот, да ещё у него на мгновение дернулась левая рука в попытке заслонить низ живота. Но рука тут же упала на постель, и только пальцы вцепились в простыню и комкали её. На лицо его Женя не смотрела сейчас, не могла. Она помнила это тело другим, красивым, играющим, отзывающимся на любое прикосновение.

– Ну вот. Давай, повернись, я спину протру.

Он, кряхтя, с её помощью повернулся. Спина тоже вся в ссадинах, синяках. Как же его избili эти сволочи.

– Ну, вот и всё.

Она выпрямилась, откинула тыльной стороной ладони выбившиеся волосы.

– А теперь я бельё сменю. Дойдёшь сам?

Он кивнул и медленно, осторожно встал.

Женя проводила его тревожным взглядом. Но вроде он падать не собирался. И она занялась постелью. Содрала и бросила на пол сырую простыню. Перину можно просто перевернуть сухой стороной вверх, подушку лучше просушить, и одеяло тоже...

Когда он вернулся, у неё уже всё было готово. Он, как и раньше, сел на кровать, поднял на неё глаза.

– Постой, – спохватилась Женя, – я тебе голову вытру.

И когда она вытирала ему голову, чтоб хоть так подсушить мокрые волосы, он поймал левой рукой край полотенца, пытаясь протереть лицо.

– Осторожней, – предостерегла Женя, – щёку я сейчас посмотрю.

И только тут поняла, что голова и лицо у него мокрые не от пота. Вот почему он так долго возился на кухне. Это он рукомойник нашёл и умылся.

– Ну, ложись.

Он лёг, она укрыла его, осмотрела. Так, пластырь то ли отвалился, то ли он, умываясь, содрал его. Но корка, вроде бы, крепкая, держит края. Можно и не стягивать. Она поправила одеяло, собираясь отойти, но его голос остановил её.

– Женя...

– Что?

Он несколько раз быстро вздохнул, будто набираясь смелости.

– Что? – повторила Женя.

– Я есть хочу. Если можно... дай... чего-нибудь...

– Сейчас, – счастливо улыбнулась Женя. – Сейчас поешь.

Эркин ждал, пока она всё приготовит, лежал молча, полуприкрыв глаза, но вздрагивал при каждом шорохе и рывком приподнялся ей навстречу, когда она присела на край кровати с тарелкой и кружкой в руках.

Женя опять дала ему горячего молока с мёдом и немного хлеба с маслом. Ей было страшно, что после такой голодовки ему станет плохо. Он не съел, а как-то мгновенно заглотал хлеб и молча, одним взглядом, попросил ещё.

– Нельзя тебе сразу, – попробовала объяснить Женя. – Лучше потом ещё поешь.

Он не спорил, послушно откинулся на подушку и отвернулся к стене. Жене стало нестерпимо жалко его, но... но ведь она хочет, как лучше. Да, а лекарства! Она быстро налила ему ещё молока.

– Эркин, – он повернулся к ней. – Вот таблетки. Прими и запей.

Он медлил, и это рассердило её.

– Ну что ты как маленький, хуже Алиски. Это же лекарства. Опять силой запикивать, да?

Он подставил ладонь, и она высыпала туда содержимое пакетика под третьим номером.

Он недоверчиво осмотрел разноцветные таблетки, поднял на неё глаза.

– Давай, глотай разом. Молоком запьёшь. Ну, Эркин, мне уже Алиску пора будить.

Он вздохнул и с удивившей её решимостью кинул в рот таблетки. Женя подала ему кружку.

– Ну, вот и молодец. Теперь лежи, отдыхай.

Женя легко вскочила и заметалась по комнате в вихре одновременных утренних дел.

Эркин лежал и прислушивался к себе. Да, таблетки совсем другие, ничего похожего на те... или потом начнут действовать... да вряд ли, зачем ей Паласные таблетки... и он же перегорел, может, поэтому и не действуют... Забытые уже ощущения чистоты, нетяжёлой сытости... чистая сухая постель... он погладил простыню рядом с собой, после Паласа ему не приходилось спать на простынях... и боли почти нет, если не шевелить правым плечом. Только слабость какая-то... Алиса – это, наверное, та девочка, что он видел, что дула ему на щёку... вот её голос. Он его и слышал все эти дни. Женя ей отвечает... Он не понимает, а да, он же помнит, Женя – русская. Значит, она с Алисой говорит по-русски. Русского он не знает, так, слышал кое-что... но Женя этих слов не говорит. Он невольно улыбнулся, повторяя про себя те русские слова, которые он и узнал от нее: «Женя... милая...» Алиса... похоже на Элис. Но и Женю называют по-английски Джен... милая – dear...

Внезапная тишина заставила его открыть глаза. Женя? Что случилось?

– Разбудила тебя? – Женя, уже в своём рабочем костюмчике, деловая, подтянутая, стояла у кровати. – Вот смотри, – он проследил взглядом за её рукой и увидел у изголовья стул, покрытый белой салфеткой, кружку, вроде тарелку, тоже под салфеткой. – Днём поешь. А вот здесь, в пакетике, смотри, куда кладу, здесь лекарства. Примешь днём. Захочешь пить, попроси Алису, она принесёт. Я морс сварила. Сам особо не вставай. Тебе лежать надо. Всё понял?

Он только молча смотрел на неё, но ей уже было некогда разбираться в его мимике.

– Всё, мне на работу. Пока!

Она вдруг быстро наклонилась, чмокнула его в здоровую щёку, так же быстро поцеловала стоящую рядом Алису и убежала.

Он слушал её быстрые удаляющиеся шаги, звяканье запоров, шаги девочки... И только сейчас, по этому скользющему, быстрому, одними губами поцелую он окончательно узнал её. Это и в самом деле она.

Эркин закрыл глаза. Сейчас он не хочет ничего видеть, ему ничего не нужно сейчас. Сколько лет он жил только тем, что наступит... день ли, ночь ли, но его лица коснутся эти губы, и он кожей ощутит это дыхание. Да, да, он ещё там, в клетке, увидел её лицо, он слышал её голос, она звала его по имени, её руки обмывали и перевязывали его раны, и всё равно, это произошло только сейчас. Да, да, это случилось. И он сейчас может позволить себе вспомнить всё, всю ночь, час за часом, минуту за минутой, может перебрать своё богатство по монетке. Когда боишься, что ничего уже не будет, когда страшно, что кто-то проникнет туда, да, тогда надо беречь даже воспоминания, а больше ничего у тебя и нет, но сейчас... ведь сейчас уже можно, и он может уйти туда, в проклятую благословенную ночь Паласа, когда Одноглазый поставил его на рулетку...

Тетрадь вторая

Сегодня Жене удавалось всё. Нет, конечно, она беспокоилась за них – за Алису и за него, но это были обычные тревоги, не мешавшие её радости. Хотя, с чего радоваться? Упала температура? Да, конечно, но ведь ещё неизвестно, что там у него с глазом и с плечом. Глаз цел, но сохранилось ли зрение, и будет ли работать рука? И главное. Как жить дальше? Но она отогнала эту мысль. Будет день, будет и остальное. Ему ещё лежать и лежать. После такого жара, побоев... Пока он у неё дома, он в безопасности. А потом... там видно будет.

Опять комната, полная треска машинок и женских голосов. Бездумная механическая работа, беспорядочный разговор обо всём и ни о чём одновременно. И Женя почувствовала, как её радость опускается куда-то вглубь, на дно души. Ей не с кем поделиться этой радостью. И не только этой, вообще любой. И горем тоже. Её тревоги и радости никому не нужны. Даже Розы – её единственная не подруга, нет, конечно, приятельница – даже Розы, открывшая ей свою тайну, ни разу не спросила её о дочке. Вот и всё. И вся цена разговорам об обновлении. И если б не страх перед комендатурой, разве б эта «самооборона» так легко смирилась бы с поражением? Как были белые, цветные, все эти категории и разряды, так и остались. Только вот рабов освободили. А на ней как лежало клеймо, так и лежит. Как была её Алиса «недоказанно белой», так и осталось. Даже Розы, сестре дезертира, легче. Она полноценно белая, а Женя «условно белая» и с такой дочкой... Да, открытой вражды никто себе не позволяет, но и раньше это считалось слишком вульгарным, но разве это что-то меняет? А толстушка Майра, добродушная, покладистая Майра, что ни с кем не спорит, любому рада помочь, как она бесновалась у клетки?! Что ей сделали эти бедняги?! И остальные... Да изменись что завтра, и как же они будут вымещать на своих рабах все свои добрые слова о них. А откроют Паласы, и им снова понадобятся «сексуальные маньяки», и ни одна не видела и не видит в Паласах ничего дурного.

Женя рывком перевела каретку и вслушалась в разговор.

О клетке уже забыли. Так, обычный трёп. Она подкинула пару реплик и перестала слушать.

О чём же она думала? О Паласах? Да нет, Паласы тут не при чём. О себе и Алисе... Об Эркине... Хочешь, не хочешь, но надо думать о будущем. Но она не хочет сейчас об этом думать, это всё равно ничего не даст. Но ведь должно хоть что-нибудь измениться. Ведь так не может оставаться, она долго не выдержит. Наверное, придётся уехать. В большой город. В больших городах комендатура следит за порядком, там никакая «самооборона» невозможна. Но здесь какое-никакое, но жильё. И вполне приличное, и по деньгам. Стабильный заработок, возможность подработки. А в большом городе со всем этим сложно. Ведь этот городишко не бомбили, так, поугали тревогами, а там, говорят, чуть ли не в развалинах живут. И с работой как будет, неизвестно. Здесь всё-таки как-то... привычней. И Алиска... Всё-таки здесь есть несколько девочек – она видела в окно – принимают её в игры, её не обижают во дворе. Правда, стало так совсем недавно, после капитуляции, когда рухнула Империя, и началось освобождение. Тогда многие белые срочно обзаводились приятелями из «недоказанных» и «условных». На всякий случай. Трусы! Как только выяснилось, что комендатуры в городе не будет, сразу вспомнили старое. Будто и не изменилось ничего.

– Джен!

Это Розы. Не стоит её обижать.

– Да, Розы. Я задумалась.

– Вы слышали?

– О чём?

– На Мейн-стрит открыли общее кафе!

– Как это?

– Ну, для всех. Повесили объявление: «Мы обслуживаем всех».

– Ну! – фыркнула Этель. – Это они комендатуре пыль в глаза пускают.

– В принципе это разумно, – вступила Ирэн. – И комендатура довольна, они же всё равенства требуют, и никаких хлопот. Написали бумажку – и всё.

– А вдруг и вправду такой зайдёт? – ужаснулась Майра. – Вы только представьте?! Им же придётся его обслужить!

Ей ответил дружный смех.

– Ход безошибочный! – наконец объяснила Ирэн. – На Мейн-стрит цветных не бывает, а кто и зайдёт, так они ж читать не умеют!

– Но «самооборона» там уже толчётся.

– Делать им больше нечего! Вы думаете, они там за порядком следят? Как бы не так!

– Ну, это понятно. Они молодые, мальчики. А на Мейн-стрит все удовольствия!

– Да, это вам не Цветной квартал проверять.

– И чего его проверять? Цветные они цветные и есть.

– Да, пусть живут, как хотят, лишь бы к нам не лезли.

– А говорят, у русских Цветных кварталов нет, так и живут вперемешку.

– У русских нет расовой гордости...

Ну, всё это она уже знает. Дальше можно не слушать.

– Ты спишь? – прозвенел рядом тонкий голосок.

Эркин не ответил, и она отошла. Хорошо, теперь ему никто не мешает.

Он лежал с закрытыми глазами, мерно ровно дыша, и дыхание уже не сушило губы. Всё тело словно ватное, любое движение непосильно, но ему и не надо шевелиться. Он распустил, расслабил мышцы и отдыхает...

...Так лежат после смены, чтобы успеть отдохнуть, набраться сил. В эти часы в камерах мёртвая тишина, и не из-за надзирателей, после смены тебе уже на всё плевать, просто нельзя на разговоры тратить силы. И надзиратели знают это и даже не заглядывают в камеры. А для разговоров душевая. Там, в шуме воды, а струю пускают на полную силу, там-то, сразу после смены или перед сменой, там и выливают всё накопившееся. Да и мало ли где можно ещё найти возможность потрепаться? Но отдых после смены – дело святое. Как звали того парня-трёхкровку? У него начались кошмары, и своими стонами он всех будоражил. Кудряш и Ушастый на третий день накрыли ему голову подушкой и подержали. Хорошо сделали, тот даже не задёргался. Потом аккуратно вернули подушку на место и легли спать. И всё. Никто о том парне и не вспоминал. Он и сам помнит это потому, что случилось это как раз перед той сменой. А тогда, как все, был доволен, что можно выспаться без помех. Когда Жиряга пришёл в их камеру, они уже сами просыпались и повскакали с коек бодро. Жирягу не боялись, он не вредничал по-пустому и бил звучно, но без боли. Не то, что Каракатица. Тот бил подлю: синяка нет, так что иди на смену, а до больного места не дотронешься, а если по руке пришлось, то отнимается сразу, и всю смену одной рукой работаешь и зубами от боли скрипишь. А какой клиентке это понравится? Так что вдобавок и после смены получишь. Нет, Жиряга такой подлянки никому не устраивал. И тогда Жиряга подошёл к койке, посмотрел на спящего мёртвым сном трёхкровку и только пробурчал что-то. Он один, его койка рядом была, и расслышал: «Успели поганцы», – но промолчал. Если надзиратель не шумит, ему-то чего лезть. Смерть во сне – лёгкая смерть. И дальше... дальше как всегда. Его смена ночная. Жиряга их гонял по обычным маршрутам. Столовая, спортзал... они и сами всё знают, как пресс качать и суставы растягивать. Жиряга не лезет. Станет себе у дверей и смотрит на них сверху, не командует. Пристроишься отжиматься рядом с кем хочешь и треплешься спокойно, по затылку ещё ни один надзиратель болтуна не угадал. И за едой при Жиряге вольготно. Не трепаться, конечно,

но перехватить чего сверх пайка вполне возможно. Нет, когда потом Жиряга по пьянке набил морду управляющему и его выгнали, о нём многие пожалели. Но раз Жиряга внутри, то в зале другие. И когда к вечеру их, отмытых, надушенных, уже в рабочей одежде, погнали в отстойник, их там уже ждал Хмырь. У него сразу в животе заглодело, как эту харю увидел. В отстойнике только скамья по стене, и как ты будешь ждать вызова: сидя, лёжа на полу или стоя – это только надзиратель решает. Хмырь построил их по стене и начал с таблеток. Обычный набор: одна красная, одна полосатая и жёлтый шарик. Красная – чтоб не спать, полосатая – чтоб внутри всё зудело и, кроме бабы, ничего б не хотелось, а шарик – чтоб сил хватило. Только Хмырь обязательно подсунет ещё чего-нибудь, и ты или вырубись среди смены, или в такой раж войдёшь, что клиентку уже не чувствуешь. Но ему повезло. До него ещё пятеро было, когда прибежал Одноглазый отбирать на рулетку и выдернул его из строя. И таблетки он получал уже от Одноглазого, а тот таким не баловался. Хмырь заржал им вслед. Рулетка – поганое дело. В отстойнике, ожидая вызова, можно и потрепаться, и, если надзиратель позволит, размяться немного, ну, не когда Хмырь, понятно, но всё же, в зале на службе тоже не так плохо: кому вина подольёшь и со стола что получишь, с кем потанцуешь, а то петь прикажут, петь он любил. А на рулетке стой в завлекательной позе, пока твой номер не выпадет. А выпал не номер. Выбор. А выбор – это выигрыш. Любой с рулетки, а то и двое, а если захочет – всю рулетку с собой уведёт. И любая кабина, хоть самая дорогая, что вся в зеркалах и подушках, и с медвежьей шкурой во весь пол. И ещё чего захочет, всё ей будет. Музыка там, любое вино, или ещё что ей в голову взбредёт. Выбор.

– Ты выиграла, Джен! Ты выиграла! – визжали девчонки.

Так он впервые услышал это имя. И поднимаясь в кабины, он повторял про себя: «Джен, леди Джен», – но тогда ещё просто так, какая леди из этой девчонки с косичками, просто любая клиентка – леди. И кабина была обычная, стандартная. И у дежурившего в ту ночь у кабин Каракатицы насмешливая ухмылка, и Хмырь ржал ему вслед. В чем же подлянка? Каракатица сволочь, но не выдержал:

– Повезло тебе, поганец, – и даже по спине похлопал, – на первачку попал. Да ещё и целочку.

Он так и застыл на пороге, и вцепился бы ему Каракатица по пояснице, а после такого удара не на смену, а в лазарет, да в соседней кабине клиентка чего-то заверещала, и надзиратель туда кинулся, а он сам зашёл в кабину, и уже там до него дошло, во что он вляпался. Клиентки в кабины идут по дальней лестнице, чтоб кабину успели подготовить. И пока он её готовил, на него даже таблетки перестали действовать. Первачка – первый раз в Паласе, такие сами не знают, чего хотят, и с ними возни выше головы, а целка – это ему на себя боль брать, и вся вина за эту боль тоже его. Как раз у него уже было такое, смены три назад, мамаша дочку привела, совсем малявку, сказала: «для здоровья», – ну, Хмырь его и подставил. Он старался, как мог, но без боли здесь не обойдёшься, девчонка заревела, что он сделал ей больно, а Хмырю того и надо. Влепили ему тогда... полную пайку.

– Пожалуйста, мисс. Вас уже ждут.

Он повернулся на голос Каракатицы. Тот очень ловко одним движением открыл дверь и включил верхний свет, пропуская вперед...

– Вот он, мисс. Ваш выигрыш, ваш, – и мерзко из-за её плеча ухмыльнулся, – ваш дефлятор, мисс, – и закрыл дверь, сволочь.

А как ему после этих слов работать? Она же и так... Он посмотрел на неё. Девчонка с косичками. Она стояла перед ним, сжимая обеими руками сумочку, и смотрела на него... Ну, как с такой перепуганной работать? До неё дотронься – закричит. А Каракатица за дверью ждёт. И ничего, кроме досады, он тогда не чувствовал. И дёрнуло его улыбнуться ей на рулетке. А теперь что ж, перевыбора нет.

– Здравствуй...

Её робкий голос не прибавил ему смелости, и он молча поклонился ей. И тут она улыбнулась ему. Он понял, что надо начинать, и шагнул к ней. Мягко, очень мягко, очень осторожно потянул из её рук сумочку.

– Миледи оказала мне честь своим выбором, и я постараюсь доказать, что лучшего выбора миледи сделать не могла.

Она смотрела на него так доверчиво, что он едва не поперхнулся последними словами уставной фразы. Она же первачка, всему верит. И следующую фразу он сказал ещё положенными словами, но уже искренне.

– Леди будет довольна. Всё будет так, как захочет леди.

Она без сопротивления отдала ему сумочку, и он, не отводя от неё глаз – никогда не теряя контакт с клиенткой, по крайней мере, в начале, – положил сумочку на стол и обнял её. Она как-то неловко, нерешительно подняла руки ему на плечи. Про положенный удар по лицу и поцелуй ударившей руки она явно забыла, а он почему-то не напомнил ей об этом. Хотя... его лицо рядом, вспомнит – сделает, всё равно работа уже пошла, он и без этого её не обидит. Она была ненамного ниже него, и он легко наклонился к её лицу, поцеловал, не разжимая губ, – страстный присос только испугает её. Она не ответила на поцелуй, её губы только чуть дрогнули под его губами, и он не стал настаивать. Так же он поцеловал её в глаза и снова в уголки рта. Шевеля плечами, он передвинул её руки на основание шеи и дал им соскользнуть под воротник рубашки. У неё были узкие чуть шершавые ладони, и лежали они легко без нажима. Потом он за талию чуть-чуть приподнял её, легонько встряхнул и опустил на ковёр уже рядом с туфельками. Она вдруг рассмеялась.

– Вот это да! – сказала она ему, – никогда не знала, что можно так разуваться.

– В одиночку так не получится, миледи, – рискнул он поддержать шутку.

На ней были юбка и блузка на пуговках – не самая трудная для работы одежда, но он уже прощупал под одеждой бельё, похоже нестандартное, придётся приспособливаться на ходу. И смущало её бездействие. Ей бы пора уже расстёгивать на нём рубашку, но похоже она не забыла, а даже не знает об этом... Ладно, это не страшно. Он расстегнул молнию на юбке, и, глядя её бедра, сдвинул юбку вниз. Ах ты, дьявольщина, комбинация! Самое неудобное, что только можно придумать. Зачем они их только в Палас надевают?! Ладно, комбинацию на потом...

– Подожди, – тихо сказала она, – юбка помнётся.

Он опустил руки и отступил на шаг. Она хочет раздеться сама? Зачем? Она подняла с пола юбку, огляделась... А! Так она за одежду боится! Ну, это легко!

– Я всё сделаю, леди. Леди будет довольна. Вот, – он показал в угол, – я всё повешу.

Она послушно посмотрела на угловой стеллаж и снова повернулась к нему.

– Леди доверится мне? – протянул он к ней руки.

Она улыбнулась.

– Доверится.

И уронив юбку, шагнула к нему, сама положила руки ему на плечи. И тут он услышал невероятные, невозможные слова.

– Я не знаю, как надо. Ты мне говори, что делать, как тебе удобнее. Хорошо?

– Да, миледи, – машинально ответил он.

Она понимает, что сказала? С каких пор клиентка думает об удобствах спальника? Так не бывает. Видно, у него изменилось лицо, потому что она привстала на цыпочки и поцеловала его. Тогда он впервые и ощутил этот скользкий, глядящий кожу поцелуй. Он еле успел ответить на него таким же лёгким касанием, как она отвела лицо.

– Так что делать?

– Расстегни мне рубашку, – в горле у него внезапно пересохло, так что голос стал хриплым и некрасивым.

Он, в нарушение всех правил, откашлялся. А она уже не была испуганной. Казалось, ей это – игра. Он впервые раздевал женщину и указывал ей, что она должна делать. Стягивая с неё пояс с чулками, он опустил на колени, и она, чтобы не упасть, ухватила за его волосы, дёрнула за них и тут же сказала:

– Извини, – и погладила его по голове.

Он стоял на коленях, прижимаясь щекой к её ногам и выпутывая её лодыжки и ступни из скользких чулок с чуть повлажневшими от пота подошвами, и только глухо попросил.

– Ещё.

– Что, погладить?

Он молчаливым кивком потёрся об неё щекой. И она погладила, взъерошила ему волосы и снова погладила. Он медленно выпрямился, собрал её вещи и повернулся к стеллажу. Он нарушил правило контакта, повернулся к клиентке спиной, но пока он не справится с лицом и голосом, работать он не сможет... ничего не сможет... это не работа, это что-то другое... и она... пусть осмотрится. Он повесил юбку и блузку, разложил бельё, поставил вниз туфли. Подобрал с пола, сложил и положил на пол рядом с её туфлями свою обувь, рубашку и брюки. Пора... Он медленно повернулся к ней. Она стояла посередине и медленно оглядывалась по сторонам. Нет, не девчонка – девушка, стройная, без складок и наплывов на боках, кожа гладкая, чуть темнее обычной, матовая, и не косички у неё, а косы. Пока он возился с одеждой, она расплела их, и тёмные волнистые пряди покрывают ей плечи и спину до ямочек на пояснице. Груды маленькие, округлые, точно по его пригоршне – усмехнулся он. Она почувствовала его взгляд, резко обернулась к нему, и её руки взметнулись, прикрывая то ли груди, то ли лицо – он не понял, но он увидел и понял её вновь проснувшийся страх. Да, раздевание было игрой, она играла, а сейчас игра другая, и она боится этой игры. «Ну, зачем, зачем ты пришла в мою смену?», – обречённо подумал он. Он стоял перед ней, зная, что она или пересилит сейчас свой страх или... позовёт надзирателя, а там... что там будет, он знал слишком хорошо, и думать об этом не хотелось. Она медленно опустила руки. Стояла и смотрела на него. Он не стыдился своего тела, знал его красоту и заботился о ней, знал, как показать его, но сейчас просто стоял, и не сразу понял, что смотрит она только на лицо. И тогда он поднял глаза и посмотрел ей в лицо. Узкое из-за пышных волос с боков, матовое, без косметики, с тёмными глазами в поллица. И глаза их встретились. И он опять улыбнулся ей как там, на рулетке, своей «настоящей» улыбкой. И сам шагнул к ней, взял её за руки и прижал её ладони к своей груди.

– Я... я боюсь, – тихо сказала она. – Это... очень больно?

– Я постараюсь, – пообещал он, – я всё сделаю, чтобы не было.

Она быстро коротко вздохнула, поддаваясь его объятию, и сама обняла его за плечи и подняла к нему лицо. Он целовал её, нежно, чуть придавливая губами. Прижимал к себе и гладил по спине, запуская руки под её волосы как под накидку. Волосы у неё мягкие гибкие, они скользили по его рукам. Его руки безостановочно гладили её по спине от лопаток к пояснице и вверх, и снова вниз, и с каждым разом чуть ниже, и ещё, и ещё... Она всё крепче обнимала его, так что он ощутил твердые бугорки мозолей на её ладонях. Он поцеловал её в лоб, в корни волос и снова подумал, какие они у неё мягкие, похоже, ни лаком, ни краской никогда не пользовалась. А она тянулась вверх, к его лицу, и ей уже было трудно так стоять, и она охватила его за шею. И тогда он заскользил губами по её лицу, поцеловал в шею, в ямку между ключицами. И по мере того, как он опускал голову, опускалась и она, и её натянутое напряжённое тело становилось мягким. Он поцеловал её в грудь, осторожно дотронулся губами до сосков. Она часто быстро дышала, но он медлил. Сейчас боль ещё будет сильной. И он целовал её в грудь и склонялся перед ней всё ниже, и она за ним склонялась, оседала на пол. Мягким плавным движением он подвинул её, чуть-чуть повернул, чтоб край кровати пришёлся ей под колени и усадил её. Он вздрогнула, сжалась, но только на мгновение. Он сел рядом, и она сама потянулась

к нему. Он дал ей обнять себя за шею так, чтобы у него руки были свободны. Она поцеловала его в губы, вернее, просто прижалась на мгновение своими губами к его губам и отпустила.

– Так?

– Так, – ответил он. – Всё так.

Она целовала его и неумело, подражая ему, гладила его по плечам, по спине. Он чуть повернулся и, не разжимая объятий, мягко опустился на постель, увлекая её за собой. Она доверчиво последовала за ним, и он положил ее на себя.

– Тебе не тяжело?

– Нет.

Ещё один невозможный вопрос, ни одна леди о таком спальника не спрашивает. Но и ни один спальник не скажет белой «нет», да ещё и не добавит «мэм» или «миледи». Но если она не леди, то он кто? И проверяя себя, он повторил:

– Нет.

И ничего не случилось, мир не рухнул.

Её волосы рассыпались, опутали их. Она нетерпеливо взмахнула головой, подняла руки отбросить волосы, и он, как бы продолжая её движение, повернулся и уложил её рядом с собой. И когда она обняла его, стал приподниматься, очень мягко, очень медленно перемещаясь над ней. У неё испуганно расширились глаза, и он так же медленно откинулся, плавным движением разорвал объятие и встал над ней на коленях. Его руки гладили её груди, живот, бёдра, но смотрел он только на её лицо. Оно опять стало мягким и доверчивым. Он мягко провёл пальцами по низу её живота и повёл ладонями по внутренней стороне бёдер. Она, поддаваясь его нажиму, раздвигала ноги, и, наконец, он смог переступить и оказаться точно посередине. Она приглушенно удивленно ахнула, но он уже опять вёл руками вверх к грудям, потом наклонился и поцеловал грудь, пощекотал языком соски. Она вздрагивала от этих прикосновений, и он чувствовал, что это уже иная дрожь, что тело её стало мягким и горячим и легко поддается его движениям. И медленно, очень медленно, очень мягко он попробовал войти в неё. Она схватилась за его плечи, потянула на себя. И опять они лицом к лицу, и совсем рядом её расширившиеся ожиданием глаза.

– Оно? Это оно?

– Да, – глухо ответил он.

Сейчас она зажмётся, и начинай сначала.

– Что? – её губы касались его уха, но он еле различил, скорее угадал вопрос. – Что мне делать?

Да она что, совсем ничего не знает, что ли?! И ответил слишком резко, как не хотел.

– Согни ноги. Ну. Ноги выше, Джен!

Она послушалась, и он, извиняясь, торопливо говорил:

– Запертую дверь всегда ломают. Только не опускай ноги. Сейчас... потерпи, ещё немного...

Только не рвать, вдавливать, раздвигать. Не спешить. Она тоже старается, пытается поймать ритм. Он упирался локтями в постель, охватив пальцами её плечи. Так, ещё так. Он посмотрел на неё и увидел закусенную губу и наполняющиеся слезами глаза. Но он видел, сколько он видел таких лиц, когда пересиливают боль, чтобы не закричать, не выдать себя... Он наклонился, губами собирая солёную влагу из её глаз.

– Спасибо, Джен, всё хорошо, теперь всё хорошо.

– Я не Джен, – всхлипнула она.

Он мягко высвободился и лёг рядом. Она медленно выпрямила ноги, ещё раз всхлипнула. Лежа рядом на боку, он успокаивающе погладил её, но она словно не заметила этого, лежала и смотрела в потолок, глотая слёзы. Ну что ж, он сделал своё дело, сделал, как мог. Дальше ей решать. Он убрал руку, вытянулся на спине и прикрыл глаза. Что бы ни было, но эти несколько

секунд, пока она будет принимать решение, эти несколько секунд – его. Всё-таки он устал. И тут тёплая ладонь уже знакомо легла на его плечо, погладила. Он открыл глаза. Теперь она склонялась над ним, и её волосы легли ему на грудь и плечи. На щеках блестели две дорожки от слёз, на нижней губе ещё виднелся след зубов, но она улыбалась, мягко и очень по-доброму, и... и ни одна белая никогда ещё так не улыбалась ему, он даже не может названия подобрать.

– Тяжело тебе со мной пришлось, да?

Ещё один невозможный вопрос, и ответил он тоже по-невозможному.

– Нет.

– Я ведь ничего не умею, не знаю. И было совсем не больно, совсем-совсем.

Она лгала, он ведь видел её боль, но как же он был благодарен ей за эту ложь.

– Спасибо, Джен, – повторил он, прокатывая по гортани и небу это ставшее таким красивым имя.

– Я не Джен, – повторила она.

Он растерялся. Неужели перепутал?! Но ведь он слышал...

– Я слышал... поздравляли... – попытался он объяснить.

– Да, – она резким взмахом головы перебросила волосы на спину, но руку не отнимала. –

Все называют меня Джен, а я Женя.

– Ддже-нняя, – удивлённо повторил он странное имя.

– Да, я... я русская.

Русская? Империя воюет с русскими, это даже рабы знают. Русские, «условно белые», «без расовой гордости», враги цивилизации... Он приподнялся на локтях, забыв обо всём. Так она русская? Она... она другая!

– Же-ня, – он потряс головой, сам не зная, что сказать. – Ох, Женя!

– Что?

Её глаза стали такими грустными, что у него перехватило дыхание. Он знал один способ утешения, и больше ничего не мог сделать. Он обнял её за плечи и притянул к себе, целуя мокрые щёки и глаза. Её губы ответили ему, и уже смелее она тоже гладила и обнимала его. И вдруг вопрос, от которого его будто током тряхнуло.

– Ой, ты прости меня, я даже не спросила. А тебя как зовут?

Он убрал руки и откинулся на спину.

– Я не то спросила, да? Но ведь у каждого человека есть имя.

«У человека, а я раб!» – кричал он про себя, а губы его сами, без него уже выговаривали.

– У раба нет имени.

– Но как-то же тебя называют, – настаивала она.

– По номеру.

– Номеру? – удивилась она.

– Да.

Он высвободил из-под неё правую руку и показал ей сделанную ему в питомнике татуировку чуть выше запястья. Она задумчиво дотронулась пальцем до чёрных цифр.

– И друг друга тоже по номерам?

Он молча отвернулся.

– Извини, – её рука всё ещё лежала на его запястье. – Я не хотела обидеть тебя. Но... но как мне тебя называть?

И после всего, что было между ними, он не стал ей лгать. Она русская, она другая, не леди, не белая, ей... он может, хочет довериться, она не предаст. И как же неожиданно легко выговорилось то, что до сих пор он ни разу, никогда не произносил вслух.

– Эркин. Меня зовут Эркин.

– Эркин, – повторила она и прижалась к нему. – Эркин, милый.

Он не понял, но подыграл.

– Же-ня, ми-лий.

– Нет, – засмеялась она. – Милый – это мужчина, а женщина милая.

– Ми-лай-а, – повторил он.

А она весело объяснила.

– Это по-русски. То же, что по-английски dear.

Он кивнул и сделал то, чего он в жизни себе не позволял, зная, чем это может обернуться: поднял руку к её лицу и очень осторожно провёл по нему кончиками пальцев, обводя линии скул и рта.

– Милая, – повторил он ещё раз новое слово.

Она не обиделась на него, а засмеялась, и он легко поднялся навстречу её смеху, сел на постели напротив неё. Она смотрела на него, и улыбка ещё на губах, а глаза стали тревожными. Он улыбнулся ей. Он знал силу своей улыбки. И протянул ей руки ладонями вверх. Помедлив, она тоже села и положила свои ладони на его.

– Ещё?

– А... а тебе не трудно?

Он засмеялся, замотал головой так, чтобы волосы рассыпались прядями.

– С тобой нет.

Он не лгал ей. Это и в самом деле было так. Она поверила, но, подаваясь к нему, спросила.

– А больно не будет?

– Это только в первый раз больно, – объяснил он и пообещал, – я постараюсь, чтоб не было.

– Всё равно страшно, – вздохнула она. – Только ты мне говори, что делать.

– Скажу, – кивнул он.

Но говорить, особо не пришлось. Она ловила его движения и подстраивалась под них. Он только чуть подправлял ей руки. И уже её губы скользили по его лицу и груди. И она помогла ему войти, только на мгновение, вздрогнув в ожидании боли. И, уже играя, он, обхватив её, перекатылся по широкой кровати. Она смеялась, и её волосы опутывали их, и её радость была и его радостью. Никогда с ним такого не случалось. Он что-то говорил ей и не слышал себя, ничего не слышал, кроме блаженного звона в ушах. А потом звон прошёл. Они лежали рядом, и он увидел её лицо и болезненно сощуренные глаза.

– Тебе свет мешает? – сообразил он. – Выключить?

– Да, пожалуйста, – попросила она.

Он встал, и его шатнуло: пол раскачивался батудом. Однако, выложился он... как ни в жизни. Он выключил верхнюю лампу, и в сразу обрушившейся темноте услышал её голос.

– Ой, темно как!

Это, конечно, ему раньше надо было сообразить и переключить на ночник. Он включил лампочку-грибок на столе, и мягкий розовый сумрак был так приятен после белого верхнего света.

– Так хорошо?

– Да, спасибо.

Он сел на край кровати. Кабина уже не раскачивалась, но ощущение зыбкости ещё держалось.

– Устал? – угадала она, – ты ложись, отдохни, – и вздохнула. – Попить бы сейчас, правда?

– Правда, – кивнул он. – А ты закажи.

– Чего?

– Что хочешь, – пожал он плечами. – Воды, вина...

Она напряжённо свела брови, о чем-то думая.

– Но... но у меня осталась всего пятёрка. Что на нее можно заказать?

Пять зелёных... он усмехнулся.

– Два апельсина. Если очень маленькие, то три.

– Всё равно, – вздохнула она. – Ты возьми в сумочке...

Он молча встал и принес ей сумочку, а на её удивлённый взгляд скупно объяснил.

– Нам запрещено это. Я могу только передать деньги и заказ.

Она быстро закивала, завозилась. Он отвернулся. Заглядывать в сумочки и кошельки спальнику ни под каким предлогом нельзя.

– Вот, возьми, – она протягивала ему старенькую, в заламах, с подклеенным уголком бумажку. – Попроси два больших.

Он молча кивнул и снова встал. Связь с кухней у углового стеллажа. Он нажал кнопку вызова и приготовился ждать, но откликнулись сразу.

– Сорок седьмая, слушаю.

Он не узнал голоса, но это ничего не меняло.

– Сорок седьмая, два больших апельсина.

Пока говорил, его пальцы вслепую нашли картонный патрончик, скатали и заложили в него деньги, и сбросили патрончик в отверстие под кнопкой.

– Сорок седьмая, принято. Ждите.

Он обернулся к ней. Она полулежала на боку и смотрела на него. Сумочка валялась на полу.

– Сейчас принесут, – улыбнулся он.

И она улыбнулась в ответ. Он, уже не спрашивая разрешения, подошёл и забрал сумочку, положил на столик.

И как раз в двери приоткрылось окошко, и он принял два холодных скользко-пупырчатых шара. И было так нестерпимо приятно нести их, ощущая, как от ладоней по телу идет волна холода.

– Вот, – протянул он их ей.

– Чур, мне этот, – засмеялась она, указывая на левый. – А очистить есть чем?

– Я очищу.

«Мне этот», – значит другой ему? И так легко и естественно это у неё получилось, что ему даже и не удивительно. Просто, иначе она не может. Её тело влажно блестело, а розовый свет притемнял кожу. И ела она... так, что смотреть на неё было приятно, без этой глупой жадности или смакования напоказ, когда раба дразнят недоступной едой. Нет, ему грех жаловаться, его угощали, не всегда, но достаточно часто. Но... но давали доест, допить, а вот так, как она сделала, – никогда. От корок в кабине запахло свежестью. И так же пахли её руки, когда она потом перебирала его волосы и гладила ему брови, и от этой немудрёной ласки сжималось сердце. А ночь уже кончалась. Он чувствовал это. По шуму из-за стен, по себе самому, потому что чувство смены у спальника вернее любых часов. И наступил тот миг, когда это почувствовала и она. Они лежали, обнявшись, и в этом полусне-полуяви он ощутил, как просыпается её тело. Она мягко потянулась, высвободила руки и отбросила волосы. Он ждал, хотя ждать уже было нечего.

– Уже утро? – её дыхание щекотно коснулось его щеки.

– Да, – глухо ответил он. – Скоро утро.

Её губы коснулись его глаз, скул... Она целовала его мягко, мягче, чем ночью. Он ответил ей, но это уже не было новым началом. Она тоже чувствовала это. Он не мог, не мог разжать рук, отпустить её. И она поняла его молчаливую просьбу о помощи. Мягко высвободилась, как-то перетекла через него и встала на пол. Он лежал и смотрел, как она в розовом сумраке оглядывается, что-то отыскивает. Она уже ни о чём не спрашивала его. Зашла за ширму в дальнем углу, и он услышал шум душа. Потом вышла, на ходу заплетая косы, прошла к стеллажу с одеждой. Он встал, шагнул к ней...

– Нет, не надо, – попросила она.

Он понял. Вытащил свою одежду. Оделся. Он застёгивал рубашку, когда она повернулась к нему.

– Ну вот.

Он молчал. Он смог начать положенной фразой, а потом всё было по-другому, как не могло быть, и сейчас... он просто стоял и смотрел на неё. И вдруг она шагнула к нему и обняла, прильнула к нему. Она уткнулась лицом ему в плечо, и, растерянно обнимая её, он вдруг понял, что она плачет.

Сейчас-то чего? Зачем? Зачем всё это?! Она жалась к нему, будто пыталась спрятаться от кого-то. Но он же не защитник ей! Он же ничего не может, ничего! Она оторвалась от его плеча и подняла голову. Мокрое лицо с распухшими губами и огромными глазами в тёмных кругах... Он судорожно сглотнул. А она целовала его и плача что-то говорила, какие-то непонятные незнакомые слова и мелькало одно, что он теперь знал: «милый», – и ничего ему сейчас было не нужно, и с ужасом вдруг понял, что плачет сам. И опять она первая совладала с собой. Отодвинулась от него, щёлкнула замком сумочки и достала платочек, протянула ему. Он покачал головой и вытер лицо рукавом. Ткань показалась шершавой и неприятной после её рук. Она быстро вытерла лицо, пригладила волосы и улыбнулась ему.

– Я в порядке, а ты?

Он кивнул и попытался улыбнуться. Она потянулась к двери. Открыть должен он, но он стоял, и не было сил двинуться с места. Дверь открылась, и в её белом прямоугольнике возник силуэт надзирателя, он даже не сразу узнал его.

– Доброе утро, мисс.

От надзирательского приторно сладкого голоса у него потянуло холодом по спине.

– Доброе утро, – ответила она.

– Мисс, фирма надеется услышать ваш отзыв, – Каракатица расплылся в сладчайшей улыбке. – Ваши претензии...

– У меня нет претензий, – перебила она. – Всё было очень хорошо.

Каракатица растерянно затоптался.

– Очень приятно, мисс. Фирма счастлива, слышать такую лестную оценку наших скромных усилий. Прошу, мисс, выход сюда, мисс.

Уходя, она оглянулась, и он нашёл силы улыбнуться ей. И только тогда сообразил, что ни разу за всю ночь не обратился к ней с положенным «мэм» или «миледи»...

...Кто-то осторожно трогал его. Эркин с усилием открыл глаза. Девочка. Всё та же. Что ей надо?

– Ты лежишь и плачешь. Тебе больно?

Он провёл рукой по лицу. Да, плакал. Девочка смотрит на него, округлив синие глаза. И не розовый, а серый сумрак вокруг...

– Тебе болит чего-то? – повторила девочка. – А то я подую тогда.

– Нет, – разжал он губы, – ничего не болит, – и улыбнулся.

Но улыбка не получилась: сразу острой болью дёрнуло щёку.

– Тогда поешь. Мама велела днём поесть. Я уже ела.

От приказа поесть никто никогда ещё не отказывался. Опираясь левой рукой о постель, он попробовал приподняться и сесть. Подушка оказалась достаточно большой, чтобы он мог полулежать, опираясь на неё спиной. Но до стула с едой, не тревожа больное плечо, не дотянешься.

– Мама мне всё объяснила, – заторопилась девочка. – Я сейчас тебе помогу.

Она уселась рядом на край кровати и захлопотала. Постелила ему на грудь салфетку и подала тарелку. Между двух тоненьких ломтиков хлеба совсем тонкие пластинки варёного мяса. Он взял сэндвич, откусил. Нет, что такой тоненький хорошо, а то рот больно открывать. Но управиться одной рукой и с хлебом, и с кружкой было сложно. И девочка с очень важным

видом держала тарелку и кружку и подавала ему то одно, то другое. Когда он поел, составила посуду обратно на стул и, собираясь слезть, спросила.

– Ещё хочешь?

– Да, – сразу вырвалось у него.

Девочка искоса посмотрела на него и осторожно сказала.

– Есть суп. Хочешь?

Он кивнул, и она радостно отправилась за супом. Его доставка оказалась трудным и долгим делом. Сначала она очень медленно и осторожно донесла тарелку с супом до стула. Потом залезла опять к нему на постель, взяла тарелку и поставила ему на грудь. Супу при этом расплескалось немного, во всяком случае, что-то осталось. Но тарелка не кружка, через край не попьёшь.

Эркин осторожно сжал и разжал правый кулак. Вроде пальцы действуют. Попробовал согнуть руку в локте. Где-то в плече сразу заныло, но боль вполне терпимая, а желание поест сильнее боли. Если не шевелить плечом, то можно попробовать. Придерживая тарелку, девочка с интересом следила за его манипуляциями. С каждой ложкой боль усиливалась, и последние он доедал через силу, из верности первой заповеди раба: «еду на потом не оставляют, потом может и не быть».

Девочка забрала у него ложку и поставила на стул тарелку, положила туда салфетку, но уходить явно не собиралась. Она сидела на краю кровати, болтая ногами и разглядывая его.

Алиса считала, что за свои труды она вполне может позволить себе поприставать. Ведь она два дня терпела, не мешала ему спать, а сейчас... сейчас её время. И совсем он не такой страшный, как ей показалось вначале.

Эркин догадывался, что просто заснуть ему не дадут, но сделать ничего не мог. Привычка повиновения была слишком хорошо вбита в него, а она была слишком белой, чтобы шугануть ее по-питомничьи.

– Я Алиса. А тебя как зовут?

Он медлил. Но она может назвать его имя только Жене, а Женя знает. И он нехотя назвался.

– Эркин.

– Эр... Эри... – попыталась она повторить и рассмеялась, – Эрик, да?

Он кивнул. Эрик – так Эрик. Не худший вариант. И попробовал сам повторить её имя.

– Элис?

– Нет, – замотала она головой. – Я Алиса. Меня на улице зовут Элис, по-английски. А дома я Алиса. А-ли-са.

– Алиса, – покорно повторил он и кивнул, запоминая.

– Ой, а лекарство. Мама велела тебе принять. Днём. Вот! – она подала ему пакетик. – Я сейчас тебе морса принесу.

Она слезла с кровати и побежала на кухню. Он помял пакетик, прощупывая таблетки. Три? Утром Женя дала ему четыре. Ну, надо так надо. Алиса уже вернулась с кружкой тёмно-розовой жидкости в белых разводах от молока. Опасаясь потревожить плечо, он зубами разорвал пакетик и вытряс прямо в рот таблетки. Алиса подала ему кружку. Морс оказался чуть кисловатым и очень приятным. Алиса забрала кружку и посмотрела на него.

– Принести ещё?

Эркин покачал головой. Молоко, суп, да ещё морс... Поход в уборную всё ещё слишком труден для него. Чуть не рассчитаешь и вмажешься плечом. А уж там хоть криком кричи, хоть падай от боли.

– А сейчас что?

Вопрос удивил его, он не сразу понял, о чем она спрашивает, и переспросил.

– Что?

– Что будешь делать?

– Спать, мэм, – ответил он, сползая под одеяло.

Это обращение обычно. Для раба любой белый – господин. Но она засмеялась этому как шутке.

– Я не мэм, я Алиса.

Но он уже проваливался в теплый колышущийся сумрак сна.

Алиса посмотрела на него. Спит. Но зато она знает, как его зовут. Эрик. Смешное имя. Так никого не зовут. Но будить его нельзя. Ну и пусть. Она себе сейчас сама что-нибудь придумает. А потом он проснётся, и она ещё поболтает с ним.

...Он спал, знал, что спит. И он снова спускался по рабочей лестнице Паласа к душевым и камерам. Его шатало, и пару раз пришлось хвататься за стенку.

– Однако, умотало тебя, – сочувственно сказал надзиратель.

Не Каракатица, другой. Этот надзиратель только появился, и ему ещё не придумали прозвище. Приглядывались.

– Да, сэр, – ответил он, не думая и не понимая, что говорит.

Всё плыло и качалось. Но его тело знало, что делать, лучше него. Он содрал и сбросил в коробку обувь и в бак для грязного штаны и рубашку. Его руки взяли из другого бака кусочек мыла, а из корзины мочалку. Кто-то что-то сказал ему. Он ответил и шагнул в душевую. Его оглушил гул воды и голосов. Шлёпая по мокрому полу, он брёл, отыскивая свободное место.

– Эй, Красный, – окликнул его Живчик, – вали сюда.

Он молча встал между ним и Угольком и резким рывком открыл воду. Тугая струя едва не сбила его с ног, он закинул голову и подставил лицо. Вот так. Теперь хрен кто разберёт, отчего щёки мокрые.

– Ты чего такой смурной? – Живчик приплясывал, будто в зале на разогревках. – Каракатица вlepил?

– Нет, – нехотя ответил он и добавил. – Она сказала, что претензий не имеет.

– Это первачка-то? Я видел, как тебя дёрнули.

– Первачка, – вздохнул он и, чтобы знали от него, всё равно не утаишь, лучше самому, пояснил. – Целка.

– Ага, я слышал, как Хмырь радовался.

– Первачка, целка, и без претензий? – вмешался Уголёк. – Ну, ты мастер.

– Мастер? – он усмехнулся. – На ногах не стою, вот и всё мастерство.

– Как же ты её уговорил, чтоб без претензий? – не отставал Уголёк.

– Как-как! – он уже намыллil голову и яростно раздирал слипшиеся от пота волосы. – Так и уговорил. Это ты нахрапом норовишь...

– Ну, ты, краснюк...

Уголёк не договорил, судя по звукам, ему кто-то дал по затылку. Не из любви к индейцам, понятно, или к нему лично, а молод ещё Уголёк для спора. А когда он смыл пену и протёр глаза, ни Уголька, ни Живчика уже не было. Рядом мылся трёхкровка из соседней камеры. Видно, по нему Каракатица прошёлся: не моется, а так, обтирается водой, и душ пустил еле-еле...

...Эркин проснулся вовремя. Ещё немного, и он бы себе устроил душ. Хочешь, не хочешь, надо вставать. Он откинул одеяло так, чтобы потом было удобно лечь, и осторожно сел. Голова уже не кружилась, и тело, в общем-то, слушалось. Так же осторожно он встал и пошёл, стараясь не шевелить правой рукой. Он не смотрел по сторонам, не до того ему сейчас, но, уже возвращаясь, поискал взглядом девочку. Кажется, вчера, если это только ему в бреду не почудилось, он напугал её. А ему это уже совсем ни к чему.

Но она спала. Видно, как играла, так и заснула прямо на полу у своей кровати в обнимку с каким-то тряпичным зверем. Разбудить, что ли? Пол холодный. Осторожно, боясь упасть, он подошёл и наклонился над ней.

– Алиса. Не спи на полу, Алиса.

Она только поёрзала щекой по морде игрушки и не ответила. Эркин беспомощно выругался вполголоса. С одной рукой ему не управиться. И если она сейчас проснётся и закричит... не хочется думать, что потом будет.

Он опустился на корточки, передохнул и попытался подсунуть левую здоровую руку под неё. Так. А теперь... а теперь... Он поднимался, держа её на локте поперёк туловища. Конечно, она была слишком тяжела и сразу заскользила вниз, но он успел качнуться вперёд и дал ей соскользнуть на кровать. И, наконец, облегчённо выпрямился. Сердце бешено колотилось о рёбра, на лбу выступил пот. Но дело сделано. А чтоб не проснулась... Он поднял за ухо смешного зверя и положил рядом с ней. Вот так. С минуту он стоял, переводя дыхание и глядя на разметавшуюся во сне девочку, и медленно побрёл к постели. Ныло потревоженное плечо, неприятно зудела щека. Ну, щека – это пустяк. Спальником ему всё равно не быть, так и красота ни к чему. А плечо хуже. Одноруким ему только попрошайничать.

Эркин сел на край постели. Так, надо попробовать. Если чтоб падать, так не на пол. Сжал несколько раз правый кулак. Осторожно приподнял и опустил его. Локоть работает. Как и все спальники, он хорошо знал возможности тела и пробовал двигать рукой не наугад. С каждым движением нарастала боль. Но он уже знал, что сустав цел, только от удара заплыл снаружи. Наверняка внутри синяки. Такое бывало от сильных ударов: на коже не видно, а внутри больно. Это, когда он уже упал и пытался прикрыться, ударили сапогом. Кованый армейский сапог. Целили в подмышку, выбивая сустав, но он успел прижать руку. Вот она, шишка сверху, она и мешает. И болит, стерва. Но рука цела. А болеть будет, пока не рассосётся. Это он хорошо знал.

Эркин медленно, уже не так остерегаясь боли, как растягивая удовольствие, лёг и потянул на себя толстое тяжёлое одеяло. Сейчас он будет спать, потом придёт Женя, потом... а не надо ему никакого потом... Придёт Женя... И тут он вдруг сообразил, что это за странный запах преследует его с утра. Это же укус! Женя его укусом протёрла. Эркин тихо засмеялся, не разжимая губ. В Паласе были другие запахи...

...Он мылся долго, пока не овладел собой, пока не загнал воспоминания так глубоко, чтоб и случайно не проболтаться, и оставил только то, что нужно сказать. И когда шёл в сушилку, лицо его было мокрым только от воды. Сушка была забита, пришлось поработать и локтями, и коленями. Много народу оказалось и в промазочной. Он дал кому-то по шее, отпихнул вертевшегося под ногами мальчика и цапнул с полки непочатую банку с кремом. Промазка после душа – не пустяк. Кожа должна быть мягкой, гладкой и упругой, зашершавеешь, зашелушишься – на первой же сортировке вылетишь... напрямиком в Овраг. Ссоры из-за банок уже кончались, работали дружно. Ну конечно, помогая, могут тебе комок крема в рот засунуть, но это так – в шутку, как щипки на массаже. К нему протиснулся Живчик.

– Поворачивайся.

Он подставил спину. Втирая крем в лопатки и вдоль хребта, разминая ему мышцы, Живчик быстро шептал.

– А умотан ты здорово, даже с лица спал... расскажи, как делал... А то целок навалом, как сбесились, того и гляди залетишь... Каракатица зло срывал, того из левой камеры, он рядом полоскался, так отметелил, что лазарета не миновать...

Он выпрямился и повернулся к Живчику.

– Хорош. Теперь ты давай, – и развернул того к себе спиной. И так же, растирая длинную мускулистую золотисто-коричневую спину, зашептал. – Руками больше работай, не горячи, а расслабь. И потом, упаси тебя от рывков, дави аккуратно и всё.

– Полночи проваландаешься, – пробурчал Живчик.

– А быстро да резко, себе дороже. Зато потом будешь спать, а не синяки пересчитывать.

– Угостила хоть тебя?

– Апельсином.

– Это на Выборе-то?!

– Первачка, сразу не сказала, а потом... сам знаешь. А у неё одна пятёрка.

– Совсем голь в Палас попёрлась, даже на вино у них нет, – вздохнул Живчик.

Он только хмыкнул в ответ.

– Эй, вы, двое! – новый надзиратель стоял в дверях, поигрывая дубинкой. – Если не натрахались, на вторую смену пойдёте.

Они отскочили друг от друга, торопливо размазывая по телу остатки крема. Проскакивая мимо надзирателя, получили дубинкой по мягкому, но не больно. По физиономии Живчика он понял, что тот уже придумал кличку надзирателю, но говорить было уже некогда. Камера укладывалась на отдых. Койка придушенного пустовала, и он ещё успел подумать, что, если у него начнутся кошмары, судьба будет такая же. Но пронесло. Он потом только иногда плакал во сне. Но всегда молча. А в имении и это прошло...

...Эркин потянулся в полусне, перекатил голову по подушке. Тепло, мягко, и есть не очень хочется. Ему повезло. Другим спальникам пришлось куда хуже.

Придя с работы, Женя так и нашла их спящими. И когда она подошла к нему, он только приоткрыл глаза, посмотрел на неё и снова заснул, привалившись здоровой щекой к подушке. Женя постояла, посмотрела на них... И вздохнула. Дети. Что один, что другая.

Она устало наводила порядок. Проверила, поели ли они. Так, судя по следам, Алиса скормила суп Эркину. А лекарства? Пакетик пуст, будем надеяться, что он их принял, если только Алиска не научила его спускать таблетки в щель между кроватью и стеной. Она так удивлялась, когда Женя безошибочно вынимала их оттуда. Женя невольно рассмеялась, и её смех разбудил Алису. Та никак не могла понять, утро или вечер и почему она в кровати, но уже одетая.

– Не уже, а ещё! – Женя поставила её на пол. – Сейчас вечер. А сколько раз я тебе говорила, чтобы ты в одежде на постель не ложилась. Ты посмотри, даже в тапочках. Это же безобразие, Алиса! Мне теперь всё это отстирывать.

Алиса виновато похлопала ресницами и решила перевести разговор.

– А почему ты говоришь по-английски?

– Сегодня английский день, – сердито засмеялась Женя. – Но всё равно нельзя в обуви ложиться на постель.

Эркин старательно спал.

Об этом он не подумал, но уж очень было тяжело, и боялся, что девчонка проснётся. Будем надеяться, что она и не просыпалась.

Женя оглянулась пару раз на подозрительное молчание у стены, но не стала развивать эту тему.

– Сегодня хорошая погода. Сейчас поедим, и ты сможешь немного поиграть во дворе.

– У сарая?

– Да, у нашего сарая.

После радостного вопля Алисы притворяться спящим было глупо. И Эркин завозился, высвобождая руки и усаживаясь.

– Сейчас, – улыбнулась Женя. – Есть хочешь?

Он кивнул.

Эркин лежал и смотрел, как она кормит Алису и одевает её.

– От сарая не уходи. Чтобы я тебя из окошка видела.

– Ага, – кивала Алиса.

– И помни: никому-никому.

– Ага.

– Иди. Как позову, сразу домой.

– Ага.

Женя вышла на лестницу посмотреть, как Алиса вприпрыжку бежит к сараю, и вернулась. Эркин встретил её улыбкой, правда, совсем не такой как когда-то. Раненая щека заставила его быть осторожным даже в этом.

– Ну, как ты?

– Хорошо. Завтра я встану.

– Завтра ты ещё будешь лежать.

Женя присела на кровать, протянула ему тарелку.

– Ешь. Сейчас молоко нагреется, выпьешь.

Посмотрела, как он осторожно, с одной стороны, жуёт.

– Зубы все целы?

Он кивнул и просяще посмотрел на неё. Она поняла.

– Ещё, да? – и засмеялась его просветлевшему лицу. – Сейчас принесу.

И снова Женя сидела и смотрела на него. Эркин не любил, когда следили за его едой, но её взгляд не тревожил, не заставлял заглатывать, пока не отобрали. Он мог бы съесть ещё столько же, если не больше, но просить ещё добавки не стал. Покорно подставил ладонь под таблетки. Три, как и днём. Уже без сопротивления проглотил их, и запил всё тем же горячим сладким молоком. И не серый как днём, а голубой вечерний сумрак был вокруг. Женина ладонь легла ему на левое плечо и, быстро повернув голову, он прижал её подбородком. Она не отнимала руки. Шло время, а они не шевелились. А потом Женя мягко высвободилась и встала.

– Уже поздно. Пойду Алису звать.

Он опять лёг. Лежал и слушал, как она зовёт Алису, как хлопает нижняя дверь и звякает засов, потом шаги по лестнице, хлопает верхняя дверь, ещё замок. И голоса. Жени и Алисы.

– Я никому-никому ничего не сказала! – гордо хвасталась Алиса.

– Ну и молодец. Выпьешь сейчас молока и ляжешь.

– А он пил? – подозрительно спросила Алиса.

– Пил, – рассмеялась Женя. – Давай, не тяни время. Не поможет.

Каждый глоток Алиса перемежала вопросами и рассказами. Но Женя была непреклонна.

– Мам, а я знаю. Его Эрик зовут.

– Хорошо, пей.

– А почему он зовёт меня «мэм»? Я ведь маленькая.

– Не знаю. Пей.

– А у Тедди ухо оторвалось. Ты пришьёшь?

– Пришью. Пей.

Алиса поняла: отвергаться от молока не удастся, и смирилась.

Женя уложила дочку, убрала со стола. Накатывался вечер. Большой трудный вечер. Она подошла к нему. Спит? Эркин не спал и сразу повернулся к ней.

– Я завтра на весь день уйду. Двойная смена, – он понимающе кивнул. – Я пока приготавливаю всё на завтра, ты подремли. А потом я тебе все новости расскажу. Хорошо?

– Хорошо.

Эркин лежал, закинув здоровую руку за голову, и слушал. Звяканье посуды, лёгкие то приближающиеся, то удаляющиеся шаги, шелесты и постукивания, её короткие возгласы, когда ей что-то не удавалось... Полусон-полуявь покачивал его усыпляющим ритмом, столько покоя и безопасности было в этих шорохах.

Женя бросила последний взгляд на плиту: пусть тихо остывает. На завтра должно хватить, а послезавтра... послезавтра у неё только контора, это уже не страшно. Она осмотрела его вещи. Ну что ж, всё высохло. Можно заняться починкой. Придирчиво осмотрела швы. Нет, всё-таки он молодец, следил за собой, никаких насекомых. И вода была без них, и на одежде следов нет. А чинить здесь... начать и кончить. На рубашке ни одной пуговицы, воротник наполовину оторван, выдран рукав, ну, это всё потом...

Она вернулась в комнату и от порога увидела его глаза и такую... непривычную улыбку половиной лица. И, бросив рубашку на стол, присела на край кровати.

– Ну вот. В городе тихо. Вас никто не ищет. Из комендатуры никого не прислали, видно, и не узнали про вас, – он только молча кивал. – Да, я тебе не говорила, мне самой только сегодня всё рассказали, – она засмеялась, и он приготовил улыбку, – так вот, в ту ночь кто-то клетку раскурочил. Выломал замок, сорвал дверь с петель. Словом, ее уже не используешь.

Он только хмыкнул в ответ и, помедлив, спросил.

– И кто?

– Никто не знает, – пожала она плечами. – Но, говорят, силач поработал. Или их несколько было.

Женя по-детски хихикнула, и он тогда засмеялся. Потом Эркин осторожно спросил.

– Комендатуры тут нет?

– Нет, – вздохнула Женя. – Джексонвилл маленький город. Комендатура в Гатрингсе. Знаешь Гатрингс?

– Нет, – его голос прозвучал глухо. – Мы не дошли до него. Встречные сказали, что там нет работы, и мы разошлись по округе. Думали, в маленьких городках будет легче.

– Мы? – переспросила Женя.

– Да, нас было много. Мы не знали друг друга. Почти не знали, – поправился он. – Из имений, с заводов, из резерваций. Только, – он угрюмо скривил губы, – только из Паласов никого не было.

– Никого? – удивилась Женя. – Почему?

– Их всех убили, – он помолчал и угрюмо закончил. – Спальников убивали все.

– А... а как же ты?... – она не договорила.

– Как я уцелел? – сразу понял он и улыбнулся. – А просто. Меня продали в имение, а там скотником, на скотной работал, и освободился оттуда. А ушёл один. Никто не знал, что я... в толпе не знали. И меня не нашли, ни они, ни русские... И сюда я пришёл один...

Его голос звучал всё тише, и он уже словно сам с собой разговаривал. И вдруг резко приподнялся, и Женю поразило его внезапно побледневшее, ставшее бледно-жёлтым лицо с угольно-чёрными синяками.

– Женя!

– Что? Что, милый? – испугалась она.

– Женя! Я ведь мог и не дойти! Я же не знал, не знал, что ты здесь!

– Но ты же дошёл, – улыбнулась Женя. – Успокойся.

Она мягким нажимом на здоровое плечо уложила его. Он всё ещё смотрел на неё расширившимися глазами, но кожа на здоровой щеке уже темнела.

– Уже поздно, да?

– Да, – кивнула она. – Пора спать.

Он опустил веки. Женя поправила ему одеяло и встала.

Эркин лежал, закрыв глаза, но не спал. Слушал, как Женя укладывается спать. Сквозь веки ощутил наступившую темноту. Звуки босых шагов, укладывающегося тела и натягиваемого одеяла. И тишина. Только сонное дыхание. Значит, комендатуры нет, вот почему эта сволочь здесь так гуляет. Как же ему здесь жить? На что жить? Уйти? Куда? И зачем? Где комендатура, там патрули, а если опознают, тогда что? Нет, уйти он не может. На что жить? Плечо б зажило, а там... он любую работу возьмёт. Он сможет, всё сможет... Смог же тогда...

...Те дни в имении слились в один изматывающий день. Он знал одно: не упасть, упавшего добивают. Утром вставал, таскал воду, поил, засыпал корм, доил, убирал, шёл в рабскую кухню, что-то ел, возвращался в скотную, снова таскал, убирал, чистил, засыпал, доил, мыл, засыпал, поил, чистил, таскал, шёл в рабскую кухню, что-то ел и снова шёл в скотную... И всё время боль, страшная раздирающая боль... И всё время хриплый ненавидящий голос Зибо.

Надзирателей он и не слышал, только Зибо. И повинился этому голосу как надзирательскому. Только молча, без положенного «да, сэр». Ему что-то говорили, он молчал. И в рабской кухне он молчал и только молча бил того, кто уж слишком нахально подсовывался к нему. Тогда его и прозвали Угрюмым. Угрюмый, Моросе, Мэроуз. Угрюмый так Угрюмый. Он не спорил. А потом горячка и боль кончились, и тупое оцепенение заглотало его, только одно помнил: не упасть, упавшего добивают. Он смог. Устоял. И в рабской кухне ему уже никто не заступал дороги. И он стал различать мир вокруг себя. А в тот день он полез наверх сбросить сенные брикеты. Зибо внизу принимал их и укладывал поближе к выходу. Брикеты были тяжёлыми, и проволока перетяжек резала пальцы. На шестом брикете Зибо крикнул, что хватит. Он выпрямился и увидел в слуховое окно небо и вершины деревьев, и вдохнул сенной воздух, сладкий и горький сразу. Зибо звал его, а он стоял и дышал этим воздухом. Потом подошёл к краю помоста и заглянул вниз, в перекошенное яростью лицо Зибо. Ему стало смешно. Чего он столько терпел от этого?.. Он присел на корточки и посмотрел прямо в глаза Зибо.

– Слушай ты, старик, – Зибо замолчал, будто подавился своей руганью. – Что я от хозяев терплю, от тебя не буду. Понял? А ругаться я и сам умею, – и выстрелил длинной питомниковой фразой.

Он спрыгнул вниз, готовый к драке. Но Зибо не стал драться. И ругаться перестал. Вдвоём они молча переложили брикеты. И потянулась обычная дневная работа. Только Зибо молчал. Вечером в рабскую кухню он шёл как всегда, сзади Зибо. Он не хотел задираться, а молчание Зибо его устраивало. И он назвал Зибо стариком, это не оскорбление, это хуже... раб не стареет, старый раб не нужен, ему одна дорога – на Пустырь, нет страшной угрозы и хуже участи. А уже потом, обихаживая на ночь коров, он зацепился за торчащую из брикета проволоку и разорвал рубашку. Зибо только покосился на него, но когда вернулись в свой закуток, молча кинул ему мешочек, что хранил под своим изголовьем. Он поймал его на лету и, уже догадываясь о содержимом, раскрыл. Да, всякая нужная мелочёвка. И тряпка с вколотой в неё иголкой и намотанными на уголки тряпки нитками. Он достал тряпку, затянул завязки. Зибо стоял к нему спиной, и он молча бросил мешочек ему на нары. В закутке у них никакого света не было, только от стойл, когда дверь открыта, и он ушёл в молочную. Включил маленькую лампочку у стола с удойными книгами, снял рубашку и принялся за работу. В молочной было холодно, но зато отсюда свет не виден. Они и в питомнике, а при нужде и в Паласе втихаря чинились по мелочи. Одежда – хозяйская, и за порчу могло сильно влететь. Так что шить он умел. Но порезанные пальцы плохо слушались, и дело шло медленно. Он уже заканчивал работу, когда за спиной открылась дверь. Если надзиратель, то всё. Пузырчатка ему обеспечена. Он медленно обернулся и увидел Зибо. За иголку свою испугался, что ли? Зибо стоял и молчал, и он молча вернулся к шитью. Затянул последний стежок, оборвал нитку, вколлот иголку в тряпку и встал. Зибо стоял уже рядом, и, повернувшись, он оказался с ним лицом к лицу. Он стоял и смотрел ему прямо в лицо и видел, как у Зибо дёргалось лицо, дрожали губы, будто хотел и не мог сказать.

– Ты раб? – наконец выговорил Зибо.

– Раб, – кивнул он.

– Клейма... клейма где?

– Клейма? Зачем? – он не понял сначала, но тут же сообразил, что его всё ещё принимают за отработочного, вот дураки, знают же, что он спальник, спальники отработочными не бывают, все питомниковые, все рабы по рождению. – Я раб, из питомника. Зачем мне клейма?

– Так, так ты с рождения раб?

– Да, – пожал он плечами. – Так что?

– Так, так ведь... – Зибо торопился, путался в словах. – Я не помню... нет, была одна!

Красная... ты в неё пошёл... была... индианка... привозили...

– Нет! – крикнул он. – Я питомничный!

– Так её, верно, из питомника и привезли, а я-то... – Зибо неуклюже затоптался, и он вдруг с ужасом увидел, что Зибо плачет. – По закону... положено... десятого... тебя выбрали, а ты в неё пошёл, а тебя, тебя нашли... десятого... а я-то, я-то уж думал...

Зибо врал, самому себе врал, он же видел это, понимал и ничего, ничего не сказал старику. Спорить без толку, когда раб самому себе врёт и сам же верит этому.

– Сын, сынок...

Зибо потянулся обнять его, и он отшатнулся. За это всегда били и отправляли в Джи-Палас, для джентльменов. Зибо опустил руки и беспомощно стоял перед ним. И плакал. Он молча сунул Зибо в руку тряпку с иголкой и ушёл в их закуток. Зибо пришёл позже, и он слышал, как Зибо подошёл к его ногам и стоял над ним, тихо всхлипывая. Он весь напрягся в ожидании. Если только дотронется – бить сразу. Но Зибо отошёл и лёг. И тогда он позволил себе заснуть...

...Эркин проснулся толчком от знакомого чувства опасности и не сразу понял, что его разбудило. Вокруг была та ночная тишина, к которой он уже начал привыкать, мягкая нестрашная темнота. И не болит у него ничего, ну, чуть зудят заживающие синяки. Что это было? Что? И вдруг понял. На улице. Вот оно! Молодые пьяные голоса орали «Белую гордость». Это ни с чем не спутаешь. Сколько он жил, под этот марш делались самые подлые, самые гнусные... Он сжал кулаки. Под него их сортировали в питомнике, по его сигналу начинали работать рабские торги. И волокли его в клетку под этот распев. Кого они там сейчас? А если... если узнали о нём, идут сюда? Страх туманил голову. Бежать, скрыться... Лежи – одёрнул он себя. Ты и шага не сделаешь, свалишься. Или пристукнут. И куда скроешься? Голоса удалялись, и он перевёл дыхание. Пронесло, на этот раз пронесло. Медленно распустил сведённые в комок мышцы. И не так уж много этих крикунов было. Это с перепугу показалось, что много. Ладно. Ещё день, ну, два, и он встанет. Рабу больше трёх дней на болезнь не дают. Три дня... да, вроде, три он как раз и отлежал. Кости есть, шкура цела, что ещё? Плечо? Разработает. И глаз... Будет видеть и ладно. Не выбили – уже хорошо.

Эркин медленно потянулся, пробуя суставы, осторожно повернулся на левый бок. Но привычка лежать только на спине – ещё в питомнике вбивали – была сильнее. В постели на боку – это когда работаешь. Но тело слушается, это главное, и он, довольный, снова вытянулся, уже забыв про разбудившие его голоса.

Женя уходила на целый день, и потому утро выдалось вдвойне хлопотливым. Накормив Алису и Эркина, она ещё раз повторила им все наказания, особо Эркину, чтобы не вставал.

– Сердце после жара сорвать легче лёгкого, – внушала она.

Он молча серьёзно смотрел на нее и кивал.

– Алиса, на улицу без меня ни ногой. Дома играй.

– Ага, – вздохнула Алиса.

– Эркин, – и уже по-английски: – присмотри за ней, ладно? – и по-русски: – будь послушной девочкой, и мама тебе кое-что принесёт.

И, чмокнув на прощание обоих, убежала.

Двойная смена – это контора, пробежка по магазинам, ещё одна контора и возвращение домой уже ночью на подгибающихся от усталости ногах и с гудящей от голосов и треска машинок головой. А завтра снова с утра. Но вторая работа давала возможность перекрутиться и даже побаловать Алису. Благо, там платили сдельно и каждый раз. Как всегда, в такой день Женя с утра заводила себя. Чтобы на весь день хватило.

И сегодня она быстро и чётко печатала, обсуждая появление в магазине старого Саймона консервов с Русской Территории. Кто бы мог подумать, что старый Саймон, этот рьяный поборник Чистоты-Расы-Во-Всём, первым заключит контракт с русскими, у которых, как всем

известно, нет Расовой Гордости?! Но Саймон ради выгоды негра публично поцелует. Что тоже всем известно. Консервы мясные и, говорят, неплохие.

– Но слишком жирные! – заявила Этель.

– Жир тоже можно использовать! – возразила Ирэн. – Рациональность везде нужна.

– И потом, – затараторила Майра, – русские распустили рабов, пусть теперь нас и кормят. Все с ней согласились.

Самооборона вчера перепилась и всю ночь шаталась по городу с песнями. Но песнями и ограничились, а на песни, говорят, комендатура не реагирует, и хоть так «Белую гордость» послушать. Общее кафе теперь самое модное место, а Крюгер открывает в своем ресторане Русский зал. Ну конечно, первый страх прошёл, комендатура не мешает жить, приходится подстраиваться.

– Джен, ходим к Крюгеру?

– Слишком дорого, Роза, – весело ответила Женя.

Она всегда о своей бедности говорила весело. Чтоб не думали, что она просит помощи.

– Ну конечно, – засмеялась Этель, – русскую кухню вы и сами знаете, ведь так, Джен?

– Конечно, – поддержала Майра.

– А в цветочном Эйбрунса появились махровые гвоздики.

– Настоящие махровые?

– Да, прямо шар на стебельке.

– И стоят, конечно, целое состояние.

– Но красивы, ах, как красивы.

Трескотня голосов и машинок преследовала Женю и в её стремительном беге за покупками. Слава богу, война кончилась, очередей стало заметно меньше, а денег ей всё равно никогда не хватало. И налетев на доктора Айзека, она даже не сразу поняла, что встреча, кажется, была не случайной.

– Добрый день, Женечка. Как ваши успехи в фармакопее? – заговорил он по-русски.

Женя почувствовала, что краснеет.

– Осложнений никаких не было? – и не понять, то ли спрашивает, то ли утверждает.

Смеющиеся глаза доктора помогли ей справиться с волнением.

– Да, спасибо, добрый день, – выпалила она всё сразу и светски добавила, – ваши советы мне очень помогли.

– Рад слышать, Женечка, рад за вас. И вот ещё что. Я старый человек, Женечка, одинокий. Мне и так хватает, а вам пригодится.

Из докторского саквояжа как бы сам собой появился аккуратный свёрток и как-то очень легко перелетел в её сумку и исчез под продуктами. Доктор проделал это с такой ловкостью и быстротой, какой Женя от него никак не ожидала.

– Но... но мне, право, неудобно...

– Неудобно, Женечка, сидя под столом, штаны, извините, через голову надевать. Я же один, Миша мой погиб, жена умерла, внуков нет. А сейчас всё так дорого, и хлопоты вам эти ни к чему. Только лишние разговоры пойдут. Так что всё нормально.

Женя оторопело хлопала глазами. О чём он говорит, какие хлопоты?! А доктор уже попрощался и удалился, озабоченно поглядывая на небо. Женя тоже посмотрела на быстро темнеющее небо, потом на часы и, ахнув, побежала на работу. А разговор с доктором ушёл куда-то вглубь. Дома она достанет, развернёт таинственный свёрток и уже тогда посмотрит и всё обдумает. А пока не до того. Успеть бы в контору до дождя. Утро было хорошее, и день солнечный, а сейчас – пожалуйста! Вот-вот хлынет.

На этот раз Эркину сразу заснуть не удалось. Алиса твёрдо решила вознаградить себя за три дня молчания и после ухода Жени подтащила к кровати стул и уселась на него. Эркин только вздохнул, но сопротивляться не стал.

Однако это оказалось легче, чем он ожидал. Алиса больше говорила сама, вполне удовлетворяясь тем, что он её слушает, и его краткими редкими ответами. А Эркин и не подозревал, сколько интересного можно узнать из детской болтовни. Говорила Алиса по-английски чисто, только изредка вставляя незнакомые ему, видимо, русские слова, но об их смысле можно было догадаться. Выговорившись, Алиса посмотрела на него, как-то смешно склонив голову набок, и вынесла решение.

– Ты хороший. Ты слушаешь. Маме всегда некогда, а во дворе со мной не разговаривают. Потому что я недоказанная. И ещё незаконная. А это очень плохо.

Она ждала его ответа, но он не знал, что сказать, и попытался дипломатично уйти в сторону.

– А у мамы ты спрашивала?

– Не, – замотала головой Алиса. – Она однажды услышала, как обо мне так говорят, и потом долго плакала. Я и не спрашиваю. А ты знаешь? Это плохо, ну, быть недоказанной?

– Нет, – резко ответил Эркин и, помолчав, осторожно сказал. – Ты хорошая девочка. А что другие говорят, просто не слушай.

У Алисы белая кожа, голубые глаза, светлые прямые и тонкие волосы, но она совсем, совсем не похожа на ту маленькую белую стерву из имения. Это ему только в бреду могло привидеться.

Алиса притащила к нему на кровать свои игрушки и познакомила его с Линдой, Тедди и Спотти. И он, как умел, поиграл с ней в гости. Вернее, он совсем этого не умел, и Алиса всё время подсказывала ему, что он должен говорить.

А потом на улице что-то случилось, и Алиса побежала к окну посмотреть, а когда вернулась, он уже спал. Алисе очень хотелось рассказать ему, что она там увидела, но будить не стала.

Потом она его всё-таки разбудила. Пообедать. И удалось ему это гораздо легче, чем вчера. Они даже ещё поиграли. За окном быстро темнело, и Алиса удивилась.

– Уже вечер? Тогда мама скоро придёт.

Эркин только осторожно пожал плечами. Алиса вдруг зевнула.

– Значит, вечер, – улыбнулся Эркин. – Иди спать. Только в одежде не ложись.

– Знаю, – отмахнулась Алиса и потащила игрушки в свой угол.

Он уже не слышал, как она легла. Тяжёлое чёрное забытьё наваливалось на него, пока не придавило. Он опять куда-то стремительно падал, и путались мысли...

...Обойдя скотину, он подошёл к навесу у задних ворот. Зибо всё ещё лежал там. Длинный свёрток. Но там были и надзиратели. Грегори и Полди. И о чём-то спорили. Он не успел уйти, и Грегори подозвал его.

– Отчего он умер?

– Не знаю, сэр, – вопрос не удивил его, но иного ответа он дать не мог.

– Ведь он, – Грегори усмехнулся, – не болел?

– Нет, сэр.

– Так может, – в голосе Полди откровенная издёвка. – Может, ты его придушил ночью, а? Или, – надзиратель похабно ухмылялся, – затрахал старика до смерти? А? Папашу-то? Признавайся, краснорожий, чего там!

Он угрюмо молчал, глядя себе под ноги.

– Займись делом, Полди, – оборвал гогот Грегори. – С этим я сам разберусь.

– Как знаешь, – Полди был явно разочарован таким оборотом, но ушёл.

– Угрюмый, ты вот что...

Он осторожно покосился на надзирателя. Грегори сосредоточенно смотрел на тело Зибо.

– Да, сэр.

– Ты возьми тележку и вывези его в Овраг. Там сам знаешь, что и как. Знаешь?

– Да, сэр.

– Один справишься? Или нет. Возьми Мальца. Понял?

– Да, сэр.

Это его совсем не устраивало. В том, что он задумал, рассчитывая, что в Овраг, как всегда, отправят именно его, любой будет лишним. Но не спорить же с надзирателем. А если ещё и надзиратель пойдёт, то совсем уж ничего не получится, так что надо со всем соглашаться, чтоб от тебя отстали. Но Грегори сразу ушёл, и он сам выкатил из сарая маленькую двухколёсную тележку. За ним никто не следил, и ему удалось подсунуть на дно тележки лопату. Он взвалил на тележку тело Зибо, тяжёлое и уже жёсткое, привязал его и уже тогда пошёл за Мальцом. Десятый сын Твигги, хоть и должен был помогать Ролли во дворе, как всегда крутился в прачечной возле матери. И сейчас Твигги сосредоточенно стирала, а Малец как всегда что-то жевал и подкачивал воду.

– Зибо умер, – сказал он с порога. Прачки прекратили работу и уставились на него. – Мне велено его свезти в Овраг. И Малец со мной. Пошли.

Твигги охнула.

– Ты что, Угрюмый! Он же дитё, ему с мертвяком нельзя! Да ты!..

– Иди и жалуйся! – перебил он.

Он всерьёз рассердился. Будто от него здесь что зависело. А так как Малец решил укрыться от него за баком, а у него каждая минута на счету, он прямо в сапогах прошлёпал по мыльному полу, выловил мальчишку и за шиворот одним броском переправил того к двери. А здесь уже знали, что Угрюмого лучше не доводить. И Малец, тихо подвывая, под такие же тихие причитания прачек натянул куртку и сапоги и заторопился за ним. Он встал в оглобли, велел Мальцу встать рядом, и они потащили тележку со двора. В воротах подошёл Грегори и молча их выпустил. За воротами он опасливо оглянулся: нет ли кого за спиной. Но Грегори не пошёл за ними. И никого не послал. Уже легче. Через рощу и старое заброшенное поле они шли к Оврагу. Месту, куда сваливали тела рабов. Навалом. Засыпая извёсткой и землёй. Малец не столько тащил, сколько шёл рядом, держась за дышло. Он покосился на посеревшее лицо и прыгающие губы мальчишки и ничего не сказал. Ладно, не такая уж это тяжесть. Пусть идёт, лишь бы не свалился. Тяжёлый запах от Оврага лип к лицу, вызывая тошноту. Впереди вздымался гребень вала перед Оврагом. Он остановился и прислушался. Было тихо.

– Здесь не поднимемся, – буркнул он. – Сворачивай.

Они тащили тележку вдоль вала, пока не нашли более пологий спуск.

– Я потащу, а ты сзади подталкивай, – распорядился он.

Ну, конечно, помощи от Мальца никакой. Сам, считай, и вытащил и тележку с трупом, и вцепившегося в задок Мальца. На гребне он опустил дышло и закрепил тележку, чтоб не скатилась. Малец стоял рядом, озираясь с ошарашенным видом. Перед ними тянулся длинный ров с таким же гребнем по другой стороне. Судя по свежим следам колёс, оттуда совсем недавно ушли грузовики из города или какого-то другого имения. Значит, и овражные ушли к себе в барак греться. Барак у них за гребнем, оттуда, что в овраге, не видно. А что не позвали их, так это в порядке. На одного, двух команда не нужна. Кто привёз, тот сам и вывалит. Холодный ветер сдувал трупный запах, или он уже привык к нему? Ну ладно, тянуть нечего. А то ещё овражный надзиратель высунется. Он отвязал веревку, удерживающую тело Зибо, и кинул её Мальцу.

– В кольцо смотай. И жди меня здесь.

Он взвалил на плечи страшный свёрток, взял лопату и стал спускаться в Овраг. Для этого ему Малец не нужен. Это он сам должен сделать. Зибо мечтал о сыне. Его обманули. О лёгкой смерти. И её не было. О могиле. Чтоб не в общем Овраге. Знал, что рабу могилы не положено,

но мечтал. А вот это он сделает. Он спустился на дно и пошёл в сторону от свежего завала, пока не нашёл выемку в стене. Копать было тяжело. Недавно прошли дожди, и сырая вязкая земля липла к лопате. Он сделал длинную низкую пещеру, как раз, чтобы уложить туда вытянувшееся тело. Ну вот. Осталось снять мешок и... он отвернул край с головы, заглянул в мёртвое лицо. И не стал этого делать. Пусть лежит в этом. Всё-таки хоть какая защита. Он заложил тело Зибо в пещерку, подгрёб сбоку выбранную землю и пригладил её лопатой. Ну вот, Зибо. Даже когда и сюда свалят трупы и заполнят овраг доверху, всё равно ты будешь лежать один. В плотной тёплой бумаге. И не будет известь разъедать твоё тело. Боли ты и при жизни вынес достаточно, чтоб ещё после смерти терпеть. И если правда, что будет общий суд и мы все, живые и мёртвые, придём туда, то у тебя там будет, чем прикрыть наготу, и будет человеческий облик, без язв и провалов. Он ещё раз оглядел склон. Да, если присмотреться, то сильно заметно. Но кто будет присматриваться? Нужно возвращаться. Малец мог и дёру дать с перепугу и холода... Он долго, цепляясь за редкие кусты, за какие-то торчащие из земли корни давно вырубленных деревьев, поднимался. И поднявшись был весь мокрый от пота. Малец сидел, скорчившись за тележкой, от ветра, что ли, прятался. Он бросил лопату в тележку, выбил из-под колеса камень и взялся за дышло. Малец молча пристроился рядом. И начался их обратный путь. Им не повезло. В воротах был Полди. Он долго обыскивал их, вдруг они что притащить вздумали, и грязно балагурил по поводу их долгого отсутствия. Наконец, отпустил, и он побежал на скотную. Пока он возился в овраге, за скотиной никто же не смотрел. И вдруг появился Грегори, посмотрел, как он бежит с вёдрами, и спросил:

– А где мешок?

Он остановился и с размаху поставил вёдра, так что часть пойла выплеснулась на пол, и молча уставился на надзирателя. Так, значит, всё-таки... всё-таки...

– Ты оставил его там?

– Да, сэ.

Лицо Грегори непроницаемо.

– Вечером, после всего, пойдёшь в пузырьчатку.

– Да, сэ.

– Работай.

И ушёл, уверенный в исполнении. Да оно так и есть. Ослушаться никто не посмеет. И он не посмел...

...Эркин с усилием открыл глаза. В комнате какой-то синий неприятный сумрак. Так перед грозой бывает. Но сейчас рано для грозы: весна только началась. Но как же тяжело чего-то...

Жене нравилась эта работа. Квартира, превращённая в контору, сохраняла уют и какую-то домашнюю милую атмосферу. И хотя Женя была не постоянным работником, а приходящей сдельщицей, но её приняли в этот кружок, и она чувствовала себя здесь своей, насколько она вообще могла быть своей.

Сегодня здесь были все: Норман, Перри и Рассел. Весельчаки, особенно, Перри, и любители, как они говорили, всего, что украшает жизнь. Конечно, Эллин и Мирта – тоже машинистки. И Хьюго. Инженер Хьюго Мюллер. Самая светлая голова в городе, штате, а может, и Империи, и спасавший её – свою голову – от бомбёжек в их захолустье. Женю приветствовали с такой сердечностью, что задумываться над её искренностью было бы явным и непростительным грехом.

Женя быстро разделась, убрала под вешалку сумку с продуктами и села за машинку.

– Джен, вы подобны живительному дождю для иссохшего цветка моего сердца!

Женя рассмеялась.

– Короче, Перри, у вас опять неразборчивый текст.

– Вы ясновидица, Джен.

– Давайте ваш текст.

Текст Перри как всегда вклеен, переклеен, вписан, перечёркнут и снова вписан. Но Жене это знакомо. Не страшно, бывало и хуже.

Обычно идёт весёлый трёп обо всём и ни о чём, но иногда кто-то затронет тему, которую обсуждают весь вечер. И сегодня. Эллин сказала, что развалины Паласа обносят забором, видно, будут что-то строить.

– Какой Палас? – спросила Мирта. – Эл или Джи?

– Леди-Палас, – ответил Норман. – Но если вы, милые дамы, надеетесь на его открытие, то увы-увы... комендатура не разрешит.

– А если бы и разрешили, – вступил, не отрываясь от чертежа, Рассел. – С кем открывать? Спальников практически не осталось. Их перестреляли ещё перед капитуляцией.

– А что? – спросила Женья. – Они действительно сексуальные маньяки?

Перри ухмыльнулся и открыл рот, но тут в привычной для него академической манере заговорил Хьюго.

– Видите ли, Джен, здесь нет однозначного ответа, всё и проще, и сложнее обыденных представлений. В какой-то мере, действительно маньяки. Но под постоянным контролем они были неопасны и поддавались определённому использованию. Их отбирали в раннем детстве, где-то в пять-шесть лет, и специально дрессировали.

Рассел не смог скрыть изумления, но промолчал.

– Хьюго, откуда вам это известно? – удивился Норман. – Вы же инженер.

– Ну, – Хьюго смущённо улыбнулся. – У меня дурная привычка внимательно читать всё, что попадётся под руку. И мне как-то попался учебник по дрессировке, вернее, это была инструкция по содержанию спальников. И я её добросовестно прочитал, хотя карьера владельца Паласа меня никогда не привлекала. Так вот, они становились в определенной степени маньяками. То есть они могут думать только о сексе и само присутствие женщины, возраст неважен, даже девочки, причем любой расы, но белой в особенности, включает, так сказать рабочий механизм. Их нельзя в этом винить, я думаю. Всё-таки они...

– Да, – перебил его Рассел, – это как сторожевая собака. Она не может не быть злобной.

– Совершенно верно, – согласился Хьюго.

– А когда стало ясно, – вмешалась Мирта, – что рабов придется освободить, и они останутся без контроля, то их и ликвидировали. Вполне логично.

– Причём, обратите внимание, – сказал Норман, – остальные рабы так же относились к ним крайне неприязненно.

– Да-да, – подхватила Эллин, – я сама видела, вы помните эти толпы, сразу после капитуляции, они шли мимо нашего дома. Зрелище, конечно, страшное. Так, когда обнаружилось, что в толпе есть спальник, его остальные просто затоптали.

– Ужас! – вырвалось у Жени.

– Да, – согласился Хьюго, – это ужасно. Но тут видимо срабатывает инстинкт самосохранения, как собаки избегают бешеных собак, так и здесь...

– Говорят, – перебила его Мирта, – что комендатура собрала уцелевших, ну, спальников, и вывезла куда-то.

– Зачем? – пожал плечами Рассел, – ведь они запрещают Паласы. Для исследований?

– Вряд ли русские столь рациональны, – возразил Норман. – Скорее, просто изолировали.

– А если всё-таки остались уцелевшие? – ужаснулась Эллин. – Брр, страшно подумать...

– А вы не думайте, – посоветовал Хьюго.

– Ну, как вы можете так говорить?! Вы мужчина, а мне поздно одной возвращаться через весь город...

– Я вас провожу! – радостно завопил Перри. – Клянусь, со мной вы в полной безопасности.

– А вы со мной, – Норман подмигнул Мирте.

– А вы, Джен, не бойтесь?

Женя подняла на Хьюго глаза и улыбнулась отстраняющей улыбкой.

– Нет, не боюсь. Перри, ваш текст готов.

– Волшебница! С меня доплата.

– Ловлю на слове, – рассмеялась Женя, принимая от Нормана пачку расчётов. – Как всегда в двойную ширину?

– Разумеется, Джен, вы чудо!

– Спасибо.

Комната вдруг осветилась пронзительно белым светом, и тут же оглушительно разорвалось небо.

– Гроза?

– Рановато.

– Всё равно! С первой грозой вас!

«Алиса боится грозы, – Женя заложила в машинку двойной разворот. – Ну, ничего не поделаешь. Авось обойдётся».

Эркина разбудил гром и плач Алисы.

– Это гроза, не бойся, – сказал он в темноту.

– Да-а, ты большой, тебе и не страшно, а я маленькая. Я сейчас к тебе приду.

– Нет.

Но по полу уже зашлёпали босые ножки, и очередная молния осветила карабкающуюся на постель фигурку. Он и сказать ничего не успел, как она уже забарахталась рядом с ним под одеялом.

– Алиса, – безнадежно попросил Эркин, – иди к себе. Это же только гроза.

– Не-а, – в её голосе уже не было слёз. – Мама тебе сказала, чтобы ты за мной присматривал, вот я и пришла. Чтоб тебе было удобно смотреть. Вот.

Эркин выругался про себя и откинул одеяло. Решительно обхватил Алису здоровой рукой поперёк туловища и понёс к кровати. Молнии сверкали одна за другой, и он ни на что не налетел. Уложил, укрыл одеялом.

– Вот. Это твоя постель. Здесь и лежи.

Алиса снова заревела.

– Мама меня всегда к себе пускает.

Дать ей подзатыльник – обычное средство общения с детьми – он не решился. Всё-таки она белая. Ощупью он нашёл рядом на табуретке какую-то игрушку и сунул ей. Игрушка тут же отлетела в сторону. Оглушительно рявкнул гром, сверкали молнии, а он ничего, ну, ничего не мог сделать. Алиса ревела и вылезала из кровати, а он пытался удержать её там. Словом, как это произошло – непонятно, но голова Алисы ударила его в лицо, разбредив щёку. Он глухо охнул и выпустил её.

От боли Эркин сел на пол, потом лёг и полежал так, прижимаясь к холодным доскам. Алиса испуганно притихла. Сверкнула молния, и в мучительно долгом ожидании грома она слышала, как он, постанывая, уходит и ложится.

Эркин добрался до кровати и упал на неё. Он не ждал такой боли и не был готов к ней. Пусть будет, что будет, он натянул на себя одеяло. От боли сразу закружилась голова, и он полетел опять куда-то в чёрный провал Оврага.

Алиса осторожно позвала его.

– Эрик, ты спишь, Эрик? Я не хотела...

Он молчал, и тут сверкнула такая молния, и так страшно громыхнуло, что она не выдержала. Она опять вылезла из постели и быстро перебежала к нему.

– Эрик, – тихо плакала она, – Эрик.

Алиса потеряла его за руку. Он только застонал. Она, пыхтя, залезла на кровать и осторожно подлезла под одеяло между ним и стеной.

– Эрик, не сердись, я не нарочно.

Он не ответил, значит, не сердится. И она, всхлипнув в последний раз, вытянулась рядом с ним. Теперь он отгораживал её от грозы, и Алиса успокоено засопела.

– А я люблю грозу, она освежает, – пальчики Эллин выбивали задорную дробь по клавишам машинки.

– Да, гроза увеличивает процент озона, – отозвался Хьюго.

– Фу, мистер инженер, вы так всё приземляете, – шутливо попеняла ему Мирта. – А кстати, вы ведь тоже ходили в Палас...

– Найдите того, кто не был в Паласе, – рассмеялся Перри.

– Ну, вы, Перри, наверное, и не выходили оттуда, – отпарировала Мирта, – так вот, согласитесь, Паласы решали целый ряд проблем.

– Ну, с этим никто не спорит, – отмахнулся Норман. – Но человечество решало эти проблемы и до Паласов.

– Вернёмся к допаласным методам, – засмеялся Рассел. – Но Паласы жалко. Всё-таки в них вложен труд. Придумать, создать систему, всё отладить... у создателя Паласов была светлая голова. Чем они мешали?

– А чем мешало рабство? – рассердилась Мирта. – Конечно, были и крайности. Но это же не причина, чтобы всё разрушать.

– Причиной была война, – пожал плечами Норман. – Просто надо было вовремя остановиться и не пытаться захватить всю Русскую Территорию. В конце концов, если русские хотят жить вперемешку с цветными, это их дело. Но нет! Мы должны защитить белую расу, привить русским расовую гордость. И прививали. Пока нас самих не оккупировали. А теперь, что ж, всё логично. Они – победители. И как мы хотели переделать их под себя, так они теперь переделывают нас.

– И что же, – Элли пыталась шутить. – Нам теперь жить вперемешку с цветными?

– Самооборона обещала защитить нас от этого. А Паласы? Это не самое важное. Даже к лучшему.

– Почему? – удивился Перри.

– Не будет межрасовых контактов на интимном уровне, – веско объяснил Норман.

Хьюго посмотрел на часы.

– Леди и джентльмены, наше время истекает. Кто сегодня казначей?

– Я, – Норман шумно отодвинул стул и встал. – Милые дамы, вы как всегда в первую очередь.

Весело, но очень чётко Норман подсчитал сделанное и достал пакет с деньгами.

– Да, Перри, ты обещал Джен доплату. Джентльмен должен держать слово.

– Я пошутила, – быстро сказала Женя.

– Зато Перри был серьёзен. Не так ли?

Под холодным взглядом Нормана Перри отделил от своей пачки несколько кредиток и подал их Жене.

Расходились с шутками по поводу ранней грозы и закрытых Паласов. Хьюго предложил Жене проводить её, но Женя предельно вежливо отказалась.

Шёл сильный дождь, и над городом ещё громыхала гроза, хотя раскаты были уже глухими.

В конце квартала Женя услышала сзади шаги и оглянулась. Ее нагонял Хьюго.

– Я всё-таки провожу вас, Джен.

– Но...

– Нет-нет, не спорьте, Джен. Давайте вашу сумку.

Он пытался развлекать её, но она отвечала невпопад и вскоре решительно распрощалась. Знает она этих провожающих! Её уже провожали. И тоже были в восторге от её ума и так далее... Не хочется и вспоминать об этом.

Она почти бежала по тёмным мокрым улицам. Война кончилась, но светомаскировку многие по привычке не снимали, и ни одного светящегося окна. Будто все вымерли. Гроза уходила, и дождь заметно ослабел. Но пальто промокло, и туфли насквозь. Что же она завтра наденет? Опять печку топить, а дрова на исходе... Ну, вот и забор, калитка. Женя сложила зонтик и, уже не защищаясь от дождя, отпирала и запирала все двери. Поднимаясь по лестнице, она слышала, как течёт с неё вода. Не зажигая света, она прошла на кухню. Сбросила туфли и пальто, поставила сумку и уже тогда вошла в комнату.

Когда Эркин очнулся, он не сразу понял, что произошло. А поняв... сначала он разозлился. Всё-таки залезла! Алиса как-то сумела втиснуться к нему сбоку так, что её голова теперь лежала у него на плече, и её дыхание щекотало ему кожу. Сейчас он соберётся с силами, встанет и переложит её. Лишь бы не проснулась и не заревела. Он осторожно попытался высвободиться, но она, что-то сонно пробормотав, ещё и руку ему на грудь положила. И тут он услышал шаги на лестнице... Всё, теперь всё, конец. Убивали за меньшее. Страх окатил его ледяной волной, шевельнув волосы на голове. На лбу и скулах выступил пот. Открылась дверь... шаги на кухню... раздевается... идёт в комнату...

Женя прислушалась. Два ровных сонных дыхания сливались в одно. Спят голубчики. Ну и хорошо. И тут она наступила на что-то мягкое. Что это? Тедди? Что он делает у двери? Она быстро подошла к столу, нашарила и зажгла коптилку. Сейчас она Алисе задаст за такое! И тут она увидела. Постель Алисы пуста... одеяльце скомкано и сброшено на пол... Где Алиса?! Она повернулась к кровати.

И сразу увидела потное блестящее лицо Эркина и закрытые, зажмуренные глаза. Да что это такое?!

Ещё не веря, она взяла коптилку и подошла к кровати. Показалось ей или нет? И рывком отбросила одеяло.

Он лежал на спине, вытянувшись во весь рост, даже не пытаясь прикрыться, а рядом, за ним, прижавшись, обнимая его, лежала Алиса.

Эркин слышал потрескивание фитиля и рискнул приоткрыть глаза, но лицо Жени показалось ему таким страшным, что он зажмурился. Затем он почувствовал, как сорвали одеяло. Он знал, что она увидит, и знал, как это можно понять... всё, это конец...

Женя стояла как в столбняке. Тельце Алиски казалось особенно белым и нежным рядом с этим тёмным костлявым телом. Головка у него на плече, ручка с растопыренными пальчиками на его груди, задрывшаяся рубашка... Коптилка дрожала у неё в руке и, чтобы не сделать ничего, не вылить горючку прямо на него, Женя отвернулась и долго, очень долго шла к столу. Поставила коптилку и постояла, глядя на огонёк, пока не заболели глаза. Потом вернулась к кровати и спокойно, будто... будто ничего особенного не случилось, очень спокойно и осторожно взяла дочку на руки. Алиса сначала цеплялась за него, потом открыла глаза и заулыбалась.

– Мам, ты?

– Я-я, маленькая.

– Тут гроза была, – сонно заговорила Алиса, – я испугалась так.

Женя укладывала её, укрывала, а она всё рассказывала.

– А мы играли... Мам, а я Эрика в глаз ударила... нечаянно... – и вдруг, – Мам, это ты?

– Я-я, спи.

– Ага. А гроза кончилась?

– Кончилась. Спи.

– Сплю, – согласилась Алиса.

Женя укрыла её, подоткнула одеяльце. Выпрямилась. Провела ладонью по лбу, как бы соображая, что же ей сейчас делать, и, почувствовав на себе взгляд, обернулась.

Он лежал по-прежнему, как она оставила его, и смотрел на неё. Она пошла к нему, и тогда он заговорил. Женя не сразу разобралась в этом захлёбывающемся рваном потоке слов.

– Женя, клянусь... она сама... – Эркин торопился выговорить, пока... нет, не оправдаться, но хоть сказать, объяснить, хоть что-то, – нет... гроза была... она испугалась, залезла... я заснул... Женя, нет, пальцем не тронул... Женя... я гнал её... Женя, не надо... пощади... Женя...

Она уже стояла рядом, а он всё говорил дрожащими прыгающими губами, и слова выходили невнятные, не те. Женя хотела остановить его. Говорить она не могла и потянулась закрыть ему рот рукой, но он ловил её руки и всё говорил, говорил, и речь его становилась всё более неровной, задыхающейся, а лицо кривилось в страшной гримасе. И его трясло, так сильно, что она видела эту дрожь.

И вдруг так же внезапно он замолчал и замер, раскинув руки. Она поняла: он ждёт удара. И подтверждая это, он сказал уже совсем другим, хриплым жёстким голосом.

– Бей, – и, судорожно дёрнув шей, сглотнул.

И замер в ожидании, только на лбу выступали и скатывались к вискам капли пота.

Женя повернулась и отошла, села к столу. Как она устала, господи, как устала.

И тут она услышала новый звук. Тихий безнадежный плач. Она уже слышала такое. Так плакали в госпитале. Умиравшие. Обречённые. Они знали, что умирают, и ничего не могли уже сделать, ни на что не надеялись и вот так, плача, прощались с жизнью.

– Перестань, – сказала Женя, не оборачиваясь. – И укройся. Простудишься.

Но была тишина. И она заставила себя встать и подойти к нему. Он молча смотрел на неё. Он ещё не отошёл от пережитого страха. Женя впервые видела его таким, вообще она раньше ни разу не видела такого. Он ждал её слов, и она устало сказала то, единственное, что могло успокоить и его, и её саму.

– Ты ни в чём не виноват. Что я, свою дочку не знаю. Она упрямая. Если решила что, своего всегда добьётся.

У него опять задрожали губы, и она накрыла их своей ладонью и держала так, пока с его лица не исчезло страшное выражение обречённости.

Женя медленно убрала руку, и устало повторила.

– Укройся.

Не отводя от неё глаз, он вслепую потянул на себя одеяло.

– Ну, что ты так, зачем? – сказала Женя.

Он не ответил ей, да она и не ждала ответа. Где-то очень далеко проворчал гром, зашевелилась во сне Алиса, и Женя подошла к ней. Нет, спит. Надо себя привести в порядок, а то ей болеть никак нельзя. Всё снять, развесить. Она ушла на кухню, разожгла плиту, развесила пальто, набила газетой туфли, переделалась.

Она ходила взад и вперёд в обычной вечерней круговерти. Машинальная бездумная работа и странная опустошённость внутри. И напряжённая тишина в комнате. И его блестящие, неотрывно следящие за ней глаза. Он лежал молча и только часто неровно дышал.

Эркин никак не мог отдышаться, не мог осознать, что обошлось, что она пощадила, поверила ему. Он ждал смерти и не мог поверить, что смерти не будет. Его трясло, а на глаза наворачивались слёзы, и он никак не мог их остановить. Когда Женя выходила, он осторожно, ста-

раясь не зашуметь, переводил дыхание и вытирал лицо, но приближались её шаги, и он снова замирал, не смея шевельнуться.

Женя вынимала из сумки покупки и тут же раскладывала их по ящикам и полкам кухонного шкафа. А это что? Свёрток какой-то? А, это же ей дал доктор Айзек. «Утром посмотрю, сейчас не до него». Но любопытство пересилило и усталость, и это странное чувство опустошённости. Она быстро развернула бумагу... И ничего не поняла. Что это? Вещи какие-то? Рубашки, майки, трусы, носки, коробочка с бритвой и помазком... и... пачка сигарет?! Как он сказал? «Мой Миша убит, я один». И ещё что-то о дороговизне и лишних хлопотах. Вещи не новые, но всё чистое и целое. Как? Откуда он узнал? Догадался... То, что необходимо, но что нельзя опознать. Она же действительно не может за этим пойти в магазин, а у Эркина нет белья... Но... но как доктор догадался?

– Эркин, – вырвалось у неё, – Эркин, иди сюда!

Он услышал.

Её голос заставил бы его встать и в худшем состоянии. Его звали. И Эркин встал и пошёл на её голос. По дороге его шатнуло, он ударился больным плечом о печку, но не почувствовал боли.

В кухне было тепло, и по стенам метались тени от неровного огня в плите. На столе лежали какие-то вещи, и Женя стояла, прижав ладони к щекам.

– Эркин, – повторила она замирающим голосом. – Ты только посмотри, что мне дали.

Он осторожно подошёл к столу. Рубашки, мужское белье? Зачем? Он должен одеться и уйти? Она гонит его? Он вздохнул, как всхлипнул. И этот вздох вернул Женю к действительности. Но Эркин ещё думал о том, что было, а она... Женя уже перешагнула через случившееся. Она быстро разбирала и раскладывала вещи. Так. Рубашек две, маек две, трое трусов... И увидела его глаза...

– Ой, я и не подумала! Тебе ж ещё нельзя вставать.

Он недоумённо смотрел на неё. А Женя, не замечая, не желая замечать его состояния, охватила его за плечи и повернула лицом к двери.

– Иди, ложись, иди-иди.

Он задрожал от её прикосновения. И вдруг остановился, и обернулся к ней. Он стоял и держал её за руки, стискивая ей кисти и прижимая их к своей груди. У него дрогнули губы, и Женя, испугавшись, что у него опять начнется истерика, заговорила сама.

– Ну что, ну что ты? Успокойся, Эркин...

– Же-ня, – сказал он тихо. – Же-ня...

– Ну что?

– Же-ня, я не виноват, нет...

– Я знаю, успокойся.

– Женя, – он смог перевести дыхание. – Я видел, в распределителе... нас пятеро было... на продажу... один наш... там девочка была, надзиратель дочку привёл, она бегала, упала, и он её поднял и по голове погладил... а она закричала... Как его били, Женя, как его били...

– Ну, успокойся, – просила она. – Это же давно, до освобождения...

– Женя! – его голос оборвался, и он только тихо повторил. – Как его били...

– Ну не надо, – Женя мягко высвободила руки. – Иди, ложись. У меня ещё много дел. Иди, Эркин, тебе надо поспать.

– Женя, нас все ненавидят. За что? Мы же рабы, такие же рабы как они все. Стукачей убивали, так из-за них остальных мучили, а нас... за что нас, Женя?

Она молча пожала плечами. И он тоже замолчал, опустил глаза.

– Иди, Эркин, – повторила Женя. – Ложись спать.

Он, покорно опустив голову, повернулся. В дверях его шатнуло, но он устоял.

Коптилка в комнате погасла, видно, выгорело горючее. Эркин постоял, привыкая к темноте, и ошупью пошёл к кровати. Привычно лёг, укрылся. Обошлось, на этот раз обошлось. Он длинно прерывисто вздохнул. Болела грудь, ныло плечо, воспалённо горели глаза. Он ещё слышал, как Женя возится на кухне, и хотел дождаться её возвращения. На случай если Алиса проснётся и опять полезет, но не дождался. Рухнул в сон, как в Овраг.

Когда Женя вернулась в комнату, постелила себе и легла, он уже спал, вздрагивая и постанывая во сне. О произошедшем Женя старалась не думать. Она давно научилась отбрасывать всё неприятное, что нельзя исправить и не даёт жить. Ничего же не случилось? Значит, ничего и не было. Хорошо ещё, у неё хватило ума не разбудить Алису. Но как же он испугался, до сих пор не успокоится. Нет, хватит об этом. За всем этим она не покормила его и не дала лекарства. Последний пакетик. Завтра с утра даст. Хуже не будет. Как всё-таки доктор Айзек хорошо подобрал лекарства. Подумать только, вот так, за глаза, не спрашивая... «Миша погиб», – сын, наверное, а это вещи сына. Что осталось. Две зимы были трудные, продавали, кто что мог. Это ей продавать было нечего. Как они с Алисой перебились – уму непостижимо. И война... Но здесь их оставили в покое. Она смогла найти работу и эту квартиру. Русские побеждали, и к ней стали относиться не лучше, нет, не так плохо. Всё-таки она была белой, пусть и «условной». И Алиса уже всё понимала, и ей уже было с кем поговорить. И больше не появлялись те страшные люди. Она видела их. Они проходили мимо неё, не глядя, не замечая её, прямо к её начальству и хозяину квартиры. И она теряла работу и жильё. И должна была уезжать. Безликие, страшные своей безликостью, не люди – приделки к своему оружию. Они всегда казались ей вооружёнными. Хотя были в штатском и без автоматов, с пустыми руками. Они гнали её, и она убегала от них. Всё дальше и дальше, от родных мест, от учебного городка, от всего, от самой себя прежней... Только здесь, в Джексонвилле, тихом захолустном городке посреди имений они отстали от неё.

Женя вздохнула, засыпая. Всё-таки она победила их. Она выжила. Спасла Алиску. Победа осталась за ней. За окнами шумит дождь, из кухни тянет теплом от остывающей плиты. Да, дрова, вода, выгребная яма – всё во дворе. Но отдельный вход, целая крыша, не самый плохой и, главное, белый квартал, и посильная плата... Всё не так уж плохо. Она может спокойно спать.

Тетрадь третья

Эркин проснулся перед рассветом. В имении как раз пора вставать к утренней уборке и дойке. Он прислушался. Алиса и Женя ещё спят. В комнате темно, но темнота уже утренняя, прозрачная. Он осторожно сполз с кровати и пошёл на кухню. И маршрут уже хорошо известен и не раз пройден, так что ни на что не налетел, ничего не задел. Даже дверь уборной не скрипнула.

В кухне было посветлее. Он умылся из рукомойника. Воспользоваться висящим рядом полотенцем не рискнул: и так обсохнет. Кожа на лице и руках обветрилась и загрубела ещё в имении, и он давно не заботился о ней. Эркин подошёл к окну, но небо только синело и разобрать, что там внизу, было трудно.

– Ты чего так рано вскочил?

Он резко обернулся. В дверях кухни стояла Женя.

– На вот. Не ходи голым.

Он взял трусы, неловко натянул.

– Ты что, – удивилась его неловкости Женя, – никогда трусов не носил?

– Нет, в Паласе, иногда, – на последних словах он справился с голосом и смог продолжить, – не трусы, а шорты. Ну, обрезанные штаны.

– Ясно, – кивнула Женя. – Подожди, я тебе резинку подтяну.

Трусы и в самом деле были ему слишком свободны и сваливались. Женя спокойно подошла вплотную к нему.

– Руки убери.

Он послушно заложил руки за спину. Она отогнула верхний край и подцепила ногтями резинку. Эркин стоял, опустив голову, и молча смотрел, как она вытягивает резинку, собирая трусы в сборку.

– Так хорошо? – подняла она на него глаза.

Он молча кивнул. Женя завязала узел и отпустила его.

– Вот так, – и повторила. – Не ходи голым.

Он опять кивнул, а она продолжала.

– Твоё высохло всё. Сегодня я рано заканчиваю, вечером зашью, где надо. А ты сегодня полежи ещё. И сейчас иди, ложись, а то опять простынешь.

Она говорила так, будто ничего и не было, и он не посмел и обмолвиться о вчерашнем. Ему велели уйти и лечь. Он сделал, как велено. Хотелось есть, но он привычным усилием задавил голод. Зазвучал голосок Алисы. Он невольно дёрнулся от него как от удара. Шаги, голоса, звяканье посуды... Рука Жени коснулась его волос.

– Эркин...

Он заставил себя спокойно открыть глаза.

– Садись, поешь.

Из-за стола на него смотрела румяная мордашка Алисы. Он отвернулся. На всякий случай. Есть, сидя в постели, было не очень удобно, но ведь главное – еда. Горячая каша, от каждого глотка тепло по телу... Глядя, как он выскребает тарелку, Женя засмеялась.

– Сейчас ещё дам. Вот, держи, – и по-русски, – Алиса, тебе дать?

– Не-а!

Женя заметила, как он напрягается, как только Алиса заговорит, и нахмурилась.

– Ладно, как хочешь. Иди на кухню, мойся, вся перепачкалась.

Когда Алиса вприпрыжку убежала на кухню, подошла к нему.

– Вот молоко, вот таблетки. Вчера не принял.

Он затравленно поднял на неё глаза, покорно проглотил таблетки, запил их молоком и, не отводя от неё взгляда, лёг.

– Не сердись на Алису. Она в твоих страхах не виновата.

– А я? – вдруг вырвалось у него.

– И ты, – горько улыбнулась Женя. – Никто не виноват, что жизнь такая. А Алиса... она ничего не поняла и уже всё забыла.

– Я понимаю, – он попытался улыбнуться, – но это сильнее меня.

– Пересиль и это, – пожала плечами Женя. – Пожалуйста, Эркин. И без этого хватает... – она оборвала фразу и продолжила другим тоном: – Ты полежи ещё сегодня, хорошо?

Он кивнул и отвернулся к стене.

Женя собиралась на работу. Уже привычные шумы, непонятные русские слова, шаги... и тишина. Он остался один. Ненадолго, вон уже опять детские шаги на лестнице и стук закрывающейся двери. «Не надо, – мысленно попросил он. – Не подходи, не могу я». Она словно услышала его, не подошла. Возится в своём углу...

А Эллин права. «Гроза освежает». Город выглядел чистым и умиротворённым. Наконец показалось солнце, блестели и искрились лужи, в щелях на тротуаре торчали ярко-зелёные стрелки травы. И встречные казались так же промытыми вчерашним ливнем. Но Жене было как-то не по себе, будто что-то мешало, беспокоило. Она догадывалась что именно, но думать об этом – это опять войти во вчерашнее, а она твёрдо решила забыть об этом, решила, что этого и не было. А решения надо выполнять.

Сегодня Женя была очень активна и усердна в общей беседе, хотя говорили о сущих пустяках. Но любая более серьёзная тема могла нарушить то зыбкое равновесие в ней самой, какое установилось с таким трудом. И весь утренний разговор не удержался у неё в памяти. Будто и не с ней это происходит.

Эркин лежал, отвернувшись к стене. Засыпал и просыпался толчком от вновь и вновь вспыхивавшего страха, от чудящихся прикосновений. И сны, неровные, оборванные, от которых болела голова и мучительно ныла грудь. Будто избили его. Как же он мог так сорваться? Держался, в имении ни один надзиратель не выжал из него просьбы о пощаде, ни один раб не услышал от него жалобы... Держался. И вот... Когда эта сволочь беломордая била его, держался...

...Он не ждал ничего такого, и когда трое белых в странной форме заступили ему дорогу, он спокойно остановился. Они молча подходили к нему, и он поздно заметил, что ещё четверо подошли сзади. Он ждал вопроса, даже угроз, а его стали бить. От первого удара он отклонился, но, когда его схватили сзади за плечи и руки и придержали, подставляя под хлыст, понял, что осталось одно... и вскинул голову навстречу удару. И не упал, его сбили с ног и били уже на земле, топтали. С пьяным радостным хохотом...

...Эркин застонал и сразу услышал лёгкие детские шаги. Опять, опять он не сдержался и вот...

– Эрик...

Он замер, зажмурившись. Может, может примет за спящего и уйдёт...

– Эрик, открой глаза, мне страшно.

Он молча ждал.

– Эрик, не сердись. Тебе больно, да?

В голосе Алисы звенели слёзы. И он не выдержал. Повернулся на спину и открыл глаза.

– Ну что тебе?

– Эрик, я нечаянно, я не хотела.

– Чего? – не понял он.

– Ну, – она осторожно указала пальцем на его глаз. – Я ударила тебя. Я не хотела, правда. Ты не сердисься?

Он смотрел на неё и словно не мог понять, о чём это она говорит. Чего она хочет от него? Алиса шмыгнула носом, удерживая слёзы.

– Нет, не сержусь.

Он сказал это, лишь бы она отвязалась, но она поверила. Глаза сразу высохли, только щёки мокро блестели.

– Я тебе морсу принесу. Там ещё есть? Хочешь?

Он промолчал, но она уже убежала и вскоре вернулась с полной кружкой.

– Вот, пей.

Щёки у неё перепачканы морсом. Видно, сама пила прямо из кастрюли. Он пил маленькими глотками, преодолевая боль в груди.

– Спасибо, – выдохнул он, допив.

– На здоровье, – ответила она, забирая кружку. – Я сейчас отнесу и вернусь. Ты не спи, ладно?

– Почему?

– Ты так стонешь, когда спишь. Мне страшно.

Он усмехнулся её просьбе. Стонать нельзя. Рабские стоны мешают белым господам отдыхать.

Когда Алиса вернулась из кухни, он лежал на спине, глядя в потолок остановившимся взглядом. Это тоже было страшно, но она не рискнула звать его. Алиса залезла на стул у кровати, но он не заметил её...

...Горький запах дыма и вянущей умирающей травы. Звёздное небо и рыже-золотое пламя костра. Кричит ночная птица, да изредка всхрапнёт какая-то из лошадей. Он сидит у огня, обхватив руками колени и положив голову на руки. Губач и Осси спят. Заснул и Мэтт. Или молча терпит. Во всяком случае, его стонов больше не слышно. После окрика из палатки Мэтт замолчал.

– Угрюмый!

– Да, сэра.

Снизу вверх он смотрит на надзирателя. Задремал он, что ли, ведь Грегори спал в палатке и вот стоит над ним, одетый, будто и не ложился.

– Обойди стадо.

– Да, сэра.

Он послушно встаёт и идёт в темноту. Это у костра ночь казалось чёрной, а так... он различает белые неясные пятна спящих телят. Огибая котловину, куда они загнали стадо на ночь, снова выходит к костру. Грегори сидит на корточках у огня. Широкополая шляпа сдвинута на затылок, в зубах зажата сигарета. Остановившись в нескольких шагах, он смотрит, как надзиратель прикуривает от горящей веточки и кидает её в костер.

– Подойди, – Грегори резким коротким взмахом указывает ему место по другую сторону огня. – Садись.

– Спасибо, сэра.

Он садится, как приучили сидеть на полу перед господами ещё в питомнике. Опускается на колени, а затем откидывается назад и садится на пятки. Но в сапогах так неудобно, и он чуть сдвигает тело, чтобы сидеть на земле.

– Как там?

Там – это в стаде?

– Всё в порядке, сэра. Они спят, сэра.

Грегори кивает.

– Через три дня их погонят на бойню.

Это не требует ответа, и он молчит.

– А мы вернёмся в имение. Ты хочешь вернуться, Угрюмый? Ведь ты – индеец, тебе наверняка охота остаться здесь, скакать на лошади и не помнить ни о чём, а? Я бы остался. Здесь вольный воздух и можно жить ни от кого не завися, на воле.

Пьян Грегори что ли, завёл разговор с рабом о воле. Как же, ответит он на такое, подставит себя под плети, ждите, господин надзиратель, поищите другого дурака, сэр.

– Из-за чего ты дрался с Губачом?

Он вздрагивает от неожиданного вопроса. Грегори ждёт, недобро щуря светлые глаза. Он нехотя отвечает.

– Приставал, сэр.

– Значит, он ещё считает себя спальником, – кивает Грегори. – А Мэтта за что бил?

На этот вопрос ответить легко.

– Он взял мой хлеб, сэр.

– Ты хорошо дерёшься, Угрюмый. Я не ждал, что ты отобьёшься. Ты ведь соврал. Они били тебя втроём, – и поправляет сам себя, – хотели бить.

Чего надзиратель хочет от него, зачем этот разговор? Грегори встаёт, сплёвывает сигарету в костёр.

– Буди Осси, и ещё раз обойдите стадо.

– Да, сэр.

Он легко вскакивает на ноги и оказывается лицом к лицу с Грегори.

– Приглядите, как следует, – усмехается надзиратель, – все должны попасть на бойню в лучшем виде.

Зачем Грегори все время говорит о бойне? Не всё ли равно, куда они их гонят? Он молча стоит, опустив глаза и разглядывая руки Грегори, поправляющие пояс. Красивый пояс в пряжках, заклёпках, с подвешенной сбоку плетью.

– Иди, чего встал.

– Да, сэр.

Он идёт к фургону, под который забиваются на ночь рабы.

– Осси. Вылезай.

Видно, не спал, сразу завозился, вылезая.

– Пошли к стаду.

Осси что-то неразборчиво бурчит, но идёт сзади. Уйдя подальше от костра, он спрашивает, не оборачиваясь.

– За что Мэтта пороли?

– Окурок стащил, – так же тихо отвечает Осси, и совсем шёпотом: – Масса Грегори отвернулся, он и схватил. А масса Эдвин заметил.

Сейчас они на дальней стороне котловины, костёр заслонён кустами на гребне, и их никто не видит. Осси присаживается на корточки и водит рукой в воздухе, будто считает. Он опускается рядом.

– Чего тебе масса Грегори сказал?

– Через три дня в имение.

Осси вздыхает...

...Кто-то вздыхает рядом. Эркин оторвал взгляд от потолка. Алиса? Ну, чего ей, мало вчерашнего? «Ничего не поняла, и всё забыла», – сказала Женя. А ей и не надо понимать. Он тоже хорош, психанул по-полному, но уж очень испугался. А разве те белые девчонки в имении понимали? Старшая-то да, а младшая... Просто делала то, чему её учили.

Алиса заметила его взгляд, её лицо сразу оживилось, и она улыбнулась ему. Он заставил себя шевельнуть губами в ответной улыбке.

– Тебе принести чего?

– Нет, – качнул он головой, – не надо.

– А почему ты стонешь, когда спишь? Разве спать больно?

– Нет.

– А, это плохие сны, да?

– Да, – согласился он.

– А ты думай о хорошем. Мама говорит, чтобы не снилось плохое, надо перед сном о хорошем думать.

Эркин усмехнулся. Немного было у него такого, чтобы приятно вспомнить перед сном.

– Ты хочешь спать, да?

– Да.

Ответ звучит слишком резко, и Алиса начинает обиженно сползать со стула.

– Тогда я пойду.

Он уже не смотрит на неё. Думать о хорошем. А хотя бы об этом. Ему есть что вспомнить...

...После смерти Зибо сколько же прошло? Неважно. Была уже зима, с её мокрым холодным ветром, суточными дождями, несколько раз выпадал и таял снег. Всё было мокрым, склизким, холодным. Куртка не просыхала. Он заканчивал уборку, когда прибежал Мэтт и с порога заорал.

– Угрюмый! Давай скорей! В Большой Дом!

Мэтта на посылках не использовали. И с какой стати его, скотника, в господский дом зовут? И вместо ответа он обругал Мэтта, что тот ему выстудит скотную. Мэтт ответил столь же забористой руганью и повторил приказ срочно идти в Большой Дом.

– Всех велено собрать.

– На всех пузырьчатки не хватит, – отмахнулся он, влезая в сапоги.

– Да не в пузырьчатку, навозник, в холл.

Проходя мимо, он дал за навозника Мэтту по шее, но несильно, тот только встряхнул головой и ухмыльнулся. Через залитый холодной грязью задний двор они перебежали к Большому Дому, сбросили на рабском крыльце сапоги – куча набралась уже большая – и прошли в холл. Большой, как сортировочная в распределителе и всегда пустой, сегодня был забит рабами. Он сразу разглядел горничных и лакеев у внутренних дверей, дворовые теснились в другом углу, рядом с ними, но сами по себе стояло семеро индейцев, отработочных, вон и господские няньки. Внутренние двери приоткрылись, и кто-то невидимый вытолкнул красивую мулатку в прозрачной длинной рубашке и молодого негра в паласной форме. Ух ты, даже спальников пригнали. Он и увидел-то их впервые. По толпе рабов прошёл смутный угрожающий ропот, но никто не шевельнулся, не зная, чего ждать и чего делать. Сам он встал к дворовым, сзади всех, чтоб не лезть на глаза. Стояли молча, даже не перешёптывались. Уже слышали, что русские разбили Империю, а у русских нет рабства, теперь и здесь не будет... говорено об этом, переговорено, но как шло всё заведённым порядком, так и идёт. И пузырьчатка не пустует.

– Угрюмый.

Он оглянулся. А, Ролли. Ролли безобидный, с ним не страшно, он сам всех боится. Правда, и ничего серьёзного ему не скажешь – сразу всем выложит.

– Чего тебе?

– Говорят, свободу объявят, – шлёпали у его уха губы Ролли.

– Кто говорит, тот и объявит, – отмахнулся он.

Чего об этом говорить. Отработочные психуют, так они-то свободу ждут. Им отработать на белого хозяина без наказаний и вот она – свобода. Кто прямо из резервации, тому три года отработки, после первого побега – первое клеймо и десять лет работы, после второго побега – второе клеймо и уже вечное рабство. Да за каждое наказание срок прибавляется, и если перепродадут, то и срок заново отсчитывается. Он покосился на отработочных. Вон тот, с пере-

ломленным носом, говорят, в пятый раз свои три года начал, совсем недавно его привезли, ещё после ломки не отошёл. А этот с двумя клеймами, раб, а стоит не с рабами, а с этими, ну, индейцы всегда вместе держатся.

– А если и вправду? – не отставал Ролли.

Мэтт молча ткнул болтуна кулаком под рёбра, чтоб заткнулся. Отработочные о чём-то шептались между собой. Он прислушался: английские слова тонули в незнакомых гортанных. Он ничего не понимал и потому перестал слушать.

– Все здесь?

Он вздрогнул и вытянул шею, даже привстал на цыпочках.

– Да, сэр, собрали всех.

Так, это Грегори, вон Полди, Эдвин, остальные надзиратели. А в центре хозяин, хозяйки нет, а рядом с ним белый в форме, никогда такой не видел. Русский? С виду – обычный беляк, ничего особенного. Хозяин-то с ним как, улыбается, заглядывает в глаза, как... как раб хозяину.

– Пожалуйста, лейтенант, все рабы собраны здесь, все до одного.

– Благодарю, – небрежно кивает офицер.

– Я больше не нужен?

– Нет, можете идти.

– Да-да, конечно, – хозяин как-то бочком исчезает во внутренних дверях.

Офицер сделал шаг вперёд.

– Все слышат меня?

По холлу прошёл неясный шум и оборвался, как только офицер заговорил.

– Я, офицер русской военной администрации, объявляю вам распоряжение администрации. На всей территории, находящейся под контролем русской военной администрации, рабочее, владение, система отработки, все отношения зависимости отменяются.

Офицер остановился, перевести дыхание, а может, хотел что-то услышать, но все молчали. И офицер продолжал. А он смотрел на него, видел, как шевелятся его губы, слышал, что тот говорит какие-то слова, но... но словно это и не с ним, словно он спит, и это во сне.

– Вот и всё, – офицер улыбнулся. – Вы свободны.

Тишина стала невыносимой, и офицер снова улыбнулся им.

– Ну, спрашивайте.

Они молча стояли и смотрели на него. И вдруг, расталкивая всех, вперед ринулся отработочный, он даже и не разобрал, который из них.

– Господин офицер, масса, мы отработочные, мы не рабы. Нам можно уйти?

– Можно, – кивнул офицер.

– Он врёт, – закричал кто-то из дворовых. – У него два клейма, масса, он раб, как и мы.

Отработочный кинулся на крикнувшего с кулаками, но офицер поднял руку, и все застыли на месте.

– Это неважно, – сказал офицер. – Свободу получают все. Вы можете уйти или остаться, никто не может вам приказать.

Он прислонился к стене, его вдруг словно ноги перестали держать. А рабы всё теснее грудились вокруг офицера и спрашивали, спрашивали, перебивая друг друга, не дослушивая ответов. Ни один белый не подпустил бы столько рабов так близко к себе. А этот не боялся. А потом офицер сказал, что ему надо ехать в другие имения, и ушёл, кто-то из лакеев побегал его провожать, и они остались одни. Он только сейчас заметил, что надзиратели куда-то смылись, и сразу забыл об этом. А вспомнил о сапогах. В общей куче их легко подменить, а они у него ещё совсем крепкие. И он тихо вышел из холла, нашёл на крыльце свои сапоги и обулся. И видел, как разворачивается машина, зелёная с белой надписью на дверце маленькая машина, и видел, как она уехала. А ворота остались нараспашку. Он сел на крыльцо и смотрел

на эти распахнутые ворота, и ничего лучше тогда не было. Потом... А! Потом началось... И это вспоминать сейчас не хотелось...

...Эркин оборвал воспоминание и прислушался. Где там Алиса? Слишком тихо. Он открыл глаза, осмотрелся. Вон она, сидит на подоконнике и смотрит в окно. Она, видно, почувствовала его взгляд, обернулась было, но тут же опять уставилась в окно. Ну и хорошо. Эркин осторожно попробовал размять правую руку. Плечо, конечно, болит, но двигать рукой уже можно. Попробовал опереться на правый локоть и крикнул от уколовшей в плечо боли. Снова лёг, напряг и распустил мышцы. Тело болело, но слушалось. Он откинул одеяло, чтоб не мешало, и занялся уже всерьёз. А то совсем суставы задубели. И не сразу заметил, что Алиса уже рядом и внимательно смотрит на него.

– Это ты зачем? – и, так как он не ответил ей, сама решила, – это такая игра, да?

Эркин нерешительно кивнул, натягивая на себя одеяло.

– Я тоже так хочу.

И она явно приготовилась лезть на постель.

– Нет, – почти крикнул он.

Алиса удивлённо смотрела на него.

– Тогда давай в другое играть.

– Нет, – повторил он.

– Со мной никто не хочет играть, – глаза Алисы наполнились слезами. – А маме некогда.

Она работает. Ты тоже... то спишь, то тебе больно, то не хочешь...

Да, Женя работает, а он валяется, а если девчонка сейчас заревёт в голос и на её рёв кто-нибудь придёт... Эркин осторожно повернулся на правый бок, оберегая плечо, и теперь их лица почти рядом.

– Я не умею играть, Алиса.

– Как это не умеешь? – её удивление было таким беспредельным, что он улыбнулся. – А во что ты играл, когда был маленьким?

Эркин задумался, припоминая, и честно ответил.

– Не помню. Вроде и не играл.

– Так не бывает, – возразила Алиса. – И я тебя научу. Хочешь?

Он вздохнул: деваться некуда – и ответил.

– Ну, давай.

Что ему ещё остаётся?

К приходу Жени он уже освоил игру в «ласточкин хвостик». Алиса так разыгралась, что не сразу даже заметила мамино возвращение. И Женя, стоя в дверях, смотрела, как Алиса, румяная, с горящими глазами, вкрадчиво приговаривая: «Ласточка, ласточка, ласточкин хвостик», – медленно тянется к нему шлёпнуть его по запястью, а его рука лежит неподвижно, но в последний момент на слове «хвостик» взлетает, и Алискина ладонь натывается на его жёсткую бугристую ладонь. И, судя по его лицу, он получал не меньшее удовольствие.

Почувствовав взгляд Жени, Эркин поднял на неё глаза, сразу же получил шлепок по запястью, и радостный вопль Алисы: «А я выиграла!» – стал концом игры. И Женя быстро улыбнулась ему, успокаивая.

– Так, а пообедать вы, конечно, забыли.

Женя говорила нарочито строго, и он в первый момент было напрягся, но видя её улыбку ответно улыбнулся и ответил так же подчеркнуто виновато.

– Заигрались.

– А я сегодня рано закончила, – говорила Женя, одновременно целуя Алису, быстро переодеваясь за дверцей шкафа, накрывая на стол и поправляя ему одеяло. – Что-то совсем работы не было, и нас отпустили, но обещали оплатить полный день.

– Мам, а сегодня русский день, – влезла в её скороговорку Алиса. – Чего ты по-английски говоришь?

– Не чего, а почему, – поправила её Женя. – Потому что Эркин русского языка не знает. А надо говорить на том языке, который все понимают. Или ты знаешь русский? – быстро повернулась она к Эркину.

– Нет, – покачал он головой. – Так, отдельные слова.

– Вот видишь, – это уже Алисе: – Иди мой руки. – И опять ему: – Замучила она тебя?

Эркин неопределённо шевельнул здоровым плечом и, так как она ждала его ответа, попробовал объяснить:

– Непривычно очень. Но не трудно.

Женя кивнула.

Как всегда, с её приходом всё так и кипело вокруг неё, вещи как сами собой летали по воздуху, укладываясь в нужное место, одновременно делалось множество дел, она появлялась и исчезала, и он только моргал, пытаясь уследить за ней.

И вот Алиса накормлена и отправлена во двор гулять, Эркин лежит, сыто отдуваясь, в полусонном оцепенении, со стола убрано, возле печки сохнут принесённые со двора поленья, на плите греется для вечерней стирки вода, ведро из уборной опорожнено, а Женя сидит у окна с шитьём. Ему, конечно, хотелось бы, чтобы она села рядом, но он понимает: всё дело в свете.

– Ну, как ты? – Женя отрезает нитку, вскидывает на миг на него глаза и снова вся в шитье. – Отошёл?

– Да. Завтра я встану.

– Встанешь, – соглашается Женя, – но побудешь пока дома. На улицу тебе рано. Сорвёшь сердце. Алиса сильно надоедала?

– Не очень.

– Ей скучно одной. Подружек у неё нет. Не обижают, и то хорошо.

– Она мне сказала... – он запинается, не зная, как об этом сказать.

Но Женя говорит сама. И так просто, будто ничего такого в этом нет.

– Что она «недоказанная». Да, так всегда пишут, когда нет сведений об отце, а по внешности – белая. Ты же знаешь.

– Да.

– Я старалась не попасть в Цветной квартал. Это ж как клеймо. Если б не война, меня б с ней загнали туда, а так... в последнее время за этим так строго не следили.

Эркин молча кивал. Она подняла его рубашку, быстро оглядела её, нашла ещё одну дырку и опять разложила на коленях.

– Как глаз? Видит?

Эркин закрывает ладонью левый глаз и осматривает комнату правым.

– Видит. И рука зажила.

– Ну да, то-то ты ею не шевелишь.

– Шишка долго болит. А сустав цел.

Она быстро вскидывает на него глаза, улыбается его залихватскому тону и продолжает шить, улыбаясь. И он молча следит за ней.

Женя встряхнула рубашку.

– Ну вот. Швы я все сделала, и пуговицы, а ткань хорошая. Сейчас брюки посмотрю. Вроде, они целые.

Эркин кивнул. В общем, он следил за собой, и, уходя из имения, переоделся во всё новое, даже рубашку взял господскую, но поспал на земле, потолкался по дорогам – всё и обтрепалось.

– Сапоги я твои смотрела. Совсем крепкие. Я отмыла их. Надо бы промазать, чтоб не текли. Но нечем пока.

– Это потом, – кивает он.

– И куртка мало пострадала. Только грязным все было – ужас! – Женя говорит спокойно, будто и вправду это нормально, когда белая отчитывается индейцу за его одежду.

Он знает, что первым ему спрашивать не положено, но её слова о куртке заставили его вспомнить то, о чём он почти забыл.

– Женя, – нерешительно начал он.

– Что?

– Там у меня была... справка, об освобождении... она...

– Цела она, – сразу подхватывает Женя. – Цела. Я её в комод пока убрала.

Эркин облегчённо вздыхает. И второй вопрос выскакивает неожиданно легко.

– Ты давно здесь живешь?

– Два года с небольшим, – сразу отвечает Женя.

– А... а оттуда ты давно уехала?

Женя не сразу поняла, о чём он спрашивает, а потом улыбнулась той мягкой улыбкой, какой улыбаются воспоминаниям.

– Я там и не жила, – она рассмеялась над его недоумением и стала объяснять. – Я училась тогда и жила в студенческом городке. Паласа там не было, и девочки ездили в Мейкрофт. И меня однажды уговорили.

– Мейкрофт, – повторил Эркин. – А я и не знал.

– Не знал города, в котором живёшь? – удивилась Женя.

– Я не жил, – в его голосе помимо воли зазвучала горечь. – Я в Паласе работал. Нас когда продают, не говорят, куда.

– Продавали, – поправила Женя.

Он не сразу понял её, а, поняв, улыбнулся.

– Я ещё не привык.

– Привыкай, – засмеялась Женя. – Да, а сапоги ты так и носил на босу ногу?

– Нет, только у меня портянки украли.

– Портянки украли, а сапоги оставили? – удивилась Женя.

– Сапоги я под голову положил, – мрачно ответил Эркин, – а портянки оставил, – и вдруг усмехнулся. – На сапогах я проснулся. Ну, когда за них дёрнули.

Потерю портянок он переживал долго. Ноги собьёшь – потом с ними долгая морока, и портянки совсем новые крепкие. Но прямо с ног смотали, а он не проснулся. Это было обиднее всего.

– Ладно, – перебила его мысли Женя. – Раз ты к портянкам привык, я тебе найду. А то носки есть.

– Да, – он приподнялся на локтях, – а кто это дал? Ну, рубашки, трусы. Ты не сказала.

– Доктор Айзек.

– Доктор Айзек, – повторил он, запоминая. – Это он для меня дал? Ты ему рассказала обо мне?

– Нет, – Женя даже отложила шитьё и подошла к нему, села на край кровати. – Нет, я просто сказала, что интересуюсь медициной, и немного рассказала. Не о тебе, а о болезни. Ты тогда в жару лежал. Понимаешь? – Эркин кивнул. – Я не знаю, что он понял, но он дал мне лекарства, эти пакетики с таблетками. А потом, как раз в день перед грозой встретил на улице, дал этот свёрток. Понимаешь, это то, что нужно, а покупать в магазине я не могу, сразу разговоры всякие пойдут, – Эркин часто закивал, – и это не костюм, который можно опознать. И вещи целые, но ношенные, ну... ну, никто не заподозрит.

– Да-да, я понимаю.

– Я ему ничего не говорила, он сам догадался. Как? – Женя пожалла плечами. – Убей, не пойму.

Эркин высвободил из-под одеяла правую руку, осторожно коснулся её руки.

– Ему можно... Нет, не так. Ты ему доверяешь?

– Не знаю, Эркин. Я его сегодня видела. Он только поздоровался издали, и всё. Знаешь, его все знают, и я о нём ничего плохого не слышала. Ни от кого.

Она обеими руками держала его большую кисть и немного покачивала её как бы в такт словам. Каждое покачивание отзывалось в плече болью, но он не замечал этого.

– И он обмолвился о Мише, у него был, видно, сын, Миша, и погиб. Я думаю, это вещи сына. Тебе ведь не обидно будет их носить?

– Нет, конечно, – он даже дёрнул головой.

– Ну вот. Странно всё это, конечно, но... но доктора Айзека я не опасуюсь. И потом, Эркин, он же врач. Врач не может вредить людям.

Эркин несогласно промолчал. Ему приходилось иметь дело с врачами и не раз. Ещё в питомнике он узнал их и научился бояться. Но спорить с Женей не стал, не мог он этого.

Женя положила его руку на одеяло. Погладила обнажившееся плечо. Её пальцы скользили по чёрно-багровому пятну мягко, не причиняя боли. И так же осторожно она погладила его щёку, рядом с зудящим рубцом, провела пальцами по краям глазницы, по брови.

– Не больно?

– Нет.

Конечно, нет, глупый вопрос. От её рук боли не бывает. Но он вдруг пожалел, что обветрилась и загрубела кожа, стала шершавой и неприятной на ощупь. И ладони загрубели, в буграх мозолей, в шрамах от порезов и ссадин. Не спальником был, скотником. А ему так хотелось перехватить её руку, погладить, но куда ему лезть с его лапами...

Женя осторожно убрала руку и встала.

– Пойду, Алису позову. Вечер уже.

И вечер шёл своим чередом. Он уже знал все эти шумы и звуки и дремал под них спокойно, и голос Алисы уже не тревожил его.

Он проснулся на секунду, когда Женя укладывалась спать. Она заметила это.

– Спокойной ночи, Эркин.

– Спокойной ночи, – машинально ответил он.

Женя задула коптилку и легла. Он слышал, как она повозилась под одеялом и затихла. Осторожно шевельнулся. Женя не откликнулась. Значит, спит.

И тогда он, молча, с размаху ткнул себя кулаком в здоровую щёку. Только сейчас сообразил, да? Что кровать одна, и она всё это время спала на полу? А жрал он эти дни чё? Сколько он так валяется? Дни путались в счёте, но больше положенного – это уж точно. Спальник поганный, лёг на мягкое и ни о чём уже не думаешь. Так жар был – сам себе возразил он. А то тебе в жар не приходилось работать? Не сдох бы, дублёная шкура. Он осыпал себя всеми мыслимыми ругательствами, пока не заснул тяжёлым усталым сном...

...Он сам пришёл в пузырьчатку. Как и было велено, после всего. И ждал надзирателя у двери, из-за которой доносился непрерывный слабый то ли стон, то ли вой. И не сочувствие, а глухую тоскливую злобу чувствовал к вышшему. Пришёл, что-то дожёвывая, Грегори и загремел ключами, отпирая пузырьчатку. Вой стих, как ключи загремели, так что добавки лежащий не получил. Он уже знал здесь всё и сам, не дожидаясь приказа, разделся, сложил одежду у стены.

– Знаешь, за что? – Грегори сосредоточенно разбирал висящие на стене цепи, выбирая нужную пару.

– Да, сэр. За мешок, сэр.

Грегори быстро обернулся к нему.

– За мешок, значит? Ну...

Обычно он смотрел себе под ноги или на руки надзирателя, но тут... не отвёл, не опустил глаз. Грегори смотрел в упор, но без злобы или издевательской ухмылки превосходства.

– Ну, раз за мешок, – повторил Грегори и усмехнулся одними губами. – Тогда иди сюда. Он пошёл, чувствуя босыми ступнями, как шипы сменяются гладкими бугорками. Хотя и на них за ночь намаешься. Сам лёг, закинул за голову вытянутые руки. Знакомо лязгнули замки, и Грегори ушёл, погасив свет. Пока ложился, он заметил лежащего на шипах индейца, но разглядеть толком не успел, и ждал, что, как закроется за Грегори дверь, тот опять завоюет. А вой этот как наказание лишнее. Но индеец молчал, только быстро надсадно дышал. Дурак, от такого тело только больше дёргается. Он не выдержал.

– Не трепыхайся, спокойно лежи.

– Опытный? – после долгого молчания спросили из темноты.

– Тоже станешь, – нехотя ответил он.

– Раб?

– Да.

– И давно?

Вопрос удивил его только в первый момент. Ну, как всегда. Индеец – значит, отработочный. Индеец-раб, так это после двух побегов.

– С рождения. А ты?

– Третий день.

Вот оно что, значит – после второго побега. А это клеймо, порка, и ещё на шипы положили. Тройное наказание. Тут завоюешь. Не кожей, голым мясом после порки на шипах лежать. То-то кровью пахнет.

– А лежишь давно?

– Не знаю. Наверно... день. Сейчас ночь?

– Да.

Он старался говорить одними губами, но тело всё равно отзывалось болью на каждое слово. И всё-таки он спросил.

– Зачем срывался?

– Чего?

– Куда бежал-то?

– Не знаю, – индеец тяжело переводил дыхание после каждой фразы. – Везли в грузовике... поглядел... опять десять лет... и спрыгнул...

– И далеко ушёл?

– Нет, не знаю... – голос индейца прервался то ли стоном, то ли всхлипом.

Больше он парня ни о чём не спрашивал. А хотел спросить о резервации. Врали о них разное. Молчали долго, он не то что заснул – в пузырьчатке не заснёшь, – а как-то оцепенел. И начал разговор индеец.

– Как это ты... с рождения раб... мать бежала, что ли?

– Я питомничный. Не знаю родителей.

– Ты же не негр... они рабы... а ты как?

– Не знаю, – он помолчал. – Так вышло.

– А здесь... давно?

– Четыре года вроде.

Ответил и сам удивился. Как он не заметил? Ему же тогда получается... уже двадцать четыре, наверное. Ещё год, и ему из спальников прямо в Овраг, просроченный, на первой же сортировке...

– Ты кто здесь? – донеслось из темноты.

– Скотник.

– Хорошо... в тепле... – индеец говорил всё тише, но зависть, рабская зависть к чужому куску...

Он усмехнулся этой зависти. А по коридору уже тяжёлые твёрдые шаги, и каждый шаг через пол бьёт по спине, по вытянутым напряжённым суставам. Звякнул замок, и вспыхнул ослепительный белый свет, заставивший его зажмуриться.

– Вставай, на дойку опоздаешь.

Как всегда, после пузырьчатки он двигался с трудом, и пинки Грегори подгоняли его всё чаще. Уходя, он так и не оглянулся на оставшегося лежать. Рабу только до себя, не до другого. А ему и своего хватает...

...Эркин рывком приподнялся на локтях, вслушиваясь в тишину, и снова рухнул в сон, в душную тёплую темноту...

...Из пузырьчатки на работу. Хотя он уже давно работал один, но раньше так не уставал. И в рабской кухне, как и вчера, место рядом с ним пустовало. Никто не занимал место Зибо. Место второго скотника. Он ел, не чувствуя, что ест, зная одно: не поешь – свалишься, свалишься – в тот же Овраг угодишь. И когда Грегори зашёл в рабскую кухню, он как сидел и жевал, так и головы не повернул. Грегори чего-то там приказывал, его это не касается. И вдруг – его кличка.

– Угрюмый!

– Да, сэр, – встал он из-за стола, глядя на свою миску. Дали б доесть хоть. Вроде всё равно, а как подумал, что не дадут, так захотелось...

– Ты теперь один?

– Да, сэр.

– Малец будет с тобой. С завтра.

Твигги приглушенно охнула, схватилась рукой за рот. И все за столом притихли. Грегори оглядел их, усмехнулся – краем глаза он приметил эту усмешку – и вышел. И никто ничего не сказал. И он весь день крутился один. А вечером рухнул на нары в пустом закутке, уже ничего не соображая и ни о чём не думая. Зибо уже нет, он один. Впервые за столько лет. Не в пузырьчатке, не наказанный. Он лёг ничком, уткнулся лицом в жёсткие шершавые руки, распластался на нарах. Как ходил, так и спал, только сапоги скидывал, чтоб ноги не попрели. И когда кто-то за плечо его тронул, не сразу понял, что это. Даже испугался: не Зибо ли вернулся из Оврага?

– Кто?! Кто это?

– Тихо, – обжёг его горячий шёпот. – Я это, Твигги.

Твигги? Он оттолкнул её и сел на нарах. В закутке темно, и в этой темноте еле различим блеск её глаз. Как же это она пробралась из барака в скотную, и ни один надзиратель её не застукал? Ловка баба! И чего ей не спится?

– Ты? Зачем?

– Вот, держи.

Что-то жёсткое ткнулось ему в руку, и он машинально сжал пальцы.

– Что это?

– Хлеб. Ешь.

– Зачем? – тупо повторил он.

Третья бессонная ночь лишила его остатков сообразительности.

– Ты ешь, ешь.

От Твигги пахло потом и мылом, и от неё, как от печки, шло ровное душевное тепло. Он попытался отодвинуться, но в закутке слишком тесно, а Твигги – нет, Прутиком она была очень давно. Он ничего ещё не понимал, а его челюсти перемалывали чёрствый крошащийся ломоть рабского хлеба.

– Я ещё принесу. И постираю тебе.

– Чего тебе от меня надо?

Твигги всхлипнула.

– Сынка моего к тебе отправляют. Ты уж не неволь его.

– Чего-чего? – стало до него доходить. – Это я буду надрываться, а он что?

– Что ты, что ты, – заторопилась Твигги. – Он старательный, что скажешь – всё сделает.

Так дитё ж он, силёнок никаких. Кровиночка моя...

Она заплакала. Он чувствовал, как сотрясается её тело, слышал всхлипывания. И молчал. Что он мог ей сказать?

– Ты уж хоть к быку его не посылай, Угрюмый. И... и ко мне его отпускаяй, ну, хоть иногда.

А я с ним хлебца тебе передам или ещё чего. Ты только скажи ему, а я уж расстараюсь.

Наобещала. Он угрюмо дожёвывал хлеб. Будто она кладовкой командует и может что-то давать кому хочет и когда хочет.

– Уйди, а, – попросил он. – Я после пузырьчатки, мне и без тебя погано.

– Уйду, сейчас уйду, ты не сердись, Угрюмый, я всё сделаю. Ты только... только ты...

– Ну, чего заладила? Договаривай и выметайся.

– Ты... ты ведь спальником был, – она остановилась, и он ждал, чувствуя, как леденеет, наливается холодной тяжестью лицо, а она уже продолжала, – если приспичит тебе, не трогай моего, ну, прошу тебя. Я помогу, уговорю кого, ну сама... я ещё могу, Угрюмый...

– Уйди, – тихо сказал он.

И его сил только и хватало сейчас, чтоб не ударить её. Она поняла и с удивительной для её толщины ловкостью бесшумно исчезла. А он как сидел, так и повалился на нары и бил, бил кулаками по гладким отполированным телами рабов доскам, не чувствуя боли, пока не обессилел и заснул...

...Утро было пасмурным. Эркин проснулся, как только встала Женя. Полежал, пока она одевалась, а когда она ушла на кухню, откинул одеяло и сел на постели. На стуле у кровати лежали его штаны и рубашка. Он оделся, посидел ещё на краю кровати и осторожно встал. В сером утреннем полумраке пошёл на кухню. Женя возилась у плиты. Оглянулась на стук двери и улыбнулась.

– Доброе утро. Ну, как ты?

– Доброе утро, – он улыбнулся в ответ. – Хорошо. Совсем хорошо.

От огня сумрак в кухне не серый, а тёплый красноватый. И от запаха еды сладко щемило под ложечкой.

– Пойду Алиску будить, ты пригляди за плитой, ладно?

Он кивнул, и она пробежала в комнату. Эркин подошёл к плите и приоткрыл топку. Так, она бы ещё полбревна заложила. Осмотрел прислонённые к плите сбоку поленья. Крупно колоты, под большую топку. В имении мельче кололи. Но он нащеплет лучины, было бы чем. А пока... он взял пару поленьев потоньше и подложил их. Зибо, покойник, спасибо ему, многому выучил.

– Эркин.

Он оторвался от огня, обернулся к ней.

– Я ж к плите не подойду.

Он захлопнул дверцу и отошёл к окну. Алиса, сопя и фыркающая, умывалась у раковины. Женя, быстро переставляя кастрюли и не оборачиваясь, командовала.

– Алиса, про шею не забудь. Вытирайся и марш к столу. Эркин, руки вымой и туда же. Давай-давай, у меня времени в обрез.

Он послушно обмыл руки, хотя запачкать их никак не мог, и пошёл в комнату.

И не сразу понял, что изменилось. Кровать застелена, стол накрыт. Он ещё раз взглядом пересчитал чашки. Три. Она что же... Алиса уже сидела за столом и крутила, играя, свою чашку. А Эркин стоял и оторопело смотрел на стол. Три чашки, три тарелки, три ложки, большая тарелка с нарезанным хлебом, сахарница.

– И долго ты будешь стоять? – Женя поставила на стол низкий и широкий кофейник. – Молоко кончилось, будем чай пить, – и опять убежала.

– Ага, – радостно согласилась Алиса.

«Значит, это чайник», – зачем-то подумал Эркин.

Женя принесла кастрюлю с кашей. Разлила чай, разложила кашу, а он никак не мог выйти из столбняка. И Жене пришлось почти силой усадить его за стол.

– Ешь.

Он несмело, неловко взял ложку.

– Алиса, сиди прямо и не чавкай.

Ну, Алиса, ладно, она ничего не понимает. А Женя, она-то... он осторожно покосился на неё. Как будто, так и надо, что индеец, раб, за одним столом с белыми, с белой женщиной, она что, не боится? Она же расу потеряет. Но... но она так хочет. Это её желание, её воля. У него задрожали руки, но он загнал эту дрожь внутрь, поднёс ко рту ложку, проглотил, не чувствуя вкуса. Когда-то, ещё в питомнике их, отобранных в спальники, учили всему, что может понадобиться, и как есть «по-белому» тоже. В имении он всегда ел как все, по-рабски, и вроде забыл всё, но его руки помнят лучше, чем он сам. Он ел, не поднимая глаз и не ощущая вкуса.

– Алиса, доедай быстренько.

Он быстро допил чай и не встал, выскочил из-за стола. Женя собирала посуду.

И опять мгновенный вихрь дел, советов и наказов.

– Устанешь – лежи, прямо на одеяло ложись... Алиса, много не приставай, он ещё слабый после болезни... печку без меня не трогайте, ещё угорите ненароком... Все, я убежала.

Дочку в щёку, ему пришлось куда-то по носу, и только каблучки её по лестнице простучали. Алиса, как обычно, побежала помахать из окошка.

Эркин пошёл на кухню, осмотрелся. Кое-что он и раньше углядел. Слабости никакой не было, во всяком случае, он её не замечал. Так, лучина. Чтоб просохла. Вот и нож подходящий. Он взял полено, взвесил на руке. Тяжеловато. Сырое или силы не вернулись? Ладно, дерево просохнет, а сила нарастёт. Топором бы лучше, но и нож сойдёт. Он поставил полено на железный лист, прибитый к полу перед топкой, сел на корточки... Ну, пошёл... тонкая нежно-белая на срезе полоска дерева отделилась от полена.

Алиса сначала молча смотрела, как он работает, а потом стала отгаскивать лучинки в сторону. Он покосился на неё, потом отложил нож и показал ей, как складывать лучину, чтоб быстрее просохла. И дальше они работали вдвоём. Четыре полена он расщепал на лучину, а остальные... нет, без топора не выйдет. Топора он нигде не видел.

– А топор есть?

– Да, – кивнула Алиса, – в сарае. Мама его запирает. И пила там.

Он мрачно кивнул. С этим ничего не выйдет. Больше он сейчас ничего сделать не сможет. Черенком ножа он подбил отстающий угол листа перед топкой. Оглядел кухню. Нет, больше он ничего здесь не сделает.

Эркин знал, что надо делать, ещё ночью решил, когда проснулся и слушал дыхание Жени и Алисы. Решил и... и боялся выполнить решение. Он походил по комнате, переложил получше сохнувшие у печки поленья. Алиса с интересом следила за ним, ожидая дальнейшего развития событий. Он подошёл к окну. Сыпал мелкий дождь, на улице никого. И он решился.

Нашёл сапоги. Портянок нет. Ладно, сойдёт. Куртка, шапка. Справка... Женя сказала, что убрала в комод. Ладно, пусть лежит. Он быстро оделся. Пока на улице никого нет, пока можно выйти незаметно... Да, сигареты. Женя не обидится. Она сама сказала, что это для него. А он не курит. Эркин засунул пачку в нагрудный карман рубашки, застегнул куртку. Отогнул на шапке козырёк и надел её так, чтобы затеняла подбитый глаз. Глянул на себя в зеркало на комод. Морда, конечно, зверская, он бы с таким типом не стал связываться...

– Ты уходишь?

Он обернулся в дверях. Маленькая беловолосая девочка стояла посреди комнаты и смотрела на него круглыми синими глазами.

- Я вернусь, – пообещал он.
- Тогда скажи мне до свидания.
- До свидания, Алиса.
- До свидания, Эрик.

Алиса так растерялась, что не побежала провожать его, а когда сообразила и залезла на лестничное окно, он уже пересёк двор, и она так и не увидела, куда он ушёл.

Алиса вернулась в комнату. Ну вот, она опять одна. И зачем он ушёл? Они бы поиграли в «ласточкин хвостик», и не приставала бы она к нему... На улице дождь, а дома тепло... Алиса всхлипнула, но плакать не стала. Ну и не надо. У неё есть Спотти, и Тедди, и Линда. И три окна, в которые можно смотреть. И мамина кровать, куда можно залезть и попрыгать. Мама же не постелила покрывала. И обед она сама себе возьмёт. Она и сама все умеет. Она уже большая...

Алиса вытащила Спотти из-под табуретки, взяла Линду и Тедди, прижала всех троих к себе.

- Деточки мои милые, никогда я вас не покину, всегда вы со мной будете...

Мелкий частый дождь всё сыпал и сыпал, окна в струйках и потёках.

- Ну что за весна такая, то дождь, то пасмурно.

Майра засмеялась немудрёной шутке.

- Да уж, день солнце, неделю дожди.
- Война кончилась, так погода испортилась.
- Ни погулять, ни... Ну, ничего. Никаких развлечений.
- В ресторане крыша не течёт.
- Да, но там текут наши кошельки.

Все дружно засмеялись.

– Да, вы слышали, девочки, говорят, Джудит уже показала новую коллекцию. Всё красное и нараспашку.

- Нараспашку как раз для такой погоды.
- Джен, вам бы пошло красное.
- Насыщенные цвета всем идут.
- Да, главное, подобрать оттенки.

Какой волнующий и притом успокаивающий разговор. Голоса и машинки трещали наперебой.

- И золото уже не в моде.
- Да?!
- Но это чересчур. Золото благородно!
- Девочки, серебро и серебро с бирюзой.
- Это к красному?!
- Ну, по крайней мере, эффектно.
- Девочки, это вульгарно.
- Кстати, в Гатрингсе, в комендатуре, новый лейтенант, говорят, красавец!
- Русский и красавец?! Ох, простите, Джен.
- Ничего-ничего.

– Да нет, вы только представьте. Говорят, шесть футов, блондин, глаза синие, брови и ресницы чёрные. А фигура... обалдеть. В Гатрингсе только и разговоров что о нём.

- Джен, а это типично для русских?
- В общем-то, да.
- Девочки, поехали в Гатрингс. Запишемся на приём и поглядим на него.

- А ещё достоинства у него есть?
- Он, Этель, не падайте в обморок, мы все сейчас попадаем. Он холостяк.
- Значит, на Весенний Бал пригласят комендатуру? – невинно спросила Женя.
- Джен, вы гений! – завизжала Майра. – Ведь комендатура присылает своих на все наши вечера и балы. Девочки, устраиваем Весенний Бал. А для надзора пусть присылают его.
- Девочки, я согласна. Это гениально!!
- Война кончилась, да здравствуют балы!
- И все в красном!
- И в серебре с бирюзой!
- И главное, девочки, нараспашку!
- Для облегчения надзора!

На мгновение смех заглушил стук машинок, и даже дождь за окном тоже смеялся. Ах, эти балы! За войной все забыли о них. Нет, нет, это только последние два, ну три года, когда война оказалась совсем близко, нет, всё равно были балы, ну, не совсем балы, но всё-таки... Но теперь-то война кончилась. Большой Весенний Бал, Бал Весеннего Полнолуния. У каждой нашлось, что сказать и о чём вспомнить. Только миссис Стоун хранила мёртвое молчание. Весенний Бал у Жени тоже был. Быстро печатая, болтая и смеясь, она не могла не вспомнить...

...Зал, террасы и сад – всё в круглых белых фонарях-лунах. Уж полнолуние – так полнолуние! Ни уголка без луны! И музыка, и танцы, танцы, танцы... Год копят деньги, достают, покупают, мастерят, чтобы быть в эту ночь как никто. И чтоб традиции не нарушить. А по традиции платье должно быть с длинной пышной юбкой, открытое, с узким облегающим лифом. Платья шьются и заказываются, мало кто решится взять напрокат. И она, как все, колдовала над платьем. Как из дешёвой материи и грошовой бижутерии сделать то, что любую замухрышку превратит в принцессу? Она так старалась. И девочки помогли ей. Они всё-таки хорошие и хотят ей только добра. И может, они и правы. Как оказались правы с Паласом. Как они радовались, что у неё в Паласе всё было хорошо, и теперь, если она на балу познакомится с кем-то, то не будет никаких препятствий, ведь она, наконец, стала как все, а то куда это годится – в семнадцать лет и девственница!! Правда, она русская, у русских цивилизация неразвита, но она же хочет быть как все... Да, она хотела. И постаралась забыть в день Бала про всё и быть как все. У неё было белое платье – белое нарядно в любой ткани – в цветах и оборках. Она высоко подобрала и уложила волосы и украсила причёску цветами. Цветочные колёе и серьги, и длинные перчатки с нашитыми у локтей цветочками... Да, такого ни у кого не было! И когда она вместе со всеми вошла в неузнаваемый, залитый белым светом зал, музыка приподняла её над полом и понесла в волшебной круговерти запахов и звуков. Ах, как она танцевала, как танцевала... Высокий голубоглазый блондин кружил её над полом, над землёй. Он восхищался ею, а его комплименты были изысканны и оригинальны. Да, она действительно потеряла голову. И как ни убеждали её девочки, что она вскружила голову самому Говарду, самому Хемфри Спенсеру Говарду, самому блестящему кавалеру, самому богатому жениху Империи, но она-то знала, что вскружили голову ей. На том Балу начались эти волшебные необыкновенные полгода. И как же они страшно закончились. И всё кончилось...

...Нет, она не хочет вспоминать. И не хочет помнить, что ей на балах больше не бывать. Она хочет болтать глупости и смеяться просто так, просто потому, что само слово «Бал» – волшебное слово. Конечно, надо устроить Бал. До весеннего полнолуния осталось так мало времени, но если мобилизоваться, создать ударную группировку и обеспечить тылы... то прорыв будет победным. Они с таким удовольствием щеголяли военной терминологией. Да за войну все к ней привыкли. А если ещё вернутся пленные...

Слова о пленных прибили веселье, как дождь прибывает огонь. Войн без пленных не бывает, но русских пленных... говорят, их всех, в лагерях, тсс, не надо об этом... а русские

пленных не отпускают, говорят, они хотят, чтобы пленные построили всё разрушенное на Русской территории, а там развалин, говорят, на десятилетия хватит... Это же ужасно.

В комнате воцарилось молчание до обеда.

На обед разбегались по близлежащим кафе и барам. Женя обычно обходилась сэндвичем и чашечкой кофе у магазинной стойки в своей закупочной пробежке, но сегодня Розы задержалась у её стола, и из конторы они вышли вместе.

Крохотное кафе на четыре столика было недорогим, приличным и потому безлюдным. Столь же недорогим и приличным был их заказ. В перерыве главное не количество еды, а умение растянуть её до полноты иллюзии полноценного ленча. И Женя, и Розы владели этим искусством. Кофе был ароматным, сэндвичи свежими, а пирожные сладкими. И к концу перерыва они уже весело болтали о будущем бале, будто ничего и не было.

Видимо, и остальные прибегли к такому же средству. И после перерыва болтовня возобновилась. К тому же, Ирэн и Этель успели поговорить кое с кем из приятельниц. Нет, правы те, кто утверждает, что идеи носятся в воздухе. Идея Весеннего Бала уже овладела умами Джексонвилла, во всяком случае, его женской половины. Уже, оказывается, самоизбрался Оргкомитет, и созданы комиссии, и ведутся переговоры о зале. Но Жени это уже не касалось. В Джексонвилле хватает дам, истинно белых, добродетельных, обладающих свободным временем, силами и деньгами, словом, всем необходимым для подобной деятельности.

Женю это не задело. Её балы кончились пять лет назад. Но это уже её проблемы. Она слушала доброжелательно, но отстранённо.

Уже в конце рабочего дня к ним зашёл Мервин Спайз, улыбочивый толстяк, дамский угодник и балагур. Они приветствовали его радостным щебетом, шутками и поддразниванием. Он целовал ручки, сыпал комплиментами и как бы невзначай оставлял на столах конвертики с зарплатой. Женя выслушала комплимент, отшутилась и незаметно прощупала конверт. Жёсткой карточки – уведомления об увольнении – нет. Уже хорошо. Хозяин их конторы всё передаёт через Мервина, его самого они и не видят. А Спайз – о, с ним надо держать ухо востро. Он добродушен и безобиден. С виду. И Женя боялась его, но поддерживала общий тон. И она, как все, небрежно сбросила конвертик в сумочку и бодро, в залихватской манере допечатала свою работу.

...К своему дому Женя подходила довольная. Конец недели, впереди два дня отдыха, деньги получены, продукты появились, её ждет вечер с Алисой и Эркином. Их надо подружить...

Она взбежала по лестнице, открыла дверь, и её встретил радостный визг Алисы. Женя поцеловала её, разделась. А Эркин где? Спит? Ему стало плохо, и он не встанет?! Она вбежала в комнату. Никого?!

– Эркин? Ты где?

Женя обернулась к Алисе.

– А он ушёл. Ещё до обеда, – Алиса посмотрела на неё и неуверенно добавила. – Он сказал, что вернётся.

Женя молча кивнула. Значит, ушёл. Зачем? Она сразу почувствовала, как устала, как гудит от голосов и стука машинок голова, ноют спина и руки. Женя села к столу, и Алиса сразу залезла к ней на колени, положила голову на её плечо. Женя обняла её, прижала к себе.

– Ну, как ты тут без меня?

– Мы лучину резали.

– Щепали, – поправила её Женя.

– Щепали, – послушно повторила Алиса, – а потом я играла. Мам, а я на кровати прыгала.

Ты очень сердисься?

– Нет, – честно ответила Женя. – Не очень. Ты ела?

– Да. Мам, а почему он ушёл? Я не приставала к нему, совсем-совсем не приставала, правда. Почему он ушёл?

– Не знаю, Алиса. Наверное, у него есть дела.

– А он вернётся?

– А ты хочешь, чтобы он вернулся?

– Да, – уверенно ответила Алиса. – Ты тоже этого хочешь.

Женя покачивалась, покачивая Алису. Неумолчно шумел за окном дождь, в комнате темно.

– Хочу, – беззвучно, одними губами сказала Женя.

Лишь бы ничего с ним не случилось. Ну, зачем, зачем он ушёл? Куда ему идти? И эта самооборона... если они схватят его, она ведь даже знать ничего не будет. Где его искать, у кого спрашивать... Тогда она с ним прощалась навсегда, знала, что не увидит больше, а сейчас... сейчас она не готова к этому. Она не хочет его терять, не хочет, не хочет...

Вздыхнула Алиса, и Женя сразу вспомнила о делах, ждущих своего часа. Что бы ни было, как бы ни было, надо жить. Женя перевела дыхание и стала прежней: деятельной и сильной. Какой её знали все.

– Давай делать вечер, дочка.

– Давай, – сразу согласилась Алиса.

Женя приготовила ужин, они поели, потом обычная вечерняя круговерть. Но вот всё уже сделано, и Женя села за шитьё. Алиса пристроилась напротив неё с Линдой в руках слушать сказку. Женя говорила по-русски, ведь вчера русский вечер был английским. В общем-то, она знала немного сказок, и Алиса их давно выучила с её голоса назубок, но слушать была готова до бесконечности. Женя рассказывала и прислушивалась, не застучат ли шаги по лестнице. Она не закрыла ни нижнюю, ни верхнюю двери и калитку отперла, когда спускалась за дровами... Но ничего, кроме шума дождя.

У Алисы уже слипались глаза, и Женя уже готовилась укладывать её спать, когда открылась дверь. И не наружная, а в комнату. Женя резко обернулась и обессилено опустила на колени шитьё.

В дверях, привалившись левым плечом к косяку, стоял Эркин. Стоял и молча смотрел на неё. И молчание становилось ощутимо тяжёлым, заполняло комнату. Разбуженная этой тишиной, Алиса подняла голову и, узнав его, улыбнулась.

– Ну вот, – в её голосе звенело торжество, – я же говорила, он вернётся.

Она говорила по-русски, и Эркин, не понимая слов, улыбнулся её улыбке. И это вывело Женю из оцепенения.

– Господи, – она скомкала и бросила на стол шитьё. – Наконец-то. Ты же мокрый весь. Сумасшедший, честное слово, Эркин, ты сумасшедший, в такую погоду, после болезни...

Она уже сорвалась было с места, но он шагнул к столу.

– Вот.

На стол легло несколько монет, две измятые мелкие кредитки и напоследок большое красное яблоко.

– Что это? – но, спрашивая, Женя уже знала ответ.

– Вот, – повторил он. – Это я заработал. А это, – он осторожно катнул яблоко, – это я купил.

И поднял на неё глаза.

– Сегодня было мало работы. Это... это очень мало, да?

Женя покачала головой, и его встревоженное лицо снова просветлело.

– Господи, – повторила Женя. – Как я волновалась за тебя.

Но он ждал другого, и она сказала и сделала то, что должна была сделать. Взяла кредитки, аккуратно разгладила их и положила в шкатулку на комод, где хранила деньги, а мелочь положила в вазочку рядом.

– Спасибо, Эркин.

Он перевел дыхание и улыбнулся той, прежней улыбкой, снова став на мгновение озорным мальчишкой. Женя подошла к нему и остановилась, словно хотела поцеловать, но только положила руки ему на плечи.

– А яблоко моё! – пропела Алиса.

– Алиса! – ахнула Женя. – Немедленно положи яблоко. Эркин, скорее на кухню, там плита, развесь куртку. Давай, давай, я сейчас тебе разогрею.

– Яблоко мне! – запротестовала Алиса.

Женя чуть ли не вытолкала Эркина и занялась Алисой.

– Помоем, нарежем, тогда поешь.

Когда она прибежала на кухню, в плите пылал огонь, от куртки на верёвке валил пар, Эркин сидел на корточках перед открытой топкой и то ли грелся, то ли ворошил поленья. Услышав её шаги, он поднял голову, и Женю удивило странное выражение его лица, будто он хотел что-то сказать и не решался. Но ей было некогда сейчас, и она, сдёрнув с гвоздя полотенце, кинула ему.

– Протри волосы.

Эркин поймал его на лету и отошёл от плиты. Возясь с кастрюлями, Женя слышала, как он отфыркивается и встряхивает головой.

– Почему так поздно, Эркин? – спросила она, не оборачиваясь.

– Ждал, пока стемнеет, – сразу ответил он. – Чтоб из окон не увидели. Женя, я задвинул засовы, на калитке и внизу, так?

– Так, – кивнула Женя. – Мы уже ели, сейчас я тебя покормлю. Иди к столу.

Что-то заставило её обернуться. Эркин стоял, комкая полотенце, скручивая его в тугую жгут, и опять то же нерешительное выражение на лице. Хочет сказать и не может?

– Иди к столу, – тихо попросила Женя.

Он опустил голову, повесил полотенце и вышел.

Эркин ел медленно, устало, склоняя над тарелкой голову с торчащими во все стороны прядями волос. Женя обмыла яблоко, нарезала его на ломтики, налила всем чаю и теперь сидела, и смотрела, как он ест. Алиса совсем разошлась, будто и не засыпала только что. Женя нарезала ей яблоко в чай, и она увлечённо играла в рыбалку, используя вместо удочки ложку.

Эркин доел, взял подвинутую Женей чашку, охватил её обеими ладонями и окунул лицо в душистый пар. Напряжение, с которым он шёл сюда, поднимался по лестнице, когда каждый шаг непосилен, когда вошёл и увидел световой круг от коптилки, Женю с шитьём, мордашку Алисы, прижатую щекой к столу... И только сейчас это напряжение стало отпускать его. Он дышал этим паром, чувствуя, как обмякает, расслабляется тело. Он отпил, и сладкое тепло растеклось по груди. Эркин понял, что может говорить, и поднял на Женю глаза.

– Женя, я сигареты взял, – она только молча кивнула, и он продолжил: – полпачки я за прописку отдал.

– Прописка? – удивилась Женя.

– Да, это говорят так, – он улыбнулся. – Ну, это когда новенький приходит, он либо даёт что, либо его ещё как-то... прописывают. Я... я больше заработал, но пришлось тоже за прописку отдать.

– А где ты был? – осторожно спросила Женя.

– На рынке, – начав говорить, он рассказывал всё охотнее. – Нашёл, ну, таких как я, рабов бывших, стал о работе узнавать. Постоянной работы нет. Так... поднести, разгрузить, дрова поколоть или ещё что, это можно, нанимают. Я и прописался там, у них.

– Подёнка, – задумчиво сказала Женя по-русски.

– Как? – быстро переспросил он.

– Podjenka, – повторила она, улыбнулась и не так перевела, как объяснила: – Работа на один день.

Он негромко засмеялся и повторил по слогам.

– По-дён-ка, – и кивнул так, что подпрыгнули слипшиеся пряди.

– Ты пей, остынет.

– Пью, – повторил он и продолжил между глотками. – С жильём совсем плохо, говорят, кто не нашёл, прямо там спят, под забором. Но скоро будет тепло. Платят по-всякому. Кто деньгами, кто едой, кто сигаретами. Я не курю, а на сигареты наменять можно. Я за пять штук нож выменял, – он вытащил из кармана складной нож и подал его Жене. – Вот.

Женя взяла его, осмотрела, с трудом открыла. Недлинное широкое лезвие с заостренным концом угрожающе блеснуло. Женя попробовала лезвие пальцем. Острое. Но нож старый. Рукоятка исцарапана, оббитые углы, след от содранной накладки, видно, с именем прежнего владельца, на лезвии следы ржавчины и свежей заточки.

– Зачем тебе это, Эркин?

Он быстро вскинул на неё глаза, забрал нож, закрыл его с характерным щелчком, спрятал и снова уткнулся в чашку, сделал большой глоток. Женя ждала, и он всё-таки ответил.

– На всякий случай.

– Яблоко ты тоже на сигареты выменял? – сменила тему Женя.

Эркин хмыкнул сдерживаемым смехом.

– Две сигареты и ящички переложил на ночь под брезент.

– И сколько у тебя осталось? – вдруг спросила Алиса.

Он недоумённо посмотрел на неё, а Женя рассмеялась.

– Сама сосчитай. В пачке двадцать сигарет. Эркин отдал половину, потом ещё пять, а потом ещё две. Считай. Налить тебе ещё?

Эркин кивнул. Высыхающие волосы опускались, и весь он был уже не такой взъерошенный, лицо смягчилось, на смуглой коже просвечивал румянец.

– Плечо как? – Женя подвинула ему чашку.

– Денька два поберегу, – уклончиво ответил Эркин.

Алиса наклонилась над столом и, утопив лицо в чашке, пила через край. Женя шлепнула её по спине.

– Сядь прямо.

– Да-а? – обиделась Алиса. – А ему так можно?!

От неожиданности Эркин поперхнулся и закашлялся. И тут же получил от Жени легкий шлёпок между лопатками. Убедившись, что справедливость восстановлена, Алиса радостно заявила.

– А я сосчитала. Три сигареты.

– Проверим, – рассмеялась Женя. И так как он явно не понял, что требуется от него, подсказала. – Покажи ей оставшиеся.

Эркин вытащил из нагрудного кармана смятую пачку и вытряхнул на стол сигареты.

– Правильно, три, – кивнула Женя. – Молодец, Алиса, вот тебе ещё яблока и допивай.

Эркин убрал сигареты и поднял чашку к губам.

– Эркин, бери яблоко.

Он покачал головой.

– Я уже ел.

– Это когда? – недоверчиво улыбнулась Женя.

– А там побитые были, мы подобрали и поделили.

– А это ты выменял? – поймала она его.

– А оно же не битое, – упрямо отпарировал он.

– Вот и поешь небитого.

Он с подчёркнутой покорностью взял ломтик.

– То-то, – улыбнулась Женя и встала, собирая посуду. – Ну вот, а теперь ложитесь. Алиска, я кому говорю. Быстро в уборную и спать. Чтоб, когда я из кухни приду, ты уже спала.

Эркин быстро опустил глаза. Этот вариант его устраивал. Он допил, и Женя, подхватив его чашку, убежала на кухню. Теперь ему надо успеть, пока она моет посуду.

Женя налила в миску горячей воды и отмывала тарелки, когда хлопнувшая дверь уборной и другие шумы убедили её в Алискином послушании. Потом за её спиной дважды быстро и очень тихо прошёл Эркин – по этой тишине она его и узнала – и совсем успокоилась. Надо же, яблоко! Как он догадался? Она ополоснула посуду и прислушалась. В комнате было тихо. Легли. Не будет она посуду перетирать, пусть сама сохнет. Только ложки надо, чтоб не заржавели. Куртку его поближе к печке перевесить, чтоб просохла к утру. А шапка его где? Она вытащила из кармана куртки скомканную шапку, расправила и пристроила рядом с курткой. Вот и всё, пожалуй. И все-таки он был, её вечер с Алисой и Эркином. Как она и мечтала по дороге домой.

Женя сладко и устало потянулась, сцепив пальцы на затылке. Как хорошо. Завтра рано не вставать, отосплюсь за неделю. Если Алиска даст, конечно. Почему-то в будни её не поднимаешь, а в выходной вскакивает ни свет ни заря. Женя потянулась ещё раз, сводя и разводя лопатки, и тихонько засмеялась чему-то, чего и сама не понимала.

Но её ждал ещё один сюрприз. Войдя в комнату, Женя так и замерла у порога. Алиска безмятежно спала в своем углу, но кровать... кровать была пуста, а на полу между столом и печью была расстелена её перина, и на ней спал Эркин. Так вот что означали эти шорохи и шумы. Её одеяло и подушка лежали на кровати. Простыню он тоже забрал. Рубашку и штаны сложил на полу у своего изголовья.

Женя решительно переложила их на стул и присела на корточки. Его лицо оставалось настолько невозмутимым, что ей стало ясно – он не спит.

– Эркин, – она осторожно тронула его за плечо.

С неожиданной ловкостью он перевернулся на живот и обхватил обеими руками даже не подушку, а перину. Это чтобы не подняли силой, что ли? Жене стало смешно.

– Эркин, ты спишь уже?

– Сплю, – ответил он в подушку и очень убедительно всхрапнул.

Но по его напряжённо вздувшимся на плечах мышцам Женя поняла: настаивать бесполезно.

– Дурачок упрямый, – она поцеловала его в висок и подтянула сползшее с его спины одеяло, – укройся лучше.

Он не шевельнулся. И лежал так, пока Женя застилала кровать, задувала коптилку и укладывалась спать. Только тогда он высвободил из-под перины руки и завернулся в одеяло.

– Спокойной ночи, – сказала, уже засыпая, Женя.

– Спокойной ночи, – откликнулся он.

Эркин медленно выпрямился, распуская мышцы. Ну вот, это он сделал. От печи тянуло слабеющим теплом. Завтра надо пораньше встать, парни говорили, завтра выходной у беляков, будут дрыхнуть допоздна. Вот пока все спят, он за водой и дровами ходит. Нет, с дровами не получится, придётся Женю будить, просить ключи. Ну, с выгребной ямой он управится тоже пораньше, пожалуй, до воды. Ныло плечо, и он под одеялом помассировал его, разминая болезненную шишку. Сон накатывался чёрным валом. Не проспять бы...

В полусне Женя слышала, как он поворочался и, вздохнув, затих. После этих ночей на полу было так приятно лежать в кровати. И мечтать. О Весеннем Бале. Придумывать себе платье и украшения – как будто у неё есть на это деньги. И всё равно приятно. Она и заснула

в мечтах о Бале. Несбыточные мечты. Потому что она хочет пойти на Бал с Эркином. Но даже в мечтательных снах это невозможно.

Эркин боялся проспать и несколько раз просыпался, вскидывал голову, вглядываясь в окна, и, видя темноту, снова ронял голову на подушку. Но в этот раз в щель между занавесками просвечивала синева, и он решил вставать. Выполз из-под одеяла и, поеживаясь – за ночь печь совсем остыла, скатал и засунул туда же, где была, под кровать, свою постель. Довольный, что справился тихо – они не проснулись – зашлёпал в уборную. Потом вернулся в комнату за одеждой. Куртка ещё сырая – пощупал, проходя по кухне, но он и в рубашке не замёрзнет. Путь не далёк.

Рассвет начинался медленно, но, когда Эркин спустился вниз, свет из синего стал уже серым. Путешествие к выгребной яме сошло благополучно: все окна закрыты ставнями, или видно, как занавески наглухо задёрнуты. Но выгребная яма на отшибе, а колонка с водой посреди двора. Надо было с воды начинать. Это он лопухнулся, конечно. Надо спешить. Запихнув опорожненное ведро в уборную, он схватил вёдра для воды и побежал вниз.

Двор был по-прежнему пуст. Эркин подставил под кран ведро и пустил воду. Тугая струя гулко ударила по жестяному днищу. Эркин быстро обвёл глазами окна. Показалось ему, что в одном из окон дрогнула занавеска, или... нет, вроде, показалось. Он подставил второе ведро. Холод забирался под рубашку, пощипывая рёбра. Но это было даже приятно. Он отключил воду и, уже не спеша, понёс полные вёдра. Привычное ощущение колышущейся тяжести на мгновение отбросило его в прошлое, даже лицо приняло прежнее угрюмое выражение. И по лестнице он поднимался медленно, стараясь не расплескать ни капли. Не заглядывая в комнату, он вошёл в кухню, вылил воду в большой бак на плите и повернулся к выходу. И столкнулся с Женей.

– Все спят, – заторопился он, – меня никто не видел.

Она молча смотрела на него, и он вдруг заговорил быстро и многословно.

– Я ещё сейчас принесу, ведь надо много воды, сегодня суббота, да? В субботу всегда много воды нужно, я по имению помню, всех дворовых гоняли за водой...

– Да, – наконец, кивнула Женя, – мне надо много воды.

Он подобрал вёдра и кинулся к выходу.

Чтобы наполнить бак на плите и ещё один для холодной воды, пришлось сходить ещё четыре раза, и ещё пятый, чтобы была расхожая вода. Он заходил в кухню, выливал воду в баки и тут же уходил. Закончив с водой, подошёл к Жене, растапливавшей плиту, и затоптался рядом.

Женя подняла голову, посмотрела на него снизу вверх.

– Я... – он вдруг запнулся, – я за дровами схожу. Где ключ?

– Вон, на косяке висит, – она взмахом головы указала на дверь.

Эркин ещё раньше заметил висящий высоко на гвозде большой тяжёлый ключ. Жаль, не знал, что от сарая. Ещё бы вчера с дровами управился бы. Он уже взялся за ключ, но тут же отдёрнул руку и обернулся. Женя стояла спиной к нему, переставляя на плите кастрюли и чайник.

– Женя, – тихо почти беззвучно позвал он.

Но она услышала и обернулась.

Было уже совсем светло, и Женя хорошо видела его лицо, уже знакомое ей нерешительное выражение. Но сейчас он, видимо, решится.

– Женя, – повторил он. И вдруг как прыжком с обрыва. – Женя, будет так, как ты хочешь. Как ты скажешь. Ты мне жизнь подарила, как ты скажешь жить, так и буду, – она слушала молча, только бледнело лицо и расширялись, темнели глаза. И голос его становился всё тише и напряжённее. И последние слова он не сказал, а выдохнул. – Скажешь уйти – уйду, под забором твоим спать буду. Совсем уйти – совсем уйду. Скажи, Женя.

И замер, опустив голову, бессильно свесив руки.

– Но, – Женя подошла к нему, попыталась заглянуть ему в лицо. – Я не хочу, чтобы ты уходил. Остайся, Эркин. Я так... ждала, что ты вернёшься, что мы встретимся. Ты хочешь уйти?

Он молча мотнул головой. Женя положила руки ему на плечи.

– Не уходи, Эркин.

Он медленно поднял голову, лицо его стало строгим, даже торжественным. Так же медленно он поднял левую руку и мягко сжал её запястье, потянул. Женя не сопротивлялась. И он ударил себя по левой щеке её ладонью, а затем поднёс к губам и поцеловал в ладонь. И отпустил, отступил на шаг, и резко повернувшись, схватил ключ и метнулся к выходу.

Женя догадывалась, что это был какой-то обряд, но не знала какой. Но ведь это неважно. Главное в другом.

Эркин втащил на кухню вязанку дров и мягко без стука опустил у плиты. Женя только ахнула.

– Это ж на весь день!

– На весь день и принёс, – он тяжело дышал и отдувался. – Сейчас уже вставать будут, я на рынок пойду, пока пусто.

– Поешь.

Он молча мотнул головой.

– Некогда. Надо идти.

Женя быстро отрезала ему два толстых ломтя хлеба, помазала жиром и сложила намазанными сторонами.

– Держи. Возьмёшь с собой.

– Оу! Как много! – он радостно улыбнулся, взвешивая сэндвич на ладони, будто не знал, куда его засовывать, то ли в карман куртки, то ли в рот.

– Ешь сейчас, – засмеялась Женя. – Я ещё сделаю. И вот, выпей, – пока он разглядывал сэндвич, она уже налила ему дымящегося чая. – И не задерживайся сегодня, хорошо?

– Как стемнеет, сразу буду, – кивнул он, торопливо жуя и обжигаясь чаем.

– Да, держи, – Женя дала ему портянки. – Вчера без них ушёл.

Он быстро переобулся, натянул куртку и, на ходу нахлобучивая шапку, бросился к выходу. Женя еле успела крикнуть ему вслед.

– До вечера.

– До вечера, – ответил он уже с лестницы.

И снова Женя удивилась его ловкости, с которой он убежал, ничего не задев, ничем не стукнув. И когда она выглянула в кухонное окно, он уже завернул за угол.

– А Эрик где? – встретила Женю в комнате проснувшаяся Алиса.

– На работу ушёл, – спокойно ответила Женя.

– А про него уже можно рассказывать?

– Нет, – отрезала Женя. – Никому ни слова.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – Всё равно со мной никто не играет.

По мере приближения к рынку прохожих становилось всё больше. Эркин шёл быстро, обгоняя продавцов и покупателей.

Седой старик, натужно кряхтя, тащил нагруженную набитыми мешками двухколёсную тележку. Поравнявшись с ним, Эркин замедлил шаг, безмолвно предлагая помощь, но старик только рыкнул на него длинным ругательством.

Вчерашних знакомцев Эркин увидел сразу. Они толпились у боковой ограды возле развалин, как ему ещё вчера объяснили, рабского торга. Болтали, по рукам ходили сигареты и самокрутки. Эркина приветствовали как своего. Он встал в общий круг, но от курева отка-

зался. Никто не настаивал. Как никто и не спросил его, где он ночевал, заработал ли что с утра. Он прописан и его дела – это его дела. Захочет сказать – скажет, захочет с кем в паре или в ватаге работать – сам разберётся, а хочет один вкалывать – пусть и вкалывает.

Эркин постоял, послушал новости и пошёл между рядами прилавков, отыскивая работу. В третьем ряду его окликнул коренастый однорукий мужчина в старом армейском мундире. Однорукий купил сразу полгрузовика картошки. Эркин и негритёнок в одном ярко-красном рваном свитере до колен перекидали картошку в маленькую тележку. Негритёнок получил три сигареты и убежал, приплясывая, а Эркин потащил тележку с рынка. Однорукий шёл рядом, показывая дорогу и даже слегка помогая на поворотах и подъёмах. Во дворе крохотного домика Эркин ссыпал картошку в подвал, и с ним расплатились.

Выйдя на улицу, Эркин пересчитал плату. Как все спальники он неплохо разбирался в деньгах, но деньги были новыми, непривычными, и он долго возился с ними. Но семь сигарет – это уже, если добавить к оставшимся от вчерашнего, не так и плохо, и с ними всё понятно. Он разложил деньги и сигареты по карманам на рубашке. Хорошо, что тогда, уходя из имения, взял себе господскую рубашку, а Женя пришила пуговицы – нагрудные карманы надёжнее.

Эркин неспешно шёл по улице, поглядывая по сторонам – не окликнут ли. Здесь, в белом квартале маленьких домов с садиками и огородами, могла быть работа, но улица уже кончалась, а надежды остались надеждами. Надо возвращаться на рынок.

Немного не дойдя до рынка, он смог присоединиться к троице цветным, кидавшим уголь во дворе какого-то явно нежилого дома. Угля было много, и они согласились на четвёртого. Толстая белая старуха, вышедшая из дверей на их голоса, молча сунула Эркину лопату и ушла.

– А чего ей? – сплюнул сквозь зубы рослый тёмный мулат, – она со старшим рассчитывается, – он кивком показал на пожилого негра, орудовавшего лопатой с механической монотонностью, – а уж он делит.

Эркин кивнул и встал в цепочку. С лопаты на лопату потёк ручеек угля. Поднявшееся солнце ощутимо припекало, но снимать куртку некогда. Старший рычит при малейшей попытке замедлить темп. Он что, из цепняков? Или за скорость надбавку обещали? А угля и в самом деле много. Ныло плечо, отчаянно зудели и чесались под одеждой синяки и подживающие ссадины. А уголь всё тёк с лопаты на лопату. Вышла опять старуха, посмотрела на их работу и молча скрылась в доме. Даже болтавший без умолку мулат заткнулся. С лопаты на лопату... с лопаты на лопату... с лопаты на лопату...

...На рынок Эркин вернулся, когда уже смеркалось. Пустые прилавки, редкие припозднившиеся торговцы уже упаковались на ночь. Он повернул к выходу, но его окликнули.

– Меченый!

Так его называли вчера, после прописки. Эркин усмехнулся новой кличке и пошёл на голос.

– Чего вам? – спросил он, подходя к смутным силуэтам сидящих прямо на земле людей.

– Садись, как дела?

– Нормально, – он присел на корточки, вглядываясь в лица.

Мулат Нолл, задира Стемп, а это вроде Айк – смесь, полунегр-полуиндеец, двух других он не знал.

– Удачный день, – Нолл глотнул из бутылки и передал её Стемпу.

– Завтра воскресенье, – Айк улыбнулся, блеснув зубами, – толкучка будет тесная, поработаем.

– Сегодня тоже навалом, – отозвался Стемп. – А ты, Меченый, в городе работал?

– Да, – Эркин отклонил бутылку и под смехок Айка, довольного, что ему на глоток больше достанется, добавил. – Уголь грузил.

– Оно и видно, – захохотали остальные.

– Ещё одна лопата и стал бы негром, – засмеялся и Эркин.

- Заплатили-то как?
- Нормально, – повторил Эркин.
- Не поделишься? – небрежно спросил Стемп.
- А зачем? – так же спокойно ответил Эркин.

– Это ты верно сказал, – вмешался один из незнакомых Эркину. Низко надвинутая рабская шапка скрывала его лицо, но по мелькнувшему, когда он прикуривал, очерку лица в нём можно было узнать индейца. – Ты не остался с той ватагой?

- А зачем? – повторил Эркин.
- Живешь, как хочешь, – засмеялся Айк. – Твоё дело, Меченый.
- Моё, – согласился Эркин.

И наступил момент, когда он почувствовал, что может встать и уйти.

- Еды вам, – попрощался он рабским пожеланием.
- И тебе... И тебе от пуза, – вразнобой ответило несколько голосов.

Пока говорили, совсем стемнело, и Эркин шёл безбоязненно, не оглядываясь на светящиеся окна. Редкие прохожие шарахались от него так быстро, что он даже не успевал разглядеть, белые ли они. Но за две улицы до дома его настигла песня. Опять эта проклятая «Белая гордость». Ему удалось разминуться с поющими, но к своей калитке он уже подходил осторожно, напряжённо ожидая любого подвоха. Сволочи беломордые, надо будет у парней на рынке узнать о них, не трястись же вот так каждый раз. Может, и зря он сегодня отказался от ватаги? На ватагу эти сволочи не полезут, побоятся, ватагой всегда отобьёшься. Но тогда и ночевать, и жрать со всеми. Нет, что сделано, то сделано.

Эркин бесшумно скользнул в незапертую калитку, задвинул засов. Хорошо, что дом так нелепо стоит, почти упираясь дверью в сарай, не надо идти через двор.

Незапертой была и нижняя дверь. Его ждали. Он поднялся по лестнице и потоптался возле двери, пока не услышал голос Алисы.

- Мам, там у двери кто-то.

И тогда он вошёл.

В лицо ему пахнуло горячим паром. Женя, с влажными от пота волосами, выглянула из кухни.

– Наконец-то. Вот удачно. Сейчас мыться будешь. Только Алиску домою. Давай раздевайся.

Он только кивал на её скороговорку, медленно стягивая куртку. Разулся, смотал и засунул в сапоги портянки и, с наслаждением ступая босыми ногами по гладкому приятно прохладному полу, прошёл в комнату. Да, его ждали. Стол накрыт на троих, и есть ещё не сядились. Он положил на стол свой сегодняшней заработок, подумал и достал сигареты, пусть Женя выменяет чего-нибудь. Занавески задёрнуты, горит коптилка, печка топится... Эркин подошёл к ней. Он не замёрз, но прислонился к выложенному гладкими плитками боку. Как тогда, в первую ночь. Всего неделя прошла? Да, неделя.

Женя пронесла мимо него закутанную в мохнатую простыню Алису, усадила в кроватку.

- Вот сиди здесь пока, не сходи, – и, идя обратно, кивнула ему. – Идём.

На кухне просто жарко, плита раскалена, на плите булькает бак с кипящей водой. На полу большое жестяное корыто, в таких в имении стирали.

- Раздевайся, мыться будешь.

Он стягивал с себя сразу отсыревшую отяжелевшую одежду. Женя отобрала у него рубашку и трусы, засунула в ведро с радужной от мыла водой.

- Давай, – торопила его Женя, – остынет. Или горяча?

Он помотал головой, уже стоя в корыте.

– Тогда садись, меньше брызгаться будешь. Портянки твои где, в сапогах оставил? Сейчас принесу и мыло достану. Да, держи.

Ему в ладонь лёг продолговатый розовый округлый брусок. Он повертел его в мокрых ладонях, и от вспухшей пены пахнуло далёким, почти забытым. Он зажмурился и окунул лицо в эту пену, ласковую и мягкую, несравнимую с жёсткой едкой пеной рабского мыла, которое раз в месяц давали в имении.

Руки Жени тёрли, отскрёбывали ему голову и спину, а он только кряхтел и отфыркивался.

– Ты что, в угле валялся?

– Нет, я его грузил.

Женя засмеялась, и Эркин довольно усмехнулся получившейся шутке. На плите что-то зашипело, и Женя метнулась туда, потом убежала в комнату. Он сидел в горячей воде, растирал себя, руки, грудь, живот, ноги и вылезать совсем не хотелось. Пена текла с волос по лицу и уже пощипывала глаза, и тут на него обрушилась вода – Женя облила его из ковша, аж дыхание от неожиданности перехватило.

– Так, – Женя критически его осмотрела. – Вылезай, буду воду менять.

– Может, хватит? – неуверенно спросил Эркин.

– Ты на воду посмотри. Она же чёрная. И к плите встань, а то продует.

Её приказной тон не обижал, подчиняться ему было даже приятно. Это же она.

– Давай, садись.

Эркин повернулся к ней. Разумянившаяся, в туго подпоясанном халатике, с собранными в узел волосами, Женя ждала его, держа в руке ковш. Он вдруг подумал, какой он костлявый, в пятнах синяков и ссадин, с шрамами, а о лице и говорить нечего... Он ссутулился, прикрываясь руками, и шагнул в корыто.

И снова эти руки, их прикосновения словно смывали проснувшийся стыд за свое изуродованное тело, ставшее некрасивым, обычным рабским телом. Он сидел, согнувшись, в слишком коротком для него корыте, упираясь лбом в согнутые колени.

– Ну вот, совсем другое дело.

Руки Жени перебирают его волосы, мягко поднимают его голову, и их глаза встречаются. Женя улыбается. Он не помнит у неё такой улыбки, мягкой и сильной сразу, нет, тогда у неё такой улыбки не было. И не ему, а ей впору спрашивать: «Ну, как, теперь не страшно?». И в красном свете огня плиты её кожа кажется тёмной, чуть светлее, чем у него самого. И глаза у неё, те же, тёмные, на пол-лица, но... но смотрят они по-другому, как и эта улыбка другая... А её руки проходят по его ключицам, груди... смывают всё, будто и не было ничего.

– Ну вот, – Женя выпрямляется и берет ковш, – вставай, оболью ещё раз и всё.

Он послушно встаёт, и Женя обливает его так, чтобы вода мягко струилась по телу, не разбрызгиваясь.

Женя дала ему полотенце.

– Вытирайся и выходи. Иди в комнату, там тепло. Да, чистое там на стуле, оденься.

Эркин только кивнул в ответ.

– И ждите меня, я быстренько.

Он не выдержал и остановился в дверях.

– Помочь?

– Иди-иди, – фыркнула Женя.

Когда она, закручивая в узел мокрые волосы, вошла в комнату, Эркин в одних трусах сидел возле кровати Алисы и играл с ней в «ласточкин хвостик». Алиса своего не упустит. Сегодня они осваивали игру в две руки.

– Так, с вами всё ясно. За стол, игроки, – скомандовала Женя.

Этот ужин Эркину дался легче. Он вообще легко ко всему привыкал и приспособливался. Иначе рабу не выжить.

– Эркин, мне тут дрова предложили купить. Наши уже на исходе. И недорого.

Он выжидающе поднимает на неё глаза. Он уже знает, что недорогие дрова – это очень серьёзно, а что в сарае осталось всего ничего, сам сегодня утром видел.

– Только почему недорого. Их не только колоть, их пилить ещё надо. Привезут, свалят и уедут. А пилить и колоть...

– Нанять надо, – перебивает он её.

– Это кого же я найму?! – не разобравшись, сразу возмущается Женя. – И это сколько с меня за такую работу слупят?!!

– Меня, – спокойно отвечает он. – Меня и наймёшь. И я днём смогу работать. Я же нанятый. А о плате, – он делает хитрую гримасу, – о плате договоримся.

Женя мгновение смотрит на него, полуоткрыв рот, а потом, сообразив, начинает безудержно хохотать.

– Так покупать? – спрашивает сквозь смех Женя.

– Покупать, – решительно кивает Эркин, встряхивая влажными волосами. – Когда их привезут?

– Этот тип обещал завтра зайти договориться.

– Завтра так завтра, – Эркин неожиданно для себя зевнул.

– Нет, я завтра договорюсь только, – стала объяснять Женя и махнула рукой, – ладно, давай ложиться. Поздно уже.

Он кивнул, с трудом удерживаясь, чтобы не заснуть прямо за столом. Как Алиса.

Тетрадь четвёртая

Джексонвилл

Дрова привезли через неделю, в воскресенье, в тёплый пасмурный день. Эркин с утра уже покрутился на рынке, кое-чего перехватил и к нужному времени, независимо поглядывая по сторонам, подошёл к дому.

Он успел вовремя. Грузовик уже стоял у калитки, и Женя торговалась с шофёром. Эркин остановился в пяти шагах, и Женя, скользнув по нему взглядом, решительно закончила спор:

– Нет, и ещё раз нет. Мы договорились о подвозе и разгрузке. Вот и разгружайте.

– Но, мисс...

– Нет. Вот, – она будто только сейчас увидела Эркина. – Вот он вам и поможет, – и взмахом руки подозвала смиренно стоявшего в нескольких шагах индейца.

Шофёр сплюнул и пошёл открывать борт.

Слова о помощи были только словами. Основная работа, конечно, досталась Эркину. Он и перетаскал на себе тяжёлые, в человеческий рост длиной, брёвна во двор к сараю. Шофёр только скатывал их из кузова к нему на плечи.

Когда с этим было закончено, и грузовик уехал, Женя вышла с ключом и открыла сарай. Она хотела остаться, но Эркин взглядом попросил её уйти – ещё увидит кто, а Женя ведь совсем не умеет смотреть на раба как положено белой госпоже – и не спеша взялся за работу. Распахнул дверь сарая и подпёр её камнем, снял и повесил на угол двери куртку, закатал рукава рубашки, вытащил из сарая козлы, пилу и топор. Так же основательно установил козлы, попробовал их. Держат. И крикнув от натуги, взвалил на них первое бревно.

Работать одному двуручной пилой нелегко. А когда дерево сырое, совсем погано. Пила негодующе взвизгивала, застревая в сырой древесине. Он высвободил её, заводил заново в распил и продолжал работу. Не Жене он бы за такую работу не взялся.

Неслышно сзади подошла Женя.

– Давай вдвоём, – тихо предложила она.

Он обернул к ней искажившееся бешенством лицо, но голос его был спокоен и почтительен.

– Не беспокойтесь, мэм, всё будет сделано, как следует.

Она поняла и ушла. А он снова продолжил войну с бревном и пилой.

Тяжело ударился о землю первый отпиленный чурбан. Эркин передвинул бревно, выругался вполголоса и наложил пилу.

– Бог в помощь.

Эркин вскинул голову и медленно выпрямился. Возле калитки стоял высокий белобрысый парень в рабской куртке и, улыбаясь, смотрел на него. Белый и в рабском?! Эркин упёрся обеими руками в бревно и очень спокойно тихо спросил.

– Ну и что?

Негромкий ответный вопрос был настолько неожиданным, что его даже шатнуло.

– Напарником возьмёшь?

Парень улыбался, но глаза его не смеялись. И Эркин узнал это выражение голодной надежды. А парень, видимо, принял его молчание за согласие, и, поставив на землю деревянный ящик с ручкой – Эркин знал, что в таких обычно носят всякие инструменты, – быстро подошёл к козлам и взялся за вторую рукоятку пилы.

– Пошёл?

Эркин молча потянул пилу на себя, и, удерживаемая умелой рукой, пила запела, вгрызаясь в дерево. На сапоги брызнули струйки опилок.

– Третий день без жратвы, – быстро говорил парень знакомой тихой скороговоркой. – Просить не умею, воровать не хочу. Ты как подрядился? За деньги или жратву?

– По-всякому, – нехотя разжал губы Эркин.

– Деньги твои, еду пополам, – быстро предложил парень.

Их глаза встретились, и Эркин кивнул.

Дальше они работали молча.

Работал парень ловко, и видно, что ему пила не в новинку. Они заканчивали второе бревно, когда к ним подошла Женя.

– Так, – спокойно сказала Женя. – А второй откуда? Я с одним договаривалась.

Парень так и застыл, и Эркин понял, что говорить придётся ему.

– Это напарник мой, мэм, – он смотрел прямо в лицо Жени, надеясь, что она его поймёт, и что никто другой не заметит его дерзости. – Вместе работаем.

И после его слов парень вскинул голову и тоже посмотрел Жене в лицо.

– Не извольте беспокоиться, мэм, всё будет в лучшем виде.

И тогда невольно усмехнулся Эркин: все подёнщики одинаковы.

– Двойной платы не будет, – строго сказала Женя.

– Поделим, мэм, – незаметно подмигнул ей Эркин и уже парню. – Давай что ли, пошёл.

– Спасибо, – тихо сказал парень, когда Женя ушла.

Ни один белый никогда бы так не сказал, только свой, и Эркин ответил ему уже как своему.

– Спасибо после еды будет.

А парень тихо, не прерывая работы, говорил.

– Я койку у одной снимал, не здесь, в другом городе. За работу. А у неё муж из армии вернулся. Я сразу и без жилья, и без работы. Рвать когти пришлось. Вот третий день и маюсь.

– За работу снимал – это как? – заинтересовался Эркин.

– А просто. По хозяйству мужской работы много. Вот за ночлег я ей и чинил, и дом обихаживал, и всё такое. А она и стирает, и приготовит, чтоб горячего поесть, с устали горячее надо. Но жратва моя, и за стирку платил, ну и ещё...

– Ага, – Эркин с интересом посмотрел на парня. – И в койке работал?

– Обошёлся. Не нужна она мне на хрен, я так не договаривался.

– Понял, – кивнул Эркин.

Вот и выход для него. Надо Жене рассказать. А уж она соседям проговорится. Тогда не придётся улепёгивать на рассвете и возвращаться в темноте.

– Значит, шуганули тебя?

– А ну их, – парень беззлобно, но крепко выругался. – Пошумели, конечно. Мужик разорался, дескать, он кровь проливал, а она тут и всё такое. Ну, пришлось его тряхнуть, что мне его геройство по хрену и пусть берёт свою... красотку, мне она с доплатой не нужна.

– Побил его? – усмехнулся Эркин.

– А на фиг? Он с одной рукой и дёргается весь. Стукнешь и сядешь ещё. А мне она никто и будет никем. Забрал инструмент и ушёл.

Парень говорил весело, но Эркин уже слышал за этим весельем знакомую боль и отчаяние. Когда не тебя прогнали, а ты сам ушёл, не струсил, а не стал связываться. Когда главное – не показать боль. Нет, белый так не может, и не будет белый ни в какой нищете носить рабское, хотя и таких светлых мулатов в жизни не видел, ну, ничего в парне от цветного нет, а всё же... всё же свой.

На земле уже валялось много отпиленных чурбаков, и они взялись за топоры. Парень тоже снял куртку и остался в выцветшей армейской рубашке. Топор у него был свой. С непри-

вычно коротким топорищем, небольшой, будто игрушечный, но хорошо заточенный, и действовал он им умело. В два топора они перекололи напиленное и уложили сразу в сарай. Эркин заметил, что укладывает парень поленья по-другому, как-то не так. И, пожалуй... пожалуй, так они быстрее просохнут.

– Для сушки? – уточнил Эркин, показывая на образовавшиеся просветы между поленьями.

– Ну да, – удивился его вопросу парень. – Всегда так делают.

– Места много уходит, – заметил Эркин. – Не влезут все.

Парень недоумённо посмотрел на него и пожал плечами.

– А не всё равно? Ну, давай по-твоему.

Эркин прикусил губу. Ему было не всё равно, но показать это нельзя. Чуть не выдал себя.

– Буду класть, как привык, – наконец буркнул Эркин.

– Давай и я, – предложил парень. – Так быстрее.

Быстро уложили поленья, и опять запела пила. Поодаль собирались глазающие дети, да и взрослые поглядывали на совместную работу белого и индейца. На крыльце сидела с куклой Алиса. Ей было строго-настрого приказано не подходить и не мешать. Обилие зрителей сначала раздражало Эркина, но он заставил себя не думать о них. Парня они, видно, тоже раздражали, он уже не болтал, а только встряхивал головой, будто отгонял что-то мешающее ему.

Они работали молча и слаженно. Слаженность появилась как-то сама собой, будто не в первый раз им вот так работать. Несколько раз в калитку заглядывали искатели работы, но, видя, что место занято, исчезали.

Припекало сквозь облачную плёнку солнце. Медленно уменьшалась груда брёвен.

Снова вышла Женя и решительно подошла к ним. Эркин замер, не зная, что сделать, пока она не сказала чего-нибудь непопозаженного, но его опередил парень.

– Покормила бы, хозяйка, а то притомились, – и подмигнул Эркину.

И снова, к радостному изумлению Эркина, Женя и тут осталась сама собой.

– Поднимайтесь, потом закончите.

Лицо парня расплылось в такой счастливой улыбке, что Эркин невольно улыбнулся в ответ. Но, поднимаясь по лестнице, он опять забеспокоился. Вдруг Женя вздумает кормить их в комнате и этим выдаст себя. Ему уже случалось работать за еду. Обычно выносили во двор, только два раза пустили на кухню.

Но Женя знала эти неписанные правила. На кухонном столе стояли две большие тарелки с густым дымящимся супом и лежали четыре толстых ломтя хлеба. Дверь в комнату, куда и отправила Женя поднявшуюся следом Алису, плотно закрыта.

– Ешьте.

И ушла в комнату, оставив их одних. Парень оглядывал кухню блестящими глазами, светлыми, как лезвие ножа.

– Уфф, – наконец выдохнул он. – Ща пожрём.

И первый подошёл к раковине умыться. Эркин не возражал. Ему нельзя показать, насколько знакома эта кухня, и он предоставил парню инициативу. А за стол сесть тот рискнёт? С цветным есть – расу потерять. Рискнёт? И вымыв руки после парня, опередил его на подходе к столу и сел первым. Парень сел напротив без заминки и раздумий, так просто, будто иначе и быть не могло.

От горячего мясного супа тело ощутимо наливалось силой. Но Эркин не мог сосредоточиться на еде, всё время незаметно наблюдая за своим неожиданным напарником. Работать умеет и в работе на другого своей доли не навешивает. Но еда показывает человека, как и работа. Видно, что наголодался, но ест сдержанно. И не пересиливает себя, сидя за одним столом с небелым. Может, он из «недоказанных»? Но те кичатся своей белизной больше, чем иные белые. Или так голоден, что ему всё равно с кем за столом, лишь бы еда была? Или уже

потерял расу? Интересно за что? И теперь-то, он слышал, многие из таких просто уезжают куда подальше и живут себе как белые, на морде-то приговор не написан, а коли морда белая, то и вопросов нет. И ещё... Работая, парень не закатал рукава. И сейчас, вымыв руки, снова опустил и манжеты застегнул. Ведь не от холода же. Ну, его тайны Эркина не касаются. Свою бы не выдать.

Они доели, парень, как и Эркин, остатком хлеба протёр свою тарелку и кинул корку в рот. От еды его лицо порозовело, а глаза смеялись уже искренне.

– А не скупа хозяйка, – громко сказал он. – Век бы на такую работал.

– Пошли, – встал Эркин.

Парень согласно кивнул. И он, а не Эркин, проходя на лестницу, сказал закрытой двери в комнату.

– Спасибо, хозяйка.

И снова пела пила и ухали топоры, разваливая чурбаки на поленья. Поев, парень заработал играючи, словно хвастаясь силой, забалагурил. Но его шутки были тихими, так говорят те, кто привык к опасливости, кто камерному шёпоту не вчера выучился. И по-английски говорил странно, иногда мелькало что-то похожее на Женю и Алису. Незамысловатые шутки не обижали, да и смеялся парень больше над собой, и Эркин незаметно для себя стал отвечать на них.

Но вот уложены последние поленья, убраны козлы, пила и топор. Парень подобрал с земли остатки щепок и положил их в угол, где лежал запас лучины, снял с гвоздя и накинул на плечи куртку. Эркин, держа свою куртку в руке, притворил дверь сарая и остановился в раздумье...

– Пойдёшь к хозяйке?

Парень смотрел на него открыто, и Эркин не смог отмолчаться.

– Да.

– Лады, – парень тряхнул головой. – Спасибо.

– Не за что, – пожал плечами Эркин.

Парень надел куртку, подобрал свой ящик и пошёл к калитке. Эркин посмотрел ему вслед и, прыгая через четыре ступеньки, взбежал наверх.

Женя мыла посуду и обернулась к нему.

– Всё? Ну, молодцы.

Эркин быстро отхватил от буханки два толстых ломтя, сунул в карман.

– Я за деньгами поднимался, – Женя заморгала, а он быстро продолжал: – А вообще я койку у тебя снимаю.

– Ах, та-ак, – понимающе протянула Женя. – И за сколько снимаешь?

– За работу, – крикнул Эркин, скатываясь по лестнице.

Парня он догнал у угла. Поравнявшись, протянул ему хлеб. Тот взял и радостно улыбнулся.

– Это что?

– Твоя доля, – буркнул Эркин.

– Это она вместо денег дала, что ли? – усмехнулся парень.

– Договорились, что еда пополам, – ушёл от ответа Эркин.

Парень протянул ему руку.

– Андрей.

Странное имя, не слышал такого раньше, но мало ли чего он ещё не слышал, как назвался, так и зовут.

– Эркин. – почему-то он назвал имя, а не присвоенную ему на прописке кличку. Может, из-за протянутой руки.

Они обменялись рукопожатием и дальше пошли вместе.

– Ты нездешний? – осторожно спросил Эркин. – Я тебя не видел раньше.

- Нет, я сюда только вчера приехал. А что, как тут с работой?
- Когда есть, а когда хреново, – пожал плечами Эркин.
- Ну, как везде, – кивнул Андрей. – Ты один или в ватаге?
- Один. А ты?
- И я.

День клонился к закату, и они успели бы к вечерней разгрузке на рынке. Но за два поворота до рынка какой-то старик пытался чинить забор. Работа была, но на одного. Они переглянулись, и Эркин уступил работу Андрею. Издали он видел, как тот сговаривается со стариком. Ладно, это его дело. А у меня моё. Может, на рынке что и удастся перехватить.

Уходя, Эркин оглянулся. Андрей уже скинул куртку и поднимал поваленный стояк у калитки. Почувствовав его взгляд, Андрей поднял голову и вскинул руку то ли в приветствии, то ли поправляя волосы. Хотя, что там поправлять: волосы с ноготь торчат.

На рынке было уже пусто, и Эркин повернул домой. Остановился на углу поболтать с ватагой Одноухого. Парни там подобрались дружные. Они сегодня перехватили заводскую погрузку и были рады похвастать удачей. Накормили дважды, сухой паёк, сигареты и ещё деньгами.

– Так это ж русские, – Длинный с наслаждением затянулся дошедшей до него сигаретой. – Они если платят, то без булды.

– Русские? – заинтересовался Эркин. – Чего их сюда занесло?

– А хрен их знает, – Дик выдернул у Длинного из губ сигарету. – Больно долго дымишь. Другим дай. – И уже Эркину. – Нам это по фигу. Заводские замешкались, мы и рванули.

– И заводские не шуганули вас? – удивился Эркин.

Ему ответил радостный гогот.

– Прыгал ихний старшбй, ну ты его знаешь, чистая жаба. А русский ему, дескать, уже нанял, он и умылся.

– Они ж, тупари, русским, как это, ну, когда не разговаривают, ни чего ещё...

– Бойкот, – подсказал кто-то.

– Во! – круглое чёрное лицо Эла блестело. – Точно. Бойкот объявили. Нам от их бойкота чистая выгода.

– Я ж говорю, тупари эти беляки.

– Мне на них... накласть с присвистом и перебором. Мне главное, чтоб платили честно.

– Это белый-то тебе честно заплатит?! Козла подои и напейся!

– Сам ты... козёл недоенный. Этот-то честно заплатил, скажешь, нет?

– Дубина ты, он цен здешних не знает, а Одноухий уговариваться умеет.

– А что, много заплатил? – Эркину не жалко, пусть похващаются.

– Эх, не видел ты! Одноухий, когда стал сговариваться, ну, только сказал про сигареты...

– Ага, дескать, пачку, – поддержали рассказчика.

– Ну да, а русский говорит, это что, каждому?

– Точно, у Одноухого аж огрызок зашевелился.

– И говорит ему: да, масса, на каждого, масса.

– И этот кивает, дескать, согласен.

– Эх, Меченый, – Дик гулко хлопнул Эркина по спине, – вполне мог с нами.

Эркин согласно кивнул. Когда платят не ватаге, а каждому, любой может подвалить.

– И много подвалило?

– А на кой они нам?! Этот русский ещё приедет. Нас-то он возьмёт, а вот как там расплата пойдёт, ещё поглядеть надо.

– Паёк, смотри, каждому дали.

– Ну, так покажите, – попросил Эркин, – никогда не видел.

– А! Полбуханки и банка. На сборных такие давали.

- Тогда знаю, – кивнул Эркин. – С едой тогда вас.
- Тебе того же. Но и поломаться пришлось.
- Это да.
- Ну, так белый если платит, то и спину тебе не гладит. Одноухий гордо попыхивал своей отдельной сигаретой.
- Ладно, – прекратил он гомон. – Валим отсюда. Бывай, Меченый.
- Бывай! Смотрите, чтоб заводские вас не подловили.
- За собой смотри, – Дик снова хлопнул его по спине. – А мы зубастые.

Эркин ответил ему таким же хлопком, от которого Дик едва не упал. Того поддержали, поржали ещё немного над тупостью беляков и разошлись.

В ватагу к Одноухому он бы пошёл, но в ватаге ты уже и спишь, и ешь со всеми. Это Эркина не устраивало. В одиночку и легче, и сложнее. А в общем ночлеге ему долго не продержаться, раскроют, а тогда... молись богу, чтоб быстро умереть... Ладно, он один, и дальше один будет. А с жильём так и надо сделать. Снимаю койку и всё. Как Андрей говорил? Работа по дому, своя еда и деньги за стирку. Ну, и за само жильё надо накинуть. Всё сходится. Надо будет порасспросить аккуратно, сколько стоит такое жильё. Чтоб Жене если придётся говорить кому, знала, сколько называть. Ох, если только жизнь какую подлость не выкинет, то всё сходится.

Он шёл и улыбался, довольный удавшимся днём и тем, что небо очищается, завтра будет солнечный день. Куртку можно будет дома оставить, чтоб не трепать её зря. А странный парень Андрей. Рубашка армейская, а куртка рабская. То ли дезертир, то ли расу потерял, то ли... И ругается забористо. Имя странное. А может, он тоже... были же, он слышал, угнанные, русские, а за белых их не то что не считали, но... не совсем белые. Ну, это он у Жени спросит. Если Андрей русский, как Женя...

Двое встречных белых шли в упор на него. Он легко разминулся с ними, даже не обратив на них внимания и привычно опустив глаза. Но они остановились и посмотрели ему вслед.

- Обнаглед, – сказал один. Не осуждая, а очень спокойно, констатируя факт.
- Он приметный, – так же спокойно ответил другой.

И пошли дальше.

Дойдя до дома, Эркин запер за собой калитку, а, проходя мимо сарая, с удовольствием вдохнул запах свежего дерева и легко, без шума, но и не таясь открыл и затворил за собой дверь. Он впервые не посмотрел на чужие окна, проверяя, не видят ли его. А пусть видят. Ему есть что ответить. И по лестнице он не поднялся, а взбежал, будто и не работал сегодня.

Когда они уже поели и Алису уложили спать, Женя налила ему вторую «разговорную» чашку.

- Ну а теперь, жилец, рассказывай. Так ты за ночлег платишь?

Эркин поднял на неё смеющиеся глаза.

– Значит так. Вся мужская работа по дому. Там дрова, вода, починка и всё такое. Это раз, – Женя кивнула и стала загибать пальцы. – Мне готовят, но продукты для себя я приношу. И, – он вдруг сообразил, – если нет, то плачу за еду тоже. Это два. За стирку я плачу, это три. И за ночлег плачу, это четыре.

– Три, – перебила его Женя. – Стирка, бельё постельное и ночлег вместе считаются. И где ты такую обдираловку нашёл?

Эркин поперхнулся чаем.

– Это как?

– А вот так. За постель на полу у всех под ногами, да ещё платишь за всё... Чистая обдираловка. Это что, этот парень так снимает?

– Снимал, – уточнил Эркин. – Говорит, к его хозяйке муж вернулся, и ему отказали.

– Ну, ясно, – засмеялась Женя. – Только если он даже с хозяйкой в одной койке спал, всё равно обдираловка.

Эркин покраснел.

– А что, так обязательно? – глухо спросил он.

– Да нет, – пожала плечами Женя. – Но когда и то, и то, и то... И работает он по дому, и все деньги, получается, что зарабатывает, отдаёт, и стирают ему, и готовят... это уже по-семейному. Слишком много для жильца, Эркин.

– А как же тогда? – растерянно спросил он.

– Попробую разузнать потихоньку. – Женя весело улыбнулась. – Жилец – это, конечно, хорошо придумано. Это ты молодец. Жильё за работу тоже неплохо. Но и тут подумать надо.

Эркин устало кивнул.

– Парень этот... Ты давно его знаешь?

– Сегодня сам подошёл. Ну, так бывает, – стал он объяснять. – Когда работы много, подваливают. Мы когда пилили, другие тоже заглядывали. Это-то понятно. Но он ведь белый.

– А белый есть не хочет?

– Да нет, – Эркин досадливо мотнул головой, не зная, как объяснить, – странный он. Да, что за имя такое: Андрей? – с трудом выговорил он.

– Русское имя, – сразу ответила Женя. – По-английски Эндрю или Андре.

– Так, выходит, он русский?! – обрадовался Эркин.

И Женя улыбнулась его радости.

Как всегда, Эркин проснулся на рассвете. Он уже так знал всё в комнате и кухне, что мог бы двигаться с закрытыми глазами. Иногда он и досыпал на ходу, окончательно просыпаясь только на улице. Вода, дрова – всё столь привычно, что можно не просыпаться из-за таких пустяков. И сегодня в том же полусне он переделал все утренние дела. Но ни разу ему не удалось не разбудить Женю. И когда он возвращался с первыми вёдрами воды, она уже хлопотала у плиты.

– Я бужу тебя? – однажды спросил он.

– Нет, я и раньше так вставала, – ответила Женя и улыбнулась. – Сейчас даже чуть больше могу поспать.

И так же как-то само собой получалось, что каждый вечер он успевал постелить себе и лечь спать, а она ещё возилась по хозяйству и ложилась уже в темноте. Иногда он засыпал, не дождавшись этого. А иногда слышал, как она осторожно проходит по комнате, и всякий раз обещал себе, что завтра постелет по ту сторону стола, у окон, чтобы ей не обходить его, но всякий раз, когда наступал вечер, укладывался у печки, хотя уже наступило тепло, и Женя топила только плиту. И иногда он слышал, как Женя останавливалась у его изголовья, и чувствовал на себе её взгляд. И замирал, ожидая её слов и боясь этого зова. Но Женя уходила, и он засыпал. От дневной работы ломило спину и ноги, ныло всё ещё не зажившее плечо. Но эта боль не мешала спать. И сны не тревожили его.

Это утро было прохладным, но солнечным. И когда Эркин дошёл до рынка, утренний холодок был даже приятен. На рынке ещё пусто, только у полуобгоревшего барака рабского торга толпились. Но там всегда по утрам собирались ватаги и одиночки, а кое-кто и ночевал тут же. Здесь узнавались все новости и прописывались новички. И сегодня, похоже, ещё подвалило... Скоро работы точно на всех не хватит. Хотя... всем жрать охота...

Над плотной толпой стояло такое же плотное облако ругани. Похоже... похоже заминка с пропиской у кого-то. Эркин полез в толпу из чистого любопытства, отругиваясь и отмахиваясь от наседавших. И увидел.

В центре ругающегося плюющего круга стоял Андрей. Куртка распахнута, сжатые кулаки оттопыривают карманы, светлые брови кажутся совсем белыми на багровом от напряжения лице. Ни одного ругательства он не оставлял без ответа, и ответы заставляли многих ёжиться, а кое-кто на иные обороты восхищённо крутил головой. Но все – и Эркин это понял

сразу – все были против Андрея. А вперёд уже проталкивались Нолл, Айк, вон Стемп, вон и шакалы подбираются. Сейчас достанут ножи... А что будет дальше, Эркин уже знал. Было уже, когда в рослом голубоглазом мулате кто-то опознал стукача. И прописка кончилась изрезанным вспоротым трупом, которого уже никто не сможет опознать. И ещё двоих так же, но там он подошёл к концу и не знал из-за чего их так... Есть! Айк прыгнул первым, но Андрей отбил удар, отшвырнув противника в толпу. И что-то, что было сильнее его, бросило Эркина вперёд. Он сам не понял, как это случилось, но он уже стоял спина к спине с Андреем с ножом в руке и кричал.

– Ну?! Кто первый?

К нему подсунулся кто-то из шакалов, Эркин отбросил его ударом ноги.

– Меченый! – крикнул кто-то. – Уйди!

– Уйди! Он белый! – кричали из толпы.

Но первый запал прошёл, а второго могло и не быть. Уже слышались другие голоса, неприязненные, но не драчливые. Эркин перевёл дыхание и спрятал нож. И почувствовал, что Андрей сделал это же. Круг стал теснее, но ругань поутихла. И уже не смерти требовали, а ухода. Пусть белый убирается, а то...

Андрей стоял спокойно, да и по лицам стоящих вокруг Эркин понял, что начинается торг, а в это он уже не вмешивается. Он отошёл и встал в общий круг. Их глаза встретились, и Андрей еле заметно кивнул ему, благодаря за помощь. Круг постепенно успокаивался, и торг закончился тем, что с Белёсого возьмут две пачки сигарет и полную, непечатую, бутылку. Дорого, но пусть за белизну платит. И к ватагам пусть не подваливает. Нет, когда все, тогда другое дело, подвалить всякий может, но в ватагу не возьмём, пусть его, сам по себе, у него вон напарник есть.

Андрей вытащил из кармана пачку сигарет и деньги на вторую пачку и бутылку. Кого-то из крутившихся под ногами мальчишек послали за выкупом. Пока не принесли, круг не расходился. Вернулись гонцы, и по кругу пошли сигареты и бутылка. Тут и Эркин приложился в знак того, что принимает прописанного. Последним затянулся и глотнул Андрей. Оставив допивать и докуривать вожakov ватаг, толпа расползлась по рынку. Эркина задержал Одноухий.

– Работал с ним или жрали вместе?

– И то, и то, – пожал плечами Эркин.

– А ты, Меченый, не прост! – хлопнул его по плечу Нолл. – За беляка нас бы пощипали. Это ты вовремя сообразил.

– Он сам пришёл? – вместо ответа поинтересовался Эркин.

– Нет, он уже третий день то подвалить хочет, то сам пристроится. Ну, мы и перехватили его утром, – спокойно сказал Арч.

Его ватага была самая тихая, незаметная, но хорошую работу перехватывали так, что никто и чухнуться не успевал.

Эркин кивнул. Это понятно. Хочет их работу, пусть прописывается. Так везде.

Рынок наполнялся голосами, и площадка у рабского торга пустела. Андрей устало подошёл к стене и присел. Эркин сел рядом.

– Что ж ты плёл, что три дня не ел, – вдруг спросил Эркин, – а такие деньги таскал?

– Занял вчера, – неохотно ответил Андрей. – Боялся, не хватит на прописку, – и ухмыльнулся. – Теперь ещё не жрать, пока не выплачу.

– А здоров ты ругаться, – улыбнулся Эркин.

– Выучили, – хмыкнул Андрей.

Посидели ещё, подставляя лица утреннему солнцу. Эркин встал первым, заботливо отряхнул одежду – грязного не наймут. Следом поднялся Андрей со своим ящиком, и они пошли по рядам, выглядывая мающего над мешком или корзиной покупателя. Продавцов они уже упустили.

Работы на двоих не было, и они разошлись.

Подготовка к Весеннему Баллу захлёстывала город. В конторе говорили теперь только об этом. Услышав, что уже найдено помещение и назначен день, Женя чуть не расплакалась от досады. Она знала, что на Бал ей не попасть, нет даже смысла заботиться о платье, она... она и не хочет, но так стало обидно.

Женя оторвала глаза от текста и увидела такой же тоскующий взгляд Розы. Ей тоже не на что надеяться. Они перестали участвовать в общих разговорах. Да ещё миссис Стоун упорно молчала в своём углу. Но их отчуждения остальные не замечали, занятые Балом и только Балом.

В перерыве Женя, как и прежде, бегала по магазинам. Однажды она увидела на улице Эркина. Он тащил на спине туго набитый большой мешок и не заметил её. А Женя остановилась и смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом. И даже не подумала, что на неё обратят внимание. Страх, который не давал ей в ту страшную ночь, когда она вела его большого по городу, помочь ему, который заставил её приказать Алиске молчать, а её саму врать и выкручиваться перед доктором Айзеком, этот страх ушёл куда-то в глубину. Да, она отлично понимала, что она не может показаться с ним на улице, что, если кто-то зайдёт и увидит их обедающими за одним столом, да, тогда случится самое страшное. Но ведь к ним никто не заходит, она всегда, к счастью, жила очень замкнуто, а гулять... ну, когда ей гулять? Работа и хозяйство отнимают всё время, а в выходные столько дел. А Эркин по выходным возвращается даже позже обычного. Рыночные дни для него самые рабочие. Она как-то предложила ему отдохнуть, отоспаться, но он только молча мотнул головой в ответ, а потом скупно объяснил, что именно в выходные все делают большие покупки, возятся по дому и работы больше.

– Много нас стало, – нехотя сказал он. – Вот и крутимся.

И приходил он чёрный от усталости. Однажды заснул за столом, даже не доев. Женя старалась, как могла, накормить его получше, предлагала брать с собой на работу хотя бы хлеба, но он отказался.

– Ещё подумают чего, – и, видя её огорчение, улыбнулся. – Нам часто едой платят.

– Не ходи голодным, – попросила она. – Ведь свалишься.

– Это я знаю, – его улыбка стала хитрой. – По кормёжке и работа.

Он храбрился, но она-то слышит, как он иногда ночью стонет во сне. Она по себе знала, по работе санитаркой в госпитале, как ломит руки и ноги после такой работы.

Женя тряхнула головой и побежала дальше. Сегодня ей на подработку. Надо успеть всё купить. И хорошо бы чего-нибудь вкусенького. Скажем конфет. Без сладкого плохо.

И Женя решительно толкнула дверь кондитерской.

– Джен, милочка!

– Вот радость!

– Ну, наконец-то!

Мисс Лилли и мисс Милли всегда поражали Женю. Они знали всё, знали всех и каждого покупателя встречали как старого доброго знакомого их семьи. Сердце Жени они купили тем, что в её первый же приход предложили ей молочные тянучки для девочки. С тех пор Женя хоть раз в месяц, но забегала к ним.

– Добрый день, – весело поздоровалась она. – Дивная сегодня погода, не правда ли?

– Да-да, – согласилась мисс Лилли со счастливой улыбкой, – такое милое солнышко на улице!

– Вы, Джен, сами солнышко, – мисс Милли выложила перед Женей куколок из цветного сахара. – Не правда ли, прелесть?

– Оо! – восхитилась Женя. – Какая тонкая работа!

Крохотные зверюшки и человечки были действительно очень забавны.

– Я раньше таких не видела, – искренне сказала Женя, перебирая прозрачные пакетики.
– Да-да, кто бы мог подумать, что у русских такая утончённость.
– Русских? – удивилась Женя. – Они с Русской территории?
– Да-да, из самой России, кто бы мог подумать.
– Но, Лилли, – вмешалась мисс Милли, ласково улыбаясь Жене. – Русские ведь нашей расы. И вспомни, Лилли, вот мистер Го-рья-тшефф, – с трудом произнесла она. – Настоящий джентльмен.

– Да-да, – зашебетала мисс Лилли. – Джен, милочка, мы вели с ним переговоры о поставках. Такой приятный обаятельный мужчина. Исключительные манеры.

– Пока мы вели переговоры, – заговорщицки понизила голос мисс Милли, – миссис Крайстон, старая миссис Эндрюс и ещё разные леди прибежали за покупками.

– И все с дочерьми, – захихикала мисс Лилли.

Женя представила себе эту картину и от души рассмеялась.

– Да-да, я всегда говорила, что русские нашей расы, – снова зашебетала мисс Лилли.

Под дифирамбы русским Женя набрала всяких сладостей и вышла из кондитерской без денег, но в отличном настроении. Впрочем, так было всегда. И со всеми. Поэтому к мисс Лилли и мисс Милли заходили не часто, но уж зайдя, оставляли там все деньги. И кондитерская процветала. Даже их рабы после освобождения остались у них. Нет, конечно, их словам веры никакой нет, но всё равно приятно.

Вообще последнее время что-то незаметно менялось. Ну, о русских перестали плохо говорить, как только они победили. И всё же... всё же что-то меняется. Может... может, всё наладится, и она заживет нормальной обычной жизнью, как все.

В конторе тепло и уютно. Но все разговоры только о Бале. Женя слушала с вежливой улыбкой, не вступая в разговор.

– Да, Джен, – Мирта заметила её молчание. – А вас Бал не волнует?

– Я туда не иду, – спокойно ответила Женя.

Разговоры оборвались. Даже у машинок стал какой-то приглушённый звук.

– Но... но почему? – растерянно спросила Мирта. – Ведь это первый Бал после войны.

– По многим причинам, – Женя продолжала держать на лице вежливую улыбку.

– Назовите их, Джен, – сказал вдруг Норман. – Может, мы сумеем помочь.

– Ну, – улыбка Жени стала напряжённой. – Во-первых, я русская, «условно белая», а Бал только для «истинно белых», во-вторых, у меня нет приглашения, в-третьих, у меня нет бального платья и денег на него, в-четвёртых, я не могу оставить на ночь дочку одну. Достаточно?

– Достаточно, – кивнул Норман, – но я сейчас докажу вам, Джен, что вы неправы по всем пунктам. И начну я...

– Начните с первого, – посоветовала Женя. – А я послушаю, что у вас получится.

– Пожалуйста, – охотно ответил Норман. – Русские относятся к белой расе, эта глупость с их «условностью» была вызвана войной, и пора с ней покончить. Все белые – одна раса и должны знать это. Ваша первая причина несостоятельна. И потом, вы ведь родились на Русской территории, а не в России, не так ли? – Женя кивнула, и он продолжил. – Вы ходили в нормальную школу, закончили колледж...

– Да, Образцовый женский Крейгера.

– Ну, вот видите. Вы человек нашей цивилизации. А остальные причины... они все устранимы.

– Bravo, Норман! – зааплодировал Перри, и к нему присоединились остальные.

– Джен! – воскликнула Эллин. – Я знаю одну цветную, вполне порядочную девушку, она, конечно, посидит с вашей дочкой и возьмёт недорого.

– И о платье не думайте, – вступила Мирта. – У кого сейчас есть бальные платья?! Ведь война только кончилась!

– И вы, Джен, очаровательны всегда и во всём! – Перри закатил глаза, изображая восторг. А Хьюго молча пересёк комнату и положил перед Женей белый с золотым тиснением прямоугольник пригласительного билета. Потом по-военному щёлкнул каблуками и склонил голову с безукоризненным пробором.

– Имею честь пригласить вас и смиренно прошу стать моей дамой.

Женя растроганно переводила взгляд с одного лица на другое, потом вышла из-за стола и присела в церемонном реверансе, поддерживая общее веселье.

И Бал теперь обсуждали все. Только Женю удивило упорное молчание Рассела и то странное выражение, с которым он слушал Нормана.

Бал, она всё-таки идёт на Бал. Нет, нанимать кого-то на ночь она не станет. И с платьем она что-нибудь придумает. Не сошьёт, конечно, осталось всего два дня. И не купит – нет денег. Но придумает! Она на саму себя удивлялась, с каким жаром она обсуждает, допустимы ли на Балу короткие платья. Мужчины дружно проголосовали за короткие. Женю это устраивало: длинного у неё просто нет. Она переглянулась с Эллин и поняла, что у той та же проблема. Они рассмеялись и стали утешать Мирту, которая чуть не плача заявила, что придёт в длинном.

Ах, какой же это был вечер. Как ей всё удавалось. Ну конечно, традиции традициями, а ситуация ситуацией.

– На любую ситуацию есть своя комбинация, – под общий смех провозгласил Перри. – И, в конце концов, милые дамы, что важнее, джентльмен или смокинг джентльмена?

– А возможен джентльмен без смокинга? – ядовито спросила Эллин.

– А вы поглядите на меня!

Перри кокетливо одёрнул пиджак и прошёлся между столами походкой манекенщика.

– Ах, – застонали девушки в преувеличенном восторге, – Перри, вы неотразимы!

– Волшебницы! – возопил Перри, воздевая руки к потолку, – Бал будет необыкновенным!

– Благодаря вашему участию, – рассмеялась Женя.

– Благодарю, но не принимаю. Бал делают дамы, – и Перри бросился целовать щёчки и ручки.

Идя домой, Женя ловила себя на том, что она то и дело тихо смеётся. «Совсем с ума сошла», – счастливо вздохнула она, открывая калитку. Интересно, Эркин дома? Задвинуть засовы? А если он ещё не пришёл, тогда ему придется стучать... И Женя оставила двери как были. Вообще-то надо будет заказать ключи, чтобы у него были свои. А то такую канитель приходится устраивать, а если он уходит позже неё, то двери весь день не заперты, правда, Алиса уже не маленькая, но всё-таки...

Эркин был дома. Увидев Женю, он сразу встал и, прежде чем она успела что-то сказать, пошёл вниз, бросив на ходу.

– Пойду, закрою всё.

Алиса сонно доложила о своих дневных событиях и заснула на половине фразы. Женя раздела её и уложила в постель.

– Говорила, не ляжет без тебя, – сказал за её спиной вернувшийся со двора Эркин.

– Шлёпнул бы разок и всё, – рассмеялась Женя на его виноватый тон.

Но он не рассмеялся в ответ, а лицо его на секунду приняло угрюмое выражение.

– Ну ладно, это не страшно. Ели?

– Да. Я оставил на плите.

Господи, какое же это счастье: прийти домой и получить сразу чашку горячего чая, и не надо растапливать плиту и ждать, пока чайник вскипит. Пока Эркин ходил за чайником, Женя быстро переоделась и выложила на стол сладости.

– И себе наливай, – скомандовала она. – Смотри, что я купила.

Эркин осторожно повертел прозрачный пакетик с белым медвежонком.

– Что это?

- Сладкие куклы. Из цветного сахара.
- Никогда не видел.
- Я тоже сегодня впервые увидела. Одну тебе, одну мне...
- А мне?

Алиса уже вылезла из кровати и громоздилась на своё место.

- Ты же спала?! – изумилась Женя.
- Ага, – согласилась Алиса. – А они сладкие?

– Завтра, – сердито сказала Женя, стаскивая дочку со стула. – Всё завтра! Спи, – и повернулась к Эркину. – Придётся на кухне чай пить. Здесь ведь не даст.

Алиса хныкнула пару раз, и её пришлось успокоить, что кукол оставят на завтра и она сама себе отберёт кого захочет. Она заснула уже окончательно, и Женя с Эркином сели пить чай.

- Ох, как хорошо! – Женя поставила чашку на стол и посмотрела на Эркина.

Он сидел, чуть сгорбившись и обхватив ладонями свою чашку. Почувствовав взгляд Жени, поднял голову и улыбнулся.

- Ну, как ты? – спросила Женя.
- Хорошо, – он смотрел на неё и улыбался какой-то тихой задумчивой улыбкой. – Мне очень хорошо, Женя. Я... ну, мне никогда так хорошо не было. Я... я не знаю, как сказать. Я иногда думаю, за что мне так повезло, не знаю.

- Везёт не за что-то, – улыбнулась Женя. – Везёт просто так.

Он кивнул и спросил.

- У тебя был хороший день сегодня?
- Да. Устала, конечно, но всё равно хороший. А у тебя?
- Тоже. Заплатили деньгами. Это же лучше, чем еда, правда?
- Конечно, – удивилась его вопросу Женя.

– Да, а многие, – его улыбка стала насмешливой, – многие предпочитают еду. Говорят, покупать дороже.

- А одеваться как же? И всё остальное, жильё там...
- Они об этом не думают. И лето идёт, тепло уже.
- Но за летом осень будет.

– Они знают. Но, – он досадливо свёл на мгновение брови. – Раб не думает наперёд. Рабу надо быть сытым. И не битым. Остальное неважно.

- Так они же не рабы, – Женя не понимала его волнения.

Эркин хмыкнул.

– Справки у всех есть, да толку-то что. Я сегодня к ватаге одной подвалил. Чего-то там грузили. Сначала с машин в склад, потом со склада в машины. Шофёр заорёт, так у меня со страху... спина мокрая. Знаю, что не ударит, а всё равно боюсь. Ладно, – он мотнул головой, словно муху отгонял. – Я деньги на комод положил.

- Спасибо.

– Не за что, – старательно выговорил он по-русски и засмеялся её удивлению. – Андрей русский, от него перенял.

Женя встала, собирая посуду. Эркин залпом допил и отдал ей чашку, но не остался сидеть, а пошёл следом и стоял, глядя, как она моет посуду.

- Эркин, а ты знаешь про Бал? – вдруг спросила она.

– Рынок всё знает, – усмехнулся Эркин. – Цветочный ряд вдвое длиннее стал. Я уходил, а ещё подвозили.

- А где будет Бал, ты тоже знаешь?

– Тоже знаю. В бывшем доме... нет, в доме бывшего... – он засмеялся и махнул рукой, – словом, бывший дом бывшего хозяина бывших рабов. Большой белый с колоннами на Мейн-стрит, так?

– Так, – засмеялась Женя. – А откуда ты это знаешь?

– Я туда завтра иду. Там ремонт, и нужны подсобники.

– С Андреем?

– Да.

Женя ополоснула тарелки и вылила грязную воду в лохань.

– Я тоже туда иду, – наконец сказала она. – На Бал.

Эркин молчал, и она обернулась. Он смотрел на неё и спокойно ждал продолжения, но она молчала, и тогда он спросил сам.

– Ты рада, что идёшь туда?

– Да! – вырвалось у неё. – Я очень хочу на Бал.

Эркин улыбнулся.

– Тогда хорошо. Конечно, иди.

Женя подошла к нему и положила руки ему на плечи. Он, не отводя от неё глаз, накрыл её ладони своими. Женя засмеялась.

– Ох, Эркин, я так рада, правда.

– Ну, так и я рад, – беззвучно шевельнул губами Эркин.

И потом, уже ночью, он долго лежал без сна, слушая дыхание Жени и Алисы. Женя говорила о бале. Нет, это хорошо, что она идёт туда. Вот только... он ведь и сегодня там работал. Разбирали всякий мусор, расчищали парадные залы и лестницу. Работа была несложной, заплатили хорошо, наняли на завтра, а его и сейчас трясёт. Когда в одной из комнат из-под обломков штукатурки и другого мусора показался жёлтый паркет, его и затрясло. Такой пол был в имении. На таком паркете он лежал в тот первый день, когда от боли темнело в глазах и мутился разум. И в Паласах такой же, и в распределителях, питомниках, в сортировочных залах такой же, он помнит. Там его отобрали в спальники. Трижды он проходил этот отбор. И помнит. Медово жёлтые, плотно пригнанные друг к другу дощечки. Он сам не ждал, что с ним такое будет, что его опять обдаст холодной волной страха, бессильной ненависти и отчаяния. Если бы не Андрей он бы всё бросил, плюнул на деньги и ушёл. Но увидел такую же ненависть в глазах Андрея, услышал его хриплый шёпот, выплёвывающий чудовищные, неслыханные им раньше ругательства. И остался. Они чистили эти залы яростно, как в драке. Белые ремонтники не заметили ничего, да и работали они в разных залах. Они уходили, ремонтники начинали свою работу. И завтра им убирать за ремонтниками. На улице они, не считая, спрятали деньги и, не сговариваясь, пошли на станцию и там подвалили к первой попавшейся ватаге, чтобы напряжением рвущихся жил, перехваченным на рывке дыханием, рухнувшей на плечи тяжестью и страшной усталостью, от которой темнеет мир вокруг, забить пережитое, чтобы не стало его, будто и не было.

Эркин медленно перевёл дыхание. Он лежал, сжав кулаки и стиснув зубы, и сейчас заставил себя распустить мышцы. Женя права – никто не виноват в его страхах. Этот он пересилил. Но он смог это не сам. Рядом был Андрей. И ещё была память. Он видел этот паркет и другим. Там же, в имении...

...Как в суматохе охоты на надсмотрщиков и хозяев не подожгли дом, непонятно. Но дом уцелел. И он шёл по гулким пустым комнатам, заваленным обломками мебели. И жёлтый паркет, только вчера заботливо натёртый рабами, скрипел под его грубыми сапогами скотника. Крики пирующих на кухне рабов сюда не доходили, и его шаги отзывались эхом. Он столько лет прожил здесь, не бывая дальше пузырьчатки...

...Эркин не хотел это помнить, не хотел разбираться, раскладывая, что после чего случилось. Суматошные дни Освобождения, слившиеся в один непонятный день. Он понимал всех и не понимал себя...

...Истошные крики в доме ударили в спину. Крики страха, боли и радости. Он знает: ловят и бьют, убивают надзирателей, ищут хозяев. Почему он не пошёл туда? Разве не мечтал об этом часе, о том, как хрустнет под его пальцами горло Полди. Так чего ж он сидит не в силах шевельнуться? А крики то приближались к крыльцу, то опять откатывались в глубь дома. А потом его будто толкнул кто, и он побежал на скотную, к брошенной без присмотра и наверняка проголодавшейся скотине. Она-то не при чём. Пол он домыть не стал, а занялся кормом. И уже подходило время дневной дойки. Он всё приготовил, но бык чего-то беспокоился. Наклонив голову, бык недовольно фыркнул, громыхал цепью, тянулся в угол, где горой возвышались сенные брикеты. Позавчера он с Мальцом затащил их сюда, чтоб не ходить каждый раз в сенной сарай. Он через загородку почесал быку между рогами, похлопал по шее. Бык только покосился на него быстро красневшими глазами и снова дёрнул цепь. Крыса там, что ли? Или кошка забралась? Бык дурной, никогда не знаешь, на кого кинется. Он пошёл посмотреть. В одном месте брикеты неплотно прилегали к стене, образуя узкую и глубокую щель. Вчера в неё забрался Малец, и он его оттуда выковырял угрозой выпустить быка. Но чего здесь прятаться Мальцу? Он наверняка с Твигги сейчас. И из-за Мальца бык бы не стал беспокоиться. Он осторожно подобрался к щели и сразу почувствовал тонкий, еле ощутимый запах не то духов, не то хорошего мыла. Он вглядывался в узкую тёмную щель, пытаясь уловить малейший звук, понять, кто там, но было тихо. Тишина затаённого дыхания. Он отступил на шаг, оглядел брикеты и, выбрав нужный, навалился на него плечом. От напряжения потемнело в глазах, но брикет стронулся с места, и он дотолкал его до стены, закрыв щель. Бык шумно фыркнул, но уже по-другому. Эта скотина быстро бесилась, но и успокаивалась быстро. Отодвинуть изнутри брикет невозможно. И он уже спокойно побежал в молочную за ведрами. Толку от Мальца всегда было мало, и он привык управляться один. Коровы сами вставали, когда он к ним подходил. Запахло парным молоком, и сразу захотелось есть. Он привычно быстро огляделся и глотнул через край пенистой тёплой жидкости. И всё было как обычно, как если бы дежурил Грегори, тот ведь почти не заходил к стойлам, сидел в молочной, следил, как он сливает молоко в бидоны, и записывал удои. Он отнёс молоко в молочную, слил. В одном из ведер осталось кружки на две, не больше. В молочной никого, и он поднёс было ведро ко рту, но тут же опустил и рассмеялся. А чего он будет пить из ведра? Грегори уже не зайдёт. Никто не зайдёт. Он сходил в закуток за кружкой, которую Зибо ещё до него смастерил и прятал в тайнике под нарами, вылил в неё молоко из ведра и с наслаждением выпил. И ещё раз, чтоб в ведре ничего не оставалось. И вышел из молочной, оставив кружку на полу рядом с ведрами...

...Эркин усмехнулся в темноту. Рабу своя посуда не положена, только ложку если хозяин разрешит. А уж им, скотникам, иметь кружку – это признаться в воровстве. Но даже тихий покорный Зибо прятал пустую консервную банку с тщательно заглаженными краями...

...После вечерней дойки уже в темноте – света не было – он забрался на сенные брикеты и сверху заглянул в непроницаемо чёрный провал у стены.

– Эй, – тихо позвал он.

Ему ответило еле слышное всхлипывание. Он лёг на живот и опустил туда руки.

– Хватайся.

И когда чужие пальцы коснулись его ладоней, он обхватил тонкие слабые запястья и потянул их вверх к себе. Ему не помогли, и он вытащил свой странный груз вверх как мешок, перехватывая руки как верёвки. Он ещё не знал, кто это, и только натолкнувшись рукой на грудь, убедился, что женщина. И судя по одежде – белая. И запах хороший. Так это он хозяйку, что ли, спасал?! Он не хотел знать её имя, но если эта лежащая рядом и всё ещё всхлипывающая женщина она и есть, то... то... Он протянул руку и нащупал волосы, длинные тонкие

волосы. Но у хозяйки они тоже длинные. Она молча отталкивала его руки, а он так же молча и настойчиво перехватывал их, пока ему не удалось схватить оба её запястья одной рукой и зажать как в наручниках. Другой рукой он опять нашёл её голову, провёл по мокрому от слёз лицу, нащупал мочку уха. Хозяйка носила серьги, а здесь серёг нет, но, может, просто сняла. Он наклонился, чтобы проверить губами, есть ли следы от серёг. Она извивалась, но он навалился, придавливая её своим телом. Она попыталась укусить его. Он досадливо боднул её головой и провёл губами, а затем и языком по мочке её уха. Да, она никогда не носила серёг. И он тихо засмеялся от радости открытия. Она испуганно сжалась, но он уже рывком оттолкнулся от неё и спрыгнул вниз. Разбуженный шумом бык всхрапнул и зазвенел цепью. Он подошёл и через загородку успокоил его. Потом открыл входную дверь, и на пол легла полоса лунного света. Он стоял в дверях, глядя на пустынный двор, и слушал шорохи за спиной. Вот она пытается спуститься. Вот треснула материя, верно, зацепилась за проволоку. Спрыгнула. Он дал ей отдышаться и оглянулся. И не так узнал, как догадался. Учительница. Имени её он не знал, но иногда видел с хозяйскими детьми. Однажды она привела их сюда и объясняла им про коровок и телят. Он пересидел эту болтовню в загородке у быка. Самое удобное место во всей скотной. Ни одна белая тварь не рискнёт сунуться к быку. Небелая тоже. Значит, она прибежала сюда прятаться от рабов. Он уже знал, что хозяева и надсмотрщики сбежали ещё до отъезда русского офицера, объявившего Свободу. А её, значит, бросили. Она смотрела на него, и её лицо было плоским белёсым пятном в полумраке. Ну и чего она стоит? Дверь открыта, ворота настезь. Перепившиеся на радостях рабы дрыхнут в доме. Самое ей время уйти. Или она боится его? Будто она ему нужна. Вот дура! Но пока он стоит в дверях, она не тронется с места. Он вышел и пошлёпал через двор к рабскому барaku. Поискать чего-нибудь поесть на кухне. У кухонной двери оглянулся. Она уже миновала ворота и быстро бежала по дороге...

...Эркин с хрустом потянулся под одеялом. Покосился на окна. Щели чуть заметно посветлели. Воспоминания о паркете уже так не царапали. Ну его ко всем чертям. И конечно, он сегодня пойдёт туда. Упускать такую работу – грех. А грешить вредно. Но приятно. Эркин усмехнулся. Андреева фраза. Андрей её крутит то так, то этак. По обстоятельствам. Приятно, но вредно. Вредно, но приятно. Интересно получается.

Сонно вздохнула, поворачиваясь, Женя. Скоро рассвет. Эркин осторожно откинул одеяло, вытянулся во весь рост и прогнал по мышцам волну напряжения. Снизу вверх и сверху вниз. Потом по рукам. Вот так. Вот теперь пора вставать. Впереди большой день. Интересно, когда они закончат в этом бывшем доме, у них останется время на ещё что-нибудь?

Они закончили вскоре после полудня. Вышли на широкое крыльцо, и Андрей быстро огляделся по сторонам.

– Рвём отсюда.

Эркин кивнул. Цветным на Мейн-Стрит делать нечего. Как раз ещё на свору чёртову нарвешься. Но тут их окликнули.

– Эй вы, оба!

Они медленно обернулись на голос. Точно, боевик из своры. Белая глиста в чёрной форме. Блестящие сапоги, блестящий ремень... Эркин быстро опустил ресницы, прикрывая глаза.

– Убирайтесь отсюда! Ну!

– Полегче, бэби, – Андрей белый, ему так можно. – Надорвешься, бо-бо будет.

Мальчишка разразился бранью. Эркин покосился на Андрея. Тот разулыбался, но глаза настоженно прищурены. Улица пуста, риск небольшой...

– Не умеешь, не берись, – вклинился Андрей в ругань сопляка. И выстрелил длинной, ловко закрученной фразой.

Мальчишка поперхнулся, покраснел и, может, и кинулся бы на них, а там всякое могло случиться, но тут рядом с ними притормозила машина, и из неё ловко, почти на ходу выскочили трое. В неброских дорогих костюмах, с приклеенными улыбками на серьёзных лицах. Один из троих, что шёл первым, быстро охватил взглядом юнца в форме самообороны и двоих на ступенях крыльца. Белокурого голубоглазого парня в армейской рубашке со следами споротых нашивок и индейца в клетчатой серо-голубой рубашке с закатанными рукавами. Он успел заметить и рабские сапоги обоих, и ящик с инструментами у ног белого, и напряжённые позы у всех троих.

– Уже закончили, – неопределенная интонация позволяла посчитать это и вопросом, и констатацией очевидного, и предупреждением. – С вами расплатились?

Это уже точно вопрос, и адресат его достаточно ясен. Вопрос задан вежливо, и ответил Андрей в той же тональности.

– Да, сэр.

– Отлично, – и уже юнцу. – Комитет здесь? Проводи.

Юнец, подражая военному, неумело щёлкнул каблуками.

– Пошли, – Андрей мотнул головой, как бы подзывая Эркина.

Две группы людей разминулись, не глядя друг на друга, благо, крыльцо широченное.

Когда они свернули в первый же переулок, Андрей негромко присвистнул.

– А и большая же сволочь.

Эркин согласно кивнул.

Только через квартал они переглянулись, и Эркин ухмыльнулся.

– Я уж думал, будем драться.

Андрей захохотал.

– Не полез бы он. Эти дерьмушники храбры связанного добивать, а на деле... – и презрительно сплюнул.

Они миновали ещё квартал, когда их окликнули.

– Эй, эй! Пойдите!

– Вот и продолжение, – пробормотал Андрей.

Они обернулись. Их догоняла светловолосая девушка в белом халатике.

Эркин невольно нахмурился: белых халатов, как и всего связанного с врачами, он не любил.

– К вашим услугам, мисс, – Андрей улыбнулся самой обаятельной улыбкой.

– Вы можете сделать стеллаж?

– Чего? – не выдержал Эркин. Обычно все переговоры вел Андрей, это было очень удобно: белому легче выторговать высокую оплату. – Что сделать, мэм?

– Полки на стойках, – объяснил ему Андрей и деловито сказал. – Надо посмотреть, мисс.

– Конечно, идите за мной.

Идти пришлось недалеко. Здесь им ещё работать не приходилось.

– Больница, что ли? – Андрей шумно втянул наплывающие на них в пустом коридоре запахи.

– Да, – девушка стрельнула на Андрея глазами, Эркина она старательно игнорировала. – Мы открываем новое отделение. Нужно срочно всё сделать.

– Срочно так срочно. – Андрей подмигнул Эркину.

Эркин понимающе улыбнулся: за срочность доплата положена.

– Вот, – девушка подвела их к группе мужчин в белых халатах. – Они берутся сделать.

Врачи. Врачам Эркин не доверял ещё с питомника. А осмотры и прочее в Паласах любви к ним не добавили. И пока Андрей договаривался, он упорно смотрел себе под ноги. Который день прошлое неудержимо накатывает на него, и скоро у него уже не хватит сил терпеть это. Занятый своими мыслями, он не сразу почувствовал пристальный взгляд одного из врачей.

А почувствовав, осторожно поднял глаза и, злясь на собственный страх, вызывающе вскинул голову.

Смотрел старик. Лицо в морщинах, тёмные глаза, казавшиеся треугольными из-за отвисающих нижних век, смотрели пристально, эта пристальность не была недоброй, но всё равно раздражала. Их глаза встретились, и старик улыбнулся грустной понимающей улыбкой, будто он всё знал про Эркина. Эркин сцепил зубы, так что вздулись желваки и лицо отвердело. Обычно белые отвечали на такой безмолвный вызов окриком или ударом. Но улыбка старика осталась, и глаз он не отвёл. И когда Эркин с Андреем уже взялись за работу в просторной, видимо предназначенной под склад комнате, а старик сел за маленький столик в коридоре напротив двери и возился в грудке каких-то бумаг, Эркин всё равно то и дело сталкивался с ним взглядом.

– Слушай, – Андрей как всегда за работой говорил тихо, почти не шевеля губами. – Чего он на тебя уставился?

– У него и спроси, – так же тихо огрызнулся Эркин и уже мягче добавил. – Я его в первый раз вижу.

– Может, ты ему того... понравился? – осторожно спросил Андрей. – Может, он... ну, из таких?

– Ну и хрен с ним, – не выдержал Эркин. – Полезет если, я его так шугану...

Нет, не похож старик на завсегдатая Жи-Паласа, Паласа для джентльменов, где всегда были отделения с мальчиками, да и он сам – эл, а не джи, даже если старик и из этих, он-то не в его вкусе, точно. Нет, так смотрят узнавая. Но и на питомникового врача старик не похож, и на паласного, те смотрят по-другому. А других врачей Эркин не знал. Он видел этого старика впервые в жизни, в этом Эркин уверен. Никак не может быть узнавания. Нечего узнавать. Так что ему нужно, чего он так смотрит?

Эркину в голову не могло прийти, что доктор Исаак Рудерман узнал рубашку сына.

Он узнал её по аккуратной совсем незаметной штопке на левом плече, сделанной ещё покойной Цилей, когда Миша на футболе порвал новенькую рубашку. Миша был такого же роста, но уже в плечах, и у индейца ткань плотно обтягивает костлявые, но сильные плечи. Рукава закатаны выше локтей, открывая мускулистые красивых линий руки. Ворот распахнут. Миша тоже не любил тесных воротников, ненавидел галстуки. Каждое движение парня красиво, наполнено бессознательной ловкой грацией. Чёрные, прямые и жёсткие волосы падают на лоб косою прядью. И на редкость красивое лицо. Характерное индейское лицо, не метиса, чистого индейца, и шрам на правой щеке его не портит. Шрам свежий, ещё темнее кожи, вокруг правого глаза следы недавно сошедшего кровоподтёка. Да, Жене действительно надо было стать медиком: кожа не стянута, лицо совершенно не деформировано, а когда припухлость вокруг шрама опадёт, исчезнет и лёгкая асимметричность. Очень чисто сделано, и следов от швов нет. Миша был вспыльчив, а у этого в каждом движении чувствуется сдержанность, стремление не показать свои чувства. Видно, что его раздражает чужой взгляд, Миша бы уже вспылил, хотя бы просто закрыл дверь, а у этого только твердеет, становится неподвижным лицо и пульсирует от напряжения шрам.

Ну, чего он уставился? И так тяжело, да ещё он... Такой работы Эркину ещё не приходилось выполнять. Хотя за то время, что он работал с Андреем, он уже и заборы чинил, и сорванные двери навешивал, и замок как-то врезали, и даже почти такую же штуку в одном доме чинили. Но чинить – не делать заново. Там они заменили поломанные полки и два стола, а здесь... И ещё этот! Эркин приглушённо выругался. Андрей одобрительно крякнул на особо крутой оборот.

– Не психуй. При всех не полезет.

– А хоть и при всех. – Эркин поднял на Андрея бешеные глаза.

– Тихо, – почти беззвучно предостерег его Андрей. – Давай поменяемся.

Эркин перешёл на его место. Так работать было неудобно, но зато Андрей теперь прикрывал его от взгляда старика.

– Не психуй, – повторил Андрей. – Отрежешь, не надставишь.

Эркин сильным выдохом перевёл дыхание. Андрей прав: запороть такую работу нельзя. А сейчас самое сложное – разметка стояков. Полки по стенам, трижды через комнату от окна к двери, у окна и ещё у стен встроенные в стеллаж столы и дверь перегорожена откидывающимся столом. Дёрнуло Андрея согласиться. Но и плату обещали сказочную.

– За сегодня не управимся.

– Знаю, – Андрей осторожно вставил очередной стояк и несколькими ударами закрепил его. – Давай поперечину. Или в ночь работать, или завтра с ранья сюда. Им надо, чтоб к утру всё готово было.

– А не сдохнем?

– Сдохнем, так воскреснем. Глубже паз вынимай.

– Переломится.

– Не должно. А из мелкого доска выскочит. Это ж те же нары, только узкие.

– Смотри, удержит?

– Клин забей, чтоб не ходило, и срежь на гладкое. Широко вынимаешь.

Они говорили так тихо, что заглядывавшие мимоходом в дверь ничего не слышали. Ящик Андрея казался неисчерпаемым. В нем было всё для любой работы. Но если Эркину приходилось подходить и высматривать себе инструмент, то Андрей не глядя протягивал руку и брал именно то, что было нужно сейчас. За окном уже темнело, но в больнице было электричество, и они смогли продолжить работу.

– Не уходите? – спросил кто-то от двери.

– Как закончим, так уйдём, – огрызнулся, не оборачиваясь, Андрей.

Хорошо, доски и брусья уже струганные. Тот, кто заготовил материал, знал в этом толк. Просторная комната постепенно становилась тесной, заполнялась рядами стояков. Они не заметили, как ушёл старик, как пробежали и проходили по коридору какие-то люди, как наступила за окном ночь.

– Вы есть хотите?

Они вздрогнули и обернулись. В дверях стояли две девушки, вернее, девчонки, в глухих синих халатиках с завязками на спине и белых косынках. Из-под косынок торчали одинаковые медно-рыжие короткие толстые косички. Одинаковая россыпь веснушек на щеках и одинаковых вздёрнутых носах, одинаковые круглые серо-зелёные глаза.

– Вот это да! – присвистнул Андрей и сказал что-то по-русски, чего Эркин не понял, а девчонки покраснели. – Конечно, хотим, – перешёл Андрей на английский.

– Тогда мы принесём.

И девчонки убежали.

– Ты что им сказал? – поинтересовался Эркин.

– Чего? – не понял Андрей.

– Ну, – Эркин попытался повторить непонятную фразу.

– А-а, – Андрей коротко хохотнул и перевёл. – Двое из яйца одинаковых с лица. Они ж близнецы, заметил?

– Я их не разглядывал, – пожал плечами Эркин.

Беляшек разглядывать – себе дороже, может и боком выйти. А уж признаваться в этом и вовсе глупо.

Девчонки вернулись быстро. Одна несла тройной судок, другая – жестяные тарелки и две кружки.

– Вот. Куда ставить?

Андрей указал им на уже сделанный стол. Одна из девчонок расстелила на столе висевшее у неё на плече полотенце, расставила тарелки и кружки, разложила ложки. Другая поставила судок и приготовилась разливать по тарелкам.

– Красота! – восхитился Андрей. – А руки где мыть?

– По коридору налево и до конца. А там увидите, – объяснили они в два голоса и уже вдогонку им крикнули, – только тихо, а то там пост недалеко.

Что за пост – непонятно, но раз тихо, значит, тихо.

Когда они вернулись, стол был накрыт: в тарелках парили суп и каша, на отдельной тарелке четыре ломтя тёмного хлеба, а в кружках была розовая густая жидкость. Девчонки сидели на нижней полке напротив стола.

– Это я понимаю! – одобрил Андрей. – Кормёжка по высшему разряду!

– Вот вычтут из платы, – усмехнулся Эркин, – тогда и узнаешь, по какому разряду.

Что-то подсказало ему, что от девчонок можно не таиться. Но их ответ оказался неожиданным.

– Не вычтут, – засмеялась одна.

А другая, насмешливо морща нос, пояснила.

– Это не казённое!

– А чьё? – с набитым ртом спросил Андрей.

– Наше, – ответила одна.

– И посуда наша, ешьте спокойно, – добавила другая.

Эркин и Андрей одновременно опустили ложки и переглянулись. Андрей повернулся к девчонкам.

– А вы кто?

– Мы? – она пожала плечами. – Мы ночные санитарки, и нам разрешили приносить себе обед и всё такое.

– Та-ак, – протянул Андрей. – И как же вы теперь?

– А молча, – отпарировала одна знакомой Эркину с питомника присказкой. – Перебьёмся-переколотимся, понял?

– Понял, – кивнул Андрей. – Так, красавицы, и зовут вас...

– Молли, – фыркнула одна.

– Долли, – тихо улыбнулась другая.

– А по-русски Даша и Маша, так? – уточнил Андрей.

Они засмеялись.

– Так.

– По-нашему так.

– А я Андрей, а он, – Андрей подмигнул ему, – он Эркин.

– Очень приятно, – церемонно ответила Маша и засмеялась.

– Вы ешьте, – тихо сказала Даша, – а то остынет.

В негустом супе среди разваренной капусты плавали два кусочка мяса. На каше блестяли два пятнышка жира. Они ели молча, опустив глаза в тарелки. Отпив глоток густого тягучего напитка с еле ощутимым ягодным запахом, Эркин улыбнулся. Женя тоже как-то такое же варила. Как она его называла? А, вспомнил!

– Кисель? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Ага, – засмеялась Маша.

Она, видно, была готова всему смеяться. А Даша поглядела на Эркина и с какой-то неуверенной улыбкой спросила.

– А ты... ты знаешь русский?

– Нет, – покачал головой Эркин. – Так, отдельные слова.

Странно, но он совсем легко обошёл без положенного обращения «мэм», и они не заметили этого. Так что, они вроде Андрея? Без расы?

– А как вы сюда попали, красавицы? – Андрей уже доедал и потому начал разговор.

– Мы? – Даша и Маша переглянулись.

Даша отвернулась, а Маша вызывающе вздёрнула подбородок.

– Из распределителя, понял?

– Понял, – кивнул Андрей, и Эркин повторил его кивок.

Они всё поняли.

– Когда мы накопим на дорогу, – тихо сказала Даша, – мы уедем. Домой. Мы теперь свободные.

– На Русскую Территорию. Откуда угнали, туда и вернёмся, – ещё выше вздёрнула подбородок Маша и спрыгнула с полки. – Поели? Давайте, нам пора, а то заметят.

Они быстро всё собрали, и тут Эркин решился. Были в распределителе – свои! – и спросил напрямую:

– Девушки, – они обернулись в дверях. – Кто это тут такой, старик, с такими, – он оттянул себе пальцами нижние веки, – глазами?

– А-а, – улыбнулась Даша. – Это доктор Айзек.

– Во! – Маша сделала жест высшей похвалы.

И они убежали, оставив их в пустой, уставленной стояками комнате.

– Ну, – Андрей встал, – давай, а то и за ночь не успеем.

– Давай, – Эркин оттолкнулся от стола, – и впрямь не успеем.

Значит, это был доктор Айзек. А на нём сегодня подаренная им рубашка. Выдала стерва клетчатая. Хотя... все его хвалят. Как Женя сказала: «Плохого о нём не слышала», – так что, может, и обойдётся.

Андрей сильным ударом молотка вогнал в тугой паз очередную доску.

– Сволочи. Они ж девчонки совсем... и такое им. Слышал? Распределитель – это ж... – он выругался.

– Ну, давай, – Эркин, насмешливо хмыкнув, сосредоточенно подтёсывал неровный срез, – давай, расскажи мне про распределитель. А то я не знаю ничего. На сортировке ни разу не был. И не продавали меня.

– Да, чёрт, забыл. Но они-то как туда попали?

– А ты? Ты ж о нём тоже не по рассказам знаешь.

– Подловил, – рассмеялся Андрей. – Что да, то да. Когда догадался?

– Когда за один стол со мной сел, – засмеялся Эркин.

– А может, я это от голода только?

– С голода многое можно, – согласился Эркин, – но против расы не пойдёшь, нет. Бело-брысого с бельмом на рынке видел?

– Ну?

– Так он цветную мелкоту ловит и заработок отнимает. Говорит, от голода. Беляк – он всегда беляк, – убеждённо закончил Эркин.

– Вздуть его надо, – сердито ответил Андрей. – Шакальё поганое.

– Он уже один раз в выгребную яму падал, – засмеялся Эркин. – Большая такая у свалки. Туда все с рынка бегают. Ну, жердь гнилая и подломилась под его задницей.

– Так вытащили ж его!

– Ага, народу много было. Услышали, – вздохнул Эркин.

Андрей негромко засмеялся.

– И ещё раз упадёт.

– Сам упадёт или на него упадёт, тебя волнует?

– Меня нет.

– То-то.

Работа близилась к концу, руки уже сами знали, что делать, и они заговорили свободней. Но, несмотря на ночную тишину, по-прежнему тихо, так, чтобы никто не подловил за разговором.

– Ну вот. Теперь подмести, и всё.

Андрей оглядывался в поисках веника.

– Девчонок, что ли, позвать. Они знают.

– А где ты их найдёшь? Слышал же про пост.

– Пост! Не стреляют же.

– Ну, иди, проверь. – Эркин попробовал качнуть стояк. – Держит.

– А чего ж ему не держать? – Андрей с хрустом потянулся. – Смотри, светает уже. За ночь отпахали.

Эркин засмеялся.

– Не думал, что сможем.

– Человек всё может! – Андрей скорчил назидательную мину, заставив Эркина фыркнуть, и тут же стал серьёзным. – Сам не знаешь, что можешь, а когда припрёт... Ты знаешь, что самое трудное?

– Выжить, – убеждённо ответил Эркин.

– Выжить не проблема, – отмахнулся Андрей. – Ни одна крыса не выживет, а человек сможет. Как выжить – другой вопрос. Самое трудное – умереть.

– Вот уж для раба не проблема, – не согласился Эркин. – Дай беляку по морде, а остальное тебе сделают. Как ни трепыхайся, а Оврага не минуешь.

– Знаю про овраг, – перебил его Андрей и как-то натужно, неуверенно засмеялся. – Так что, похоже, мы с тобой из одной лохани хлебали.

Он засучил левый рукав и показал Эркину синие цифры татуировки повыше запястья.

– Номер? – удивился Эркин. – Зачем? Ты же белый. Белых не клеймят. Даже не слышал о таком.

– Лагерник я. О таких слышал?

Эркин оторопел. О белых лагерниках, об их изобретательной жестокости среди рабов ходили самые мрачные, самые страшные легенды. Попасть в камеру к лагерникам – ничего страшнее быть не могло. Он помнил, как в распределителе вдруг разбуянился могучий негр, что пикнуть никому не давал, две камеры за день забил вусмерть, и надзиратели его к лагерникам решили сунуть, достал он их, так буян сразу сник, на коленях ползал, сапоги им целовал, что угодно молил, лишь бы не в лагерную камеру. Не умолил. От его криков даже надзиратели к себе в крысятник сбежали и до утра не показывались. А то, что потом из той камеры вытащили, даже трупом не было, так, ошмётки кровавый. Как... как же это? Андрей... Как же он уцелел? Их же всех, говорят, расстреляли! А сам ты как уцелел? – одёрнул он себя. Но, видно, не смог совладать с лицом, выдал мгновенно вспыхнувший страх. Потому что Андрей отвернулся от него, отошёл к окну и там застыл, опираясь ладонями на стол и глядя в синее стекло. Эркин мог повернуться и уйти. Как он тогда в имении, так ему сейчас давали выход.

Медленно, будто из глины вытаскивая ноги, Эркин подошёл к Андрею и пересиливая, выдавливая из себя слова, сказал:

– А я спальник. Из Паласа.

Андрей вздрогнул и медленно обернулся.

– Так что? – Эркин смотрел ему в глаза. – Резать друг друга будем?

Его признание так поразило Андрея, что он впервые на памяти Эркина растерялся.

– Ты... чёрт... вас же всех... как ты выжил?

– Я ж говорю, – Эркин смог усмехнуться непослушными заолодевшими губами. – Самое трудное – выжить. Ну?

Они неуклюже обнялись и так с минуту стояли. И разом отступили на шаг, не убирая рук.

– Ну, чертяка краснокожая, – восхищённо сказал Андрей, – ну ошарашил.

– Ты меня тоже, – эта усмешка вышла уже легче.

– И ты... давно раб?

– С рождения, – привычно ответил Эркин. – Я питомниковый. Разве по номеру не видишь?

Андрей скосил глаза.

– А у тебя на правой, и чёрный.

– Велика разница! – Эркин изобразил пренебрежение, вышло это почти естественно, да и в самом деле, раз номер на руке, то расы уже нет.

– Тоже верно, – охотно согласился Андрей.

И вдруг то напряжение, которое ещё держало их, вырвалось в неудержимом хохоте. Они стояли, положив руки друг другу на плечи, и хохотали до слез, до боли в горле, уже не заботясь ни о чём, и эхо их хохота металось по больничному коридору.

И потом, собирая в кучу у двери оставшиеся обрезки и обрубки и складывая инструменты, они то и дело сталкивались взглядами и начинали смеяться. А потом прибежали Даша и Маша с вёдрами, тряпками и мётлами.

– Мы всё равно убираемся...

– Сейчас и вам вымоем...

– Чтобы у вас всё тип-топ...

Андрей решительно отобрал у них всё нужное.

– У вас и без нашего мороки хватает. Покажите только куда мусор свалить.

Девчонки фыркнули, но покорились.

Они домывали пол, балагуря и зубоскаля с девчонками, когда Даша и Маша оборвали очередную шутку на полуслове и исчезли. И прозвучавшие по коридору к их двери уверенные шаги не застали их врасплох.

Кряжистый седой мужчина в белом халате, как бы не замечая их, прошёлся между стеллажами, попробовал два стояка, стол у стены и подошёл к ним. Они как раз подобрали последнюю воду у порога, бросили тряпки в ведро и выпрямились.

– Работа выполнена, – он смотрел на них снизу вверх, но с явным превосходством. – За уборку я вам не плачу, уборка в условия не входила. Но, – его глаза еле заметно потеплели, – я прибавлю за качество и срочность.

Он вытащил бумажник и, не спеша, отсчитал им по пять радужных кредиток. Десятки?! Так много они ещё не зарабатывали. А он дождался, пока они уберут деньги, и, уже улыбаясь, достал две яркие блестящие пачки дорогих сигарет.

– И это от меня лично.

– Спасибо, сэр, – Андрей взял пачку, небрежно распечатал её, выщелкнул сигарету и обернулся к Эркину, прятавшему сигареты в карман. – Пошли?

– Спасибо, сэр. Конечно, пошли.

Эркин застегнул клапан на нагрудном кармане, Андрей подобрал свой ящик.

– До свидания, парни.

Ну что ж, как с ними, так и они. И они вежливо попрощались с таким щедрым работодателем.

Уже на улице Андрей, с наслаждением затягиваясь ароматным дымом, спросил.

– Менять будешь? Ну, сигареты.

– Девчонкам отдам, – ответил Эркин. – Мы ж их обед сожрали. Пусть поменяют себе, – и резко остановился. – А ч-чёрт, мы ж не спросили, где живут. Ищи их теперь!

– Так, – Андрей сунул ему свой ящик. – Держи, я мигом.

Через минуту он вернулся, держа за локти обеих девчонок.

– Давай.

Эркин вытащил пачку.

– Вот, держите, наменяете себе.

– Ой, но тебе же...

– Ты же...

– Не курит он, не курит, – успокоил Андрей девчонок, – берите. И вот ещё вам.

– Ты-то куришь!

– Взял одну для пробы. Не по мне. А вы наменяете.

– Ой, спасибо...

– Парни, вы что, они же сумасшедших денег стоят...

– Девчонки, об этом речи нет. Цыц, и языки завяжите. А теперь бегите.

Маша и Даша спрятали сигареты куда-то под халатики и убежали.

Андрей и Эркин медленно шли по утренней пустынной улице. Эркин зевнул.

– Я отсыпаться. Бывай.

– Бывай, – с таким же зевком ответил Андрей.

Когда Эркин подходил к дому, солнце уже показывалось над крышами. Он буквально втащил себя по лестнице и ввалился в комнату. Женя, одетая уже на выход, отдавала Алисе последние указания. Увидев Эркина, она и обрадовалась, и рассердилась.

– Эркин! Наконец-то! Где ты был?!

– Работал. Вот, – он вывалил на стол деньги.

– Сумасшедший. Загонишь себя насмерть. Поешь и ложись. Вот, я тебе оставила.

Он сел за стол, потянулся за ложкой, но неодолимая сила пригнула его голову, и, когда Женя в дверях оглянулась, она увидела, что он спит.

Женя швырнула сумочку и подбежала к нему. Затеребила.

– Давай, раздевайся и ложись. Давай же, мне уже на работу пора. Мы ж сегодня раньше начинаем.

Он в полусне, уже не совсем понимая, кто и что с ним делает, разделся, и Женя подтолкнула его к кровати. Он что-то пробормотал и рухнул в сон, и уже не чувствовал, как Женя вытаскивала из-под него одеяло и укрывала. Он спал. Мёртвым каменным сном бесконечно усталого человека. Женя наклонилась и поцеловала его, он вздохнул, не открывая глаз, его губы чуть шевельнулись то ли в ответном поцелуе, то ли в произнесенном слове.

В день Бала всех отпустят с работы после ленча, но и выйти пришлось на час раньше. Женя чуть не опоздала, но в общей суматохе этого никто не заметил. Вчера вечером в неурочный час пришёл Мервин Спайз и необыкновенно торжественно от имени фирмы поздравил с Весенним Полнолунием и вручил каждой приглашение на Бал. Всем. Даже Жене и Розе. От фирмы и за счёт фирмы. Восторженный стон пронёсся по комнате. Спайза целовали, благодарили, даже миссис Стоун что-то сказала и коснулась губами его щеки.

И сегодня стука машинок не было слышно за щебетом о платьях и украшениях. И одно дело, когда тебя кто-то приглашает, ты приходишь и уходишь с пригласившим и в общем-то в чём-то зависишь от него, и совсем, совсем другое дело – свой билет.

Потом машинки и вовсе замолчали, потому что какая работа при таких разговорах?! Даже миссис Стоун перестала печатать. Женя на секунду отвлеклась за чем-то от разговора и посмотрела на неё. Миссис Стоун сидела, поставив на стол локти и упираясь лбом в ладони. Женя встала и подошла к ней.

– Миссис Стоун, вы в порядке?

Та подняла голову и с трудом, словно преодолевая боль, посмотрела на Женю. Её бледно-голубые глаза были сухи, лицо спокойно.

– Благодарю вас, Джен, со мной всё в порядке.

И снова уткнулась в ладони, будто не хотела никого видеть. Женя растерянно отошла и влилась в общий разговор.

– Джен, а вы в чём пойдете?

– Что-нибудь придумаю, Розы.

– Вы ещё не думали?!!

– Нет, – Женя хитро улыбнулась. – Кое-что я придумала. Но не всё.

– А я, – Розы засияла необыкновенной, Женя такой у неё ещё не видела, улыбкой. – Я вот что придумала. – И она зашептала на ухо Жене. – Я оденусь Счастливой Фермершей. У меня всё есть. Я уже посмотрела.

– Блестяще! – восхитилась Женя и вздохнула. – А у меня будет костюм без девиза.

– Ну, это ничего, – утешила её Розы. – Ведь это необязательно.

За полчаса до ленча все машинки были накрыты футлярами, столы убраны, как в пятницу. Бал на всю ночь, и следующий день выходной – подарок фирмы! Сегодня никаких «чашечек» и тому подобного. И как только прозвенел сигнал, они вырвались на улицу с энтузиазмом приговорённых и неожиданно помилованных.

Но бал балом, а у Жени и помимо бала есть заботы. Пробежки по магазинам ей не избежать. Но сегодня и это в радость. Тем более, что она теперь может побаловать своих чем-нибудь вкусненьким. Странно, вроде Эркин приносил немного, но ей стало намного легче перекручиваться с деньгами, и вообще легче. Он отдавал ей все деньги и сигареты, и, как она ни говорила, чтобы он оставлял себе хотя бы на еду, он только молча склонял голову как бычок, или скорее – Женя улыбнулась неожиданной мысли – ёжик, который чуть что сворачивается клубком, выставляя иголки. Но насчет сигарет надо ему объяснить. Ведь у неё не может быть сигарет, и не пойдёт она на рынок менять их на что-нибудь. Это он может, а ей нельзя.

Женя забежала в мелочную лавку, где набрала обрезков тесьмы, кружев, всякой блестящей всячины. Здесь её знали. Она и раньше покупала у них всякие обрезки и остатки, из которых мастерила одежду Алисе. И сегодня ей сразу показали два больших фланелевых лоскута. Ну что ж... пожалуй... Да, платьице может выйти. Надо взять. Расплачиваясь, она заметила кожаный, почти новый ремень. Взять Эркину? Денег должно хватить. И нарваться на вопрос, для кого ей нужен мужской пояс с колечками для подвешивания ножен, кобуры и прочего? Даже непроизнесённый вопрос опасен. Не дело хозяйки – забота об одежде жильца. Женя отвела взгляд от ремня и вышла.

А сама эта мысль насчёт жильца оказалась очень удачной. Ей удалось как бы невзначай проболтаться Элме в одной из бесед. Разговор зашёл о безденежье, о том, что война кончилась, а легче не стало. И Женя очень естественно сказала.

– От бедности на что только ни пойдёшь. Я вот койку сдаю.

– Вот оно что, – протянула Элма. – И хорошо он платит?

– Платит немного, – ответила Женя. – Но зато всю тяжелую работу делает.

– Да-да, Джен, – закивала Элма. – Может, это и разумно. Ведь сейчас не война, чтобы леди колола дрова и носила воду.

Женя с трудом сдержала смех оттого, что её, наконец, признали леди. А уж Элма раззвонила по всему двору, а может и кварталу. Но это Женю уже не беспокоило. Нет, всё очень удачно.

Она так рано вернулась, что Алиса не успела соскучиться, а Эркин ещё спал.

– Он всё спит и спит, – пожаловалась Алиса.

– Он устал, – Женя спрятала в шкаф свой костюмчик. Кофточку бы надо обновить. – Тебя о нём не спрашивали?

– Не-а, – замотала головой Алиса. – Только вчера Джанис спросила, где он спит, а то у нас тесно. Я сказала, что на полу. Я правильно сказала?

– Правильно, – Женя поцеловала дочку в щёку. – Значит, ты с Джанис играла?

– Не-а, я с Линдой играла. У сарая. Джанис подошла сама и сразу ушла. Мама, а почему она Эрика называет краснорожим?

– Потому что она грубая и невоспитанная девочка, – сразу ответила Женя, грохоча кастрюлями.

– Значит, хорошо, что я с ней не играла? – сосредоточенно нахмурилась Алиса.

– Да. Чем с такой, лучше одной.

– Ага, – кивнула Алиса. – Понятно.

Возясь с обедом, Женя поглядывала на стоящую рядом дочку. Что она поняла, какие у неё свои мысли, что она вообще думает об Эркине и всей их жизни?

– Неси на стол, – вручила она Алисе тарелки. – Сейчас обедать будем.

Через минуту Алиса вернулась.

– Мам, а Эрик ещё спит. Будить?

– Не надо. Пусть спит.

Но когда она вошла в комнату с кастрюлей супа в руках, он уже сидел на кровати, свесив ноги и растирая кулаками глаза.

– Как раз к обеду проснулся, – рассмеялась Женя.

– Еду не проспешь, – серьёзно ответил Эркин, ещё раз зевнул, встал и вышел.

Его слегка пошатывало со сна, и Алиса засмеялась, глядя на его неуверенную походку, даже Женя улыбнулась. Вскоре он вернулся, уже совсем бодрый, умытый, с влажными волосами – опять голову под рукомойник сунул. Покосившись на Женю, натянул штаны и рубашку и сел к столу.

– Значит, еду не проспешь? – поддразнила его Женя, разливая суп.

– Никогда!

Убеждённости ответа заставила Алису фыркнуть.

– Так где ты работал?

– В больнице, – он торопливо проглотил и продолжил. – Стеллаж сделали. Думали, за ночь не управимся.

– Вас хоть накормили?

Легкая тень промелькнула по его лицу.

– Там девочки, санитарки, они из угнанных, поделились с нами, – Эркин невесело усмехнулся. – Они нам свой обед отдали. А мы им потом сигареты, нам по пачке досталось. Пусть поменяют себе.

– Вот кстати, – вспомнила Женя. – Возьми сигареты и тоже выменяй.

Он поднял на неё недоумевающие глаза. И Женя стала объяснять.

– Ну, ты сам подумай, откуда у меня могут быть сигареты? Плату с жилья я сигаретами брать не могу, ведь так? Так. А ты другое дело.

– Д-да, – его недоумение сменилось растерянностью и тут же согласием. – Конечно, так. Хорошо. А что выменять?

– Сам посмотри, – Женя уже знала, что фраза типа «что хочешь» успеха у него иметь не будет.

Эркин кивнул. Сигарет набралось много, можно будет поискать.

– Ты сегодня ещё пойдёшь на работу?

– Нет, – мотнул он головой. – Сегодня бал, и работы наверняка не будет. – И поднял на неё заблестевшие глаза. – Там будет здорово. Мы, когда уходили, заглянули в один зал. Очень красиво.

Женя засмеялась и встала, собирая посуду. Сейчас она всё быстренько помоеет и начнётся самое волнующее для любой женщины – сборы на Бал. Чем бы занять Алису и Эркина, чтобы не отвлекаться на них?

Но Эркин ушёл во двор что-то делать в сарае, а Алиса села на свою кровать, усадила рядом Линду, Спотти и Тедди и застыла в созерцании.

Эркин уже привычно распахнул дверь сарая и подпёр ее камнем. Огляделся. Дровяная часть в порядке. Можно подточить топор. Андрей как-то показал ему свой и рассказал о точке. Сваленные в углу всякие хозяйственные мелочи он уже разобрал. Там был точильный камень. Брусом. Эркин отыскал его, сел на пороге сарая и взялся за работу. Сделает топор, займётся остальным. Чтoб не чинить, когда понадобится.

Чья-то тень легла ему на колени и руки. Эркин медленно поднял голову и увидел немолодую полную женщину. Он уже видел её во дворе, видел как-то Женю, разговаривающей с ней. Что ей надо? Она молчала, и он уже думал приняться за работу, когда она заговорила.

– Мне нужно переколоть дрова. Ты можешь это сделать?

Эркин отложил топор и точило и встал, оказавшись на голову выше женщины. Она сразу отступила на шаг, почти шарахнулась.

– Да, мэм. Только колоть, мэм?

– Да, – твёрдо ответила она. – Переколоть и сложить.

– Хорошо, мэм. Я могу это сделать.

– Сколько это будет стоить?

– Лишнего я не возьму, мэм.

Теперь он хорошо видел её лицо. Не злое, но брюзгливо отчуждённое, как у большинства белых женщин, когда они разговаривают с цветными. Он привычно смотрел не на неё, а вбок. Прямой взгляд может быть расценен как дерзость или ещё хуже. Смотреть в упор на белую женщину разрешено только спальнику и только во время работы, а то тоже могли вклеить так, что мало не было. Видимо, она сочла его взгляд и тон достаточно смиренными, и её голос стал чуть мягче.

– Две кредитки?

– Надо посмотреть, сколько работы, мэм, – рискнул он не согласиться сразу.

Она, помедлив, кивнула.

– Хорошо. Вот мой сарай. Приходи завтра утром.

– Хорошо, мэм. Завтра утром, мэм.

Он подождал, пока она отойдёт, и снова взялся за топор. Вот и на завтра задел есть. Но если надо пилить, придется искать Андрея. А после вчерашнего... Согласится ли лагерник и дальше работать со спальником?..

...Распределитель был набит битком. Они это поняли ещё во дворе, как только их вытряхнули из кузова перевозочного фургона, по гулу, доносящемуся из зарешеченных окон. Отчаянно ругаясь, проклиная работу, начальство и рабов, надзиратель гнал их по коридору, останавливал перед камерами, вглядываясь через решётку в плотные толпы и гнал дальше. Так они прошли через весь рабский коридор до перекрёстка. И надзиратель снова остановил их. И погрузился в раздумье. Дальше прямо камеры с отработочными, налево отходил коридор с детскими камерами, а направо... направо короткий коридор с глухими дверями вместо обычных решёток. Там лагерники. Ошибиться невозможно: все распределители одинаковы. Да и детский щебет и визг слева, неразборчивый гортанный шум впереди и зловещая тишина справа были достаточным объяснением. Надзиратель задумчиво похлопывал дубинкой по ладони, а они стояли и молча молили об одном – вернуться обратно. Спальнику везде худо, но не дай бог попасть к отработочным, а про лагерников и думать страшно. Для индейцев быть в одной камере с рабом – наказание, и расправлялись они с рабами по-чёрному. А лагерников сами надзиратели называли зверями.

– Ну и чего ты застрял? – подошёл второй надзиратель.

– Да вот, прислали, – их длинно и смачно обругали. – А куда их заткнуть, спальников поганых! Всюду битком.

– Да уж, точно, – сочувственно засмеялся второй. – Сунешь в детскую, они тебе за ночь всю мелюзгу перепортят, а к краснорожим, так их попортят.

«В детскую, сэр! – беззвучно кричал он – Никого мы не тронем». Он покосился на соседей. Молоденький, лет пятнадцать ему не больше, негр посерел и держался на ногах только страхом перед падением, а другой – старше него – очень тёмный мулат угрюмо смотрел в никуда остановившимися глазами.

– Вот и думай. Этих, – надзиратель ловко одним ударом прошёлся по рёбрам всех троих, заставив их выпрямиться, – этих не попортить и за мелюзгой присмотри. Что мне, всю ночь у камеры стоять?!

– Совсем начальство опупело. Распродаж неделю как нет, месяц как последняя сортировка была, а всё принимают.

Они ещё поругали начальство, и надзиратель вздохнул.

– Только к полам их.

Второй присвистнул.

– Рискуешь!

– Рискую, – согласился надзиратель, – только где без риска, там вычет обеспечен.

– Ну, смотри. Узнают...

– От тебя?

– Обсудим?

– Обсудим, – согласился надзиратель и ударом дубинки завернул их направо. – Вперёд, ну!

Дубинка на каждом шагу тыкала его между лопатками, но он не мог заставить себя идти быстрее. Надзиратель изошёл руганью, пока они добрались до двери в конце правого коридора. Подошёл ещё один надзиратель с автоматом. К лагерникам надзиратели входили только с оружием и вдвоём. Тяжело открылась толстая дверь, автоматчик рывкнул: «Лежать!» Выполнить приказ он не успел, получив такой удар в спину, что влетел в камеру и, врезавшись в заднюю стенку, упал на что-то мягкое и живое, и тут же рядом с ним так же упали двое других спальников. И сзади лязгнула, закрываясь, дверь. Он сразу вскочил на ноги и метнулся к двери. Во всех камерах спальники, если только они не были одни, занимали место у двери, чтобы прикрыть спину. Остальные последовали за ним. Сбившись в углу, они ждали самого страшного. Но лагерников было всего трое. Один на один – уже легче. Хоть от белых отбиваться не положено, но если умеючи... но... но Малец уже сдался, так что если до дела дойдёт, то их двое. Он переглянулся со Старшим и понял – тот думает так же. Но и из лагерников один, седой, лежит у стены и даже не шевелится, а двое других, растирая ушибленные места, смотрят на них, но подходить пока, вроде, не собираются.

– Вот из-за такого дерьма... – сказал один из лагерников.

И он сжался, ожидая начала камерной пытки. Но заговорил второй.

– Рабы?

– Да, сэр, – ответил Старший.

Для раба любой белый – господин. Хоть, говорят, лагерники теряют расу, но если словом умилостивить... Нет, не получилось.

– Спальники, что ли?

– Да, сэр, – голос Старшего упал до шёпота.

Лагерник, назвавший их дерьмом, засмеялся, и Малец беззвучно заплакал от этого смеха.

– Ты смотри, какие удобства! – смеялся клокочущим смехом лагерник. – Даже три сразу.

Позабавимся?

– Охота мараться, – брезгливо поморщился другой.

– А для чего ж их к нам сунули?

Страх туманил голову. Он знал, что сделает всё, что ему прикажут эти двое, что он не сможет, не посмеет сопротивляться.

– Ну не для твоего же удовольствия.

– Тогда что ж, – голос лагерника стал угрожающим, – тогда в поношение, значит? Так?!

– Какое тебе поношение после приговора? Оставь их. Сам говоришь: дерьмо. Ну, так не марайся.

– А ты подумал, что с нами в лагере свои же сделают, если кто узнает, что мы со спальниками в одной камере были. Сам захотел такого же?

– Чёрт! – растерялся второй. – Об этом я и не подумал. Тогда у нас что ж, и выхода нет?

– Выходит, нет, – вздохнул смеявшийся и встал. – Попробуем малой кровью, чтоб и волки сыты были...

Он сжался в комок, обхватив голову и стараясь закрыть грудь и живот. Рядом так же свернулся Малец, а Старший вдруг рванулся и встал на колени, закрывая их раскинутыми руками.

– Меня... возьмите меня... они же молодые, не надо их... я джи, я всё умею... вы будете довольны... – и судорожно, путаясь, рвал с себя одежду.

Лагерники, видно, не ждали такого и оторопели. Но тут Седой застонал и повернулся на спину. Лагерники сразу отошли к Седому, и он рискнул чуть отвести руки от глаз. Седой как раз повернул голову к двери, и он увидел его страшное изувеченное лицо в крови и струпьях и неожиданно яркие голубые глаза. Оба лагерника склонились над Седым, стали его укладывать поудобнее, тот, что предлагал не мараться, снял с себя полосатую куртку и, свернув, подложил под голову Седому. Седой хотел что-то сказать, но получался невнятный стон. А он знал, что это только отсрочка, что как только они уложат Седого, пытка ожидания смерти возобновится. И кого молить о спасении? Трясая и что-то шептал Старший, признавшийся в своей работе в Джи-Паласе, вызвавшийся идти первым. Плакал Малец.

– Лежи, лежи, – голоса лагерников полны заботы и участия. – Сейчас, потерпи немного.

Спасение пришло неожиданно. Распахнулась дверь, и в камеру вошёл надзиратель с автоматом и ещё двое с дубинками. Оглядев скорчившиеся тела, поникшего обнаженного раба на коленях и валяющуюся на полу одежду, надзиратели удовлетворенно хмыкнули и дубинками подняли их.

– На выход, живо!

Ни до, ни после он не выполнял приказа с такой быстротой. В коридоре стоял навтыжку приведший их надзиратель и на него орали какие-то чины, полно надзирателей. Тут же он увидел белый халат врача. Жёсткие холодные пальцы быстро ощупали его голову, грудь, живот, оба паха.

– Застегнись, – бросил ему врач и отвернулся. – Кажется, не повредили.

Затем врач так же быстро ощупал Мальца, который уже не скулил, а подвывал, и глухо всхлипывающего Старшего. А беляки орали о своём.

– Их на продажу выставляют, а ты, болван, их к лагерникам сунул!

– Так я же...

– Да ещё к полам!

– Так, сэр, нет места, сэр!

– Тупица, болван! Прикуй их, если в камерах места нет!

Их толкали, куда-то гнали, и пришёл он в себя уже в каком-то закутке, прикованный к стене за стянутые наручниками запястья. Обычное наказание, но оно означало конец мучениям, означало жизнь. Длина цепи позволяла лечь. Рядом так же осторожно, чтобы лишний раз не дёрнуть, укладывались Старший и Малец.

– Спасибо, – камерным шёпотом поблагодарил он Старшего.

Тот только вздохнул в ответ...

...Эркин попробовал лезвие. Вроде, сделано. То ли от воспоминаний, то ли оттого, что солнце уже за крышами, стало холодно. Он убрал топор и точило, закрыл сарай и медленно пошёл к дому.

Тогда он и понял, что общество спальника позорно для всех, что быть рядом с ним и не ударить, не оскорбить нельзя, не положено. И старался не думать об этом. Но если Андрей пойдёт против этих «положено» и останется его напарником, надо будет узнать у него о полах. Кто это такие и почему к ним даже спальников нельзя подсаживать.

Эркин с усилием откинул всё это обратно, в прошлое, и по лестнице поднимался уже спокойно. Как всегда, разулся в прихожей и босиком прошёл на кухню. Прямо из ковша напился. Пил, пока совсем не успокоился и не забыл опять об этом. И тогда вошёл в комнату.

Женя стояла перед зеркалом, поправляя причёску. Вернее, он не сразу понял, что это она. Просто кому ещё Алиса может говорить:

– Мам, ты сама на себя не похожа.

Это была Женя, но такой он её ещё не видел и даже не представлял.

В цветастом, низко срезанном платье, открывающем плечи и спину ниже лопаток, с пышной оттопыривающейся юбкой. Высоко подобранные волосы уложены в замысловатую причёску и украшены закрепленными на шпильках цветами. В ушах крохотные блестящие серёжки, на шее блестящая цепочка, на руке узкий блестящий браслет. Лиф платья искрился множеством блёсток.

Алиса права: Женя совсем на себя не похожа.

– Ну, как? – Женя обернулась к стоящему в дверях Эркину. – Тебе нравится?

Он только восхищённо вздохнул в ответ, и Женя засмеялась. Повернулась перед зеркалом, оглядывая себя.

– Так и пойдёшь? – поинтересовался он.

– А что? – Женя закинула голову и покачала ею, проверяя, как держится причёска.

– Холодно будет, – пожал он плечами.

Она снова тихо засмеялась.

– Спасибо, милый. Я плащ надену. И шаль. Ну вот. Бал будет до утра. Вы уж тут сами управляйтесь.

Она накинула на голову тонкую ажурную шаль. Эркин подал ей плащ и помог одеться.

– Мам, ты Золушка! – убеждённо сказала Алиса.

Женя повернулась к Эркину.

– Знаешь про Золушку?

Он молча мотнул головой.

– Вот, Алиса, и расскажи про Золушку. Меня не ждите. Я не знаю, когда приду, – и уже в прихожей посмотрела на Эркина совсем другими глазами, став прежней Женей. – Прости, Эркин, я бы лучше с тобой пошла...

– Не думай об этом, – быстро перебил он. – Всё будет хорошо.

– Оставить тебе ключи?

Он на долю секунды задумался и кивнул.

– Вот, этот от калитки, этот от нижней двери, этот от верхней. Ну, я побежала.

Она быстро коснулась губами его щеки, чмокнула Алису и скрылась за дверью. Алиса побежала на кухню к окну, а он ещё стоял в крохотной прихожей и слушал. Хлопнула нижняя дверь. Ему казалось, что он слышит её шаги через двор, стук калитки, стук каблучков по улице. Нет, он хочет, чтобы ей было хорошо. Он сделает всё, все что сможет и чего не может тоже. У него ничего нет, ничего. Только она... И если что, если вдруг... как кричал пьяный на рынке? «Мы ещё всё вернём! Это ненадолго! Всё вернём!» Кричал белый, и никто слова ему не сказал. Будто не слышали. А многие из беляков одобрительно смеялись. Он в тот день мало заработал,

сбежав с рынка. Не он один. Нет, если вдруг... второй раз он уже не сможет выдержать... И он, он же принёс клятву, но что белым до клятвы раба...

Эркин с силой оборвал эти мысли и пошёл в комнату. Женя сказала, чтобы он посидел с Алисой. Что ж, надо, значит, надо. Не самое сложное.

Алиса его ждала.

– А почему ты про Золушку не знаешь?

– Мне не рассказывали, – пожал он плечами.

– Тогда садись, я расскажу.

Он посмотрел на сумеречное окно.

– Пойдём на кухню. Я буду лучину щепать, а ты рассказывать.

– Ага, – охотно согласилась Алиса.

На кухне он устроился у плиты, а Алиса рядом на табуретке с неизменным Спотти в руках.

– Слушаешь?

– Ну, давай, – Эркин выбрал полено и отщипнул первую лучину.

– Жила-была одна девочка, – нараспев начала Алиса, очень гордая своим превосходством в знаниях. – А мамы у неё не было.

Тетрадь пятая

Бальная атмосфера окутывала Мейн-стрит. Витрины смотрелись праздничной иллюминацией. Сумерки делали людей загадочными и неузнаваемыми. Мелькали бойцы самообороны в начищенной форме, но и они казались частью сказочной обстановки. И потом, кто-то же должен следить за порядком. Женя была со всем сейчас согласна. Предвкушение праздника делало всё и всех нарядным и необыкновенным. И приближаясь к белой, украшенной цветами и гирляндами лестнице, она уже не помнила ни о чём, даже об Алисе и Эркине. Она пришла на Бал.

– Мисс Джен! – её нежно взяли за локоть.

Женя вздрогнула и оглянулась. Хьюго Мюллер смотрел на неё, счастливо улыбаясь.

– Я счастлив видеть вас. Я так боялся, что вы не придёте.

– Как же я могла не прийти, – Женя, улыбаясь, позволила взять себя под руку, – когда меня пригласили.

Она взяла с собой, на всякий случай, оба билета, но сейчас, увидев Хьюго, его счастливое лицо, приняла решение.

Хьюго, ловко лавируя в толпе, провел её в дамскую комнату, где улыбающаяся миссис Харгунг – известная всему Джексонвиллю злая сплетница – заботливо показала ей шкафчик для плаща и всего, что можно и нужно оставить, и восхитилась её молодостью, свежестью и туалетом. Тут же переобувались и переодевались другие дамы и девицы. Никакой прислуги. Со смехом и шутками помогали друг другу, делились духами и пудрой. Суетилась с иголками и нитками миссис Роджер, подшивая и стягивая оборвавшиеся и распоровшиеся места. Будучи приглашенной, Женя спокойно оставила сумочку, а значит и деньги, в шкафчике вместе с плащом и уличными туфлями и ещё раз покрутилась перед большим, явно оставшимся от прежнего убранства и чудом уцелевшим в заваруху зеркалом.

– Джен, милочка, вы изумительны!

– Спасибо, Ирэн. Покажитесь. Боже, какая прелесть!

– Это ещё бабушкины.

– Боже милосердный, вы только посмотрите на Фанни!

– Фанни, вы великолепны!

Ах, как они хвалили друг друга, заботливо поправляя, застёгивая и подтягивая. Женя ещё немного поплескалась в этом море доброты и бескорыстного восторга и вышла к Хьюго, размягчённая и возбуждённая одновременно.

Хьюго ожидал её в небольшой компании курящих и болтающих мужчин. Увидев Женю, он немедленно бросил собеседников и поспешил к ней. И под руку с ним Женя вошла в зал.

Она никогда не бывала в особняке старого Мейнарда: его приёмы были не для «условно белых», и ей не с чем сравнивать открывшееся великолепие. Увитые зеленью колонны, гирлянды разноцветных лампочек, блестящий медово-жёлтый паркет, щедро украшенная эстрада для оркестра в глубине зала, обитые бархатом банкетки у стен для желающих отдохнуть, – всё приводило в восторг.

Хьюго предложил зайти в развёрнутый в одной из соседних комнат буфет, но Женя отказалась. Нельзя же все удовольствия сразу, надо что-то и на потом оставить. Ведь Бал до утра, не так ли? И они продолжали ходить среди таких же прогуливающихся в ожидании танцев пар и групп, раскланиваясь со знакомыми. А знакомыми были все или почти все.

Зал заполнялся, и ходить становилось всё труднее. Хьюго усадил Женю на банкетку у самой эстрады. Женя болтала с ним легко, не задумываясь над словами. Странное чувство лёгкости, беззаботности, от которого она отвыкла за эти шесть лет, охватило её. Нет, она не хочет ни о чём думать. Она будет танцевать и веселиться.

На эстраду поднялись и заняли свои места музыканты, Хьюго встал и предложил ей руку. Но вместо музыки на эстраде появился Норман в ослепительно белом смокинге.

– Леди и джентльмены, – прозвенел над собравшимися его сильный чистый голос.

Заполненный зал затих. Норман оглядел зал блестящими от возбуждения глазами, явно кого-то нашёл и продолжил.

– Сегодня знаменательная ночь. Бал Весеннего Полнолуния! – все зааплодировали. – Леди и джентльмены, закончилась эта ставшая бессмыслицей война, наступил долгожданный мир, и мы празднуем весну мира. Мы одна раса, и нет, не может быть между нами вражды. Мир, леди и джентльмены! – аплодисменты вспыхнули с новой силой. – Сегодня у нас гости! – продолжал Норман. – Мы приветствуем мужественных воинов. Их награды получены на поле брани. Мужество всегда должно быть вознаграждено! – люди оборачивались в поисках тех, о ком говорил Норман. – Я прошу выйти наших гостей сюда, чтобы мы могли видеть их и приветствовать.

На мгновение наступила тишина, и в этой тишине на эстраду поднялись двое офицеров в незнакомой Жене форме. Вернее, незнакомыми были их нашивки, эмблемы и ордена, а сама форма, в принципе, немногим отличалась от имперской. Один из офицеров – очень высокий блондин с мягко вьющимися коротко подстриженными волосами. «Наверное, это и есть тот красавец из комендатуры, о котором болтали в конторе», – подумала Женья. Второй – чуть ниже ростом, настолько широкоплечий, что казался коренастым, а его русые с золотистым отливом волосы топорщились ёжиком. Лица у обоих покрывал красновато-золотистый загар, подчёркивающий светлый цвет глаз. Норман зааплодировал, и аплодисменты поддержал зал. Офицеры поблагодарили сдержанными кивками и снова спустились в зал.

– Мы вместе! – продолжал Норман. – Так станем же, наконец, единой расой!

«Вот почему нет прислуги!» – поняла Женья. Здесь только белые! На мгновение ей стало неловко, даже страшно. Но Норман уже объявил танцы и, спрыгнув с эстрады в зал, ловко подхватил какую-то девушку в розовом искрящемся платье, музыканты взмахнули смычками, и руки Хьюго обняли Женю.

Боже мой, как давно она не танцевала. Пол плыл под её ногами, всё сливалось в волнующий цветной круг. Хьюго танцевал великолепно, а глаза его сияли таким восторгом, что Жене даже становилось неудобно. Потому что она не может ответить на этот восторг. Нет, лучше не думать об этом, отдаться волшебству бала и ни о чём не думать.

Когда Алиса уснула, Эркин задул коптилку. Штору он задёрнул только на ближнем к кровати Алисы окне, и от полной луны в комнате хватало света. Стелить себе он не стал: Женья придёт когда, ей будет неудобно. Он устало сел на подоконник, подставил лицо лунному свету. Издалека еле слышно доносилась музыка. Или это только чудится? Может и так, что из этого? Золушка на балу – он усмехнулся и потёр шрам. Всё-таки зудит, хотя и меньше. Смешная сказка. Как Алиса удивлялась, что он не знает сказок. А откуда ему это знать? В Паласе такое не нужно, вот и не знает. А то, что знает, здесь не нужно.

Эркин тряхнул головой, то ли отгоняя эти мысли, то ли отбрасывая со лба волосы. Луна, круглая и белая, стоит прямо над тем домом, где бал. На луну можно смотреть не шурясь, какой бы яркой она ни была. И тогда, в имении, было полнолуние. И когда им объявили Свободу, и когда он уходил. Да, получается, целую луну он прожил в пустом имении, по-прежнему ухаживая за скотом. Скотина-то ни в чём не виновата. Надоенное молоко выливал телятам и сам пил до отвала. Он и ел-то тогда одно молоко и хлеб. Остальное сожрали в первые же дни. А запасы рабского хлеба остались нетронутыми, и он постепенно перетаскал их к себе.

Эркин улыбнулся воспоминаниям. Это приятно вспоминать. Хотя тоже... всякое бывало. Но, в общем, было хорошо...

... В дверь скотной грохнуло несколько кулаков. Он подошёл к двери и, помедлив, спросил:

– Чего ломитесь?

– Открой, Угрюмый.

Он узнал по голосу одного из отработочных и скинул крик.

– Заходите.

Трое последних в имении индейцев прошли за ним в молочную, сели у стола и, посмотрев на него, вытащили и поставили кружки. Он кивнул и налил им молока, отрезал по ломтю хлеба.

– Хозяйским добром распоряжаешься, – усмехнулся Копчѣный.

– Все равно девать его некуда, – пожал он плечами.

– Ладно, – Клеймѣный залпом допил кружку. – Мы уходим. Пойдѣшь с нами?

– Уходите? Куда?

– К себе, в резервацию. А там видно будет.

– Вы из одной что ли?

– Считаю, что так. Будем вместе пробираться. Если с нами придѣшь, примут. Ты ж... от рождения раб.

Он покачал головой.

– Нет, я сам по себе.

– Как знаешь, – Клеймѣный остановил остальных. – Налѣешь на дорогу?

– Отчего ж не налить. Давайте фляги.

И наливая в самодельные фляги свежего молока, спросил.

– А чего вы все вместе не ушли?

– Так они ж другие, – удивился его вопросу молчавший до сих пор Джейкоб. – Из другого племени.

– А-а, – протянул он. – Понятно.

– Ни хрена тебе не понятно, – вдруг вспылил Копчѣный. – Спальник поганый...

– За спальника врежу, – предостерѣг он Копчѣного.

– Ладно, – Клеймѣный встал, забрал фляги. – Индеец ты, конечно, хреновый, но... бывай.

– Бывайте, – попрощался он с ними...

...Эркин медленно отвѣл глаза от луны, посмотрел в глубь комнаты на голубую печь, стол... Всё от луны голубое, а куда её свет не доходит – чёрное. Да, всё так. Индейцы никогда не признают его за своего, а для всех он индеец. Если б он хотя бы знал, как такое получилось, что в питомнике родился чистый индеец. А если не чистый? Просто пошёл в мать, а отец был... Стоп! Он уже вроде Зибо становится, врѣт себе и собственному вранью верит. Индеец – так индеец. Один – так один. И что спальник он... как ни крути, а не уйти ему от этого. Хотя за пять лет, да, пять лет он в имении отпахал, ему его спальничество поминали, да что там поминали, лезли. Та же стерва белѣсая, что на ломке топталась на нём, он потом от боли враскорячку ходил, ног не мог свести, а туда же...

...Он чистит быка. В распахнутую дверь бѣёт солнце, по-весеннему яркое, слышно, как во дворе гомонят птицы, да бурчит себе под нос в соседнем стойле Зибо. Он уже давно не дѣргается на его голос. Зибо говорит сам с собой. Наверное, от старости, здорово постарел и ослаб за эту зиму. Бык кряхтит под скребницей, норовит прижать его к стенке стойла. Без злобы, играючи. И он тоже без злобы шлѣпает его по морде. И всё так спокойно.

– Вот ты где!

Она подобралась так тихо, что Зибо не успел подать сигнал, а он спрятаться. Её он боялся, как никого. Старшая из хозяйских дочерей, она изводила всех рабов в имении. Никто, ни один надзиратель не умел так подвести под пузырьчатку как она. Она появлялась во дворе, и рабы кидались врассыпную, зная, что попавшийся ей на глаза обречѣн на пузырьчатку, а то и порку, а то и всё сразу. Особенно она вредила молодым рабам, а последнее время стала ходить в

прозрачных или повсюду разрезанных одеяниях, и её приставания... завсегдатаи Паласа были приличнее.

– Ну-ка, посмотри на меня!

Зиму её не было, домашние рабы болтали, что она учится, а весной, видно, выучилась, приехала. И началось.

– Подними глаза, краснорожий.

Он медленно поднимает глаза. Она стоит, облокотившись о загородку. Платье на груди растёгнуто до пояса узкой щелью. Поведит плечами, раздвигая щель, но он уже смотрит ей в лицо. Не в глаза, а в лоб, повыше переносицы.

– Ну, как, я тебе нравлюсь? Что ты молчишь, индеец? Индейцы, говорят, страстные. Я не пробовала. Проверим?

После каждого вопроса она останавливается, ждёт положенного ответа: «Да, мэм», – чтоб заорать, что её хотят изнасиловать. И она всё время крутится, шевелит плечами, показывая груди. Он отводит глаза в сторону, но она замечает это.

– Смотри на меня, ну! Ты же спальник, ты должен уметь. Ну, чего молчишь?

– Я скотник, мэм, – тихо отвечает он.

Она звонко заливисто хохочет, запрокидываясь так, что платье почти сваливается с неё.

– Я и забыла! – выкрикивает она сквозь смех. – Я ж тебе всё на ломке отдала! Они у тебя были такие большие, раздутые. А теперь маленькие и плоские, да? – она наваливается на загородку грудью. – А ну-ка, покажи. Покажи-покажи!

Сцепив зубы, он стоит неподвижно. Зибо испуганно затих, даже птицы вроде замолчали, и коровы не фыркают. А она не унимается.

– И ты теперь не мужчина, да? И женщины тебя не волнуют? А мужчины? Как ты с Зибо управляешься? А-а, знаю, это Зибо с тобой управляется. Зибо! – она оглядывается по сторонам. – А ну, иди сюда!

На полусогнутых трясущихся ногах Зибо выходит, нет, выползает из стойла в проход и, понурившись, встаёт перед ней.

– Вот он я, мисси, – звучит жалкий лепечущий шёпот.

– Так как ты управляешься с ним, Зибо? Каждую ночь, да? – она хохочет и хлопает в ладоши, радуясь очередной выдумке. – И ты иди сюда, давай, давай, живее, краснорожий!

Он не хочет, но привычка к повиновению сильнее. Он кладёт скребницу и выходит из стойла.

– А теперь, – она хищно улыбается, облизывая губы, – а теперь вы покажете мне, как это у вас по ночам получается. Давайте, раздевайтесь. Посмотрю, как вы трахаетесь. Ну, живее, скоты!

Он смотрит на несчастное, сразу постаревшее лицо Зибо, на его дрожащие руки. Зибо медлит, но если покорится, то ему придётся... Он закрывает глаза, чтобы не видеть этого... И вдруг от сильного удара в ухо отлетает к стене и слышит, как падает со стоном Зибо, а над ним гремит голос Грегори.

– Бездельники, дармоеды! За полдня не убрались! Оба без жратвы останетесь!

Он осторожно приоткрывает глаза. Да, Зибо лежит на полу, а между ним и этой девкой стоит Грегори.

– Здесь не место для молодой леди, тем более такой красивой.

Он видит, как Грегори шарит глазами по её разрезам, а она, хихикая, потягивается под его взглядом. Грегори обнимает её за талию и ведет к выходу. Она склоняет голову ему на плечо, томно вздыхает и, проходя мимо Зибо, небрежно тыкает узким носком лакированной туфельки в живот старика. Ударить ещё и каблуком она не успевает. Грегори почти уносит её на себе, что-то шепча ей, от чего она похабно виляет задом. У дверей Грегори оборачивается.

– Чтоб когда вернусь, всё готово было! – и исчезает вместе с ней.

Преодолевая звон в голове от оплеухи, он встаёт и подходит к Зибо.

– Ну, как ты?

Зибо поднимает на него измученные глаза.

– Сынок, прости, сынок...

...Эркин резким выдохом перевёл дыхание. За что просил прощения Зибо? Он-то в чём виноват?

Заворочалась, забормотала во сне Алиса. Луна, что ли, её беспокоит? Эркин встал с подоконника и задёрнул шторы. И оказался в полной темноте. С войны, видно, занавески у Жени остались. Ощупью добрался до стола и сел.

Тогда обошлось, и потом ещё пару раз ему удавалось от неё увернуться. А если рабы лезли, так там просто: бил сразу, не глядя, мужик или баба – ему без разницы. И всё равно. Спальник. И у всех одно сразу на уме. А он тогда, чуть боли отошли, и прочухался немного, попробовал кое-что из прежних упражнений, что с питомника, с учебки помнились. И от боли чуть в голос не заорал. И мышцы не слушались. Как будто перерезали их. Больше он и не пытался. Суставные упражнения помнит, хоть сейчас весь комплекс сделает. И мышечный. Для всех мышц. Кроме этих. Правду говорили: перегоришь – всё, кончен спальник. И рад был тогда этому. Что нет обратного хода. Что расстреляй его, хоть насмерть запори, а спальником он уже не сработает. А сейчас... Если Женя позовёт, что ему делать? Руками ему не сработать. Ладони загрубели, не гладят, царапают. Он провёл ладонью по щеке. Скребница – не ладонь. Женя, милая, не надо, я всё сделаю, сдохну на работе, но этого не могу больше. Двадцать пять мне. Срок спальника. Дальше Пустырь и Овраг, Женя. Он уронил голову на стол, на скрещённые руки. Поздно, Женя, зачем так поздно всё пришло? На глазах вскипали слёзы бессильной жалости. Не к себе. К Жене. И впрямь спальники за что ни возьмутся, всё поганят. Только не виноват я. Перегорело всё у меня. Там, в этих ночах в имении, когда корчился от нестерпимых, ломающих тело болей, затыкая себе рот кулаком, чтоб криком не выдать себя, не накликать надзирателя. Говорили ему, как всем, все спальники знают. Вработанному спальнику больше трёх суток без работы нельзя, семя загорится, а вытерпишь, не сдохнешь от боли, перегорит семя, и всё, конец твоей работе, конец спальнику. И куда, кроме Оврага ты тогда годен? И вот, сам и получил это, по полной мере. Если б не та стерва... А теперь что? Поздно. Пять лет как перегорело.

Боясь потревожить Алису, Эркин опять, как тогда, закусил до боли кулак, этой болью перешиб, пересилил ту боль и словно провалился в забытье.

Весь огромный особняк, казалось, наполнен, пронизан музыкой. Она была везде. Но в эту комнату доносилась тихим успокаивающим фоном и не мешала беседе.

Когда-то это был кабинет хозяина дома. От бывшего осталась тяжёлая тёмная мебель, камин... Но шкафы с выбитыми стёклами пусты, разрезы на креслах и диване стянуты редкими грубыми стежками, стол изрезан и покрыт ожогами от сигарет, каминная полка разбита. Но пятеро мужчин высокомерно не замечают следов разгрома. В камине горит огонь, на окнах плотные шторы. Пламя камина и огоньки сигарет составляют освещение комнаты. Им этого достаточно.

– Ну что ж, поработали вы неплохо. Были, конечно, накладки, эксцессы, но где без них? И я не говорю: хорошо. Неплохо.

– Мы поняли.

– Отлично. Идея с балом очень и очень перспективна. И этого... оратора отметьте.

– Вы о?..

– Не надо фамилий. Званий и чинов тоже. Мы говорим откровенно, и излишества не нужны.

– Я согласен. Весьма перспективный человек.

- Да, его следует поощрить. Он давно работает?
- Как все.
- Кстати о перспективах. Займитесь сплочением белых. Именно в этом направлении. Мы
- единая раса. И обратите внимание, это стратегическая задача.
- То есть вы хотите, чтобы мы...
- Да-да. Конфронтация с русскими была величайшей глупостью Империи.
- Мы уже работаем в этом направлении.
- Отлично.
- Русские должны войти в нашу среду. Когда мы начинали... вспомните наши победы. Но вместо опоры на население мы занялись его чисткой и сортировкой. И получили партизан.
- Да, вы правы. Я ведь был там тогда. Нас встретили достаточно индифферентно, даже лояльно. Но первая же акция... и пошло-поехало.
- Разумеется. Итак, мы проиграли войну. Империи нет. Но она есть. Это мы, это танцующие внизу, это все... Империя – это белые. Если мы сумеем это внушить, то Империя возродится. И на более обширной территории, чем раньше.
- Грандиозно!
- Грандиозность замысла в его осуществлении. Всё зависит от нас.
- Разумеется!
- Итак, сплочение белых и в этом сплочении отделение от цветных. Будьте предельно внимательны с «недоказанными». Смотрите не на волосы и кожу. На поведение. Белого отличает поведение, чувство расовой гордости. Конфронтацию с комендатурой сведите к минимуму. Пока это не нужно.
- Пока?
- Да. Комендатура в будущем должна поддерживать нас. Поэтому сейчас никаких явных конфликтов. Явных!
- И инициатива конфликта должна исходить от цветных.
- Вы предлагаете только обороняться?!
- Русские любят защищать обиженных. Собеседники понимающе заулыбались.
- Так что придержите мальчишек. Пока. Пусть тренируются. Пока на мишенях. Больше внимания взаимопомощи, поддержке. Расовая гордость не допускает страдания соплеменника. Я достаточно ясно говорю?
- Да, но вы сказали, не спорить с комендатурой. Они требуют интеграции цветных.
- Интегрируйте их на положенное им место. Должно изменяться название, а не суть. Если цена недоступна, то в этот магазин и не заходят. Но никаких надписей на дверях. Это должно быть, как бы, само собой.
- Чтобы не к чему придраться.
- Да, но трудно.
- Лёгкие пути привели нас к поражению. Возрождение всегда трудно.
- И больше внимания не на действия, а на слова. Не на факты, а на их толкование.
- Это элементарно.
- Да, разумеется.
- Итак, схема в первом приближении такова. Сплочение белых, отделение от цветных, защитные меры самообороны и невмешательство комендатуры. А если погасить конфликт не удаётся, то комендатура вмешивается на нашей стороне. Детали обговорим в другой раз. И не спешите.
- Да, как быть с мулатами, метисами?..
- И прочими ублюдками? В цветные без разговоров. Все эти разряды: цветной, полувцветной, недоказанный, условный, индеец, негр... всё это лишнее и не нужно.

- Не белый и всё! Есть два лагеря: мы и все остальные.
- Мы должны быть едины. А они могут рвать друг другу глотки. Нас это не касается и не волнует. Запомните, внутрирасовые конфликты – дело полиции, а не комендатуры. Комендатуру это не беспокоит.
- Не должно беспокоить.
- И думайте об интеграции русских. Но предельно аккуратно.
- Понятно.
- А угнанные, пленные?..
- Угнанные пусть интегрируются. Либо к нам, либо к цветным. А пленные... Разумеется, они злы на русских, но для их злобы хватает мёртвых генералов. Проиграли войну – вот пусть и отвечают.
- Свой начальник...
- Вот-вот. Армейский фольклор груб, но справедлив.
- Тогда всё. Мы вас покидаем. Позаботьтесь, чтобы наш отъезд не стал сенсацией.
- На балу сенсации только бальные.
- Вот-вот.

Через минуту в пустой комнате тихо догорали в камине поленья, и только ещё сохранявшийся запах сигаретного дыма свидетельствовал о том, что здесь кто-то был.

Один танец сменялся другим. Между танцами на эстраду поднимались желающие блеснуть талантом. Их приветствовали аплодисментами и восторгами. Русские офицеры имели успех у дам. Стоило объявить, что леди приглашают джентльменов, как дамы наперебой кидались к ним. И зайдя в дамскую комнату освежить лицо и поправить причёску, Женя услышала, как миссис Поллинг – высший женский авторитет Джексонвилля – изрекла:

– Несомненно, они джентльмены в полном смысле этого слова. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Да-да, конечно, разумеется, – зашебетало собрание.

– Но вам не кажется, – заметила одна из девушек, – что они несколько... старомодны? Вы заметили, как они танцуют? Они держат даму на расстоянии.

– Они джентльмены! – с нажимом повторила миссис Поллинг. – Они не развращены доступностью Паласных девок. Я бы пожелала многим нашим джентльменам по названию такой старомодности.

– У них очень сложные имена, – рассмеялась мисс Милли. – Но приятные.

– Вы тоже танцевали с ними? – удивилась миссис Роджер.

– Я? Что вы, милочка. Я уже не в том возрасте. Но я пригласила одного из них, того, что повыше ростом, – мисс Милли хихикнула, – на сидячий вальс. Мы очень мило поболтали. Его зовут Ар... Арсе... Нет, не выговорю. О, Джен, милочка, вы это, конечно, знаете.

– Знаю, – рассмеялась Женя. – Вернее догадываюсь. Арсений, так?

– Да-да, Джен, вы прелесть.

– Джен, ради бога, повторите.

– Джен, пожалуйста, я правильно говорю?

Закончив этот маленький урок русского языка, Женя вышла и окунулась в музыку, беззаботное веселье и в обожающе восторженный взгляд Хьюго. И снова плывёт под ней пол.

– Вы прелестны, Джен. Простите, вы говорили, что вы русская?

– Да.

– А как звучит ваше имя по-русски?

– Женя.

– О! Похоже на Женни. Вы разрешите мне называть вас Женни? Фройляйн Женни?

– Фройляйн?

- Да. Я немец.
- Тогда вас зовут не Хьюго, а... как?
- Гуго. Гуго Мюллер к вашим услугам.
- Герр Гуго Мюллер?
- О, можно просто Гуго.
- Но тогда просто Женни.
- Нет, – он серьёзно покачал головой. – Фройляйн Женни.

Женя никогда ещё не была так счастлива. И как будет горько, когда это волшебство кончится. Но оно всё не кончалось.

В буфете Гуго угостил её шампанским. Господи, она не пила шампанского... да она за всю жизнь его второй раз пробует.

А бал, казалось, только набирал силу. И вот уже Норман кружит её в сумасшедшем вихревом вальсе.

- Золушка стала принцессой? – шёпот Нормана обжигает ей щёку.
- Как он догадался? Или она сама обмолвилась? Неважно.
- Только на время бала, – смеётся Женя.
- О нет, принцесса всегда принцесса.

Да, принцесса всегда принцесса, и всё забыть, и плыть в музыке и огнях, и ни о чём не помнить. Даже о том, что время не остановить и принцесса обречена стать Золушкой. Но часы ещё не начали бить, и принцесса не помнит, что на самом деле она – Золушка.

Эркин проснулся рывком, как от окрика, и не мог понять, что разбудило его и сколько он спал. Жени ещё нет? Он осторожно подошёл к окну. Луны уже нет, значит, Жене возвращаться в темноте. И вроде в ночной тишине прозвучали чьи-то шаги. Мало ли что...

Мало ли что? Ну, нет! Он быстро бесшумно натянул сапоги, куртку. Женя как-то говорила, что если Алиса заснёт, то уже до утра. Ну, понадеемся на это. Он всё-таки подошёл к её кровати, послушал дыхание. Вроде, спит крепко. Он беззвучно запер за собой дверь, спустился, запер нижнюю дверь, броском выскочил за калитку. Нет, калитку оставим так. На всякий случай.

Эркин не знал, по какой дороге будет возвращаться Женя, но, судя по доносящейся музыке, бал ещё не кончился. Вот и отлично. Подождет её у входа и проводит. А то мало ли что.

Он благополучно миновал несколько кварталов, пересёк Мейн-стрит и, когда до цели осталось совсем ничего, на перекрёстке едва не наскочил на патруль самообороны, но вовремя спрятался в тень. Хорошо, луна зашла. Он переждал, пока юнцы в форме завернут за угол, и, легко преодолев забор чьего-то сада, стал пробираться между деревьями, поближе к дому Бала.

- Эй, Меченый, – окликнули его шёпотом.

Эркин застыл, соображая, откуда его позвали. Ах ты, дьявол! Вон же они. На крыше соседнего дома. Человек пять, не меньше. Эркин опять переждал патруль и перебежал к дому. Как они поднялись? А, по дереву, а там спрыгнет. Он подпрыгнул, уцепился за сук, подтянулся, хватаясь за ветви, с крыши к нему уже тянулись руки, а внизу звучали шаги патрульных.

Здесь были парни из ватаги Одноухого. Они потеснились, и Эркин лёг между ними. Они лежали на дальнем от особняка Мейнарда скате крыши и из-за конька могли следить за домом. Заметить их снизу трудно и то только, если искать специально, а кто будет искать? Так что они вовсю веселились, комментируя происходящее на их глазах белое веселье.

Перешучиваясь, Эркин до боли в глазах вглядывался в пёстрый водоворот танцующих, отыскивая Женю. Но её не было видно.

- Ему показали русских офицеров из комендатуры.
- Все беляки заодно, – сплюнул Эл.
- А ты думал, они за тебя будут? – хохотнул кто-то.

- Поначалу заступались.
- За кого?
- Парни, посмотрите, вон та, в розовом. Разрез до задницы.
- Для проветривания.
- А этот облапил как. Трахаются, что ли?
- А чего им!
- Все беляшки шлюхи. Я в имении был, так у хозяйки, сдохнуть не встать, три хахаля белых паслось, да ещё спальника держала.
- И, небось, из Паласа не вылезала.
- А то!
- Как они без Паласа теперь? Свербит, небось, а почесать некому.
- Наймись в чесальщики. Бо-ольшую деньгу огребёшь.
- Это по своей воле в спальники идти?! Тьфу!
- Тихо, патруль!

Переждали и снова загомонили. Эркин, продолжая искать Женю, посмотрел на тёмные окна второго этажа и обмер. В одном из окон смутным белёсым пятном маячило чьё-то лицо. И как он видит беляка, так и беляк их.

- Парни, сваливаем!
- Ты чего?
- Вверх смотри!
- Ах ты... – ругательство оборвалось не начавшись.

Вниз не вверх, получается быстрее. Они соскользнули по скату, спрыгнули вниз и затаились у стены. Если беляк поднимет шум, патруль их накроет тут, а там...

- Врозь! – скомандовал Дан, и они рассыпались по саду.

Поодиночке больше шансов выбраться. Теперь главное – убраться из квартала. Тревоги пока не слышно, может, беляк их и не разглядел. Но убираться надо отсюда, не мешкая.

Снова прошёл патруль, и Эркин, перебежав улицу, нырнул в тёмный проулок и остановился в раздумье. Вернуться или остаться? Хотя... хотя Жене он вряд ли сейчас чем поможет. И нужна ли ей его помощь? – усмехнулся он неожиданной мысли. Свора её не тронет, не должна. Но до дома пока дойдёт, всякое может случиться. Ватага Одноухого или Арча – это одно, а если кто из шакалов или ватаги Нолла... да и белой сволочи хватает. А дома Алиса одна, ещё проснётся ненароком. Эркин посмотрел на небо. А ночь к концу идёт. Нет, надо всё-таки домой.

И тут он услышал, как заиграли «Белую гордость». Да сдохните, провалитесь вы все со своими балами и танцами, если вам это в радость.

«Белая гордость» по традиции завершала Бал. Великое бальное сумасшествие заканчивалось. И музыканты играли всё тише и тише, и когда музыка затихла последним тактом, зал был уже почти пуст.

Рассел отошёл от окна и, не спеша, спустился вниз, по внутреннему коридору прошёл к заднему крыльцу. Ему никто не встретился, и он незамеченным покинул особняк Мейнарда.

Небо начинало светлеть, от парадного крыльца расходились пары и группы. Одиноких, как Рассел, почти не было. Он уже заворачивал за угол, когда его окликнул Мервин Спайз.

- Привет! Я тебя не видел в зале.
- Привет, – кивнул Рассел. – Ты был слишком увлечён дамским обществом. Мервин хохотнул, но глаза его оставались серьёзными.
- А где был ты?
- Наверху, – нехотя ответил Рассел. Многие видели, как он поднимался по лестнице, не стоит отрицать очевидного.

– Зачем?

– Я помню этот особняк другим, – пожал плечами Рассел. – И другие балы. Я слушал музыку.

– Романтично и сентиментально. Это не похоже на тебя, Рассел.

– А откуда ты знаешь, – не выдержал он, – что похоже на меня, а что нет?! Что мы вообще знаем друг о друге?

– Ого! – негромко рассмеялся Спайз. – Неплохо, очень даже неплохо. Но мы знаем о тебе вполне достаточно.

– Достаточно для чего?

Спайз рассмеялся, будто услышал сверхстроумную шутку, но не ответил.

– Пока! – решительно распрощался Рассел и быстро пошёл дальше.

– Пока-пока! – весело крикнул, почти пропел ему в спину Спайз.

Уходя от Спайза, Рассел свернул совсем в другой, ненужный ему проулок и какое-то время шёл, не глядя по сторонам, наугад. Улица становилась всё пустынее, а дома беднее. Кварталы белой бедноты, «условных» и «недоказанных», где ничего нет, кроме стремления защитить свою белизну. Иногда Расселу бывало их жалко, такими трогательно неумелыми были их старания казаться настоящими джентльменами и леди, чаще их потуги вызывали у него брезгливость. Но сейчас эти тихие пустынные улицы были ему даже приятны.

Он свернул в очередной проулок и услышал сзади шаги. Перестук каблучков и более плотные звуки мужских шагов. Расселу не хотелось никого видеть, а эта пара явно возвращалась с бала, и он приостановился в узком проходе между домами. И перед ним по полуосвещённой улице как по сцене прошла пара. Джен Малик и Хьюго Мюллер из их конторы. Они шли под руку и вели какой-то свой оживлённый и, несомненно, приятный разговор. Хьюго смотрел только на свою спутницу, а глаза Джен рассеянно скользили по стенам домов. Рассела они не заметили. Вот Джен засмеялась. Тем тихим волнующим смехом, от которого мужчины теряют голову. У Джен это естественно и прекрасно именно своей естественностью.

Рассел пропустил их и хотел уже выйти, когда даже не услышал, а ощутил ещё чьё-то присутствие, и затаился. Этот человек не шёл, а словно скользил тенью, тёмной, почти сливающейся с ночью тенью. Расселу стало интересно и вместе с тем тревожно за беззаботную парочку. Он отпустил эту тень на пять шагов и пошёл следом.

Гуго рассказывал Жене о своём детстве. Он был сентиментален и сам смеялся над своей сентиментальностью. Это было интересно, ненавязчиво и избавляло Женю от необходимости что-то говорить о себе, чего ей совсем не хотелось: её детство не для чужих ушей. Обычно мужчины лезли с вопросами и такими же ненужными комплиментами, а Гуго... Нет, Женя никак не ожидала, что он окажется таким приятным собеседником. Ей было жаль прощаться с ним, и она откладывала прощание до следующего перекрёстка. Кроме того, она слышала чьи-то шаги за спиной и не то чтобы боялась, но как-то не хотелось идти дальше одной.

Нет, как удачно получилось! Он уже направился к дому, когда услышал голос и смех Жени. Эркин дождался, пока Женя с кавалером пройдут мимо него, и пошёл следом. Спину он им от всякого прикроет, и, если Жене захочется избавиться от беляка, он рядом и поможет. Он слышал их разговор, не вслушиваясь в слова, пока общий тон не казался ему угрожающим. Они уже миновали прилегающие к Мейн-стрит кварталы, когда он услышал чьи-то шаги за спиной. Сначала не обеспокоился: мало ли, может, тоже с бала домой идёт, но потом понял, что идущий сзади держит дистанцию. Это уже могло быть опасным. Только для кого? Кто этому типу нужен? Он или Женя? Или её спутник? Надо что-то делать.

Рассел шел, ориентируясь на голоса Джен и Хьюго. Их преследователя он почти не слышал, да и видел плохо. Только изредка мелькала его фигура. Что-то в лёгкости движений этого человека казалось Расселу мучительно знакомым.

Нет, у этого перекрестка надо прощаться. Она совсем не хочет показывать Гуго свой дом. Это незачем. Женя остановилась и решительно подала Гуго руку.

– Ну вот, мы и пришли.

– Как, фройляйн Женни... Но...

– Нет, Гуго, большое спасибо и до свидания. Дальше я пойду одна.

– Нет, фройляйн Женни. Я не могу этого допустить. Ночью, одна, да ещё в таком квартале... Это невозможно.

Эркин беззвучно выругался. Преследователь тоже стоит. Значит, точно, шёл за ним. А он зажат между ними. Не знаешь, кого бить первым.

Рассел напряжённо слушал, как спорят Джен и Хьюго. Их преследователь стоял в густой тени, и Рассел не видел, а чувствовал его.

– Гуго, когда я работаю в нашей конторе, то возвращаюсь ненамного раньше. И никогда со мной ничего не случалось. Почему должно случиться сегодня? Было очень хорошо, Гуго, не надо портить такой вечер прощальной ссорой.

– Фройляйн Женни, я не знаю причин вашего желания, вернее, нежелания. Я не имею права диктовать вам, но я не могу вас оставить.

«Отвали, чмырь! Как человека просят!» – к сожалению, крикнуть так, чтобы его услышали, Эркин не мог. Он прислонился спиной к стене, чтобы тот, другой, не смог подойти сзади.

– Но почему, Гуго?

– Я не хотел вас беспокоить, но... фройляйн Женни, нас кто-то преследует. Я всё время слышал сзади шаги. Я не оставлю вас одну.

– Но, Гуго, может, это просто прохожий. Нельзя же бояться собственной тени.

– Просто прохожий давно обогнал бы нас или свернул, и мы бы это услышали. Женни, умоляю, не упрямитесь.

«Скотина белоглазая», – выругался от бессильной злобы Эркин. Попробуй тут изобрази прохожего, когда шевельнуться нельзя, пока не знаешь, кто у тебя за спиной.

Рассел стоял, не зная, как поступить. Как дать им знать о себе, предупредить о преследователе, не подставив под возможный удар спину... Придётся рискнуть.

– Хьюго, Джен, это вы? – громко позвал он.

– О! Рассел? – откликнулись из темноты.

– Рассел? Что вы здесь делаете?

– Гуляю, – ответил он и пошёл на голоса.

В медленно светлеющем сумраке он смутно разглядел прижавшегося к стене мужчину в чёрной рабской куртке. Тот стоял, отвернувшись, но всё-таки... нет, не негр. Похоже... индеец? Или метис. Не меняя шага, Рассел прошёл мимо него к Джен и Хьюго.

– Гуляете? – смеясь, подала ему руку Женя и обернулась к Хьюго. – Вот и ваш таинственный преследователь. А мы беспокоились.

– Мы проводим вас, Джен, – тон Рассела исключал возражения.

Женя ещё попыталась спорить, но её корректно и решительно взяли с двух сторон под руки, и она была вынуждена смириться с эскортом. Как бы невзначай Рассел оглянулся, но никого не увидел. Похоже, сочтя силы неравными, индеец удрал. Тем лучше.

Как только белый прошёл мимо него, Эркин рванулся назад и вбок. Теперь ему надо обогнать их и успеть домой раньше Жени, чтобы открыть ей двери. Но самому лучше остаться во дворе. На всякий случай. Лишь бы Женя не повела их короткой дорогой, тогда он не успеет.

Он успел. Успел влететь в калитку, уже слыша их голоса за углом. Под прикрытием забора он быстро открыл нижнюю дверь, взлетел по лестнице, отпер верхнюю дверь и кубарем скатился вниз, выскочил во двор и встал за дальним углом сарая. Теперь даже если они войдут во двор, его не увидят.

– Нет-нет. Спасибо, – голос Жени твёрд и решителен. – Вот мой дом.

– Хорошо, – согласился Рассел. – Но... какие ваши окна? Эти? Отлично. Вы покажетесь нам в окне в знак, что всё в порядке.

– Хорошо. Итак, благодарю вас, джентльмены, и до свидания.

– До свидания, мисс Джен.

– До свидания, фройляйн Женни.

Эркин перевёл дыхание. Кажется, пронесло. Вот стукнула калитка, шаги Жени, вот она открыла дверь, поднимается по лестнице. Эркин закинул голову и увидел её смеющееся лицо в лестничном окне. Он уже собирался выйти из укрытия, когда услышал за забором.

– Признаться, вы напугали меня, Рассел. Зачем вам это понадобилось?

– Вы были правы, Хьюго. Вас преследовали. И шёл я не за вами, а за ним.

– Он был один?

– Да.

– И вы... разглядели его?

– Очень смутно...

Голоса удалялись. Эркин облегчённо выругался им вслед и побежал в дом. Задвигать засовы не имело смысла: всё равно уже утро.

Женя растерянно стояла посреди комнаты, переводя взгляд с безмятежно спящей Алисы на нетронутую кровать. И повернувшись к двери, увидела смеющееся лицо Эркина. И вдруг как-то сразу догадалась.

– Так это ты шёл за нами?

Эркин кивнул. И Женя засмеялась, зажимая себе рот, чтобы не разбудить Алису.

Оставив Женю приходить в себя и переодеваться, Эркин схватил вёдра и побежал за водой. Надо всё быстро, ему ещё этой старухе колоть дрова, а там бежать на рынок. Андрей уже ищет его, наверное... И запнулся. Как-то теперь будет с Андреем? Но отбросил это. Как будет, так и будет. Подличать Андрей не станет, а не захочет больше с ним в паре работать, что ж... придётся одному крутиться.

Закончив с дровами и водой, Эркин заглянул в комнату. Женя, не переодевшись сидела на кровати, а плащ и сумочка валялись там, где она их бросила, войдя в комнату. Услышав его, Женя подняла голову, и он увидел её словно похудевшее за эту ночь лицо с выбившимися из причёски прядями. Она молча смотрела на него и опять была иной, другой Женей.

– Эркин, – не то позвала, не то вздохнула она.

Но он подошёл, и Женя, легко встав, обняла его, обхватив за шею обнажёнными руками, и всем телом прижалась к нему, уткнув лицо куда-то в его плечо.

– Эркин, я такая счастливая, Эркин.

Он осторожно обнял её за талию, просто, чтобы не стоять столбом, просто надо куда-то руки девать.

– Было так хорошо.

Лоб Жени тёрся о его плечо. И он медленно, словно вспоминая, плотнее обнял её.

– Только тебя не было, – вздохнула Женя и вдруг засмеялась. – Это ты ходил меня встречать, да? Спасибо, родной.

– Тебе вправду было хорошо там? – тихо спросил он.

– Ага, – совсем как Алиса вздохнула Женя и подняла голову, посмотрела ему в лицо.

Он был готов в любой момент отпустить её, но она всё не разжимала объятий, и лицо её становилось обычным, знакомым лицом Жени, а на губах ещё прежняя улыбка счастливой усталой женщины. Она потянулась к нему поцеловать, и он не нашёл в себе силы как-то уклониться от этого. А целовалась она по-прежнему, плотно прижимая губы к губам, так что ответить ей было легко.

Женя отпустила его первой.

– Сейчас переоденусь и покормлю тебя.

– Нет, – мотнул он головой, довольный, что обошлось этим, и Женя не обиделась. – Переодевайся и ложись спать. А я за работой пошёл. Я тут одной ещё вчера подрядился.

– Голодный пойдёшь?!

– Хлеба возьму, – отмахнулся он.

– Ну ладно, – согласилась Женя и виновато добавила. – Что-то я устала.

– От танцев устаёшь, – с понимающим сочувствием кивнул он.

На кухне он отрезал себе хлеба и, поглядев на небо, решил, что без куртки вполне обойдётся. Рубашку бы сменить? Ладно, Жене лишняя морока со стиркой, не работал же он в ней, не пропотела. И жуя на ходу, спустился по лестнице. Где старухин сарай? Ага, вон тот. Спит ещё, наверное. Ну что ж, подождём.

Когда Элма Маури выглянула в окно, он сидел на земле у её сарая, прислонясь к нему спиной, и не то дремал, не то просто грелся на утреннем солнце. Что ж он так рано пришёл? Или Джен его на рассвете выгоняет? Да нет, обычно он уходит позже. Джен была на Бале, так она, наверное, на эту ночь и вовсе не пустила его. Конечно же, так. Это безумие оставлять индейца на ночь с маленькой девочкой одних в пустом доме. А Бал на всю ночь. И хотя этот, похоже, из смиренных, но доверять им – никому нельзя.

За этими мыслями она оделась, взяла ключ от сарая и вышла во двор. Он заметил её в пяти шагах и встал.

– Что так рано?

– Договаривались на утро, мэм, – спокойно ответил Эркин.

«Договаривались!» – Элма усмехнулась. Все-таки цветной остается цветным. Хоть в малости, а сгрубит. Не договорились, а наняли и приказали прийти! Но вслух она ничего не сказала и открыла сарай.

– Вот.

Эркин оглядел жалкую кучку тощих корявых чурбаков и кивнул.

– Хорошо, мэм. Будет сделано, мэм.

– И сколько? – подбоченилась Элма.

Эркин бросил на неё быстрый, еле заметный взгляд искоса и снова уставился на дрова, ожидая её цену.

– Две кредитки и ещё еда, – в последнюю секунду Элма решила прибавить еду, чтобы получше расспросить его.

– Хорошо, мэм, – кивнул Эркин.

Плата не шибко щедрая, но она в одном дворе с Женей. Возьмёшь с неё настоящую цену, так ещё подлость какую-нибудь устроит. Белым женщинам Эркин доверял ещё меньше, чем белым мужчинам. Да и дров не так уж много. Он вытащил из сарая чурбаки, нашёл в углу топор и взялся за работу.

Элму ждало разочарование. Нет, работал индеец споро, и самые корявые чурбаки разлетались у него со второго, много с третьего удара. Но работал он без остановок как заведённый. И расспросить его по-настоящему не удалось. То он отмалчивался, якобы не слыша вопроса за работой, то отделялся односложными ответами. Нет, не зря говорили, что с неграми иметь дело легче. Чёрному только разреши болтать, он сам всё тебе выложит. А индейцы – молчуны, скрытные, коварные. «Да, мэм», – а что он там таит, попробуй догадаться.

– Ты снимаешь койку у мисс Джен?

– Да, мэм.

– И дорого? Много она с тебя берёт? Мисс Джен говорила, ты всю работу по дому за жильё делаешь. Это так?

– Да, мэм.

– И много работаешь?

– Да, мэм.

– Тебе тяжело, наверное. Но мисс Джен такая добрая, не думаю, чтобы она много требовала.

Карга старая, стерва белёсая, ну чего ты привязалась? Сдохну, не наймусь больше. Эркин поставил под топор последний чурбак, и она, наконец, убралась, пошлёпала за деньгами. Интересно, какую еду даст. Вот гадина, так ей всё и выложи, чтобы она дальше трепала. Со злости он так ударил о землю последним чурбаком, что поленья полетели во все стороны.

Вернувшись, Элма Маури нашла поленья уложенными, топор на прежнем месте, даже щепки собраны. Она протянула ему плату. Он аккуратно, не коснувшись её рук, взял деньги и сэндвич, спрятал деньги в нагрудный карман.

– И ещё вот, – Элма Маури протянула ему три сигареты.

– Спасибо, мэм, – поблагодарил Эркин, ничем не показав удивления: о сигаретах уговора не было.

– Это за то, что я тебе мешала работать, – усмехнулась Элма.

– Спасибо, мэм, – повторил Эркин.

На улице Эркин осмотрел сэндвич. Два толстых ломтя белого хлеба, внутри промазаны маслом и что-то ещё между ними заложено. Оу! Целый обед! Он вытащил носовой платок – Женя как ему сунула в первый раз в карман, так и лежит там, вот и пригодился – завернул сэндвич и положил в карман. На потом. И быстро пошёл, почти побежал к рынку. Упустишь утреннюю работу, потом майся весь день на мелочёвке.

Андрея он заметил издали. Да и трудно не заметить в черноголовой толпе у рабского торгова светлую, отливающую серебром макушку. Толпа дружно и смачно над чем-то ржала. Не иначе Трепач о своих похождениях рассказывает. Ну, Трепач работать только языком и может. Ему за трёп и подкидывают кто жратвы, кто курева. И спит он с шакалами здесь же в рабском торге.

Эркин не спеша шёл к толпе встать так, чтоб ненароком увидеть лицо Андрея. Но Андрей, видно, выглядывал его, потому что заметил ещё на подходе. Лицо Андрея ещё смеялось над рассказами Трепача, но глаза стали настороженными. И Эркин понял: ему надо первым. Спальнику плохо, но шансов уцелеть больше. Если и узнают о его спальничестве, то он отобьётся, первый запал уже ушёл. А Андрею не отбиться, лагерника точно прирежут. И он может уйти, исчезнуть, у индейца номер – обычное дело. А Андрею не уйти, номер у белого – только у лагерника. Андрей больше зависит от него, чем он от Андрея. Сейчас. Из-за этого. И Эркин плавно, не меняя шага, подошёл и встал рядом с Андреем. И Андрей как ни в чём не бывало сказал.

– Тебя где носило? Я работу надыбал, а тебя нет.

– Отсыпался, – усмехнулся Эркин. – А что, опять за ночь... дом построить?

– Строить, – кивнул Андрей. – Но не за ночь, а как успеем.

– Тогда чего болтаемся?

Они выбрались из толпы и между рядами пошли к выходу. Всё было решено и понято. Слова и клятвы им не нужны, но... закрепить надо. На ходу Эркин достал из кармана свёрток, развернул платок и точным сильным движением разорвал сэндвич пополам. Андрей, так же не меняя шага, взял половину.

– Так что за работа? – Эркин дожеввал свой кусок и вытер губы ладонью.

Андрей со своим управился ещё раньше.

– К магазину пристройку сделать.

– Фью-ю! – присвистнул Эркин. – Ты чем думал, когда соглашался? Я ж не строил никогда.

– Я тоже, – огрызнулся Андрей. – Слушай. Пристройка – не дом. Камни там уже положены. Ставим на них коробку, крышу, пол и внутри всё. Материал весь есть. Только подогнать.

– Только! На этом только наломаемся столько... – и рассмеялся получившейся шутке. Ухмыльнулся и Андрей.

– Не бойсь, – и вдруг: – В лагере первые двадцать лет тяжело, потом привыкнешь.

Эркин покосился на него и осторожно, словно пробуя шаткую ступеньку, попробовал поддержать шутку.

– А живёшь сколько?

– Больше десяти никто не протягивал, – серьёзно, но как-то безразлично ответил Андрей.

Они обошли Мейн-Стрит, зайдя к её домам со стороны задних садилов и дворов, и Андрей остановился у небольшого очень красивого и ухоженного садика с низкой каменной оградой и живой изгородью. Их, видимо, ждали. Хлопнула дверь, и миловидная мулатка в платье и переднике горничной подбежала к ним.

– Здравствуйте, – она дипломатично обошлась без обращения. – Заходите.

Калитки нет. Но ограда по колено – не препятствие. Андрей легко перепрыгнул через неё и сделал шуточный жест приветствия.

– Здравствуй, красавица. Вот и мы.

– Вижу, – рассмеялась мулатка. – Идите за мной.

Она подвела их к заднему крыльцу, где уже стояла румяная седая, старушка не старушка, так, чуть больше среднего возраста, белая дама. Леди – сразу определил Эркин.

– Здравствуйте, Эндрю. Это и есть, – серо-голубые глаза не зло, но очень внимательно скользнули по Эркину, – ваш... напарник? Очень приятно. Вы уже готовы к работе, не так ли?

Больше она на Эркина не смотрела, говорила только с Андреем, но Эркин понял, что был этим мгновенным взглядом изучен весьма основательно, что малейшая деталь его облика замечена, оценена и никогда не забудется. Да, для этой леди, похоже, двух одинаковых нет. Она всё видит. Эркин сочувственно подумал о горничной: угодить такой всевидящей нелегко. И им самим тоже придётся несладко.

Андрей рассказал точно. Им предстояло поставить дом. Простенький незамысловатый, но всё-таки дом. И начали они работу не спеша, как бы примериваясь. Андрей даже не балагурил, что уж совсем на него не походило.

И когда прибежала горничная с вестью о ленче, это оказалось для них полной неожиданностью. Эркин опустил на землю очередной брус и недоумённо уставился на мулатку.

– Чего-чего?

– Не чего, – передразнила она его, – а ленч. – И повернулась к Андрею. – Идите за мной.

Андрей вытер рукавом лоб и подмигнул Эркину, готовясь отпустить шутку, и тут мулатка сказала такое, что они замерли как громом пришибленные.

– А тебе, – она смотрела на Эркина, – я сюда сейчас принесу.

Эркин смотрел на неё, и до него как-то слишком медленно доходил смысл сказанного. Он повернулся к Андрею и не сразу узнал багровое, залитое румянцем стыда лицо друга. Андрей переложил из руки в руку топор, медленно поднял на Эркина глаза, и вдруг напряжённую тишину разорвало чудовищное, не слыханное ещё Эркином за всю его жизнь, невероятное ругательство. Мулатка ахнула и отшатнулась, отступила на шаг, замахала руками, будто обожглась. А Андрей спрыгнул с каменной кладки, на которой они крепили опорные брусья, и шагнул к ней. Она взвизгнула и побежала к дому. Андрей рванулся было следом, но Эркин остановил его за плечо.

– Оставь.

– Прощаешь?! – развернулся к нему Андрей.

– Кого? – пожал плечами Эркин. – Это она сама придумала?

Андрей перевёл дыхание, и лицо его стало жёстким, угловатым, будто все кости проступили из-под кожи.

– Собираемся. Пусть им, – он длинно выругался, – кто другой строит.

Эркин задумчиво кивнул. Андрей уже наклонился над своим ящиком собирать инструменты, когда к ним быстро подошла, почти подбежала хозяйка. За ней спешила мулатка с заплаканным лицом.

– Извините, произошла ошибка, – хозяйка говорила быстро, задыхаясь. – Это моя ошибка... я плохо объяснила... Вы не так поняли. Разумеется, вы вместе...

– Да, миледи, – Андрей настолько вежлив, что это звучит издевательством. – Глупая служанка всё перепутала, не так ли?

– Нет, – она вдруг улыбнулась неожиданно доброй ласковой улыбкой. – Это я не сообразила, что раз вы работаете вместе, напарники, то и есть будете вместе. Я вас очень прошу не бросать работу.

Андрей посмотрел на Эркина. Оскорбили его – ему и решать. Эркин угрюмо повёл плечами. Ему нужна работа, нужен заработок. Если из-за каждого оскорбления бросать работу, то гордо сдохнешь с голоду. Ему и не такое приходилось глотать, просто это случилось слишком неожиданно, просто... просто он как-то забыл, кто он. Но надо отвечать. Он поднял глаза на Андрея и ещё раз пожал плечами. Но Андрей понял и кивнул. Досадливо, несогласно, но... кивнул. И их поняли.

Хозяйка разулыбалась, стала ахать и восхищаться, сколько они успели сделать, чистотой и тщательностью их работы. Мулатка, улыбаясь сквозь слёзы, звала их идти побыстрее, а то всё остынет.

Убедившись, что конфликт улажен, Миллисент прошла в магазин к сестре. В магазине никого не было. Лилиан в ожидании покупателей раскладывала на витрине конфеты. Услышав шаги, она, не оборачиваясь, спросила.

– Ну, как?

– Всё в порядке, – Миллисент устало присела на выступ прилавка. – Признаться, я испугалась. Но индеец оказался разумным.

– Почему было не дать им уйти? – недоумённо пожал плечами Лилиан.

– Лилли! – умоляюще простонала Миллисент. – Здесь уйма причин. Белые строители обойдутся намного дороже. И вспомни, для чего мы затеяли эту пристройку. Кто из цветных пойдёт в магазин после такого скандала?

– Конечно, ты права, Милли, не сердись. Я потом схожу на них посмотреть, хорошо?

– Хорошо. Но ради бога, Лилли, будь осторожна.

– Ну, разумеется, Милли. Конечно, рядом с тобой я дурочка, но не настолько же. Но они действительно хорошо работают?

– Не знаю, Лилли. Во всяком случае, они очень стараются, это видно.

– Всё-таки это рискованно.

– Наш бизнес, – усмехнулась Миллисент, – был риском с самого начала. А разве русские поставки не риск?

– Но риск оправдался.

– Конечно, Лилли. Я надеюсь, оправдается и этот.

– Разумеется, оправдается. Успокойся, Милли. Ты их кормишь на кухне?

– Да. Бьюти им подаст.

Лилиан закончила украшать витрину и подошла к сестре.

– Да, вот о чём я подумала. Надо бы достать список русских праздников. И посылать в комендатуру поздравления.

– Ты умница, Лилли! И надо ещё узнать о специфических русских лакомствах.

– Конечно, Милли. Сейчас пойдёт мода на все русское.

Сёстры сидели рядом и слушали тишину в доме.

Ленч оказался вкусным и достаточно сытным. У Андрея разгладилось и помягчело лицо. Но мулатку он теперь в упор не замечал, разговаривая только с Эркином. Девушка тоже не

старалась завести беседу, молча подавая на стол. По некоторым приметам Эркин догадался, что в доме есть ещё рабы, помимо мулатки, но в кухню никто не заходил, только пару раз открылась внутренняя дверь, и мулатка еле заметным, но понятным Эркину жестом показывала, что занята.

Поев, они ушли на стройку.

– Ну, давай, – Андрей рывком перевёл дыхание, – до темноты опоры сделаем, завтра легче пойдёт.

Эркин кивнул и поднял брус.

– Заноси.

Сладко пахло свежим деревом и тёплой весенней землёй. Они уже втянулись в работу, когда пришла мулатка и встала рядом. Они пробовали не обращать на неё внимания, но она не уходила. И Андрей, ещё резко, отрывисто, но начал разговор.

– Ну, чего вылупилась?

– Я... – она вздохнула. – Я не хотела вас обидеть...

– Это хозяйка тебя прислала извиняться? – усмехнулся Эркин.

– Вот ещё! – дёрнула она плечом. – Что я, сама не понимаю! А хозяйка... Вот ты ругаешься, – посмотрела она на Андрея. – А они, знаешь, какие добрые!

– Их много что ли? – Эркин не любил рабскую привычку говорить о хозяйке или хозяине за глаза «они» и не упускал случая поиздеваться над такими, и за глаза послушными.

– Ну да, – мулатка заулыбалась. – Они сёстры. С вами мисси Милли говорила, а мисси Лилли в магазине.

– Везёт нам на сестёр, – улыбнулся Эркин.

– Сравнил! – Андрей ещё хранил остатки гнева, но это было уже напускное. Он посмотрел на мулатку, улыбнулся и уже по-другому спросил. – И чем они торгуют, красавица?

– А ты откуда мое имя знаешь? – ответила она вопросом.

После обеденного инцидента она явно причислила его к цветным и болтала с ним по-своему.

– Чего? – не понял Андрей.

– Ну, меня так зовут, Бьюти.

– Подходит, – одобрили они в два голоса.

Она польщённо заулыбалась и даже кокетливо стрельнула глазами. Но неопределенно, ни к кому особо не обращаясь. И вдруг исчезла.

– Добрая хозяйка идёт, – шёпотом прокомментировал Эркин, и Андрей тихо засмеялся в ответ.

Но пришли обе хозяйки. Повосхищались их работой. Эркин пропустил их восторги мимо ушей, Андрей, правда, вступил в разговор, но тоже достаточно сдержанно.

– Ну вот, – Эркин вбил последний гвоздь и выпрямился. – Ты как?

– Готов, – откликнулся Андрей и обернулся к все ещё стоящим здесь хозяйкам. – На сегодня всё, леди.

– Да-да, конечно, – защебетали они, но он их перебил.

– Мы завтра с утра пораньше придем.

– Хорошо, – Миллисент спокойно, как о само собой разумеющемся, сказала. – С нас завтрак и ленч. Так?

Андрей переглянулся с Эркином и кивнул. Конечно, раз они работают целый день, то кормить их должны дважды. Андрей собрал инструменты, и они ушли.

Из центрального квартала они постарались выбраться побыстрее. Вечер только начинался, и маячить здесь, рискуя нарваться на свору, было попросту глупо.

– Заплатят в конце? – решил уточнить Эркин.

– Да. По сделанному. – Андрей внимательно посмотрел на него. – Перекрутишься?

– Не проблема, – отмахнулся Эркин. – А ты?
– Я за неделю плачу, – охотно ответил Андрей. – Как раз с больничного стеллажа и рассчитался.

– Вперёд платишь?

– Да. И без работы. Только деньгами, – похвастался Андрей. – Дорого, правда. А ты как?

– Я с работой, – пожал плечами Эркин.

– Можно и так, – согласился Андрей. – Это уж как сможешь.

Эркин кивнул.

– Завтра тогда прямо сюда, так?

– Так, – кивнул Андрей. – Чтоб засветло начать. Бывай?

– Бывай.

К дому Эркин подошёл уже в темноте. В окнах горели огни. По военной привычке многие на ночь задёргивали плотные шторы, но уже не так тщательно, и узкие щели казались очень яркими. Эркин нашёл взглядом окна Жени. Не щель, а целая полоса. И виден силуэт стирающей женщины. Надо будет задёрнуть. Усталость придавливала плечи. Как всегда, она настигала его на лестнице, но стоило ему сбросить сапоги, ставшие по тёплому времени слишком тяжёлыми, умыться под внимательным взглядом Алисы и сесть за стол... ну, за едой он никогда не спал.

Женя, увидев его, улыбнулась, и, хотя с ходу начала выговаривать, что он ушёл в грязной рубашке, ему этого приветствия было достаточно.

– Мойся и иди ужинать. А рубашку давай сюда, замочу.

Он отдал ей рубашку, но в комнату не пошёл. Из белой леди, нарядной и... и немного чужой, она уже стала прежней... Золушкой.

– Ты чего? – подняла на него глаза Женя. – Иди, поешь.

– Я не голоден, – ответил он. – Женя... мы нашли большую работу. Заплатят хорошо, но когда кончим. Это несколько дней. Сейчас у меня только вот... две кредитки. А завтра я буду только на той работе, – Эркин перевёл дыхание и осторожно спросил. – Это ничего?

– Конечно, ничего, – засмеялась Женя. – Работай спокойно. А я сегодня спала до полудня. Вот, только сейчас взялась. А ты почему сигареты не взял? Ну, поменять.

– Забыл, – Эркин сел на корточки перед плитой, заглянул в топку. – Подложить?

– Не надо. Я уже заканчиваю. Ну, ужинать не хочешь, так чаю попьёшь? С куклами.

– Попью, – улыбнулся он. – А почему ты говоришь ужинать? Ведь это обед.

Женя сначала не поняла, а потом рассмеялась.

– Я же русская, Эркин. У нас обедают днём. А вечером ужинают.

– А ленч?

– Нет, ленча нет. Есть полдник, ну между обедом и ужином.

– А как это, – Эркин секунду помедлил перед вопросом. – Как это по-русски?

И старательно повторил за Женей русские слова.

Женя и раньше замечала, как он ловит в её речи русские слова, старается догадаться об их смысле, повторяет, пробует вплетать в свою речь. Но открыто спросил впервые.

Эркин подправил поленья в топке и подошёл к окну. Тщательно расправил плотную тёмную штору.

– Зачем? – удивилась Женя. – Война же кончилась.

– Чтобы с улицы не видели, – сразу ответил он.

Женя медленно выпрямилась, стряхнула с рук воду. Он стоял у окна спиной к ней, глядя в тёмно-синюю ткань, будто что-то мог там увидеть. Женя подошла к нему и обняла его сзади, ткнулась лбом ему между лопаток.

– Ох, Эркин, Эркин.

– Я... я что-то не так сказал? – тихо спросил он.

– Нет, всё так. Всё так, – повторила Женя, чувствуя, что сейчас заплачет.

И разжав объятия, даже как-то оттолкнувшись от него, сказала уже совсем другим тоном.

– Чайник закипел. Пошли чай пить, потом закончу.

За чаем Женя опять завела разговор о сигаретах. Алисе дали их пересчитать, и результат заставил Эркина даже присвистнуть. Набралось изрядно.

– Вот и выменяешь себе штаны, – решила Женя.

– Эти же крепкие, – недоумённо вскинул он на неё глаза.

– Будешь их каждый день таскать, заносишь, – возразила Женя. – И стирать их пора. Голым в город пойдёшь, что ли?! Рубашки ты же меняешь, мне и стирать легко, – выдвинула она решающий, как предполагала, аргумент. – А с ними возни на полдня.

– Сам постираю, – буркнул он. – За ночь высохнут.

– Не дури. Не штаны, так ботинки сменяй. А сапоги до зимы оставь.

– На ботинки не хватит, – решительно возразил он.

– Тогда штаны, – голос Жени исключал варианты.

К полному удовольствию Алисы, Эркин скорчил самую почтительную гримасу.

– Да, мэм, слушаюсь, мэм.

– То-то, – рассмеялась Женя.

– Закончим работу, поменяю, – уже серьезно сказал Эркин, – раньше я на рынок не попаду.

– А что за работа? – поинтересовалась Женя.

– Пристройка к магазину.

– Да-а? Это на Мейн-Стрит?

– Почти. Сзади, – он попытался изобразить что-то руками. – Ну, магазин на Главной, потом дом, а на заднем дворе пристройка к нему. Как второй магазин.

– Ага, – кивнула Женя, – понятно. И кто же это строится? Чем торговать будут?

– Ну-у, – он замаялся. – Не знаю. Андрей договаривался. А! Служанка там, говорила, что хозяйек две, мисси Лилли и мисси Милли, – он изобразил восторженную интонацию мулатки.

Женя засмеялась.

– Тогда я знаю. Это кондитерская. Зачем им второй магазин? – пожала она плечами. – Но так-то они хорошие. Кукол этих я у них покупала.

Эркин повертел белого сахарного медвежонка и катнул его по столу в сторону Алисы. Как бы сказать, предупредить Женю? Вдруг она обидится? А! Была не была!

– Женя, я видел их. Они приходили смотреть работу. Они... они всё высматривают. Хвалят, шумят, но... но они всё видят и... и ты сам не замечаешь, как о себе говоришь. Ты... ты поосторожней с ними, – и нагнулся над чашкой, пряча лицо.

Женя протянула руку и осторожно погладила его по затылку.

– Спасибо, родной, – и вдруг засмеялась так озорно, что он невольно ответно заулыбался, морща шрам на щеке. – Знаешь, о чем я подумала?

– Ну?

– Они, наверное, тоже сейчас чай пьют и вас обсуждают. Ну, тебя с Андреем.

Она продолжала смеяться, но Эркин невольно поёжился, представив эту картину. Он от такого ничего хорошего не ожидал.

Женя шутила, не подозревая, насколько она близка к истине.

Они пили не чай, а кофе. В маленькой уютной гостиной потрескивали поленья в камине, из кухни доносилось тихое пение старой Нанни. Она всегда пела за чисткой серебра. Мисс Лилли и мисс Милли, Лилиан и Миллисент Шеппард, сидели в креслах перед камином, между креслами на маленьком круглом столике изящный кофейный сервиз на двоих. Бьюти хотела разлить кофе по чашкам, но Миллисент остановила её.

- Спасибо, Бьюти, можешь идти спать.
- Да, мэм, – Бьюти изобразила нечто среднее между поклоном и реверансом. – Спокойной ночи, мисси Милли, спокойной ночи, мисси Лилли.
- Спокойной ночи, Бьюти.
- Наступил тот час, когда сёстры отдыхали, перебирая и обсуждая события дня.
- Всё-таки после бала можно было и не открываться, Милли. За весь день ни одного покупателя.
- Мы открыты всегда! Мы сами выбрали этот девиз, Лилли, и отступать нельзя.
- Да, конечно. Мы всю войну не закрывались.
- Ну, Лилли, мы войны толком и не видели.
- Бог спас, Милли.
- Да, Бог спас.
- Миллисент отпила глоток. Не так уж много истинных радостей в жизни, чтобы отказывать себе в маленьком удовольствии. Хороший кофе был слабостью сестёр.
- Какая все-таки странная пара, – Лилиан задумчиво смотрела в огонь.
- Да, – Миллисент сразу поняла, о ком идёт речь. – Белый и индеец. И ты заметила, Лилли, белый договаривался о плате, инструменты его, но индеец не подчиняется ему. Они действительно напарники. В прямом смысле.
- Да, это видно. Но, Милли, может он цветной или из «недоказанных»?
- Ну, по виду он чисто белый. И ни один «недоказанный» не будет на равных с индейцем. Кстати, и ни один нормальный индеец не будет так держаться с белым.
- С нормальным белым.
- Да, Лилли. И одежда... Армейская рубашка, сапоги и куртка рабские.
- У индейца рубашка магазинная.
- Да, и из неплохого магазина. И ты заметила штопку? Я не знаю, кто в городе умеет так штопать.
- Он мог её получить за работу.
- Да, конечно. Но почему белый таскает с собой куртку, а индеец нет? Оставил на квартире? Они не похожи на бездомных.
- Да, но живут раздельно. Белый вчера, когда договаривался, был один. Они помолчали, наслаждаясь кофе. Лилиан вздохнула.
- Но как же он красив.
- Да, и шрам его совсем не портит.
- Лилиан засмеялась.
- Без шрама он походил бы на спальника.
- Лилли! – Миллисент опустила чашку на колени. – Ты умница! Конечно же, он спальник.
- Индеец-спальник?!
- Ну конечно! Вспомни, как он двигается, как носит одежду. Конечно, это редкость, но может, он именно поэтому и уцелел.
- Но, Милли! С такими руками и спальник?!
- Он, наверное, уже до капитуляции был на другой работе. Хотя не представляю, зачем держать спальника и не использовать его. И сейчас... ну, там, где он живёт, он спальником не работает.
- Ты права, Милли, иначе бы он никогда не нанялся на стройку.
- Значит... – Миллисент задумчиво прикусила губу, – значит... Нет, не могу представить, кто ему мог дать жильё и не использовать.
- Ну, – осторожно сказала Лилиан, – это не обязательно... белая. Они могут жить и в Цветном квартале.

– Для Цветного квартала они слишком чисты. Там так не следят за одеждой. И стирают они не сами, им стирают. А индейцу и гладят.

– Да, я заметила. Милли, шрам у него свежий, не так ли?

– Да. Значит, он перестал быть спальником не из-за шрама. Как ты думаешь, Лилли, могут они... быть парой?

– Нет, Милли. Тогда бы они и жили на одной квартире. И... и обращение было бы другое. Ну, с Бьюти.

– С ней заигрывал белый.

Лилиан негромко засмеялась.

– Индейцу она тоже понравилась. Но он уступает её белому. Нет, Милли, между ними совсем другие отношения.

– Кстати, белый тоже красив.

– Я бы сказала, обаятелен. И кажется, он моложе индейца. Ненамного, но моложе.

– Они оба пришлые. Белого бы мы увидели и раньше, а в нашем Паласе, – Миллисент лукаво подмигнула сестре, – индейцев не было, не так ли?

Лилиан ответила смущённой улыбкой. Миллисент долила себе и сестре кофе и выключила спиртовку под кофейником.

– Интересно, Милли, сколько они провозятся с пристройкой?

– Ну, завезти товар мы успеем.

– Хотелось бы открыть к Дню Матери.

– Ты думаешь, цветных это волнует?

– Милли, посмотри на Нанни и Бьюти. Вспомни, когда мы купили Бьюти, как изменилась Нанни. Она даже придумала Бьюти отца и рассказывала мне, да и тебе, Милли, о своих приключениях с неким, – Лилиан с удовольствием рассмеялась, – гостившим у нас джентльменом. Она даже забыла, что родила всего однажды от дядюшкиного кучера-черныша и то мёртвого мальчика. Десятая дочь – дочь по закону. Мы даже не говорили ей ничего, вспомни. Она сама спросила, и ты кивнула. И для неё всё решилось. И Бьюти... как она любит Нанни, зовет её мамой, и верит, действительно верит, что Нанни её мать.

– Да легковерие цветных, Лилли, меня иногда изумляет. Они готовы верить всему, что скажет им белый.

– Не думаю, чтобы этот индеец был столь же легковерным.

– Но индейцы вообще сильно отличаются от негров. И ты заметила, он отвечает только на прямые вопросы. И то не на все. Отмалчивается он неплохо.

– А белый отшучивается. Они стоят друг друга, Милли.

– Да, разговорить их трудно. Да и стоит ли? Если они действительно живут у кого-то в белых кварталах, мы и так всё скоро узнаем.

– Ты знаешь, Милли, я думаю, Бьюти сможет узнать побольше. От неё они так таиться не будут.

– Как знаешь, Лилли. Но посмотрим.

– Конечно.

Лилиан допила кофе, Миллисент заботливо накрыла сервиз и остатки пирожных вышитой салфеткой.

– Позвони Нанни, – попросила она. – Пусть уберёт. Я оставила пирожных.

– Да, конечно, – закивала Лилиан, – пусть побалует Бьюти.

О бале они не говорили. Миллисент дала сестре полный отчет ещё утром. Самое главное – знакомство с комендатурой – было сделано, как они любили: изящно и ненавязчиво.

Женя проснулась ночью от странного чувства. Что-то менялось. Не в ней, в окружающем. Что? Дождь? Нет. Она осторожно, чтобы не разбудить Эркина и Алису, села на кровати. В

комнате было темно и тихо, тёплой сонной тишиной. Но что-то же разбудило её. Что? Это не опасность. В этом незримом и неслышном изменении не было ничего тревожного. Нет, страх она узнавала в любом обличье, это что-то другое. Какое-то напряжение в воздухе. И не снилось ей вроде ничего такого...

Женя осторожно встала. Чуть было не пошла привычным путём мимо печки, но вовремя вспомнила и остановилась, едва не наступив на Эркина. Слава богу, кажется, не разбудила. Глаза уже привыкли к темноте, и она благополучно обогнула стол и вышла на кухню. На ощупь нашла ведро с водой и напилась прямо через край. Алису она за это ругает, а сама...

Прежнее напряжение не отпускало. И она осторожно отогнула расправленную Эркином штору. Бело-голубой лунный свет ударил её так, что заломило глаза. Луны не видно, она по другую сторону дома, но здесь всё залито этим светом, каждый камушек виден. И что же это с ней такое? Нет, надо лечь спать, завтра, а может уже и сегодня на работу. Надо ни на что не обращать внимания и лечь спать. Всё-таки балы выбивают из равновесия. Такое нарушение привычного ритма... И тут же стало смешно. Балы! Как будто их у неё было много! Нет, тогда бы они определяли ритм. Нет, надо заставить себя. Не девочка, слава богу, мать семейства.

Какой-то звук заставил её приникнуть к окну. Что это?! Не ветер, не шаги, не... словно кто-то неслышно, неощутимо, заметно только для неё, прошёл мимо дома... И тут она поняла и с трудом сдержала смех. Ещё отец говорил: «Время идет неслышно, но его можно услышать. Один раз весну, один раз лето, один раз осень. Только зиму не дано услышать». Пришла весна? Так это она слышит приход весны? Но она же уже слышала её. Или в тот раз была... было что-то другое?

Женя тщательно расправила штору и пошла в комнату. Подошла к Алисе. Она ничего не видела, но знала, что Алиса, конечно, разметалась во сне, и не ошиблась. Алиса только сонно вздохнула, когда Женя укрыла её. Прислушалась к дыханию Эркина. Спит. Как же он устал, если её шаги не разбудили его. В бреду лежал, а отзывался на каждое её движение. Пусть спит. Женя подошла к своей кровати и легла, натянула на плечи одеяло. Тёплый мягкий кокон, убежище от всех превратностей мира...

Эркин проснулся, когда Женя ещё сидела на кровати. Он слышал, как она прошла на кухню, возилась там с окном... Женя легла, и он осторожно перевёл дыхание. Изображать спящего бывает трудно. Что-то встревожило Женю? А может, ей просто захотелось пить. В полнолуние плохо спится. Да ещё и весна. Он лёг поудобнее. Тело ломит уже меньше, не так, как в первые дни, и всё равно, поворочаешься, пока хорошо не ляжешь. Стоит закрыть глаза, и стояки, доски, блестящая на солнце бело-жёлтая древесина... Он попробовал расслабиться, как когда-то, в паласной камере. Вроде удалось. А теперь спать. Женя затихла. Спит. Можно и ему... спать... встать надо пораньше. А то Андрею придётся в одиночку начинать...

Женя ещё раз прислушалась. Уже сквозь сон снова услышала – да, это ей не почудилось. Вот оно опять. Осторожные вкрадчивые шаги времени...

...Он пошёл провожать её. Нет, они просто гуляют. Весенний прохладный парк, голубеющее небо и матовые луны фонарей. Хэмфри ведет её под руку, властно прижимая её локоть к своему боку.

- Вы волшебница, Джен. Я ещё не встречал такой.
- Вы это всем говорите, Хэмфри? – смеётся она. – Или выборочно?
- Только вам. Ведь это правда.
- Спасибо.
- Это я должен благодарить вас, Джен.

Нет, она понимает, насколько это банально и избито. Тем более в устах Хэмфри Спенсера Говарда, богача и красавца, отпрыска одного из лучших семейств Империи. Скольким он это говорил, и все ему верили. Верит и она. Она всё понимает, но хочет верить и верит. Он ведёт

её по парку студенческого городка так уверенно, будто он здесь хозяин, а она гостья. А ведь это она... нет, Хэмфри везде и всегда хозяин.

– Правда, красиво, – она пытается поддерживать светский разговор, когда они выходят на смотровую площадку над рекой.

– Вы лучше.

Обсаженная клёнами площадка пуста. Под деревьями густая тень, ещё ночная, непроявленная, а на площадке уже серый предзвездный сумрак. Отсюда действительно открывается очень красивый вид, но Хэмфри не даёт ей выйти из-под деревьев. Его руки не грубо, но властно разворачивают её, и она сжата его объятиями. Руки у него такие сильные, что все её попытки освободиться сводятся к какому-то жалкому трепыханию. Рот Хэмфри принакает к её рту, его губы сильнее. Своим ртом он открывает её рот, так что соприкасаются зубы, и она вдруг ощущает чужой твёрдый язык, раздвигающий её зубы, проникающий внутрь, толкающий её язык куда-то назад. Ей трудно дышать, она крутит головой, но его губы словно присосались к её рту, а сильные руки приподняли её, она упирается ладонями в его грудь, тщетно пытаясь отстраниться, но он сильнее. Подкашиваются ноги, она на грани обморока, когда он отпускает ее.

– Хэмфри...

– О Джен, вы такая пьянящая, любой мужчина потеряет голову.

Он очень доволен.

– Хэмфри, вы сошли с ума.

Он откровенно смеётся, хотя слова его по-прежнему вежливы.

– С вами, Джен, и ради вас.

Он все-таки довёл её до жилого корпуса, но они столько раз останавливались и целовались, что, когда она вошла в свою комнату, её уже заливало утреннее солнце. Его поцелуи утомили её больше танцев. И она чувствовала себя такой разбитой. Глупая провинциальная неумеха, неспособная даже оценить такого кавалера. Но он оставил ей свою карточку и предложил встретиться. И она согласилась...

...Эркину удалось встать и переделать всё, не разбудив Женю. Перед уходом он осторожно подошёл к ней. Она спала, свернувшись на боку и подсунув под щеку одеяло. Ей что-то снилось: она досадливо морщила лоб, но тут же её лицо разглаживалось и становилось безмятежно чистым. Эркин тихо опустился на колени у её изголовья, так что их лица теперь были на одном уровне.

Сколько он видел спящих женских лиц. Но у неё совсем другое лицо. Лицо девочки, отдыхающей во сне от замучившего её мира. Чтобы не потревожить её взглядом, он опустил веки и смотрел на неё сквозь ресницы. Любое слово твоё – закон. Убью, украду, сам умру по первому твоему слову. И белёсую эту дылду, раз ты его выбрала, признаю хозяином. Тебе было хорошо с ним, ты смеялась, я слышал твой смех, так смеются счастливые, будь же счастлива с ним, но... но прости меня, пока ты не скажешь, я не уйду, я буду цепляться за этот дом, как ни за что не цеплялся, приму любое унижение и боль, но сам, по своей воле, я не уйду, только если ты скажешь...

Женя вздохнула во сне, повернулась на спину, и он отпрянул, легко выпрямился и встал. Ему пора, уже совсем светло. А ей можно ещё немного поспать. Пусть спит. Он бесшумно прикрыл за собой дверь, соскользнул по лестнице, не задев ни одной скрипучей ступеньки, и так же бесшумно вышел во двор. Калитка тоже не подвела: не скрипнула, не стукнула.

И убегая по утренней быстро наполнявшейся золотистым светом улице, он не слышал, как задрезжал старый будильник, стоящий для громкости в пустой тарелке.

Женя села и огляделась. Губы болели, будто она наяву опять целовалась с Хэмфри. Ну его, сколько лет уже не снился, и надо же, опять... Она нахмурилась. Эркин уже ушёл, что ли, не слышно его осторожной возни на кухне.

– Эркин, – позвала она.

Ей ответила тишина. Значит, ушёл. Да, он говорил про большую работу. Но может хоть вернётся сегодня пораньше, до темноты. Надо будет купить сегодня... мяса, пожалуй. На такой работе надо есть, как следует. И сегодня он не отвертится своим: «нас кормили». Ну чем его накормят эти птички, старушки кондитерские? Мама готовила отцу мясо. Мясо даёт мужчине силу. Как бы ни было трудно... Мамы не ошибаются.

Женя встала, накинула поверх рубашки халатик.

– Алиса! Вставай, уже утро.

Алиса, не открывая глаз, потёрлась щекой об угол одеяла, как всегда подсунутый под щёку.

– Вставай, – повторила Женя и побежала на кухню.

В плите горел огонь, и у чайника уже подрагивала крышка, а кастрюля с кашей сбоку, чтобы прогрелась не подгорая. Женя улыбнулась. Он даже просохшее за ночь бельё снял и сложил в корзину. Хэмфри в голову бы не пришло что-то сделать для другого, он если что и делал, то только для себя. Женя брезгливо передёрнула плечами. Нашла, кого с кем сравнивать!

– Алиса, ты встанешь, наконец? Вечером её в постель не загонишь, утром не поднимешь.

Алиса, не слыша подлинной строгости, заняла что-то притворное.

Андрей уже перебирал мокрые от росы брусья, когда Эркин перепрыгнул с разбега каменную изгородь.

– Долго зорюешь! – встретил его Андрей.

– Долго что? – уточнил Эркин, взбираясь на кладку и пробуя поставленные вчера опоры.

– Спишь утром долго, – перешёл на английский Андрей.

– Ага, – согласился Эркин. – Смотри, не перекосили?

– Сейчас на распор поставим, – отмахнулся Андрей. – До завтрака остов кончить не сдохнуть. И обшивать начнём.

– Не надорвись, – посоветовал Эркин. – Спешка нужна, знаешь, когда?

– Когда? – заинтересовался Андрей.

– Когда чужой кусок заглатываешь, пока не отобрали.

– А побьют?

– Побьют, а из горла не вынут, – ухмыльнулся Эркин. – Тише гогочи, старух разбудишь.

Опять допрос устроят.

Андрей внезапно оборвал смех и помрачнел.

– Не видал ты допроса настоящего, вот и треплешься. Ну, пошёл?

– Пошёл.

Вовсю гомонили птицы. Раздувая юбку, пробежала Бьюти, стреляя в их сторону чёрными влажно блестящими глазами. Андрей мимоходом пустил ей вслед такую фразу, что Эркину пришлось отложить молоток, чтоб за смехом по себе не садануть. Вышла на заднее крыльцо толстая негритянка, напомнившая Эркину Тибби из имения, главную повариху на рабской кухне, перед той все рабы на полусогнутых ходили, но эта поважнее, видно и для хозяев готовит. Негритянка хмуро посмотрела на них, пожевала толстыми губами и ушла вперевалку.

Солнце уже припекало, когда Бьюти прибежала звать их на кухню.

Там их ждали кружки с дымящимся кофе и сэндвичи. Толстая негритянка, ворча, громыхала у плиты посудой. На Эркина она посмотрела весьма неласково, а Андрея так в упор не замечала. Видимо, его белая кожа и светлые глаза казались ей оскорблением всей белой расы. Как же, белый себя не помнит, индейца за ровню считает! Её возмущение так смешило

Андрея, что он поперхнулся, и Эркину пришлось стукнуть его по спине. Старуха взревела что-то несообразное, Андрей задохнулся смехом, кое-как допил кофе, вылетел во двор и уже там захохотал в полный голос. Эркин допил свою кружку и встал.

– За еду спасибо, – сказал он широченной спине, – а так-то ты зря. Он хороший парень.

Последнее он сказал специально, чтобы поддразнить её. Но результат превзошёл все ожидания. В него полетела какая-то кастрюля. Не очень большая. Так что Эркин поймал её на лету, поставил на стол и последовал за Андреем.

– Ублюдок краснорожий! Белый ему парень! Да раньше бы тебе всю спину за такое вспо- роли! – гремело ему вслед.

– Вот и вступиайся за тебя! – веселился Эркин.

Рабская ругань его и раньше не трогала, тем более такая. А старуха... а что с неё взять? Навидался он таких. Они и во сне рабы. В имении тогда...

...Тибби не ушла. Сбежала было, боясь наказания за разорённую кладовку, а потом вер- нулась и ещё хотела заставить его вернуть хлеб, что он к себе переташил. А когда он увидел приторные рожи кое-кого из лакеев, что тоже вернулись и стали порядок наводить да хозяев поджидать, тогда и решил уйти. В рабской кладовке взял себе новую куртку, штаны, шапку. В разорённой, развороченной хозяйской гардеробной отыскал тёмную, чтоб в глаза не кидалась, рубашку. Сапоги у него были крепкие, и портянки, их решил не менять. И всё чего-то тянул с уходом. Приготовленная одежда лежала в его закутке, на нарах Зибо, а он в старом рабском тряпье всё хлопотал, доил, кормил, чистил... Пока не услышал шум мотора во дворе. Выгля- нул, и сразу потянуло по позвоночнику, свело ознобом спину. Вернулись! Хозяин, хозяйка, младшая дочка, сын, старшей дочери, стервы поганой, нет, или не заметил. И за рулем Гре- гори. Переждали, значит, сволочи, и вернулись. Всё, что хозяйке желали, её спальник полу- чил, вещи били, ломали, потому что их не перехватили. Это пока они офицера вопросами донимали, эти сволочи дёру дали. И вернулись. Машина разворачивалась по зимней холодной грязи. Он отступил от двери и пошёл заканчивать дойку, а то коровы уже беспокоиться начали. По неистребимой рабской привычке он напился из подойника и понёс молоко телятам. За этим и застал его Грегори.

– Вот уж кого не думал увидеть.

Как всегда, он, если его впрямую не спрашивали, предпочитал молчать.

– И смотрю, порядок у тебя... как положено. Только, – Грегори хмыкнул, – только удои никто не записывал.

Он, не оборачиваясь, переходил от стойла к стойлу, наливал в поилки молоко. А Гре- гори стоял сзади, у двери, и всё говорил, говорил. Он не слушал. Заглядывал ли Грегори в закуток? Если увидел приготовленную одежду... Какой же он дурак. Надо было всё бросить и бежать со всеми, потом бы уж... или с отработочными... Звал же Клеймёный. Ну, побили бы, поиздевались, но не убили бы... Тишина за спиной заставила его оглянуться. Грегори ушёл. Он быстро плеснул молока в оставшиеся поилки и, бросив тут же ведро, побежал в закуток. Всё цело. Он сел на нары и посидел немного, переводя дыхание. Что ж, уходить так, как есть, но уходить. Он собрал приготовленную одежду и пошёл в рабскую душевую. Лакеи и прочая домашняя сволочь мылась каждый день. Дворовым душ полагался раз в неделю, а то бывало и реже. Проходя через двор, бросил короткий взгляд на Большой Дом. Вроде, в одном из окон мелькнуло лицо хозяйки. Ладно, не вечно она будет там торчать. Он ещё тогда, в первый день, как им объявили свободу, решил, что уйдёт во всё́м новом, отмывшись от налипшей, нарос- шей за эти годы грязи. К ней привыкал тяжело. Вода шла еле-еле. Он яростно отскрёбывал голову, отплевываясь от едкой пены. Раньше ещё он сунулся было в хозяйскую ванную, но там был полный разгром. Всё разбито, испакощено, кровь на полу и стенах... спальников терзали. Парня замордовали в первый же день, а девчонка, слышал, дольше держалась. Тогда и к нему пробовали лезть на скотную. Он через дверь пообещал выпустить быка, и те убрались. Отмыв-

шись, он вытерся чистым мешком – они так и лежали для дворовых в углу. Домашние принесли свои тряпки. Переоделся. Всё старое так и бросил на полу. И вышел во двор. Распахнутые ворота – их со дня Освобождения не закрыли, а одну створку ещё тогда сорвали с петель, и она валялась в стороне. Так что и не закроют.

– Масса Грегори, масса Грегори, Угрюмый бежит! – заверещали за спиной, когда до ворот ему шага четыре оставалось.

Он не узнал кричавшего, такая злоба накатила, даже не обернулся, но голос надзирателя заставил его остановиться.

– Угрюмый! Иди сюда!

Он медленно повернул голову. Грегори стоял на заднем крыльце. Будто и не было ничего, будто всё как раньше.

– Иди сюда, – повторил Грегори.

И он покорно, опустив голову, пошёл на зов.

– Идём, – Грегори держался обеими руками за свой пояс, засунув большие пальцы в кольца креплений. Будто сам себя держал за руки. Всё, как всегда. Только на поясе нет плети. – Иди за мной.

Он молча повиновался. Грегори привёл его в знакомый, памятный с того первого дня кабинет. Только теперь хозяева стояли посередине. Потому что сидеть было не на чем.

– Вот, – Грегори легонько подтолкнул его вперёд. – Вот, это Угрюмый. Единственное место, где что-то сохранилось, это скотная. Угрюмый всё в порядке держал. Коровы, телята – все здоровы. И молока не так уж много пропало. Он им телят поил. Так что на кормах получилась экономия.

– О какой экономии вы говорите?! – хозяйка нервно ломала руки. – Всё разбито, поломано. Всё, всё пропало! Мы разорены, а вы говорите об экономии!

– Успокойтесь, дорогая, – вступил хозяин. – По крайней мере, уцелел дом. И мы все.

– Дом?! – гнев хозяйки нашёл другой адрес. – Разве здесь можно жить?

– Миледи, – вмешался Грегори. – Я говорю о скотной. Если бы не Угрюмый, ни молока, ни мяса бы не было.

– Да, конечно. Дорогая, Грегори прав. Пару телят можно забить уже сейчас, не правда ли, Грегори?

– Да, милорд.

– А пока... Вы отправили молоко на кухню?

– Да, милорд. Детей уже напоили. Порки что-нибудь придумает с обедом.

Он угрюмо смотрел в пол, не понимая, зачем его привели и заставляют всё это слушать.

– Дорогая, успокойтесь ради бога. И не так он много выпил этого молока!

– Да?! Да вы посмотрите на его рожу! Мой Бог, он же вашу рубашку взял! Вор! Вы хоть это видите?!

Желтые дощечки паркета, исцарапанные, грязные. Сапоги Грегори, ботинки хозяина, лакированные туфли хозяйки...

– Миледи, вы позвали меня восстановить хозяйство. Я согласился, но прошу вас не мешать мне. И неужели старая рубашка и бидон молока, ну, два бидона, больше за это время даже индеец не выпьет, более ценны, чем порядок на скотной?

– Ну, хорошо, – в голосе хозяйки прозвучала усталость. – Пусть остаётся на скотной. Я не против.

– Вот и отлично, – обрадовался Грегори. – Давай, Угрюмый, благодари. А все условия потом обговорим.

– Какие ещё условия?!.. – начала хозяйка.

И осеклась. Потому что он поднял голову и посмотрел ей в лицо. Сразу ставшее каким-то вылинявшим, бесцветным. Хозяин попятился от его взгляда, сунул руку в карман пиджака. Но

он повернулся и, обойдя застывшего Грегори, пошёл к выходу, и жёлтый паркет трещал под его сапогами. Сзади что-то кричала хозяйка, ей возражал Грегори, но ему уже было всё равно...

...Эркин улыбнулся воспоминанию. Солнце грело вовсю, и он снял рубашку, повесил рядом с курткой Андрея. Та самая рубашка. Андрей ухмылялся во весь рот, показывая щербины между крепкими белыми зубами.

– Ты что?

– А ты чего? Молчишь и лыбишься. Вспомнил чего?

– Да. – Эркин счастливо улыбнулся. – Освобождение. Как из имения ушёл. Я в имении был, скотником.

– Ты ж говорил...

– Это ещё до имения. Меня по пьянке купили, ну и сунули в скотную. Там и пахал до Свободы.

Андрей захохотал.

– По пьянке и не то бывает.

– А у тебя как было?

– Что?

– Ну, Освобождение?

Андрей внезапно помрачнел, насупился.

– Обыкновенно. Работаем или треплемся?

– Работаем, – пожал плечами Эркин.

Не хочет говорить, не надо. У каждого своё. И не нарочно заденут, так всё равно больно. С крышей пришлось повозиться.

Ели, уже не замечая ничего, хотя кормили хорошо. По большому куску жареного мяса с картошкой. Старуха опять ворчала насчёт обнаглевших, что господскую еду жрать норовят, а благодарности от них не дождёшься. Но им было не до неё. И не до Бьюти, что так и крутилась возле них. Потом пристала вдруг к Эркину, почему у него спина без клейм, чистая.

– Моюсь часто, – огрызнулся он.

– А номер? – не отставала она.

– А руки не мою!

Обиделась и отстала. Так и должен он каждому объяснять, что у него и откуда?!

И всё-таки они сделали эту чертову крышу! Двухскатную. Навели стропила и скрепили их брусом, который Андрей называл по-русски коньком. Эркин разулся, чтобы сапогами не повредить брусью, и полез наверх. Андрей ему снизу подавал доски, и он накрыл коробку потолком.

– Крышу давай.

– Поперечины сделаем, а завтра кровлю натянем. Вон рулон лежит.

– Ну, давай так.

Хозяйки сегодня не показывались. Только, когда они уже собирали и укладывали доски и брусью, подошла одна из них.

– На сегодня всё, мэм. – Андрей собрал свой ящик и выпрямился. – Завтра снаружи закончим.

– Хорошо. Большое спасибо, – она улыбалась ласково, а её глаза внимательно шарили по их лицам и одежде. – Вот, возьмите.

Андрей покосился на две тёмно-жёлтые зернистые плитки у неё в руках и посмотрел на Эркина.

– Ты как?

Эркин застегнул рубашку, заправил её в штаны и посмотрел на Андрея, осторожно перевёл взгляд на хозяйку. Её улыбке он не доверял, но решил рискнуть.

– Это в счёт платы, мэм?

– Нет-нет, – она засмеялась. – Это премия. Вы так хорошо работаете.

– Спасибо, мэм.

– Спасибо, – повторил за ним Андрей, забирая свою плитку.

– Скажите, – она так это сказала, что Эркин заинтересованно посмотрел на неё. – Скажите, вам очень нравится, когда вас просят что-то взять?

Её хитрая улыбка и безупречная вежливость вопроса помимо его воли вырвали у него ответ.

– Нет, мэм. Но кто хватает первый кусок, получает и первую оплеуху.

– Оо! Браво! Отлично сказано.

Странно, но её восторг показался ему искренним.

Тетрадь шестая

- Лилиан быстро прошла в магазин. Миллисент уже закрыла дверь и подсчитывала кассу.
- Милли.
  - Да, Лилли, они ушли?
  - Да, я их отпустила. Милли, это невероятно!
  - Что именно?
  - У индейца рубашка, ты заметила?
  - Я заметила, что другая. Ну же, Лилли, не томи.
  - Во-первых, она из настоящего крепа, во-вторых, на ней метка «Лукаса», а в-третьих, – Лилли хитро улыбнулась. – Это форменная рубашка Старого Охотничьего Клуба.
- Миллисент всплеснула руками.
- Не может быть! «Лукас»... У нас на весь город нет ни одного, кто бы носил вещи от «Лукаса».
  - А члены Старого Охотничьего Клуба у нас есть? И чтобы клубную форму заказывали у «Лукаса».
  - Невероятно!
  - Она чистая, пуговицы подобраны в тон, но не форменные. Поэтому не сразу заметно.
  - Кто-то следит за его одеждой.
  - Да. Есть ещё детали. Но это потом, Милли.
  - Конечно. Но это становится интересным. А белый?
  - Как вчера. Он каждый день рубашки не меняет.
  - Может, у него просто нет сменных?
- Лилиан пожала плечами и устало облокотилась о прилавок.
- Да, я дала им по плитке «зёрнышек».
  - И как?
  - Взяли, конечно. Но, похоже, они не знают, что это такое.
  - Интересно. Индеец – понятно...
  - Да, раз уж зашла о нём речь, Милли. У него номер раба, а клейм на спине нет.
  - Раб по рождению? Для индейца странно. Но... но для спальника нормально.
  - Да. А белый? Он-то должен знать о «зёрнышках». Это же самое дешёвое из лакомств, дешевле ковбойских конфет.
- Похоже, – усмехнулась Миллисент, – у белого тайн и странностей не меньше, чем у индейца.
- Миллисент быстро закончила с кассой и убрала деньги.
- Да, кажется, совсем недавно я считала, что ничего интересного для нас уже нет. Что мы всё обо всех и обо всём знаем.
- Лилиан засмеялась и обняла сестру.
- Милли, когда не будет интересного, ты его выдумаешь. И знаешь, я тут думала. О русских. Ну, их праздники, вкусы и так далее, нужно расспросить Джен Малик. У неё ещё дочка «недоказанная».
  - Да, знаю. Она ведь русская. И очень мила. Кстати, стоит намекнуть ей, что она может заходить к нам с девочкой.
  - Кстати, дочка белее матери.
  - Ещё одна тайна для меня? – засмеялась Миллисент.
  - Специально для тебя, – поддержала шутку Лилиан. – Три задачи сразу лучше, чем по очереди.
  - Не лучше, а интереснее, Лилли.

Женя аккуратно разделила плитку на три части. Разлила чай. Алиса хитро исподлобья следила за Эркином, и, поймав этот взгляд, он не склонился над чашкой, а поднес её ко рту. Алиса вздохнула: сослаться на Эркина не удастся – и села прямо. Женя улыбнулась.

Мирное вечернее чаепитие. Эркин сидит, опираясь локтями о стол и держа двумя руками чашку перед лицом. Дышит паром. Но чашка мешает ему видеть Женю, и он, отпив, ставит её на стол.

– Бери «зёрнышки». Ты не пробовал раньше?

– Нет. Там, – он головой показывает куда-то за стены комнаты, и Женя догадывается, что речь идёт о Паласе. – Там такого не было.

– А что было?

– Ну-у, шоколад, плитками, конфеты с ликёром, с бренди... – он пожал плечами, припоминая. – Вино с фруктами...

– Вкусно? – заинтересовалась Алиса.

– Не знаю, – смущённо признался он. – Чего-то не пробовал, только видел, а что пробовал... совсем не помню, – и улыбнулся Жене. – Апельсины помню.

– Два больших или три маленьких, – засмеялась Женя. – Я тоже помню. Очень холодные.

Алиса недоумённо посмотрела на них, но быстро переключилась на «зёрнышки» Эркина. Он отщипнул уголок и всё, больше не ест. Она уже потянулась к плитке, но её остановил строгий взгляд матери.

– И перестань её баловать, – не менее строгие слова были обращены к Эркину. – Тебе тоже нужно сладкое.

Как всегда, он не стал спорить, только опустил ресницы на секунду и решительно взял свою долю, разломал пополам, половину кинул в рот, а другую подтолкнул к Алисе. Только в опущенных глазах, да в силе, с которой он разломал плитку, и проявилось его недовольство. Но Женя столь же решительно повторила его операцию со своей плиткой, правда, ей пришлось взять нож, и «лишнюю» она положила перед Эркином.

– Ты работаешь. Тебе надо сладкое.

– А ты? – вскидывает он на неё глаза. – Ты не работаешь?

Женя только улыбнулась в ответ. И её улыбка тут же отозвалась его улыбкой.

Потом, уже когда Алиса крепко спала, а он лёг, Женя, пробираясь в темноте к своей кровати, вдруг присела на корточки у его постели, осторожно ошупью погладила по голове.

– Ёжик мой, знаешь, как приятно делиться.

Он легко перехватил её руку, прижал к своему лицу и тут же отпустил.

– Кто я?

– Ёжик, – повторила она. – Чуть что, сворачиваешься клубком и колючки выставляешь.

Он ждал, что она опять... дотронется до него, ждал, хотел и боялся этого. Но Женя встала и пошла к себе. И если б он лежал не на полу, он бы и не услышал ничего, так бесшумны были её шаги. Чуть скрипнула кровать, зашуршало одеяло. И еле слышное сонное дыхание.

Эркин потянулся под одеялом, высвободил руки. Днём уже жарко, и вечером без куртки не замёрзнешь. Уже не весна, лето почти. Летом дров колоть не надо, хотя если на зиму закупают... Летом другая работа... Он закинул руки за голову и улыбнулся тому, как легко, без боли в правом плече, удалось это сделать. Совсем хорошо зажило. Зудит иногда внутри, но разотрёшь – и нормально. И щека чешется. Особенно когда вспотеешь. Но повезло ему, конечно, сказочно. В жизни так не везёт. Чтоб из такой заварухи и целым выскочить. С пристройкой работы ещё дня на три, не меньше. Крышу надо делать сейчас. А то в дождь все зальёт. А дождя давно не было. Странная весна. То льёт без перерыва, то сушь такая же. Как в то лето, когда Грегори забрал его со скотной гнать бычков на бойню...

... Второе лето подряд хозяева покупали весной стадо бычков, лето их пасли на свободе, а осенью гнали на бойню. На второе лето Грегори спьяна разругался с другими надзирателями, отказался от сменщика и взял троих рабов. Двоих рабов и отработочного. Его, круглолицего смешливого Шоколада, а отработочного звали... Джефф, да Джефф. У него кончался третий год отработки, и парень из кожи был готов вылезти, лишь бы отработать до конца и получить свободу. Тогда он и научился ездить верхом. Грегори взял лошадей для всех, да ещё две лошади для выюков и подмены. Двойное стадо получилось. Грегори ездил ловко, а они все в первый раз сели верхом, и Грегори в своё полное удовольствие наиздевался над индейцами, которые с конём не могут справиться. Шоколад в первый же день сбил лошади спину, и Грегори его так выпорол, что парень долго спал только на животе. Он потихоньку подсматривал, как сидит на лошади Грегори, и подражал ему. А как сообразил и приспособился ловить движения лошади и подстраиваться под них – дело пошло куда лучше. День за днём, ночь за ночью бычки, лошади и они. Не видя людей, ночуя у костра – Грегори ставили палатку. Грегори беспощадно влеплял плетью или кулаком за каждую оплошность, но показательных порок не устраивал. Да и перед кем выпендриваться, перед бычками? Каждое утро один из них оставался у костра, Грегори называл это лагерем, и он долго не мог привыкнуть и боялся окрика: «Пошёл в лагерь!» – да и не он один. Грегори заметил это и остававшегося звал лагерником. Их страх забавлял его. Лагерник убирал, следил за костром, стряпал из выдаваемых Грегори утром продуктов. Вечером лагерник подавал в палатку обед, Грегори раздавал им хлеб и варево, и один уходил к стаду на ночь, а двое отсыпались. Ночной с утра оставался в лагере и мог отоспаться днем. Этого порядка Грегори придерживался железно. И в них так вбил, что, когда кончились продукты и Грегори, отчаянно ругаясь непонятными словами, потом он уже узнал, что это русская ругань, взял вьючную лошадь и уехал на трое суток, они это время жили без него, но по тому же порядку. Правда, варево было совсем пустым, но Джефф нашёл какую-то траву, и они жевали её сырой, заливали кипятком и пили горький, отбивающий голод отвар, да палатка Грегори так и простояла эти три дня с наглухо застёгнутым пологом. И трепались они в эти дни... Без умолку. Не слушая друг друга, не соображая, что несут, даже сами с собой. Он как раз кипятил на костре этот отвар, когда вернулся Грегори. Подъехал почти к костру и остановил коня. Сдвинул свою широкополую шляпу на затылок и одним движением глаз охватил свою запылённую палатку, их куртки чуть в стороне под кустом, крохотный костерок и булькающий котелок для рабского варева. Он подошёл принять поводья, Грегори слез с коня и молча пошёл к себе в палатку. Он снял вьюки и положил их у входа в палатку. Вьюки тяжёлые. Если там продукты, то надолго хватит. Он хотел вернуться к лошадям, но Грегори из палатки кинул ему свой кофейник. И пришлось бежать за водой для кофе к роднику. Правда, пока он бежал, Грегори сам расседлал и отпустил лошадей. Он поставил кофейник на решётку и подложил дров. Вода в роднике холодная, пока закипит, Грегори может и влить. Но Грегори убрал вьюки в палатку и возился там, пока на кофейнике не запрыгала крышка. И сам вышел и сел у костра. Хотя и раньше днём такое случалось. Но он видел, что Грегори какой-то не такой, и предусмотрительно держался в стороне.

– Оседлай Бурого, – бросил ему Грегори, не глядя на него и сосредоточенно засыпая в кофейник тёмно-коричневый, почти чёрный порошок.

– Да, сэр.

На Буром, неприглядном, но выносливом коньке обычно ездил он. Грегори не мешал им, когда они седлали, и как-то само собой получилось, что у каждого был свой конь. И приказ Грегори задел его. Мог взять и Примулу, общую подменную. Но он не послушался, привёл Бурого и заседлал его седлом Грегори. Седло и уздечка у каждого свои, и менять их Грегори не разрешал. Грегори налил себе вторую кружку, когда он подошёл к костру.

– Ну?

– Готово, сэр.

Грегори отставил кружку и встал. Шагнул было к Бурому и вдруг повернулся, наклонился над рабским котелком, откуда уже тянуло травяным запахом.

– Это что ещё за пакость?

– Трава, сэр, – осторожно ответил он.

– Что ещё за трава?! Ну-ка, покажи!

– Вот, сэр, – он вытащил из кармана и протянул Грегори стебель, от которого всё утро понемногу отщипывал и жевал листочки.

Грегори взял стебелёк, осмотрел, размял в пальцах, понюхал... И вlepил ему такую оплеуху, что он покотился по земле, едва не угодив в костёр. Вторым пинком Грегори сбил с решётки и перевернул котелок.

– Додумались, идиоты!

Лёжа на земле, он следил за сжимавшими плеть руками Грегори. Ударит или пронесёт? Пронесло. Грегори швырнул стебелёк в костёр и, пригрозив на прощание:

– Ещё раз увижу, пузырьчатка раем покажется, – легко вскочил на Бурого.

Предназначавшийся ему удар достался Бурому. Нахлестывая коня, Грегори ускакал к стаду, а он, невольно постанывая от звона в ушах, потащился за водой уже с котелком. Он только успел вернуться, поставить котелок на огонь и унести подальше от лагеря собранную траву, как вернулся Грегори и с ходу стал перетряхивать их куртки, потом велел ему поднять руки и обыскал, обшарил всего.

– Я вас, чертей, знаю, – бормотал Грегори. – Когда нельзя, так вам надо.

Ничего не найдя, Грегори успокоился.

– Ну, Угрюмый, твоё счастье, что выкинуть успел. Смотри, я не шучу.

Потом Грегори отмерил ему щедрую порцию сорной крупы для их варева и дал хорошей крупы и мяса для своего обеда. И тут заметил так и стоящую у костра свою недопитую кружку. Он хлопотал у решётки, но краем глаза поймал удивлённую усмешку Грегори.

– Ишь ты, какой гордый.

В голосе Грегори не было злобы, но слова о гордости для раба слишком часто оборачивались наказанием, и он, ожидая удара, втянул голову в плечи, но отойти от костра не рискнул.

Грегори выплеснул остывший кофе в огонь, и ему пришлось подправлять костёр. А Грегори ушёл в палатку и вернулся с двумя толстыми ломтями хлеба. Между ними лежал ломоть копчёного жирного мяса. Не спеша, так, чтобы он не мог не видеть, Грегори налил полную кружку, отпил глоток, откусил чуть-чуть самый край сэндвича, накрыл им кружку и отошёл на шаг. Как положено: господскую еду раб может только доест за господином. И желая дать рабу такую еду, господин должен хоть надкусить, хоть губу омочить и оставить еду в досягаемости. Он понял: Грегори угощал его. И он медленно подошёл, взял сэндвич и поднял кружку, вдохнул запах, от которого закружилась голова. Грегори вскочил на Бурого и уехал к стаду. Он успел заметить, что задний карман у Грегори оттопырен, похоже, хлебом, так что Джефф и Шоколад тоже сейчас получают. Грегори уже если угощал, то всех, любимчиков не было. И вlepлял кулаком или плетью тоже поровну. Он сел на землю и не спеша, смакуя каждый кусок, гоняя во рту каждый глоток, ел, стараясь растянуть, продлить наслаждение. А вечером, когда они уже наелись небывало густого варева, Грегори вышел к ним из палатки. Они сразу повскакали на ноги. Оглядывая их ярко блестящими в свете костра глазами, Грегори начал с того, что обругал их как никогда, и только потом перешёл к делу.

– Разбираться, кто из вас первый до такого додумался, я не буду. Все вы олухи друг друга стоите. В глаза смотреть! – они подняли головы. – Голод она забивает, это верно. А к осени вы на Пустыре валяться будете. Поняли, тупоголовые? – Грегори посмотрел на Джеффа с заплывшим свежим синяком глазом и недобро улыбнулся. – Скажете, кому на Пустырь охота, я ему сам целую охапку дам. Всё ясно?

– Да, сэр... Да, масса, – дружно ответили они, невольно косясь на плеть, которой поигрывал Грегори.

– Надо бы вам всем по мягкому влечь. Три дня потерпеть не могли. Но считайте это за мной. К следующему разу прибавлю. А теперь пошли вон. Кто ночной? Джефф? Чтоб я тебя не видел! А вы двое дрыхните.

– Да, сэр.

– Да, масса.

Любое приказание должно встречаться согласием...

...Эркин, не открывая глаз, перекатился на бок, и вздохнул. До рассвета ещё далеко, можно спать дальше. Грегори был не самой большой сволочью, бывали гораздо хуже, и пошутить любил, хотя от иных его шуток в озноб бросало, как тогда...

... Пастба заканчивается. Жухнет трава, дожди стали холодными. Подростшие, отяжелевшие бычки медленно идут по размешанной копытами и колёсами грузовиков дороге. За недалёким леском шоссе, бетонка, но Грегори не захотел гнать стадо среди машин, и они второй день тащатся под мелким холодным дождём. Зато бычки кормятся до последнего дня. До последнего своего дня нагуливают мясо. Блестят мокрые спины бычков, блестит кожаная куртка Грегори.

– А ну веселей! – покрикивает надзиратель. – До бойни совсем ничего осталось.

Но сам останавливает стадо у развилки.

– Сгоните в низину, пусть покормятся.

Какая кормёжка! Они же сейчас на жвачку залягут, потом умучаешься поднимать. И до вечера ещё далеко. Но не им указывать. Они заворачивают стадо, и бычки неохотно, толкаясь, спускаются в низину. Грегори сам спутывает и пускает вьючных лошадей и легко вскакивает на своего тёмно-гнедого Пирата.

– Поехали!

А стадо без присмотра? Но... это дело Грегори. И они скачут за надзирателем по неширокой – видно, не часто ездят – дороге. Дорога петляет среди деревьев, на поворот вперёд не видно. И серый глухой забор в два роста с колючей проволокой поверху возникает перед ними внезапно. Калитка-дверь, и у калитки крохотный, низкий рядом с забором домик-будка. Весёлый, свежеекрашенный, блестящий от дождя. С кружевной занавеской и цветами в окне. Из-за забора глухой слабый то ли стон, то ли вой множества голосов. И они догадываются, куда их привезли, и не хотят верить догадке. Грегори спешивается и идёт к калитке. Ему навстречу из будки выходит седой хромающий белый в старой армейской форме.

– Жив ещё! – приветствует его Грегори.

– Твоими молитвами, – ухмыляется Хромой.

– Как дела?

– Хреново. Полный застой. Если только ты подкинешь.

– По товару глядя, – смеётся Грегори.

– Ничего интересного нет. Честно.

– Верю. Я посмотрю.

– Смотри. Погляд бесплатен.

Они слушают, затаив дыхание, страстно желая, чтобы о них забыли, в упор не заметили. Но Грегори взмахом плети подзывает их, и они покорно спешиваются, привязывают лошадей к коновязи сбоку от мощёной площадки для автомобилей и подходят.

– Вот и приехали, – Грегори улыбается им. – Это Пустырь, понятно?

– Да, сэр.

– Да, масса.

Они отвечают тихо, почти беззвучно, но Грегори удовлетворён. Пустырь – место, куда свозят больных, ослабевших, состарившихся рабов, если хозяину лень или неохота самому

убить бесполезного едока, и те здесь без еды и питья ждут. Смерти или чуда. Потому что любой белый, заплатив сторожу за вход сущую мелочь, может забрать себе любого из них. Здесь конец каждого раба. И отработочного, если он не успел отработать свой срок и стал бесполезным.

– Я с ними зайду, – говорит Грегори.

– А выйдешь? – ухмыляется Хромой.

– Там видно будет, по обстоятельствам, – Грегори говорит серьезно, слишком серьезно, но им не до таких тонкостей. – Может, и поменяю.

– А-а, – понимающе кивает Хромой. – Бывает, – и открывает калитку.

Несильными, но точными пинками Грегори вталкивает их, входит следом и с лязгом захлопывает калитку. Их оглушает разноголосый вой, шёпот, крик, стоны.

– Возьмите меня, масса...

– Меня...

– Я сильный, масса...

– Я могу работать...

– Масса...

Они так и остаются стоять у калитки, не решаясь отойти от неё. И смотрят, как Грегори неспешно ходит между обнажёнными, дрожащими или бессильно распротёртыми телами, блестящими от воды. Вот носком сапога Грегори катнул, отодвигая с дороги, голову с обильной сединой в коротких курчавых волосах. И все эти... тела, обтянутые кожей костяки, или распухшие, в гноящихся ранах и рубцах, тянулись к Грегори, протягивали трясущиеся руки, некоторые пытались встать, и Грегори щелчком плети укладывал их.

– Нет... не надо... нет...

Кто это шепчет? Джефф, Шоколад, или он сам? Они сбились, прижались друг к другу и к забору. И то ли дождь, то ли слёзы текут по лицу. А Грегори уже идёт к выходу и, не глядя на них, проходит к калитке, стучит рукояткой плети. И калитка открывается. Грегори шагает через порог. А они как во сне, в оцепенении не смеют ни крикнуть, ни шевельнуться. И в последний момент Грегори машет им. И толкаясь, чуть не сбивая друг друга с ног, они выскакивают наружу, бегут к лошадям, одним духом взлетают в сёдла... Он ещё видит, как Грегори отсчитывает Хромому деньги, даёт пачку сигарет и о чём-то говорит. Потом не спеша подходит к Пирату, привычно ловким движением взмывает в седло. И вот они уже скачут за Грегори обратно, к стаду, к жизни. И тут Грегори оглядывается на них и останавливает коня. Останавливаются и они. Оглядев их, Грегори вдруг говорит:

– Вы что, решили, что и вправду вас там оставлю? – и начинает хохотать. – Это ж сколько у меня бы Говарды вычли?! Ну, вы идиоты! Ну и ну!

И всю дорогу до стада и потом Грегори то и дело хохотал, радуясь удавшейся шутке...

...Женю разбудил еле слышный стон. И ещё толком не проснувшись, она сорвалась с кровати, нагнулась над Эркином, затеребила его.

– Эркин, что с тобой, Эркин?

Он тяжело со всхлипом перевёл дыхание. Она нащупала его голову, провела ладонью по мокрому щеке с выпуклым горячим шрамом.

– Же-ня, – он снова всхлипнул, – это был сон, Женя...

– Ну конечно, сон, – она гладила его по волосам, по лицу. – Только сон, Эркин. Ничего, всё хорошо. Ну что ты, родной, – и чувствовала, что плачет сама.

Он поднял руку и нащупал её лицо, погладил по щеке.

– Не надо, Женя. Я просто... просто вспомнил...

Она прикрыла ему рот рукой.

– Не надо, не рассказывай. Тогда забудешь.

Вдруг он тихо рассмеялся.

– Я о тебе шесть лет молчал и не забыл.

Как они угадали со временем! Только закончили обшивать пристройку, как зарядил дождь. На весь день. То моросит, то припустит. Но они уже работали внутри. Делали внутреннюю обшивку, полки, прилавок, угловую скамью у двери... Работали не спеша, подгоняя доски по узору. Дверь они держали настежь, и запахи сырости, свежей мокрой листвы и травы мешались с запахом древесины. Внутренняя дверь, ведущая из пристройки в дом, была до них. Они считали её запертой и не обращали на неё внимания. Груда досок и брусьев стала совсем маленькой.

– С головой рассчитано, – сказал Андрей, когда они занесли в пристройку последние доски, чтоб те не мокли попусту.

Эркин молча кивнул. Обрезков почти не остаётся.

Маленький горбатый негр с морщинистым и каким-то перекошенным лицом разбирает каменную изгородь напротив входа в пристройку и делает дорожку от пролома к крыльцу. Бьюти называет его Уродиком. Округлив глаза, она шептала, что пять лет назад мисси Милли забрала его с Пустыря, Уродик молчит или бурчит что-то неразборчивое, и работает он в саду и во дворе, а спит в сарае с инструментами, а в дом никогда не заходит, а еду ему носит она или Нанни, её мама. Пока они ставили коробку и обшивали её снаружи, Уродик не показывался, а ушли они внутрь – завозился.

– А Бьюти боится его, – хмыкает Андрей.

– Такого испугаешься, – пожимает плечами Эркин. – После Пустыря, как после Оврага, уже не человек.

Андрей только вскидывает на него глаза и молча кивает.

Бьюти уже рассказала им, что это будет магазин для цветных и торговать в нём будет она. Мисси Лилли с ней даже счётом занимается. Они охотно болтали с ней о всяких пустяках. Кухарка, правда, по-прежнему тряслась от негодования, видя их за одним столом, но до швыряния посуды больше не снисходила. Заходили к ним почти каждый день ближе к вечеру то одна, то другая хозяйка. Обязательно восторгались. Словно невзначай расспрашивали. Эркин сразу замыкался, переходил на извечно рабское: «Да, мэм», – а Андрей отпускал такую шутку, что белые леди краснели, хихикали и исчезали. Но премию – какими-то сладостями, каждый раз новыми – они получали каждый вечер. И однажды на улице, когда они уже отошли так, что их не услышат, Эркин сказал:

– А они этим, – он повертел большую конфету в виде листа, – они проверяют нас.

– А на кой хрен им это? – дёрнул плечом Андрей. – Чего они хотят?

– Не знаю. Но они дают и смотрят.

– Как мы берём?

– Ну... – Эркин замялся, не зная, как передать смутное чувство, – ну-у, может... ну как мы их разглядываем.

– Зачем?

– Не знаю, – он остановился и как-то беспомощно посмотрел на Андрея. – Ты-то чего думаешь?

– А ничего, – Андрей переложил свой ящик из руки в руку. – Смотрят точно. Будто выслеживают нас. На шмоне так смотрят.

– Где?

– На обыске лагерном! – тихо рявкнул Андрей. – Но зачем им?!

– Пошли, – Эркин дёрнул его за рукав. – Не маячь.

– Сам остановился. Пошли.

Квартал они прошли молча.

– Ладно, – Андрей ловко сплюнул сквозь зубы в середину лужи. – Последний день завтра. И пусть они горят... огнём разноцветным.

Из-за дождя рано стемнело, намокшая куртка давила на плечи. И страх, страх перед непонятным, да нет, что ж тут непонятного? Белые были и остаются врагами, его врагами. Эркин шёл домой, устало волоча ноги, сгорбившись. Он чувствовал, что надвигается какая-то опасность, и только не мог понять, где и когда она ударит его. Нет ничего опаснее внезапного удара.

Женя, только взглянув на него, бросилась греть ему чай, заставила выпить малины. Он вяло со всем соглашался и взбунтовался только после её слов о ночлеге на кровати. Упрямо нагнув голову, на этот раз он не промолчал. Его короткое: «Нет», – было настолько жёстким, что Женя поняла: настаивать бесполезно.

– Ну, как хочешь.

И тогда он поднял голову. Посмотрел на Женю, на Алису и снова уронил голову на сцепленные руки. И сидел так, пока Женя убирала со стола и укладывала Алису.

Женя дождалась, пока Алиса заснула, не беспокоя его. Потом села рядом и мягко положила руку ему на шею.

– Что с тобой? Что-то случилось?

Эркин поднял голову, но не повернулся к ней, а смотрел прямо перед собой. Женя видела его сцепленные, сжатые до белизны на костяшках пальцы, неподвижное застывшее лицо, только шрам на щеке темнел, наливался кровью. Она молча ждала, не убирая руки. Наконец он смог ответить.

– Пока ничего, – и повторил. – Пока ничего не случилось.

И повернулся к ней. Его лицо смягчалось, отходило на глазах.

– Я... я просто устал от них. От их вопросов. Что им нужно от меня? От Андрея? Подсылают эту, Бьюти, чтобы та выпрашивала. Неужели им мало, что я работаю на них? Чего им ещё?

– Они не злые, – задумчиво ответила Женя. – И они расспрашивают всех. И обо всех. Ты думаешь это опасно?

Эркин молча кивнул.

– Ты извёлся весь, – рука Жени мягко, ласково лежит на его шее, соскальзывает на плечо. – Скорей бы кончилась эта работа. Так?

– Так, – он кивает осторожно, чтобы не стряхнуть эту руку, от тепла которой утихает внутренняя дрожь, что не от холода, а от страха. – Мы с Андреем так старались найти долгую работу. Чтоб каждый день не искать. А теперь... Когда долго на одном месте работаешь, о тебе там много знают.

– Они не злые, – повторяет Женя. – Даже их... – она запинается, не желая произносить слово «рабы», и он опять кивает, показывая, что понял, о ком идёт речь, – не ушли от них.

– Да, я видел. Они остались рабами.

И вдруг улыбается и осторожно, еле касаясь, снимает большим пальцем слезинку с угла её глаза.

– Ничего. Там один день остался. Я выдержу. Зато получу много-много. Куча аж до неба.

И Женя смеётся и подыгрывает его хвостовству.

– Так много дадут?

– Да, – он склоняет голову набок, трётся щекой о её руку на своём плече и заканчивает разговор по-русски любимой присказкой Андрея. – И догонят, и добавят.

Они заканчивали работу. День был ещё пасмурный, но тучи иссякли, и через затягивавшую небо сероватую плёнку просвечивала местами голубизна, и солнце ощутимо грело. Уродик закончил дорожку, ловко пересадил кусты живой изгороди, сделав подобие аллеи, и исчез.

Они стояли посередине пристройки, оглядывая свою работу.

– Ну вот, – тихо сказал Андрей, – выдюжили.

Последнее он сказал по-русски, и Эркин не переспросил новое слово, а кивнул и ответил.

– Всё-таки выдержали.

И тут открылась в глубине за прилавком та дверь, о которой они и думать забыли, и в магазин вошли обе хозяйки, а за ними Бьюти.

– Всё готово? – спросила Миллисент.

Вопрос был не нужен. Что она, сама не видит? Но Андрей ответил.

– Да, мэм. Принимайте работу, мэм.

О, на этот раз не было старушечьей бестолковой болтовни и суетливых восторгов. Рачительные и внимательные хозяйки, знающие все тонкости и секреты...

Миллисент улыбнулась.

– Вы хорошо поработали.

– Спасибо, мэм, – серьёзно ответил Андрей.

– Если не ошибаюсь, – улыбка Миллисент стала лукавой, – это ваша первая стройка?

– Всё когда-то приходится делать в первый раз, мэм.

– Да? И справляетесь?

– С рождением своим я справился, мэм, хоть это было и впервые.

Лилиан с удовольствием рассмеялась.

– Вы молодец, Эндрю. Милли, работа выполнена.

– Да, конечно.

Миллисент высвободила руки из-под шали, и они увидели две аккуратные пачки денег. Эркин напрягся. Конечно, он слышал от Андрея, сколько им заплатят, но не представлял, что это будет такая толстая пачка. Он и не подозревал, что Миллисент и Лилиан накануне специально подбирали мелкие купюры, чтобы плата выглядела внушительнее. Его напряжение не ускользнуло от Лилиан, и она улыбнулась. Миллисент поймала эту улыбку и ответила ей кивком.

– Держите. Поровну, не так ли?

– Да, мэм, – кивнул Андрей, забирая пачку.

Эркин молча взял свою.

Миллисент дождалась, пока они спрячут деньги, и сказала.

– А теперь идите за мной.

Эркин и Андрей быстро переглянулись, но последовали за ней в белую дверь.

По недлинному коридору они прошли в комнату, заставленную коробками и мешками на полу и на полках. Сладкие душные запахи делали воздух ощутимо густым и плотным.

– Выбирайте, – Миллисент широко повела рукой. – Вы закончили работу, и сегодня большая премия.

Они это тоже придумали вчера с Лилиан. Действительно, пусть парни сами выберут. Это и хорошая награда, и их выбор даст им новую информацию.

Андрей растерялся, но Эркин, знавший эти ловушки ещё по питомнику и не раз в Паласах видевший, что делали с поповшимися, ответил:

– Дайте сами, мэм.

Миллисент и Лилиан переглянулись. Он сказал это тихо и вежливо, как положено, но в этой просьбе была сила отказа, и Миллисент распорядилась.

– Дай пакеты, Бьюти.

Лилиан кивнула, сразу подхватив мысль сестры. Бьюти подала два больших пакета из плотной бумаги с веревочными ручками. И Миллисент решительно пошла по кладовке, кидая в пакеты из каждой коробки, из каждого мешка.

Эркин стоял, привычно потупившись, чтобы не травить себе душу видом господской еды, а Андрей озирался по сторонам и вдруг подтолкнул локтем Эркина.

– Смотри!

Эркин поднял голову, поймал взгляд Андрея и посмотрел туда же, куда смотрел Андрей.

Золотисто-жёлтые толстые кольца были нанизаны на верёвку, и целая гроздь таких связок висела на стене.

Эркин пожал плечами и вопросительно посмотрел на Андрея.

– Это же сушки, Эркин. Понимаешь, sushki!

Незнакомое слово ничего не объяснило. Лилиан, стоявшая за их спинами в дверях, торжественно улыбнулась. И Миллисент поймала её улыбку и мимоходом, будто невзначай кивнув, сняла две связки. По одной каждому.

Когда Бьюти увела парней, Миллисент засмеялась.

– Итак, он русский.

– Да, Милли. Всё-таки выдал себя. Как хорошо, что мы успели получить товар от Горьятшеффа.

– Да, вышло очень удачно. Но если он из угнанных, то почему он ходит в рабской куртке? Угнанные не теряли расу, у них были... синие, да синяя форма. И почему остался здесь, не вернулся на Русскую Территорию?

– Каждое решение порождает несколько новых задач, Милли, не так ли? – рассмеялась Лилиан.

Миллисент серьёзно кивнула.

На улице Андрей сразу залез в пакет и выломал из связки сушку. Кинул в рот.

– С ума сойти! Настоящие сушки. Я их... да тыщу лет не видел.

Эркин усмехнулся.

– Однако не поскупились.

– Ну, так мы и наломались. Неделю, считай, без отрыва. Завтра на рынок, так?

– Так, – кивнул Эркин. – У меня сигарет набралось, сменять хочу.

– Дело, – согласился Андрей. – Да, парням нужно поставить. Такой заработок обмывать положено.

– Всех поить, никакого заработка не хватит.

– Всех и не будем. А пару бутылок поставить надо.

– Пару ладно, потяну.

– С обоих пару. И жратвы хоть какой на закусь.

– Идёт, – кивнул Эркин. – Деньги сейчас?

– Завтра разберёмся. Неохота на улице пачку тереть.

Они шли рядом по пустынной вечерней улице, редкие прохожие никак подслушать их не могли, но говорили они привычно тихо. Квартал белый, мало ли что...

Когда несёшь заработок, дорога совсем другая. Эркин бы бегом побежал, если б не боялся, что у пакета оборвутся ручки. Пакет он предусмотрительно нёс картинкой с буквами к себе. Тот приятно пружинил в руке, и стоило Эркину представить, как Алиса будет его потрошить, у него начинали морщиться в улыбке губы, и приходилось ещё ниже наклонять голову, чтобы скрыть от встречных лицо. А то нарвёшься ещё.

Жени ещё не было. Он поставил пакет в кухне на стол, разжёл плитку и пошёл в комнату, выложил на комод деньги. Алиса ходила за ним, рассказывая на ходу обо всём сразу. Он кивал, а ответы его Алисе всё равно не нужны. Она и Жене так рассказывает. Женя что-то с утра затевала со стиркой, воды всего полбака осталось, и грязная лохань полна. Пока вынес и вылил лохань и принёс чистой воды, стемнело.

Эркин опустил шторы и расправлял их, когда пришла Женя. Алиса налетела на неё со своим обычным шквальным рассказом, правда, особое место в нём занимал «пакет Эрика».

Увидев знакомый фирменный пакет и улыбающееся лицо Эркина, Женя поняла – закончили! И закончили благополучно. Он весь так и сиял, с трудом сдерживая счастливую улыбку, но вслух только сказал, указав Жене глазами на пакет.

– Премия. А деньги я на комод положил.

Женя кивнула.

– Поедим и посмотрим твою премию, – предназначалось это в первую очередь Алисе, потому что та уже залезла с ногами на табуретку, встала на ней и пыталась заглянуть в пакет. – Ты ещё на стол залезь!

Женя стащила её с табуретки и шлёпнула. Эркин на мгновение отвёл глаза. Он знал, конечно, что шлепок – это совсем не больно, да и не сделает Женя никогда больно никому, тем более Алисе, и сам он в имении, да и раньше – в Паласе, питомнике, в распределителях, да мало ли где ему приходилось сталкиваться с детьми – широко использовал подзатыльники и лёгкие пинки, но что-то, что-то мешало ему принять это так легко, как принимал всё, что делала и говорила Женя.

После ужина Женя принесла чай и улыбнулась Эркину.

– Ну, неси свою премию.

Эркин принёс из кухни пакет и, недолго думая, вытряхнул его содержимое на стол. Алиса восторженно взвизгнула, а Женя засмеялась.

– Вот это да! Всего надавали.

– Да, – засмеялся Эркин. – Ходила по кладовке и из каждой коробки одну мне, одну Андрею.

Алиса хваталась то за одно, то за другое. Конфеты, печенье, вафли, какие-то пакетики из фольги и хрустящего прозрачного целлофана, фигурки из сахара и шоколада, помадка... Эркин сам растерялся перед таким богатством. Он узнал плитку шоколада, маленькие шоколадные бутылочки с ликерами, ещё что-то... Но остальное было ему незнакомо. И он не сразу заметил молчание Жени. А заметив, обеспокоено посмотрел на неё.

Женя сидела, прижав к лицу связку этих... сушек. Почувствовав его взгляд, она отвела руки от лица и улыбнулась.

– Домом пахнут...

Эркин замер. И Андрей так радовался им, и Женя...

– Сушки? – осторожно спросил он по-русски.

– Да, – Женя, всё ещё улыбаясь, положила связку на стол. – Мама покупала к чаю. Да, это сушки.

– Да-а?! – сразу влезла Алиса. – Это ты ела, когда была маленькая? Как я?

– Да-да, – Женя медленно возвращалась к действительности. – Сейчас дам.

Но сушки Алисе не понравились.

– Конечно, шоколад лучше, – подмигнула Женя Эркину.

Она пересмотрела весь ворох, оставила на столе одну из маленьких пачек печенья и по конфете каждому и решительно убрала остальное. Алиса хныкнула, но Женя уже стала строгой мамой.

– Нельзя за один вечер всё съесть. Вот. Тебе клубничка, Эркину с шерри-бренди, а мне с ликёром.

– Да-а, а почему?

– Мала ты ещё для ликёра, – засмеялась Женя и утешила. – Фантики все тебе, – и пояснила Эркину, – fantik это обёртка.

Он кивнул.

Уже ночью, лёжа под одеялом, он всё ещё ощущал на губах и нёбе вкус густой и чуть острой жидкости и шоколада. Вкус этот он знал. Такие конфеты были в Паласе. Их заказывали редко, только кто побогаче, и однажды ему перепало. С тех пор он и помнит...

...В этот Палас он попал недавно. Палас был дорогой, и спальников меняли часто. В ту смену его отправили в парти-зал, зал для вечеринок. Работа в парти-зале держала тебя в напряжении всю смену. Пока одна из леди не уведёт тебя в кабину, ты не в отстойнике, а в зале, поёшь, ухаживаешь, танцуешь. Леди вдоволь наиграются и навеселятся, перебирая партнёров,

пока не пойдут с кем-то наверх, да ещё надо угадать, как ей хочется: вести тебя, идти рядом, или чтоб ты её ташил, а иной и преследования захочется... Словом, в парти-зале вертись, не зевай. Зато и перепадало там больше, чем в обычном: и клиентки побогаче, и шикануть им охота. Иные леди любят угощать. Но вот взбрѣдет им групповухой прямо на столах заняться, деваться некуда, работаешь где велели, а за битую посуду... нет, леди платят, но им-то все равно надзиратели потом полным пайком отвешивают. Так что, парти-зал по-всякому может обернуться. В тот раз надзиратель выдал ему гитару, и было чуть легче. Он устроился на перилах лестницы, идущей по стене из зала в кабины, и пел попеременно с Саем, которого усадили за рояль на крохотной эстраде в дальнем углу. Когда Сая утаскивали тискаться, он спускался в зал, ходил, наигрывая, между столиками, если леди делала знак, останавливался и пел специально для неё. Время шло к середине смены, ему уже трижды давали за песню отхлебнуть из бокала, от вина першило в горле, и он боялся, что начнѣт хрипеть. Через зал взглядом попрощал Сая – тот как раз оттискался и вернулся – выручить, и тот заиграл знаменитый Длинный Танец, Лонг Данс, где долго-долго повторяется одно слово: «любовь», а качающаяся мелодия завораживает и не даёт думать о другом. Он поддерживал Сая гитарой, леди танцевали, сверкающая белой кожей через всевозможные и невероятные разрезы и вырезы своих платьев. В парти-зале белые леди играют в обольщение и соблазн. Не самая сложная игра, и не так опасна, как игра в насилие. Там чуть пережмѣшь, и дура пугается всерьѣз, визжит, приходит надзиратель, а там уж как обычно...

– Ты хорошо играешь.

Он вздрогнул и поднял глаза от гитары. Надо же, незаметно как подобралась стерва белѣ-сая, чуть не влип. Она стояла на полу с другой стороны перил, но была такой высокой, что их лица на одном уровне.

– Спасибо, миледи.

На ней было надето, платье не платье, так, два куса ткани, скреплѣнные на плечах брош-ками и узким блестящим пояском по талии. Она стояла боком к нему, и он видел, что, кроме этой ткани и туфелек, на ней ничего нет. Из одежды. Зато браслеты, кольца, множество цепочек и бус с подвесками, длинные серьги. Для работы это плохо. Или сам оцарапаешься, или её оцарапаешь. Она смотрела на него, и он, как положено в парти-зале, пошарил взглядом по её разрезу на боку. Она улыбнулась.

– Ты будешь играть всю ночь?

– Какова будет воля миледи.

– Вежливо и точно, – одобрила она. – Ты индеец?

– Да, миледи.

– Один здесь такой?

Он неопределѣнно повѣл плечами.

– Не знаю, миледи, – он и вправду не знал. Палас большой, ни в камере, ни в смене он индейцев не видел, была пара метисов, трѣхкровок как везде навалом, но метисы из другой смены, вместе они ещё ни разу не работали.

Она щѣлкнула пальцами, подзывая обслугу. Вывернулся из толпы чѣрный вертлявый Жучок с подносом, уставленным бокалами. Она взяла самый большой с шампанским и ткнула пальцем в его сторону.

– И ему.

– Миледи... – застыл в показном недоумении Жучок.

– Что я ваших порядков не знаю?! – она рассмеялась. – Принеси ему что положено. Двойной, понял? Я плачу.

– Слушаюсь, миледи, – преданно выкатил белки Жучок и исчез.

Он тихо перебирал струны. Обычно рабам давали допивать за собой, но иногда, если леди было жалко вина или она не хотела, чтобы раб пил то же, что и она, то она заказывала

рабское питьё. И тогда приносили особый стакан, чтоб не спутать, чтоб сразу было видно и понятно, с розоватой, чуть подслащённой и подкисленной водой. Что туда мешали, он не знал, но работать это питьё не мешало, а иногда было даже приятно. Она стояла, облокотившись на перила, рядом с ним, слегка выгнувшись назад, так что острые груди и соски натягивали ткань, и оглядывала зал. Сай уже несколько раз смотрел в его сторону, но, видя, что он уже занят, продолжал тянуть: «О, my love». Ничего не поделаешь. Сай его выручил, но он уже может только игрой поддержать его, пока руки не при деле. А с пением – всё. Леди желает поболтать.

– Где тебя учили петь?

– В питомнике, миледи.

– Вот как? А откуда ты берёшь эти песни?

– Слышу, миледи. И повторяю.

– Не ври, – она коротко и зло рассмеялась. – Ты поёшь свои песни, так?

Спорить с белым, тем более клиенткой, нельзя, но признаться в сочинительстве ещё опаснее. Рабу сочинять не положено. За спор побьют, а за сочинительство током не отделаешься, только Оврагом. Придётся рисковать.

– Я слышал это в питомнике, миледи, – тихо ответил он.

– Вот как? У тебя был, – она снова рассмеялась, – такой образованный надзиратель?!
Ведь это...

Подбежал Жучок с подносом, на подносе высокий простой стакан, налитый почти до краёв. Она взяла стакан и, не глядя, ткнула ему. Он, как и положено, принимая еду, поцеловал ей руку. Она рассмеялась.

– Хорошо тебя вышколили. Пей.

– Спасибо, миледи.

Он осторожно, смакуя, отпил глоток, погонял в пересохшем рту и проглотил. Как ни хотелось осушить стакан залпом, но не стоит. Леди заказала и дала. Он может теперь таскать его с собой и пить понемногу. Тянуть удовольствие. Если только леди не прикажет чего другого.

– Пошли, – коротко сказала она.

Он взял стакан, гитару и встал, но она пошла не вверх, а через зал в дальний угол. Он послушно последовал за ней. На ходу она сильно виляла задом, так что при каждом шаге в разрезы выступало то одно бедро, то другое. Такая походка предлагала начать лапанье, но руки у него заняты, и он только нагнал её и подстроился под её шаг, прижавшись низом живота к её ягодице.

– Хорошо, – бросила она не оборачиваясь.

Парти-зал – единственное место, где раб может сидеть за одним столом с белой леди. Она выбрала столик в углу. Отсюда недавно ушли, но ловко опередивший их Жучок мгновенно убрал пустые бокалы. Она прошла в угол и жестом велела ему сесть рядом. Вместо стульев здесь был мягкий диванчик. Она что, решила наверх не идти, на виду хочет? Бывает. Он сел рядом, осторожно поставил свой стакан на стол так, чтобы можно было легко дотянуться, прислонил к спинке дивана гитару.

– Дребезжалку уברי, – коротко распорядилась она, и возникший из ниоткуда Жучок схватил гитару и исчез.

Значит, точно, пошла работа, если ей нужны его руки. Она полулежала, откинувшись на спинку и вертела за ножку бокал. Он подвинулся ближе, сел боком, осторожно положил руку на её бедро. Она кивнула, и он повёл ладонью вниз по её ноге до колена, охватил его и двинулся вверх так, чтобы его пальцы гладили внутреннюю сторону. Она сидела неподвижно, улыбаясь сомкнутыми губами, густо накрашенными ярко-красной, цвета свежей крови, помадой. Такого же цвета лак на длинных заострённых ногтях и, как он успел заметить, туфли. А глаза зеленоватые, веки раскрашены зелёным как платье, чёрные прямые волосы длинными прядями по плечам. Кожа очень белая и сухая на ощупь. Даже в паху, возле щели, где у всех чуть влажно.

Насухо тяжело работать. Придётся долго горячить. Он водил пальцами по её животу, перебирал волосы на лобке, и, не отрываясь, смотрел на её лицо, а она оглядывала зал и вертела, вертела в руках свой бокал. Что-то – он не видел, что именно – смешило её. Замолчала музыка, видимо, Сая уташили, но вскоре он опять услышал гитару, значит, в зал прислали Глазастого, вроде в их смене больше гитаристов нет. Она отпила глоток и резко наклонилась вперёд, зажав его руку между ногами, и ему пришлось сдвинуться и опереться свободной рукой о диван, чтобы не толкнуть стол. Теперь его рука неподвижна, а она двигает бёдрами, сжимая, перетирая ему кисть. Он только чуть-чуть шевелит пальцами, чтобы леди чувствовала его работу.

– Смешно! – вдруг сказала она и, наконец, отвела взгляд от зала и посмотрела на него.

Её зелёные глаза блестели и потемнели от расширившихся зрачков. Она протянула руку и погладила его по шее, через не застёгнутый ворот её кисть легла ему на ключицу, на грудь. Она легонько ущипнула его за сосок и засмеялась. Он улыбнулся в ответ. Она стала опять отклоняться назад, и он быстро подставил ей под плечи свою руку, помог опуститься, и сам теперь смог полужечь рядом. Его рука была все ещё зажата её бёдрами, но тиски ослабевали, и он погладил её расщелину по всей длине, ввёл пальцы и пошевелил ими. Она вздохнула, повела плечами, чуть выгнулась. Он понял, выдернул из-под неё руку и сел. Лёжа на боку, обеими руками работать трудно. Через боковой разрез он положил руку ей на грудь, погладил её, обводя пальцем сосок. Попробовал дотянуться до другой груди, но ткань натянулась и затрещала.

– Отстегни, а то порвёшь, – просто сказала она. И потом добавила: – Обе.

Брошки отстегнулись легко, она сама отбросила ткань вниз и закинула руки за голову. Он гладил её груди, заострённые, с длинными твёрдыми сосками, стараясь не запутаться в цепочках и подвесках. Она вдруг села, отбросив его руки, схватила бокал. Пока она жадно, будто после долгого бега пила, он смог отхлебнуть из своего и мрачно подумал, что если она будет всё время так дёргаться, то стол она точно перевернёт и чего-нибудь вывихнет. Себе или ему. Его не устраивал ни один из вариантов, но попробуй расслабить такую. Вся на пружинах.

– Он играет хуже тебя.

– Спасибо, миледи.

Он отставил свой стакан, но она мотнула головой.

– Пей. Я ещё закажу.

– Спасибо, миледи.

– Заладил, – усмехнулась она. – Ладно, давай дальше.

Но как только он потянулся к ней, она жадно допила шампанское, поставила бокал и встала.

– Сиди. Я сейчас.

Она шла, пошатываясь и виляя задом, уже не нарочно, а держа равновесие. А он смог оглядеться. Зал стал свободнее. Похоже, остались такие же, что любят на виду. Глазастый сидит на рояле и что-то бренчит, уже совсем неразборчивое. Но когда тебя сразу две тискают, попробуй сыграть получше.

– Сидишь? Правильно.

Она снова застала его врасплох, подойдя с другой стороны. Бросила на стол несколько конфет в пёстрых глянцевах бумажках. Чего это, она сама, что ли, за конфетами ходила? Зачем? Или она по дороге с кем из obsługi быстренько трахнулась? Ну, это не ему подсчитывать: уложились она во входную плату или нет.

– Сними.

Он не сразу понял, а, поняв, обрадовался, что она захотела снять свою бренчащую сбрую. Пока он выпутывал её волосы из цепочек и бус, она сама стащила с рук браслеты и кольца, расстегнула и отбросила поясok. «Если б ещё ногти обрезала, было бы совсем не опасно», – успел он подумать. Она легла и запустила обе руки в его волосы, вцепилась в них. Он успел

упереться руками о спинку и край дивана и потому не ударился, а лёг лицом на её грудь. И тут она быстро стащила с него рубашку, не расстегнув, сдвинула её с его плеч так, что у него локти оказались у лопаток. Могла бы и сказать, чтобы он руки убрал, так нет, вот так ей надо. И если она ему рубашку порвёт, опять же... ему за всё отвечать. Раздеть по-людски не может... И тут же понял, что сделано было очень даже умело. Локти притянуты почти вплотную друг к другу и к спине, а кисти беспомощно торчат в стороны. Она водила его головой, лицом по своему телу, пока его губы не коснулись её лобка, чуть сдвинула вниз и прижала. Стерва крашенная, а то бы он по-другому не догадался, что ей нужно. Она раздвигала ноги и вжимала, втискивала его голову в свою промежность. Хорошо, хоть на лобок она себе побрякушек не нацепляла, а то повадились шлюхи белёсые украшаться где попало, до крови исцарапают. Он добросовестно, стараясь не поперхнуться, горячил её языком. И вроде она уже начала дёргаться, как вдруг опять толчком отбросила его. Он выпрямился, смаргивая облепившую лицо густую жидкость.

– Передохни.

– Спасибо, миледи.

Она развернула и кинула в рот конфету. Пока она оглядывала зал, он быстро высвободил руки, натянув рубашку на плечи, вытер рукавом лицо и отпил глоток, прополоскав рот. Всё-таки наглотался слюзи. Она искоса посмотрела на него.

– А ты ловок. Не всякий сам выпутается.

– Да, миледи.

– Сними рубашку, – приказала она и оглядела его мускулистый блестящий от пота торс. – Где только вас, таких красавчиков отыскивают? – она усмехнулась и отвернулась, оглядывая зал. Задумчиво повертела очередную конфету, развернула и вдруг, не глядя на него, сунула ему в рот. – Ешь. Шерри-бренди... шерри-бренди...

Он размял языком о небо шоколадный шарик, сглотнул. Странная беляшка попалась, никак не угадаешь, что будет дальше.

– Смешно, – она рассмеялась. – Это же просто смешно.

Она уже не раз повторяет это, но он чувствует, что улыбаться в ответ не стоит. Она протянула руку, по-прежнему глядя не на него, а в зал, провела пальцами по его животу, нашла застёжку.

– Ты пей, промочи горло.

Он послушно поднёс стакан к губам и держал так, пока она расстёгивала на нем брюки, раздвигала разрез, высвобождая его член и мошонку. Делала она это умело, и он невольно отметил, что она ни разу не оцарапала его. По-прежнему глядя в зал, она гладила, мягко тербила его, помогая напрячь мышцы. Он покосился на её лицо. Брови приподняты изломом, напряжённые губы сжаты в недоброй усмешке. А рука, что гладит его, очень умелая, опытная, мягкая, но не добрая.

– Смешно, ты только посмотри на них. – Она не глядела на него, и он не дал себе труда двигать глазами. – Смешно. Их мужья, сыновья, на фронте, умирают. За всё это. Защищают нашу честь, честь белых леди. Потому что цветные сексуально опасны. А мы платим деньги за то, чтобы переспать с вами, чтобы вы нас трахали. И любого такого же там, за стенами, убьют за один взгляд на нас. Смешно. Белые леди. Не вылезает из Паласов. У меня убили брата. Вчера. Он защищал мою честь. А я тут, с тобой...

Он слушал, не слыша. Если слушать все, что беляшки болтают, крыша точно поедет, на хрена ему её болтовня, не приказ – так и слушать нечего. Глядя его, она взвинчивает, накачивает себя.

– Эх ты, шерри-бренди...

Она, наконец, посмотрела на него.

– Ну, пошёл! Только пожётче, понял?

– Да, миледи. Как хочет миледи...

...Он навсегда запомнил этот вкус и название. Шерри-бренди. Хорошие конфеты. В дешёвых Паласах их не подавали. А с той беляшкой он до конца смены проваландался. Больше передышек она ему не давала и всё хрипела, требуя по-новому, по-другому и по-жёсткому. И питья, хоть и обещала, так больше и не заказала, хорошо он тогда не поверил ей и не стал сразу допивать до конца, так что, когда смена кончилась, было чем горло промочить.

Эркин сонно покосился на окно: щели не видно, можно спать дальше. И засыпая, невольно причмокнул губами, вспоминая сладкую, чуть пьяную конфету...

Утром Эркин едва не проспал. Во всяком случае, если обычно к пробуждению Жени у него уже всё было готово, то сегодня она уже накрывала на стол, когда он принёс последнее ведро.

– Сегодня пойдёшь и обменяешь свои сигареты, – твёрдо сказала Женя. – И денег возьми, а то вдруг не хватит.

Он кивнул, торопливо дожёвывая.

– Если придёшь рано, будешь в сарае работать?

– Да.

– Тогда я запирать не буду. И Алиса пускай рядом поиграет.

– Ага, – радостно согласилась Алиса.

– Только смотри, во дворе к Эркину не подходи. А то ещё ляпнешь при всех что-нибудь.

– Не ляпну.

Но Женя уже спешила.

– Всё, я побежала. Эркин, просто захлопни за собой, Алиса, засовы сама задвинешь.

Но Эркин уже был в дверях.

– Нет, я первым. Всё, пошёл, – и по обыкновению бесшумно сбежал вниз.

Андрея он встретил у входа на рынок. Тот торговался с небритым стариком из-за связки копчёной рыбы, а из кармана накинута на плечи куртки торчало горлышко бутылки. Эркин дождался конца торга и подошёл.

– Уже?

– Надо раньше, пока цену не погнажи. Пошли.

– Сколько с меня?

– За второй будем посылать, ты и дашь.

Эркин кивнул.

Их встретили гоготом и подначками по поводу недельного отсутствия, но извлечённая Андреем бутылка установила благоговейное молчание. От лишних глаз они зашли за развалины и расселись на обломках стен и помостов. Здание рабского торга оставалось местом сбора, но только шакалы и самая распоследняя шваль пользовалась им как жильём. Остальные брезговали даже по нужде туда зайти. Андрей высыпал на лист лопуха рыбу и откупорил бутылку.

– Ну, чтоб и дальше фартило.

– С удачей вас, парни.

– Того же.

После первого круга, разглядывая полупустую бутылку, Арч спросил.

– Хватит одной?

– За мной вторая, – Эркин поискал глазами, кого бы послать.

Гонец получал глоток, и желающих было много. Эркин выбрал из мальчишек кого помышлёней, что не рискнет жухать, и дал тому деньги. К его возвращению первую бутылку благополучно прикончили.

– А тут как? – Андрей одним махом оторвал половину рыбины и стал сдирать с неё кожу.

– А никак. Много нас стало.

– Не, просто беляки цену держат.

– Нет, парни, работы меньше. Пленные возвращаются, перебивают.

– И с пропиской к ним не сунешься.

– Беляки...

– На хрена их русские отпускают?

– Так тоже беляки.

– Белый белому...

Андрея уже не считали белым и говорили при нём свободно. Да и его это не трогало.

– Свора не лезет?

– Не.

– Они друг другу теперь шерстят.

– Ага, помнишь, сигаретами вроссыпь торговал, его так отделали... Третий день не видно.

– А чего?

– А фиг их знает.

– У них свои дела.

– Нам они по хрену.

Вторую бутылку открыли, но уже не спешили. Кое-кто, как и Эркин, пропускали свои глотки. И тут пришёл Митч, что тоже в одиночку крутился, и такой... взерошенный, что его сразу усадили в круг, воткнули ему в рот бутылку и заставили как следует глотнуть.

– Ну а теперь говори, – распорядился Одноухий.

– Гуталин спёкса, – наконец выдохнул Митч с третьей попытки.

– Гуталин?!!

Могучего добродушного негра, прозванного Гуталином за мягкость, знали все. Знали, что он даже торговаться не умеет, соглашаясь сразу на любую оплату.

– Кто его?

– Свора. Сегодня ночью.

– Да он же ночью дрыхнет, носа из дома не покажет.

– Дома и спёкса.

– Ты расскажешь толком или нет, – взъярился Нолл, – или тебе по кумполу врезать? Так я могу!

Митч обвёл их сумасшедшими глазами.

– Так... того... свора теперь по домам ходит... и проверяет.

– Чего?!

– Их спроси! – заорал, наконец, Митч. – А с Гуталином так. У одной беляшки угол снимал. За работу. Пахал как раб. Свора пришла, а они в одной комнате.

– В кровати что ли? Так Гуталин со страху помрёт, прежде чем на беляшку посмотрит.

– Я говорю, в комнате. Одна у неё комната. Гуталин на полу спал. Её за потерю расовой гордости побили и обрили, наголо. А Гуталин заступаться вздумал. И кранты. Спёкса Гуталин.

Наступило долгое молчание. Эркин словно оглох и ослеп. Длилось это недолго, не сразу проступили голоса и краски, и никто, вроде, ничего не заметил. Вторую бутылку прикончили быстро и молча, доели рыбу и разошлись.

Эркин с Андреем ещё посидели. Эркин покосился на насуспенное лицо Андрея. Похоже... похоже, у Андрея та же тревога.

– Ладно, – Андрей подобрал пустую бутылку, взвесил на руке. – Ладно. Меня они так не возьмут. Перегородку поставлю с дверью, и пусть... они меня в задницу поцелуют со своей расовой гордостью.

И Эркин смог перевести дыхание. Перегородка – это!.. А где он её поставит? В кухне, рядом с уборной? Так в кухне и так не повернуться. В комнате тоже... А кладовка! Полки там есть, добавить ещё пару, расчистить пол и как раз хватит места. И тогда к Жене пусть только

сунутся! Ему там работы на полдня, а то и меньше. И в комнате он маячить не будет. На кухне не привяжутся, там он всегда при деле.

Эркин легко вскочил на ноги, отряхнул штаны.

– Отдай бутылку мальчикам, и пошли.

– Куда? – Андрей поднял на него глаза.

– Прибарахлиться хочу. У меня сигарет навалом, а я не курю.

– Дело, – кивнул Андрей и встал, отбросив бутылку одному из мальчишек.

По вещевому ряду они ходили долго. И Эркин всё больше хмурился. На сигареты никто не менял, требовали денег. А то и сразу посылали... белые не желали продавать индейцу. Сунулись в цветной ряд, но там такая рванина, что Эркину стало жалко сигарет. Хоть самому эти сигареты чёртовы вроссыпь продавать.

Наконец Андрей углядел и показал ему на невысокую круглолицую светловолосую женщину. Перед ней на куске клеёнки лежали аккуратно сложенные мужские вещи. Не разложены для продажи, а именно сложены. Будто их и не собирались продавать. И стояла она как-то не в ряду со всеми, а будто на отшибе. Подошли к ней. Она подняла на них серые добрые глаза, грустно улыбнулась. И Эркин решил попробовать ещё раз, последний.

– Чего тебе? – тихо спросила она.

– Штаны ищу, мэм. Рабочие.

– Вот.

Она вытащила из стопки и развернула тёмно-синие, из толстой грубой ткани, отстроченные белыми нитками, брюки. Грегори носил такие на выпасе.

– Вот. На тебя как раз.

– Сколько, мэм?

Она назвала цену. Цена была приемлема, и Эркин с надеждой спросил.

– Сигаретами возьмёте, мэм?

– Нет, – покачала она головой. – На что они мне? У меня курить некому.

И тут вмешался Андрей.

– Сменяй ему. А сигареты продашь.

– Да кто их купит? Нет, мне деньги нужны.

Эркин вздохнул и отошёл. Андрей остановил его.

– Стой. Лучше не найдём. Давай так. Я у тебя покупаю сигареты, а ты у неё штаны.

Эркин только бешено посмотрел на него.

– Я ж курю, – стал объяснять Андрей. – Мне всё равно покупать.

– Зарабатывали вровень, а тратить...

– Стой. Идём к ней.

Андрей за рукав подтащил его к женщине.

– Слушай, если ты у него сигареты возьмёшь, я у тебя их, с места не сойти, куплю. За твою цену. Тебе ж выгода.

– Иди ты!.. – Эркин вырвал рукав.

Женщина вдруг охнула, посмотрела на них.

– Так вы что? Русские?!

Эркин не сразу сообразил, что в споре с Андреем, как уже привык, смешивал русские и английские слова. И само это ругательство он знал от Андрея.

– Я русский, – сразу ответил Андрей по-русски. – А он напарник мой.

– Давай сигареты, – повернулась женщина к Эркину.

Он вытащил из карманов и выложил на клеёнку отсортированные и перевязанные в пучки цветными нитками сигареты.

– Много даёшь, – улыбнулась женщина.

– Берите все, – радостно отмахнулся Эркин.

– Тогда в придачу возьми.

Она перебрала вещи и достала серую трикотажную рубашку с короткими рукавами. Рубашка была в нескольких местах зашита. Свернула её вместе с брюками в сверток и подала ему.

– Носи на здоровье.

Она сказала это по-русски, и он, помня замечание Жени, что отвечать надо на том языке, на котором заговорили с тобой, ответил тоже по-русски.

– Спасибо.

Андрей радостно шлёпнул его по спине.

– С обновой, – и продолжил по-русски. – Ну, мать, сколько с меня за сигареты?

– У выхода купишь, – усмехнулась женщина. – Там дешевле будет. А раз деньги есть, купи рубашку себе. Не ходи в армейском, не позорься.

Андрей медленно кивнул.

– Твоя правда. Давай уж две. Только мне с длинными.

Она выбрала и подала ему клетчатую, зелёно-серую, и в бело-голубую полоску.

– Носи.

– Спасибо, мать, – расплатился Андрей.

– На удачу вам, – и вздохнула. – И на жизнь долгую.

Они переглянулись и попрощались с ней молчаливыми кивками. И уже уходя услышали, как кто-то укоризненно сказал.

– Обнаглел краснорожий, а ты попустительствуешь.

Они опять переглянулись, и Эркин невольно улыбнулся. Возражения женщины и слов, что у русских как не было расовой гордости, так и не будет, они уже не услышали.

Когда выбрались из вещевого ряда, Андрей достал сигарету и закурил. Он то дымил не переставая, то мог целый день не курить.

– Завтра надо вкалывать, – наконец, сказал Андрей.

– А послезавтра не надо будет? – съязвил Эркин.

– Послезавтра праздник, говорят. Слышал же, как они все о подарках толкуют. Не будет работы, вот увидишь.

– Значит, завтра на два дня надо набрать.

– У тебя день в день получается? – с легкой завистью спросил Андрей. – А я должнаю. Раздал долги, и половины пристройки как не бывало.

– Сладости продай, – усмехнулся Эркин.

– Ни фиги! Когда ещё такое привалит! Сам съем! – и захохотал. – Я уж половину стрескал. Вчера кипятку попросил, заварил себе чаю и не отвалился, пока чайник не кончился. А ты?

– Я потяну, – и повторил, передразнивая Андрея. – Когда ещё такое привалит! Ну, сейчас куда?

– Я домой. С хозяйкой ругаться и перегородку ставить.

– А ругаться зачем?

– А фиг её знает. Но я с ней каждый вечер цапаюсь.

– Потому и куртку таскаешь, – понимающе кивнул Эркин. – Боишься, попортит?

– Нет, просто я как намёрзся зимой, так до сих пор... – и совсем тихо. – Да и привык я всё на себе таскать. Ну, бывай.

– Бывай.

Дома Эркин сразу пошёл в кладовку. Как и в сарае раньше, особого порядка тут не было. И он прикинул, что даже и дополнительной полки не понадобится, если всё по-другому разложить. Алиса собралась было во двор, но... мама сказала, что это если Эрик будет работать в сарае, а он стал всё переключивать и переделывать в кладовке. И Алиса осталась дома. Тем более, что это было даже интереснее. Летела пыль, от которой так восхитительно чихалось,

появлялись старые, забытые вещи... И, наконец, во дворе ей не разрешали приставать, даже подходить к Эрику, а дома она могла сколько угодно болтать с ним, приставать и рассказывать. Он же совсем, ну совсем ничего не знал. Даже про Красную Шапочку, про трёх поросят, про Василису Прекрасную, ну, ни про кого. И слушал её, не поправляя, если она начинала смешивать русские и английские слова.

Эркин выпрямился, бросил половую тряпку в ведро и огляделся. Что ж. Всё получилось. Расстеленная перина как раз укладывается от двери до стены, а на день он будет её убирать под стеллаж. Вот, лежит аккуратно, не вылезает. В углу висит куртка, стоят сапоги. Теперь, если кто и зайдёт, то его вещей в прихожей нет. И на нижней полке уголок для его вещей. Труссы, рубашки, носки... Нечего им в комодке рядом с вещами Жени лежать. Пожалуй... пожалуй, и посуду надо. Хоть для виду. Миску, кружку и ложку. Чтобы видно было, что он из своего ест, а то чёрт их знает, к чему они могут прицепиться.

– Эрик, ну Эрик же! А зачем ты это?

– Я здесь спать буду.

– А зачем?

Эркин сверху вниз посмотрел на Алису. Она смотрела на него, закинув голову, так он был для неё высок. Беловолосая, голубоглазая, белолицая... Хотя сейчас она просто грязно-серая от пыли. Будет ему сегодня от Жени. Ну, это ладно. Он присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне.

– Если кто будет про меня спрашивать, скажешь...

– Я знаю. Ты жилец, так?

– Так. И сплю я в кладовке. На полу. Не перепутаешь?

– Нет, – она удивлённо смотрела на него.

– И всегда так было. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась она. – А зачем?

Эркин отвёл глаза. Простой вопрос словно отнял последние силы. Он устало сел на пол. Теперь она оказалась выше него. Чуть-чуть, но выше. Ей это всегда нравилось, но сейчас почему-то не развеселило. Алиса сосредоточенно нахмурила брови, о чём-то думая.

– Эрик, мама сказала, ну, когда ты болел, что тебя хотели убить, правда?

Он молча кивнул.

– Это ты от них прячешься?

– Да, – разжал он губы.

Да, он прячется. От них, всё тех же. Он трус, у него не хватает смелости ни уйти, ни просто дать кулаком по роже, очередной глумливой роже. Всю жизнь боялся и прятался. И сейчас... Он резким взмахом головы отбросил со лба волосы и встал. Уйти он не может, значит, надо приспособливаться. Обычно он приходит в это время, и его появление с лоханью и ведрами не привлечёт внимания. Если, конечно, не заметили, что он вернулся ещё днём. И надо бы заставить Алису умыться, но эта задача ему не по плечу. Грузовик дров переколоть – дело другое. А с этим он и связываться не будет.

Женю, конечно, вид Алисы поверг в ужас.

– Что ты тут делала?! – Женя яростно отмывала Алису у раковины.

– Это я виноват, – подал голос от плиты Эркин. – Я кладовку разбирал, а там пыльно.

– Молодец, но зачем?

– Он там спать будет, – высвободила лицо из полотенца Алиса.

– Это ещё зачем? – Женя медленно выпрямилась, бросила Алисе полотенце. – Вытирайся и марш в комнату, – и только сейчас заметила на углу кухонного стола его чашку и тарелку. – За стол, я так понимаю, ты с нами не сядешь?

Голос её был напряжённо спокоен, и Эркин сгорбился у топки – своего вечернего прибежища – втянул голову в плечи, но ответил.

– Я здесь поем.

Он не оборачивался и потому не видел, как яростно, медленно Женя сжала кулаки и подбоченилась, плотно оперев их в бёдра.

– Брезгаете, значит, или мы ваш кусок заедаем?

От каждого её слова он вздрагивал, как от удара, сжимался в комок. И ждал. Обречённо ждал страшных слов: «Тогда уходи». Но, задав этот избивший его вопрос, Женя замолчала. И он медленно, опасливо разворачиваясь, как под плетью, когда смотрят, замахнулись или нет, исподлобья поднял глаза. На её бледное гневное лицо с плотно сжатыми губами. И понял: она замолчала, чтобы не сказать, чтобы не прозвучали эти два страшных слова. Он не удержал равновесия и встал перед ней на колени. И заговорил, глядя перед собой в пол, не смея поднять на неё глаза. Рассказал про безобидного Гуталина, про Митча.

– Если они придут, Женя, увидят... Женя, я же не смогу отбиться. Гуталин троих как я одной рукой мог свалить. А его... Он не защитил, мне и подавно... Не прикрою я, Женя, ни тебя, ни Алису. Они же свора...

Она молчала. Он поднял голову и испугался. Женя стояла белая, даже какая-то синеватая. Даже печной огонь не румянил её, а топка открыта. Руки беспомощно обвисли. И вся она вдруг качнулась и стала запрокидываться... Он вскочил на ноги, кинулся к ней.

– Женя! Что с тобой? Женя?! Прости меня! Я... я же... я же не хотел...

Он успел подхватить её, прижать к себе.

– Женя, не надо... Женя, – бормотал он, прижимая её к себе, не давая ей упасть, сползти на пол. Она бессильно висела на его руках. – Ну не надо, Женя. Я же хотел, как лучше... Пусть меня... не тебя...

Она вздохнула, медленно выпрямилась.

– Дура... какая же я дура...

Она говорила тихо, он не так слышал, как угадывал её слова.

– Вот оно... вот оно что... а я думала...

Он подвел её к кухонному столу, усадил на табуретку, метнулся к ведру с водой, зачерпнул ковшом.

– Вот, Женя, выпей.

Она слабо отвела ковш.

– Не надо. – Подняла на него глаза. – А я-то радовалась, думала, теперь-то будет хорошо.

Он беспомощно топтался перед ней с ковшом, плескал себе на ноги, не замечая этого.

Она сидела, уронив на колени руки и склонив набок голову. Понурившись, он ждал приговора.

Женя посмотрела на него и вздохнула.

– Поставь ковш, ты же себя облил. – И вдруг улыбнулась. – Так это ты для них придумал?

Он молча кивнул.

– Для чужих? – уточнила Женя. – Не слышу.

– Да, – глухо ответил он.

– А мы, я с Алисой, тебе кто?

Он молчал.

– Ну что же ты? Чужие мы тебе?

– Нет! – выдохнул он и тихо хрипло повторил: – Нет.

– Тогда, – голос Жени спокоен и ровен. – Тогда забирай свою посуду и иди в комнату.

Шторы я опустила. Иди, Эркин, не зли меня попусту.

Он поставил на стол ковш, взял свою чашку и тарелку. В дверях остановился было, поглядел на неё через плечо.

– Иди, – повторила она. – Я посижу немного и приду. Будем ужинать.

Ужин прошёл в молчании. Даже Алиса притихла. Женя сидела за столом, прямая, бледная, и если бы она могла видеть себя со стороны, то удивилась бы своему сходству с миссис Стоун из своей конторы. Эркина была внутренняя дрожь, он сдерживал её, и на еду сил уже не оставалось. Но он жевал, глотал, пил чай. И оставался за столом, пока Женя укладывала Алису спать.

Женя налила себе и ему ещё чая, притенила коптилку со стороны кровати Алисы.

– А теперь слушай. Я о чём говорила тогда, – он невольно сжался. – У меня на работе после Бала только и разговоров о единстве белых, что все белые одна раса и так далее. Я-то думала, они поумнели. Кончили с этими разрядами, ну, условными, недоказанными... – он потрясённо смотрел на неё. – Я и обрадовалась. Думала, начнут с белых, а дальше пойдёт... А они, значит, вот что придумали...

– Женя, – перебил он её, – я...

– Не надо, Эркин, – она накрыла своей ладонью его руки. – Я тоже виновата. Мне бы раньше сообразить. Самой... Ты уж прости, я не хотела тебя... Мне просто так обидно стало, что ты не хочешь с нами...

– Женя! – у него задрожали губы, на глазах выступили слёзы.

– Ну что ты, Эркин. С кладовкой ты хорошо придумал. Только... тебе там холодно будет. Он молча замотал головой.

– А со столом... Ведь никого чужого у нас не бывает, прятаться не от кого. Ночью опасно, согласна, могут врасплох застигнуть, а днём... Они же по ночам ходят.

Эркин кивнул. Опустил голову и лбом прижался к её руке.

– Ну вот, решили всё, да?

– Да, – ответил он, не поднимая головы.

– Завтра у меня двойная смена. Я поздно приду. А послезавтра праздник. Ты знаешь?

– На рынке слышал. Говорят, работы не будет, – он справился с собой и поднял голову. – А что за праздник?

– День Матери.

Это название ничего ему не говорило. Он не знал этого праздника. Но её горькая интонация встревожила его.

– Ты... ты очень устала?

– Ошарашил ты меня, – Женя виновато улыбнулась. – Я не ждала удара. И вот...

Эркин угрюмо кивнул. Ничего нет хуже неожиданного удара.

...Ничего нет хуже неожиданного удара. Он долго ворочался, не мог заснуть, хотя бессонницей никогда не страдал. Он так и не показал Жене покупки. Ладно, в праздник наденет. Если, конечно, ещё чего не случится. Когда не ждёшь, всегда... Какое лицо было у Жени... Да и он сам был не лучше, когда там, на рынке, услышал... И с Джеффом так было...

...Они пригнали стадо на бойню. Самой бойни он не видел. Они только загнали бычков в указанный загон и остались ждать Грегори. Вернулся тот часа через два, красный, потный и вроде бы довольный. И привёл троих. Двух мулатов и явного трёхкровку. Все в рваной и грязной одежде, хуже, чем у них, но по презрению, которым их окатила эта троица, он понял: свободные. Потом подошёл хорошо одетый белый, переговорил с Грегори, отдал какие-то бумаги. Вот тут Грегори, и в самом деле довольный, спрятал бумаги, вскочил в седло и махнул им рукой. Они с привычной уже быстротой влезли на коней и поскакали следом. Грегори привёл их на площадь, окаймлённую одно-двух-этажными домами и забитую лошадьми, фургонами и грузовиками. Сновали белые, суетились и метались рабы и цветная шваль в такой же рванине, что и те трое. Грегори подвёл их к старому дереву с изрезанной, наполовину ободранной корой и велел ждать, не рассёдывая и не развьючивая лошадей. Но разрешил спешиться и пошёл к дому, откуда неслись пьяные крики и музыка, бросив им через плечо:

– Отдыхайте пока.

Но по дороге его остановил какой-то белый. Они видели, как после разговора с ним Грегори зашёл в другой дом, с совсем другими шумами. Там звенел телефон и стучали пишущие машинки. Ему как-то в питомнике пришлось мыть полы в канцелярии, и он запомнил шум. Здесь был такой же. Грегори не было долго. Они сидели на земле возле лошадей и ждали. Джефф снова и снова на пальцах прикидывал остающийся ему срок отработки, а Шоколад и он просто сидели и глазели по сторонам. Когда Грегори вышел из «канцелярии» и пошёл к ним, как-то странно загребая ногами на ходу, они насторожились. После Пустыря они веселья Грегори боялись даже больше его гнева. А таким они его ещё не видели, и чего от него ждать, было неизвестно. Грегори постоял над ними, посмотрел на них как-то странно, махнул рукой на их попытку встать и ушёл туда, куда собирался с самого начала.

– Ох, и напётся он, – еле слышно шепнул Шоколад.

Они с Джеффом согласились. Грегори пил редко, но зато без остановки. А если запьёт сейчас, то возвращение в имение отложится на несколько дней самое меньшее. Правда, им тогда сидеть и ждать его под этим деревом без костра и еды, а то и в рабский барак загонят, а может, и при лошадях оставят, но... Но Грегори быстро вышел и направился к ним. Следом за ним негритёнок тащил маленькое дымящееся ведёрко с бурым «рабским» кофе, а сам Грегори нёс буханку хлеба и пакет. У него сразу засосало в желудке. Хотя голодом их Грегори не морил, но раб всегда есть хочет. Шоколад быстро снял и расстелил на земле свою куртку, и Грегори нарезал им хлеба, всю буханку сразу, велел негритёнку оставить ведёрко и убираться, сунул в руки Джеффу пакет и ушёл, буркнув:

– Сами делите.

В пакете были куски варёных жил, хрящей, кости – обычное мясо рабов. В имении и такое давали только по большим праздникам и столько, что кухня всё себе расхватывала. А здесь обрезков много и очередь делить Джеффа, а тот со жратвой никогда не подличал, и сейчас подобрал куски так, чтобы каждому поровну. А кофе делили по глоткам, прямо из ведра. Блаженное чувство сытости. Но его тревожил этот странный взгляд Грегори. И на Джеффа тот смотрел внимательнее, чем на него и Шоколада. Но опасности никто не почувствовал, даже Джефф. И этот белый, что остановился в пяти шагах от них и смотрел, как они делили хлеб и мясо и ели, тоже не показался им опасным.

– Говардовские? – внезапно спросил белый.

– Да, масса, – вскочил на ноги Шоколад. – Точненько так, масса.

Белый кивнул, ещё раз осмотрел их, особенно его и Джеффа.

– А где ваш?..

– Масса Грегори туда пошли, – показал на салун Шоколад. – Тамочки они, масса.

И белый ушёл. А они доели всё до крошки и капли, Шоколад отряхнул и надел куртку. И потянулось время сытого безделья. Редкое удовольствие для раба. Они вроде задремали, и резкий голос Грегори поднял их на ноги полусонными. Грегори и этот белый, что спрашивал их, чьи они, стояли шагах в десяти от них и орали друг на друга. Разобравшись, что орут не на них, они снова сели.

– А я говорю, другой! – орал Грегори.

– Ты мне не крути! – орал белый, – за такие деньги я дерьмо не возьму!

– На, читай! – Грегори тыкал ему в лицо бумагу. – Грамотный? Так читай!

Всё это щедро пересыпалось руганью. Белый ругался не хуже Грегори, и слушать было даже интересно.

– А иди ты... – махнул рукой Грегори. – Чтоб тебе и мамаше твоей... – и внезапно рявкнул. – Угрюмый, Джефф! А ну сюда! Живо! Оба, ну, чтоб вас!..

Они переглянулись и послушно подбежали. Грегори, красный, злой, с опасно посветлевшими глазами, рванул его за шиворот.

– Покажи номер!

Он стал засучивать рукав, противное чувство страха сводило ноги ознобом.

– Не мне, болван, я и так знаю. Этому...

Он повернулся к белому, показал номер. Белый, высокий, широкоплечий, с намозоленными от зуботычин руками, смотрел не на номер, на него. И Грегори схватил его за запястье и резко, чуть не вывихнув ему кисть, дернул его руку вверх, к глазам белого.

– Убедился?

– Рабский номер, – кивнул тот. – Ну, так что?

– А то! Раздевайся, Угрюмый! Живо! До пояса!

Он сбросил на землю куртку и стал развязывать тесёмки у рубашки, но Грегори это показалось медленно, и рывком за плечо развернув его спиной к белому, и тот сам выдернул ему рубашку из штанов и задрал на голову.

– Убедился? Или ещё что показать?

Грегори отпустил его и уже спокойно буркнул.

– Одевайся, – и пока он заправлял рубашку, подбирая и натягивал куртку, объяснял белому. – Сам посуди, какой резон мне тебя обманывать? Я телеграмму получил, и всё. Шла бы речь об этом, и было бы сказано «раба» и номер, а ты что покупал? Отработочного. Так что давай расписку, забирай покупку и с богом.

Он всё ещё стоял рядом с ними и видел лицо Джеффа. Растерянное, побледневшее, ставшее вдруг землисто-серым и старым.

– Джефф, – Грегори взял Джеффа за плечо. – Продали тебя, вот теперь твой хозяин, – и подтолкнул к белому.

– Я ему сам объясню, – белый приготовил плеть, взмахнул...

Но он видел, что Джефф вскрикнул и стал падать ещё до удара, удар пришёлся концом плети по лбу, разорвал кожу, это больно, но не до крика, такого крика, короткого и вроде несильного, но на площади сразу стало очень тихо.

– А ты чего вылупился?! – заорал на него Грегори. – А ну пошёл к лошадям! Седлайте, живо!

Чего седлать, сам же велел не рассёдлывать, забыл, что ли, уже с перепоя, но он покорно пошёл обратно, к дереву, где Шоколад уже суетился, отвязывая лошадей. Он подошёл к Бурому и встал, упираясь лбом в тёплую шерстяную шею коня, и постоял так, пока земля не перестала качаться под ногами, и он снова смог нормально видеть и слышать. Подошёл Грегори, пряча в бумажник полученную расписку, поглядел на них бешеными глазами, но не ударил. И тут заметил оставшуюся лежать на земле куртку Джеффа, поддел её носком сапога и отбросил к его ногам.

– Беги, отдай ему, – и махнул рукой, показывая куда.

Он схватил куртку и побежал. Джеффа он увидел сразу. Понурившись, тот стоял, привязанный за запястья к задку фургона. Белый затягивал узлы на поклаже. Рубашка Джеффа на спине взлохмачена двумя ударами плети и окровавлена, кровь на лице уже подсыхает. Он остановился в двух шагах. Если уже начали ломку, то отдать куртку не разрешат. Но белый, увидев его, усмехнулся и кивнул, разрешая подойти.

– Вот, сэр, мне велели отдать... – он запнулся.

Белый хохотнул и крикнул кому-то, кто сидел в фургоне.

– Грегори чужого не возьмёт!

– Зато напьётся на халяву, – ответили из фургона.

Ну, у белых свои счёты, ему не до них. Решив истолковать это как разрешение, он подошёл к Джеффу и накинул куртку тому на плечи, а чтоб не свалилась, связал рукава на груди узлом. Если не заставят бежать за фургоном, то удержится. Джефф смотрел мимо него в пустоту. Застывшее лицо человека, получившего неожиданный удар.

– Я б лучше тебя купил, – голос белого заставил его вздрогнуть. – Раб, отработочный... всё краснорожий, всегда подделать можно. Да Грегори упёрся как бык.

Ему показалось, что белый сейчас схватит его. Он торопливо попятился и побежал обратно.

– Ты где шляешься?! – встретил его затрешиной Грегори. – Пошлешь по делу, так гулянку себе, поганец, устроит!

И пока они выбирались из городка при бойнях, Грегори ругался не переставая, а на дороге погнал своего коня галопом. Они молча скакали следом. Серый Джеффа был привязан к его седлу. Расседлать не успели, и пустые стремяна звонко бились о пряжки подпруги.

– А чтоб вас всех сволочей! – Грегори резко осадил коня. – Угрюмый, ты подвяжешь эти стремяна чёртовы, или я тебе башку твою к чертям собачьим оторву!

Он молча спешил и подошёл к Серому. Грегори смотрел на него, тяжело дыша и обхлёстывая плетью придорожные кусты. Но прежнего гнева уже не было. Грегори вроде быка. Бесился легко и отходил быстро. И когда он сел на Бурого, Грегори повёл их привычной рысцой и уже молча, без ругани. И молчал до вечера. Не шутил, не издевался над ними. Сидел, сгорбившись, и молчал, только раз сокрушённо, тихо, так что он еле слышал, сказал.

– Вот сволочи... Ведь два дня парню оставалось...

... Эркин повернулся на бок и натянул на голову одеяло. А из-под двери холод заметен. Надо будет войлока или кожи полоску найти. Подбить. Лучше бы войлока. Что плохо в кладовке – окна нет, время не угадаешь. Не кладовка, а так... выгородка, вроде уборной. Как закуток в скотной. Он повернулся на спину, откинул с лица одеяло и попробовал потянуться, но сразу упёрся головой в стену, а пятками в дверь. И дверь, скрипнув, открылась. Придётся встать. Заодно и время посмотреть.

Но за окнами полуночная темнота. Эркин нашёл так и оставшийся на столе ковш, жадно напился. И чуть было спросонья по привычке не зашёл в комнату. Благо, Женя оставила на ночь дверь открытой. Он опомнился на пороге и постоял у притолоки, слушая их дыхание. Женя всхлипнула во сне. Сволочь он всё-таки, довёл её до обморока. Но кто ж знал, что она так... Ну, может теперь наладится? И так просто свора не пришла бы. Её навели. Знать бы, кто наводки даёт... Он почувствовал, что мёрзнет, и вернулся к себе. Тихо прикрыл за собой дверь и лёг. Запор надо какой-нибудь придумать. Наружный крючок он оставил. Поискать ещё один... или снаружи простую защёлку, а крючок вовнутрь... Женя обидится, что он от неё запирается... Ладно, не зима, лето. За лето всё может случиться.

Утром за завтраком Женя была уже прежней. Только прощаясь с Эркином, попросила.

– Будь осторожней. Не рискуй.

Он усмехнулся в ответ, поцеловал лежащую на его плече её руку и убежал.

Женя расцеловала Алису, ещё раз проверила, всё ли та запомнила, и пошла на работу. День обещал быть жарким, но ей возвращаться поздно, и она несла на руке плащ. О вчерашнем она постаралась забыть. Иначе изведётся от тревоги за него. Мейн-стрит была такой чистой, нарядной, безмятежной, что хотелось ни о чём не думать, а просто наслаждаться жизнью. Что ж, завтра праздник, и она пойдёт погулять с Алисой, пройдутся по Мейн-стрит и домой. А вечером тогда большой чай со сладостями. И погода как раз установилась.

На работе её ждал сюрприз. Завтра День Матери, и её, как единственную среди них маму, поздравили и вручили общий подарок – красивого фарфорового пеликана с птенцом – символ материнской любви и самопожертвования. И ей, конечно, ничего не оставалось, как пригласить их на завтра «на чашечку».

– Ради бога, Джен, не вздумайте устраивать приём.

– Мы же понимаем, как вам трудно.

– Да-да, только кофе.

Женя растроганно благодарила и в уме прикидывала, что сделать к кофе. На День Матери принято подавать домашнюю выпечку. И хватит ли у неё посуды. И она уже всю печатала, когда вдруг сообразила. Ну, хорошо, они будут пить кофе, Алиса с ними – вести себя за столом она в общем-то уже умеет, – а Эркин? Он как раз к пяти обычно и приходит. Женя досадливо прикусила губу. И это после вчерашнего скандала, который она ему устроила... У нас гости, угощение и веселье, а ты посиди в кладовке! Рядом с уборной. Что же делать? Но и отказаться уже поздно и просто невежливо.

Женя прислушалась к разговору. Может, кто-то скажет что-нибудь о вчерашнем, о том, что рассказал ей Эркин, но все ещё мусолили Бал. Кто с кем сколько раз танцевал, кому что сказали, кто с кем и когда ушёл. Сколько можно? До следующего Бала, что ли? И опять... единство белых. Спасибо, ей вчера объяснили, чем это оборачивается. Для всех остальных.

Под эти пустые разговоры день тянулся невыносимо долго. И Женя ушла в своё. Ну что за жизнь, когда и от праздника никакой радости? Когда радостью ни с кем нельзя поделиться, даже показать её нельзя. И ещё ей идти на эту подработку. Видеть влюблённые глаза Гуго. Гуго влюблён в неё по уши и не может понять, почему она, столь нежная на Балу, стала такой холодной и строгой. Жене было жаль Гуго. Но она ничем и никак не могла ему помочь. Может, она вообще зря пошла на Бал. Оказывается, все переживания у Золушки после Бала. Из-за неразумно розданных авансов.

Женя с трудом доработала до конца. Город уже готовился к празднику, а у неё ещё работа впереди. Сумка с продуктами оттягивала руку, мешал плащ, даже солнце раздражало. Какой-то темнокожий парень предложил ей дотащить сумку куда угодно и всего за ничего. Она сердито отмахнулась от него. Он разочарованно присвистнул и исчез. А она сразу представила на его месте Эркина, и ей стало так горько и обидно, что чуть не заревела посреди улицы.

И в конторе было как-то неуютно и напряжённо. Не было Перри и его шуток, не было Нормана и его спокойной уверенности. Женя остервенело печатала аккуратно переписанный текст Рассела. Гуго смотрел на неё преданными глазами, и это раздражало. Скорее бы конец. Завтра с утра столько дел. Отмыть Алису, убрать в доме, спечь...

– Пожалуйста, Рассел, ваш текст готов.

– Спасибо, Джен, – он задержался у её стола. – Джен, мне бы хотелось поговорить с вами.

– Поговорить? – удивилась Женя. – О чём?

– Прежде всего... о вас. И я прошу вашего разрешения проводить вас.

Женя невольно посмотрела на Гуго, но тот сосредоточенно чертил.

– Пожалуйста, – пожала плечами Женя и, не удержавшись, добавила. – Надеюсь, это не будет объяснением в любви?

– Объяснением, – улыбнулся Рассел. – Но не в любви.

После работы Рассел помог ей одеться и, несмотря на её протесты, взял её сумку.

Они шли по тёмным и уже пустынным улицам, и Женя ждала разговора. Но Рассел медлил.

– Ну же, Рассел, – не выдержала Женя. – Вы обещали разговор и молчите.

– Я слушаю, Джен.

– Кого?

– Не кого, а что. Не идёт ли кто за нами.

– Повторяется история с Балом? Тогда это были вы. А сегодня кто? Гуго?

– Спасибо, Джен, вы помогли мне начать. Тогда за вами действительно шли. Вернее, шёл.

Я видел его. И пошёл за ним.

– Так...

– Подождите, Джен. Я не знал, кого из вас он преследовал. Но три дня назад я опять увидел его.

– Да? И где?

– Вы знаете кондитерскую сестёр-старушек?

– Разумеется.

– Они делают пристройку к магазину. И этот... он работал на стройке.

– Вот как? – Женя старательно улыбнулась. – И что вы можете о нём сказать?

– Пока и вам немного. Он индеец, высокого роста. Пожалуй, как я.

– Да, извините, я перебыю, но как вы узнали его? Ведь была ночь.

– По движениям. По манере двигаться. А теперь увидел и приметку. Шрам на щеке. Кажется... да, на правой. Что меня кстати удивило. Шрам свежий, но если была драка, то повредить могли левую щёку, никак не правую.

– Индеец со шрамом. Звучит! – Женя постаралась вложить в эти слова всю иронию, на какую была способна.

– Да, я согласен с вами, Джен. Это немного смешно. Но... но я не могу вам всего сказать. Но поверьте мне, у этого индейца есть все основания для мести белым.

– Вот как? – Женя уже не могла придумать ничего оригинальнее. Сердце то прыгало у горла, то стремительно падало куда-то вниз, в пустоту.

– Джен, поймите. Ради бога, поймите меня правильно. Может быть, это случайное совпадение. Может, он преследовал Хьюго. Может, спутал вас с кем-то... Джен, будьте осторожнее.

– Спасибо, Рассел. Вы очень заботливы, – её голос звучал вполне искренне. – Но я никого не боюсь.

– Не надо бояться, Джен. Страх перед придуманной опасностью погубил Империю. Я прошу вас быть осторожнее. И всё.

– Спасибо, Рассел.

Женя остановилась и мягко, но решительно отобрала сумку.

– Вот мой дом.

– Вы помашете мне из окна, Джен? В знак, что всё в порядке.

– Хорошо. Спасибо за предупреждение, Рассел. И до свидания.

– До свидания, Джен.

Рассел не двигался с места, пока не увидел в окне лицо и машущую руку Джен. Он сделал приветственный жест шляпой и пошёл обратно. Что ж, он сделал всё, что мог. Предупредил. Но, кажется, она не поверила. Как объяснить, не раскрывая себя? Давая информацию, надо раскрыть её источник. Иначе информация недостоверна. А он не может, просто не может сказать... Если бы это была не Джен... Он бы продолжал занимать своё удобное место наблюдателя, даже зрителя. И наслаждался бы спектаклем. Комедия, трагедия, фарс... Любой из жанров интересен. И кровав. Но Джен... Джен делает любой спектакль жизнью, а тебя не зрителем, а участником. Недаром Хьюго влюблён в неё. Со всей немецкой сентиментальной серьёзностью. Перри... она единственная, кому он говорит искренние комплименты. Даже Норман... нет, о Нормане лучше не думать. И будем надеяться, что это было случайное совпадение. Просто этот индеец куда-то шёл. И их пути случайно совпали. Будем верить в случайность. Потому что перед закономерностью ты бессилён.

Женя убедилась, что Рассел ушёл, тщательно расправила шторы и без сил опустилась на табуретку. Эркин, сидя как всегда у топки, полуобернувшись через плечо, наблюдал за ней. Увидев, как она сидит, навалившись на стол, он быстро встал и подошёл к ней.

– Тебе плохо? Женя?

– Нет, – она перевела дыхание и попыталась улыбнуться. – Нет, все хорошо.

Он присел перед ней на корточки, снизу вверх заглянул в лицо.

– Что-то случилось?

– Нет-нет. Потом расскажу. Так, пустяки.

Но его лицо оставалось встревоженным, у топтавшейся рядом Алисы глаза стали наливать слезами, и Женя, пересилив себя, встала и захлопотала, забегала. Чтобы всё сразу успеть. Но Алиса поверила ей и сразу, как всегда, забуянила, требуя внимания. Эркин же, по мере сил, подыгрывал Жене, но, сталкиваясь с ним взглядом, Женя видела, что он только держится весёлым и спокойным.

И за ужином Эркин спокойно рассказал, что день был неплохой. Заработал. Но завтра – глухо. Праздник. Работы не будет.

– И что ты думаешь делать завтра? – спокойно спросила Женя, шлепком выпрямляя Алису.

Эркин неопределённо повел плечами, и Женя решилась.

– Эркин, завтра придут... Из моей конторы.

– Гости? – оторвалась от чая Алиса.

– Гости, – вздохнула Женя.

Но Эркин понял сразу и кивнул.

– Исчезну. На весь день?

– Что ты?! – Женя даже испугалась такой перспективы. – Они придут «на чашечку». К пяти. Думаю, к семи уйдут. Да, сейчас вам покажу, что мне подарили.

Пеликан вызвал восторг у Алисы, а когда Женя рассказала, почему именно пеликан, и Эркину понравилось. Пеликана водрузили на комод рядом с зеркалом, и Женя вернулась к столу.

– Да, а ты чего в одних трусах сидишь?

– Да, – он досадливо стукнул себя кулаком по колену. – На станции работали, ну и перемазался. Я и замочил всё.

– Так, – у Жени засмеялись глаза. – И завтра ты в трусах пойдёшь?

– Зачем?

Эркин вылез из-за стола и пошёл в кладовку. Быстро натягивая обновки, он надеялся, что вдруг этим удастся развеселить Женю или хотя бы отвлечь, а то... ну, не может он видеть её такой...

Штаны Женя одобрила.

– Очень удачно. То, что надо. И сидят хорошо. Отличные джинсы.

– Что?

– Джинсы. Так называются.

– Ладно, буду знать.

– А рубашка не очень. Эркин, она же вся чиненная. И выцвела.

– Рубашка в придачу шла.

– Тогда ладно. Завтра тогда клетчатую надень. Голубую. Она поновее.

– Хорошо.

Обычный разговор. Но не для Эркина... это ведь Женя с детства помнила такие разговоры и вечерние чаепития, и с удовольствием играла в мать семейства. Но сейчас, видя, как оттаивает Эркин, как после каждой своей фразы глазами спрашивает её одобрения, она поняла: для него-то это впервые. Он не знает, как это должно быть, он-то всерьёз... А она...

– Алиса, допила? Тогда быстренько. Мыться, в уборную и спать.

И у него сразу напряглось лицо в предчувствии того разговора, который и объяснит, почему Женя пришла такой.

Алиса улеглась, как всегда поворчав, что они ещё будут пить чай с конфетами, а её спать отправляют. Но на середине фразы закрыла глаза и заснула.

– А теперь слушай.

Эркин отодвинул свою чашку и подался вперёд, налёг грудью на стол.

– Помнишь, ты ходил встречать меня после бала? – он кивнул. – Так за тобой шли.

– Да, я его видел.

– И он тебя. И ещё раз увидел, когда ты эту кондитерскую строил. И узнал. А сегодня он меня провожал и заговорил о тебе.

Она рассказывала и видела, как снова напрягается лицо Эркина, настороженно сужаются глаза, твёрдо сжимаются губы.

– То ли он тебя ещё раньше, до Освобождения видел, то ли... ну, я не знаю, но мне его намёки не нравятся.

– Мне тоже, – разжал губы Эркин. – Но я его тоже видел. И запомнил. Тогда видел и сегодня, из окна. Завтра я тогда на весь день уйду, чтобы не маячить здесь. Раз придут к тебе... Моё всё в кладовке, крючок накинуть и всё. Дрова, вода – это я рано сделаю и уйду.

– Куда? – вырвалось у Жени.

– В Цветной квартал, – пожал он плечами. – Там тоже праздник будет. Там я в глаза не кидаюсь и отобьюсь, если что. А этот... – его глаза стали виноватыми. – Я его раньше не видел. Подставил я тебя, да?

– Город маленький, – пожала плечами Женя, – все время с кем-то сталкиваешься. Ты тут не при чём.

Он кивнул с грустной улыбкой.

– Смешно. Как я голову подниму, так меня по затылку тюкают.

– Голова не болит? – попыталась пошутить Женя.

– Пока нет, – ответил он такой же попыткой.

Женя встала, собирая посуду, и он тут же вскочил. Она потянулась к нему, и он ловко, одним движением подставил ей щёку для поцелуя и отобрал стопку посуды.

– Давай сюда, я помою.

– Обойдёшься, – не уступила Женя.

И он облегчённо засмеялся тому, что она наконец-то стала прежней, отошла от внезапного удара. А этого беляка... ну что ж, город маленький, будет нарываться, так и нарвётся. А там главное – ударить первым.

Тетрадь седьмая

Джексонвилл

Цветной квартал праздновал неумело, то есть бестолково, пьяно и шумно. Эркин и Андрей не спеша шли по улице, весело переругиваясь со знакомыми. Они уже посидели с ватагами Одноухого и Арча, выпили, погорланили, поели. Солнце стояло над головой, впереди полдня, и делать абсолютно нечего...

...Он с утра, пока Женя спала, вымыл голову и обмылся оставленной с вечера на плите водой, заготовил всё для Жени – она говорила про уборку и мытьё Алисы – и заглянул в комнату. Женя ещё спала, но от его взгляда сонно потянулась и приподнялась на локте.

– Ты?

Он подошёл и присел на корточки у её изголовья.

– Я. Разбудил тебя?

– Нет, всё равно пора уже. Ты уходишь?

– Да, я всё сделал. Вода уже закипает.

– Спасибо, родной, – она высвободила из-под одеяла руку и погладила его по голове. –

Вымыл голову?

– Да.

– Не простудишься с мокрой головой?

– Нет, сегодня тепло.

Они говорили шёпотом, чтобы не разбудить Алису.

– Я в темноте приду.

– Хорошо. Денег возьми, не ходи голодный.

Он молча взял её руку, поцеловал.

– Тебе бы тоже отоспаться сегодня, да вот...

– Нет, Женя, все хорошо.

Он положил её руку и, наклонившись, осторожно поцеловал её в висок. Как она любила, сжатыми губами. И ушёл...

...Эркин покосился на Андрея. А Андрею совсем не весело, хоть он и горланит, и задирается в шутку. Их глаза встретились, и Андрей, резко отмахнувшись от встречного, вдруг сказал.

– А на хрена нам круговерть эта?! Пошли, посидим где-нибудь.

– Пошли, – согласился Эркин.

Рабское веселье – нажраться и упиться – не привлекало его. Да ещё в такой компании, где половина – шакалы, что за халяву нагишом станцуют.

Через Цветной квартал они выбрались из города, обогнули свалку и вышли к заросшей лощине с прудиком. Свалка сюда ещё не добралась, и склоны в молодой траве ещё чисты. Здесь никого не было, и Андрей предложил.

– Скупнёмся, пока чисто?

Эркин пожал плечами и согласился. Они спустились к чистой, ещё не зацветшей воде.

– Плаваешь? – Андрей быстро сбросил у старого пня сапоги и куртку и попробовал ладонью воду.

– Не очень. А ты?

– В детстве плавал. Может, и помню.

Андрей ещё раз огляделся по сторонам.

– Вроде чисто. Но знаешь, давай по очереди, а то ещё голышом останешься.

– Иди первым, – согласился Эркин и стал раздеваться.

Пока он складывал своё, чтоб зря не мять, Андрей бросил кое-как штаны и рубаху и не вбежал, а как-то влетел в воду.

– Ах-ха-ха-ха! – вода гулко отразила его восторженный вопль.

Эркин покосился на скомканные шмотки, всё-таки поднял и уложил их как следует рядом со своими вещами. И с наслаждением потянулся, разминая, расправляя тело. За его спиной ухал и шумно плескался Андрей. Эркин стоял под приятно жаркими лучами и гнал, гнал по мышцам волны напряжений. По раскинутым рукам от пальцев к плечу, по спине к другому плечу, и по другой руке до пальцев. Играл мышцами спины, груди, ног. Всё зажило, синяки и ссадины сошли бесследно и если б не щека...

– Ух, хороша водичка!

Эркин обернулся. Андрей стоял у берега по щиколотку в воде, ерошил обеими руками волосы. Эркин впервые увидел его обнажённым. Он... он никогда не видел такой белой кожи. Лицо Андрея и кисти рук, и так светлые, казались тёмными, почти обугленными рядом с молочно-белой, чуть ли не бесцветной кожей тела. И такого... страшного тела Эркин тоже никогда не видел. Рубцы и шрамы покрывали Андрея как узором, местами из тела словно куски мяса вырваны, обтянутые кожей ребра в шишках сросшихся переломов. И худой он какой, все кости наружу...

– Ну, чего вылупился? – хрипло с нарастающей злобой спросил Андрей. – Иди, купайся. Красавчик... – он закончил ругательством.

Эркин молча прошёл мимо него к воде.

Плавал он плохо, но на воде держаться умел. В дорогих Паласах были бассейны, и их учили работать в воде. Да и тогда, когда на второе лето гоняли бычков, ему иногда удавалось выкупаться, если лагерь был рядом с ручьём или речкой, а он оставался днём один.

Вода холоднее и не такая упругая, как в бассейне, но радость от владения телом была сильнее, и не по приказу, а по своему желанию... Эркин с удовольствием ещё раз кувыркнулся в воде, встал на ноги и пошёл к берегу.

Андрей сидел на траве, обхватив колени руками, и смотрел на него таким же внимательным изучающим взглядом. Но Эркин не стеснялся своей наготы, а уж теперь, когда все зажило... Вот только... но Андрей знает, что он спальный, так что пусть... не страшно. Эркин, спокойно выдерживая этот взгляд, подошёл и сел рядом, подставив спину солнцу.

– А что? – вдруг спросил Андрей, – у вас там все с такими, – он сделал выразительный жест, – были?

– Других на сортировке выкидывали, – очень спокойно ответил Эркин. – Ты мне про лагерь расскажешь?

– Ты что?! – немедленно вскипел Андрей, – Охренел?! Да мне вспомнить только...

– А мне вспоминать приятнее? – перебил Эркин.

Андрей бешено посмотрел на него, потом отвернулся и длинно сплюнул сквозь зубы.

– Ладно, не ершись. Просто... гладкий ты...

– Чего?! – теперь уже Эркин обозлился. – Гладкий, говоришь, смотри! Сюда смотри! Видишь?

Крохотные треугольники, словно чуть вдавленные в кожу, еле заметные вмятинки, на запястьях, у сосков, на животе, на лобке, мошонке, щиколотках, висках...

– Говори, видишь?

– Ну, вижу. Ты б мне ещё в нос ткнул. Чего это?

– То самое, – Эркин отодвинулся. – Током когда бьют, прикрепляют такие... пластинки. Ну и остаются... следы, как ни разглаживай потом, всё равно. Так-то не видно, только если знаешь, где смотреть.

– Током? – переспросил Андрей.

– А чем ещё? От плётки кожа портится. Ну и дубинками ещё били. Но тоже чтоб без следов.

– Про дубинки знаю.

– Гладкий... – повторил Эркин. – Знал бы ты каково... как эта гладкость... Э, ладно, – он с силой ударил кулаком по земле. – Нечего душу травить, – но остановиться не мог. – А смотрел я... я таких белокожих сроду не видел. Ты всегда такой был?

– Не знаю, – Андрей вытянулся на траве. – Говорят, в тюрьме кожа светлеет. А я с двенадцати лет по тюрьмам и лагерям.

– Сколько ж тебе?

– Считаю, двадцать. А тебе?

– Двадцать пять.

Забывая пустячными вопросами возникший холодок, они снова и снова возвращались к тому, что разделяло их – спальника и лагерника. Но уже по-другому.

Эркин лёг рядом с Андреем ничком, уткнулся подбородком в скрещённые руки. Прямо перед глазами среди стеблей суетились какие-то букашки, козявки... Андрей перевернулся на живот, искоса глянул на Эркина.

– Злишься ещё?

Эркин покачал головой.

– На всех злиться... Ты своего хлебнул, я своего. Ты тоже... не сердись, что я... смотрел. Не видел, чтоб белого и так.

– Я ещё ничего, – усмехнулся Андрей. – Ты б других, кто постарше, увидал... А насчет хлеба – это точно. Мало никому не было.

Он стал приподниматься, но Эркин вдруг сбил его, навалился сверху.

– Ты чего?! Совсем?.. – забарахтался Андрей.

– Лежи! – прямо в ухо ему крикнул шёпотом Эркин. – Идут сюда.

Андрей как-то по-детски ойкнул и замер, вжимаясь в траву и зачем-то закрыв руками голову.

– Лежи, – повторил Эркин.

Он, не вставая, дотянулся до пня и сдёрнул их одежду, набросил на Андрея его рубашку.

– Одевайся. Живо.

Не вставая, елозя по земле, он влез в трусы. И привстал. Огляделся. Точно. Идут. И вроде... вроде...

– Беляки.

– Отваливаем.

Сидя на земле, Андрей натянул штаны и встал, застегивая рубашку.

– Давай, прикрою.

Джинсы натянуть, дальше уже можно не спешить. Эркин накинул рубашку на плечи и встал, готовый уже прикрывать Андрея, пока тот обуется. Но из-за деревьев их, видно, тоже заметили. Голоса стали удаляться.

– Отбой, – Андрей сел на землю и потряс головой. – Фу, труханулся как.

Эркин не понял слов, но кивнул, догадавшись по интонации о смысле.

– Окунемся ещё?

– С меня хватит. – Андрей огляделся. – А хорошо здесь. Давай что ли... сами посидим.

У Андрея оказались полбутылки выпивки и рыба, Эркин достал купленный по дороге хлеб. Разложили на пне. Андрей выдернул скрученную из обрывка газеты затычку.

– Ну, с материнским днём тебя.

Он глотнул и протянул бутылку Эркину. Но тот мотнул головой, отказываясь.

– Не пьёшь, не куришь, – усмехнулся Андрей. – Зря. В рай все равно не пустят.

– Доберусь до рая, а там видно будет, – ответил шуткой Эркин. – Может, и вломлюсь. А сам? То дымишь, то нет. И с выпивкой...

– Иногда хочется. – Андрей задумчиво вертел бутылку, бултыхая и разглядывая мутную желтоватую самоделку. – Сегодня я б напился, – и поднял на Эркина светлые, неуловимого цвета, серо-голубые глаза. – Придумали же, сволочи, День Матери. А я... я и помню её плохо. Так... Руки помню. Как она меня умывает... Смешно, а? Она всё за чистоту беспокоилась. Чтоб мы руки перед едой мыли.

– Вас... у неё много было? – медленно спросил Эркин.

– Трое... а может и четверо, – Андрей неуверенно пожал плечами. – Били меня сильно, перезабыл, что... до этого было. Я ж в лагерь из приёмника попал, спецприют для перевоспитания. Мы стукачка одного придушили ночью. И всей спальней... вперёд и не оглядываясь. Это помню. И дальше помню. Может, и путаю, что за чем, но помню. А её плохо...

Эркин машинально, не чувствуя вкуса, жевал. Хлеб ли, рыбу ли, не всё ли равно?

– Иногда вдруг вспомню, прямо как увижу, и тает всё. Будто и не со мной было. И вроде сёстры были. Помню девчонок, они вроде старше были... А... у тебя как?

– Мне нечего помнить, – тихо ответил Эркин. – В питомниках сразу отбирают, дают другим. Выкармливать. И меняют. Чтоб не привыкали, наверное.

– Это... со всеми так? – глухо спросил Андрей.

– В имениях до года разрешают держать. Ну, кто родил. Они и кормят. А потом отбирают и продают.

Эркин говорил спокойно, даже лениво. Так объясняют давно известные, не очень-то важные вещи. Только на упиравшемся в пень кулаке посветлела натянувшаяся кожа, да привычно опустились веки, пряча глаза под ресницами. И Андрей отвёл глаза, давая ему время справиться с лицом.

– Парни, а парни, дайте глотнуть.

Они вздрогнули и оглянулись. Как эта ведьма только подобралась так тихо?! Сама толстая, а руки и ноги костлявые, торчат, в грязной рванине, седые лохмы, на лицо и поглядеть страшно, и не поймёшь, кто по цвету, бурая какая-то... Ну, ведьма и есть.

– Дайте, парни, – канючила она. – Мне б глотнуть только. Горит всё.

– Давай, – не выдержал Андрей. – Во что тебе?

Такая она грязная, страшная, что он побрезговал дать ей бутылку. Она захихикала, подставила трясущиеся ладони.

– Ты ж прольёшь больше! – возмутился Андрей.

– Ты налей, а уж я не пролью.

– Ну, смотри, второго раза не будет, – предупредил Андрей.

Но как только он наклонил бутылку, вся дрожь из её скрюченных пальцев исчезла. Не пролив ни капли, она одним глотком осушила пригоршню, чавкая, облизала мокрые ладони и пальцы и ловко подхватила обгрызенную Эркином рыбью голову, валявшуюся рядом с пнём.

– Бог вас наградит, парни, – она торопливо засовывала в беззубый рот рыбью голову. – Может, и вашим матерям кто нальёт.

У Эркина вспух, запульсировал на щеке шрам, у Андрея натянулась на скулах кожа. Она, шамкая, бормотала благодарности, не отводя глаз от бутылки.

– А ну вали отсюда! – вдруг рявкнул Андрей.

И она сразу попятилась, засеменила.

– Что вы, парни, я ж глоток только... Бог вам даст, парни...

Андрей беспомощно выругался ей вслед. Эркин встал.

– Пошли отсюда.

Андрей осмотрел остаток водки, будто решая, что с ней делать, понюхал.

– Дрянь какая-то.

– Оставь тогда, – Эркин заправил выбившуюся рубашку, огляделся. – Вон уже... шакалы ползают.

Андрей тоже заметил таящиеся в тени за кустами фигуры и засмеялся.

– Эти-то... Они тебе и не то выпьют. Пусть их.

И поставил бутылку на пень рядом с рыбьими ошметками.

Они поднимались по склону, не оглядываясь, и не видели, какая молчаливая беспощадная драка завязалась у их объедков.

Уже миновали свалку, возвращаясь в город, когда Эркин нарушил молчание.

– Я смотрю, ты не пьянеешь совсем.

– Когда как, – Андрей поправил накиннутую на плечи куртку. – Сегодня не берёт чего-то.

– Бывает, – кивнул Эркин.

Город наплывал на них сумерками, пьяным шумом, разноголосой музыкой.

К четырём часам Женя всё сделала. Дом блестел, печенье готово, отмытая тоже до блеска Алиска в лучшем платье всё поняла и усвоила. Женя перебрала свои наряды. Но ничего, кроме юбки от костюма и кофточки, придумать не смогла. А если... нет, сарафанчик, переделанный для бала, никак не годится. Ну что ж, расстегнём у блузки воротничок и сделаем её навывпуск с кушаком из ленты. Пожалуй, так будет неплохо.

– Какая ты красивая! – убеждённо сказала Алиса.

Женя засмеялась и чмокнула её в щёку.

– Ты всё поняла?

– Ага.

– Говоришь только, когда спросят, в разговоры не лезешь, за столом ничего не хватаешь. Я всё сделаю сама.

– Ага, – вздохнула Алиса.

– Ну вот, а пока никого нет, я тебе почитаю.

Женя читала Алисе до без четверти пять. Потом попросила дочку поиграть самой и, не зная, куда себя деть, прошла на кухню. Кухня, как и комната, сияла необыкновенной чистотой. На всякий случай. Женя подошла к окну. Улица залита солнцем и пуста. День Матери – семейный праздник. Гости – редкость, в основном, поздравляют и навещают матерей. Ну что ж, у неё всё не как у людей, будет и это...

В пять минут шестого пришли Ирэн и Этель.

– Боже мой, это ваша дочка? – восхитилась Ирэн. – Какая прелестная девочка! Как тебя зовут, детка?

– Элис, мэм, – Алиса изобразила нечто вроде книксена.

– А сколько тебе лет? – вступила Этель.

– Пять лет, мэм, – Алиса повторила движение.

– Прелесть, прелесть!

– Джен, для мамы с пятилетним стажем вы чудно выглядите.

Женя поблагодарила, разлила кофе и подала печенье. Гости пили кофе, восторгались печеньем, Алисой, уютом, милой простотой скромного жилища и самой Женей. Женя восторгалась вкусом, тактом и умом гостей. Через полчаса пришла Майра, выяснила, как Алису зовут, сколько ей лет, и разговор пошёл по новому кругу.

Алиса сидела рядом с Женей и старательно улыбалась гостям, совсем как мама. Женя время от времени ободряюще улыбалась ей, и тогда Алиса тихо, совсем незаметно вздыхала.

Выпив кофе, гости ещё немного повосторгались, посплетничали и стали прощаться. И тут пришла Роза. Алиса, уже решавшая, что она требует с матери за своё хорошее поведение, гневно насупилась, исподлобья оглядывая новую гостью.

Несколько минут суеты, поцелуев, восторгов, и Этель, Ирэн и Майра упорхнули. Женя невольно облегчённо вздохнула, переглянулась с Рози, и они рассмеялись.

После Бала Рози изменилась. Она не то что похорошела, но стала как-то свободнее. И сейчас она очень естественно поцеловала Алису в щёчку и не докучала её глупыми вопросами об имени и возрасте, а достала из сумочки и вручила ей куклу в фермерском костюме.

– Какая прелесть! Настоящая Барби! – восхитилась Женя. – Но, Рози, право, это неудобно.

– Нет-нет, – смеялась Рози. – Сегодня День Матери. А хочешь порадовать мать, порадуй её ребёнка. Так говорила моя мама.

– Мамы не ошибаются, – вздохнула Женя.

– А ты что подарила сегодня маме? – обратилась Рози к Алисе.

Алиса оторвалась от куклы и подняла на гостью глаза. Что ж, такая заслуживает честного ответа.

– Я её сегодня весь день слушаюсь.

Рози ахнула и залилась таким весёлым искренним смехом, что засмеялись и Женя, и Алиса.

– И как ты её назовешь, Элис? – спросила Рози.

– Как тебя, – сразу ответила Алиса и вежливо добавила, покосившись на мать. – Вы мне позволите, мэм?

– Ну конечно, Элис.

– Значит, её зовут мисс Рози, – сказала Женя и мягко подтолкнула Алису к её уголку.

– Большое спасибо, мэм, – сказала Алиса и пошла знакомить мисс Рози с Линдой, Тедди и Спотти.

Женя принесла свежего кофе и новую порцию печенья.

И вроде бы тот же ни к чему не обязывающий разговор, но с Рози он немного другой и намного приятнее. И Женя чувствовала, что Рози пришла позже остальных не случайно. Ей надо о чём-то поговорить.

– Джен, я хотела бы... – Рози оглянулась на Алису. Та сидела на полу и тихо беседовала со своими куклами. – Я хотела бы обсудить с вами один вопрос.

– Пожалуйста, Рози, я с охотой помогу вам.

– Джен, я на Балу познакомилась. Он... ну, словом, мы встречаемся. И мне неловко. Он не знает, что я... что у меня не было... – Рози покраснела и снова покосилась на Алису.

– Я понимаю, Рози, – успокоила её Женя. – Вы боитесь, что он, узнав, вас бросит?

– Да. Ведь в первый раз это так больно и неприятно, что этот... ну, с кем... что испытываешь к нему ненависть. И я не знаю, что мне делать. Раньше были Паласы. И вся проблема решалась очень легко.

– Даже слишком легко, – задумчиво сказала Женя.

– Да, возможно и так. Но, но что мне делать, Джен? Ведь Паласов нет. Я попробовала поговорить... с одной, вы её не знаете, но она очень опытна. В этих вопросах. И она посоветовала мне... Она говорит, что в городе есть... ну, бывшие спальни. Немного. Уцелевшие. И что можно нанять для этого. Правда, это дорого, потому что они скрываются, и не будет выбора, как в Паласе. А только тот, кого она найдёт. Как вы думаете, Джен, может попробовать? Я чего-то боюсь. Но другого-то выхода нет.

Слушавшая вначале просто вежливо и добродушно, Женя вся напряглась. Но выдать себя нельзя. И она задумчиво, будто решая задачу, сказала.

– Я думаю, вам, Рози, не стоит с ней связываться. Вы рискуете потратить деньги и ничего не приобрести.

– Да, я тоже так думаю. Всё-таки в Паласах за ними следили, за здоровьем, чистотой, и вообще... Но как же тогда... с этим?

– Попробуйте поговорить... со своим другом. Если он действительно друг вам, он всё поймёт. И всё будет хорошо.

– Но... но Джен, я же тогда... если я с ним... я же возненавижу его.

Рози смотрела на неё с такой надеждой. А Женя, глядя перед собой остановившимися расширенными глазами, видела... смуглое напряжённое лицо... тёмные с длинными пальцами руки, скользящие по её животу... неожиданная улыбка, словно вспышкой молнии, освещающая это лицо и делающая его озорным и близким... играющие, переливающиеся под гладкой смуглой кожей мышцы... и тихий шёпот, где слова уже не важны... и это же тело, но тёмное, в пятнах синяков и ссадин, костлявое, жёсткое... опухшее перекошенное лицо, залитое кровью... Женя перевела дыхание, нашла глазами ждущее лицо Рози и улыбнулась.

– Когда любишь, то ничего больного, грязного, некрасивого уже нет. Если он вас любит, Рози, то всё будет хорошо, – и тут же поправилась, – если вы друг друга любите.

– Да, Джен, вы, конечно, правы, – обрадовалась Рози. – И потом, ведь эти, спальники, я думаю, что они ничего, ну ничего не чувствуют. Вы понимаете? Ну, вот мы же печатаем и болтаем совсем о другом, нам всё равно, что печатать. И им так же, всё равно с кем... ну, вы понимаете, Джен. Работа – это же совсем другое.

– Да, – кивнула Женя. – Работа, это совсем другое.

– Большое вам спасибо, Джен, вы так помогли мне. Конечно, я лучше поговорю с ним. Он такой добрый и умный...

Дальнейший разговор шёл как-то мимо сознания Жени. Она проводила гостью, переоделась сама и переодела Алису, убрала со стола. Потом стирала, играла с Алисой, шила, готовила. Но всё это так, это не она, а кто-то другой живёт заведённым порядком, а она сама... у неё сейчас одно. То страшное, что так легко, походя сказала Рози, и о чём она ни разу не подумала за эти шесть лет. Для него это было работой. Ра-бо-та! И Рози права, иначе и быть не могло. И на следующую ночь он был с другой, работал, и потом, и потом... И она для него как для неё очередной лист с текстом. Не больше. Он работал, работал хорошо, честно, она должна быть благодарна ему за его старания, но он только работал. Поэтому сейчас так невесомы его объятия, так отчуждённые губы. Поэтому он так охотно ушёл спать в кладовку. Да, он благодарен ей, заботлив, но... но она же совсем, ну, совсем не чувствует в нем того... желания, что ли. В Хэмфри оно за десять шагов не то что чувствовалось, а прямо било разрядом, будто за провод взялась, било её, стоило ей оказаться рядом с Хэмфри. Но... но почему она решила, что права Рози? Что они не маньяки, а работники? Может... может, она просто не вызывает у него желания. Он не любит её, а просто... просто отрабатывает своё спасение. И не надо! И пусть так и будет! Он же не виноват, что она выдумала эту любовь. А её и не было вовсе! Просто... просто на неё даже маньяк не польстится!

Женя так яростно оттирала кастрюлю от пригоревшей каши, что заметила возвращение Эркина только, когда стукнула дверца плиты. Она обернулась и увидела его привычно сидящим на корточках перед топкой и поворачивающим, чтобы лучше горело, полено. И сразу раздражение, обида, неприязнь исчезли. Осталась только грустная щемящая нежность к этому смуглому черноволосому парню, что готов замучить, загнать себя на работе ради... ради чего? Лишь бы его не прогнали, разрешили жить рядом, спать на холодном полу в затхлой кладовке, так что ли? Ради той тарелки супа, на которую он каждый раз смотрит как на чудо?

Эркин почувствовал её взгляд и обернулся, посмотрел на неё снизу вверх.

– Ну, – Женя кашлянула, справляясь с голосом. – Как отпраздновал? Гулял?

– Да. С Андреем на пруд ходили, за городом. Купались.

Женя невольно улыбнулась его мальчишеской интонации.

– А ещё что? Было интересно?

Он как-то неуверенно пожал плечами.

– Да нет, пожалуй.

– Что так?

– Мы... мы не умеем праздновать. Так. Поели, выпили, не работали. И всё.

– Ну, – Женя ополаскивала кастрюлю, – танцы хоть были?

Он засмеялся.

– Были.

– Танцевал?

Он мотнул головой.

– Посмотрел, и хватило.

Не станет он Жене рассказывать, что сначала побоялся выдать себя в танце, а потом... И ведь тогда придётся рассказать и об этой... суке. Они с Андреем стояли и смотрели на танцующих. В плотной густой толпе. Их толкали, сдвигали, но он чего-то увлёкся и подавался вместе с толпой, ничего не замечая. И вдруг почувствовал, что кто-то гладит его по ягодицам. Умело гладит. Дёрнулся и оглянулся на что-то Андрей, но снова уставился на танцующих. Он покосился налево и увидел смуглую черноволосую женщину, с живым интересом разглядывающую танцоров. На его взгляд она пожала плечами и отвернулась. А чужая рука уже скользит по левому бедру, заходит на живот. Ну... ну сейчас... Он высвободил правое плечо и резко левой рукой перехватил эту кисть, сжал, насколько мог, и с криком: «По карманам шарить, сука!» – с размаху, с разворота ударил обладателя этой руки. В последнюю секунду он увидел, что его кулак летит в лицо именно этой, что стояла рядом с ним, женщины, что это её рука, и не ударил как хотел, сдержал удар, мягко ткнув ей в нос, пустив кровь без перелома, ниже удивительно светлых на смуглом лице глаз. Она с криком отшатнулась, выдёргивая руку, и он отпустил её. Она убежала, а толпа ещё попомонила, обсуждая, что карманников развелось... И потом, он уже простился с Андреем и шёл домой, он снова увидел её. На границе Цветного квартала. С ней троих. Чуть подальше, плохо видимых в темноте.

– Эй, – окликнула она его. – Ты, дурак. Чего размахался? Нужны мне твои карманы! Дело есть.

Он остановился, нащупывая и открывая в кармане нож.

– Если ты, сука, – он длинно выругался, – ещё раз полезешь, пожалеешь, что вообще родилась.

Она захохотала.

– Ты ж спальник, чего ломаешься?! Можешь заработать.

– А пошла ты, – он добавил кое-что из Андреева списка.

– Да ты перегорел, что ли?

Те трое вроде подходят, хотят с боков зайти? Он вытащил нож, и они остановились.

– Перегорел? Точно? Мерин, значит. Так и мерину работу найдем.

Он молчал, приготовив нож. И она захохотала, сплюнула ему под ноги.

– Зря, конечно. А так... живи, меринок. Я не в обиде, что воровкой ославил. Всё-таки поостерегся. Живи, раз такой осторожный.

Он дождался, пока они уйдут, не трогаясь с места. И потом долго кружил по улицам, проверяя, не идут ли следом, чтобы не навести на Женю. И уже у самого дома сообразил, почему её голова была такой странной. Чёрные волосы были париком, он съехал, и из-под него выбивались светлые пряди.

Не может он об этом рассказать.

– Мне хватило, – повторил Эркин.

– Ужинать будешь?

Он молча мотнул головой.

– Как всегда, – усмехнулась Женя. – А чаю?

– Чай буду, – сразу согласился он.

Даже странно, как он быстро привык к чаю. Ведь раньше никогда не случалось, чай бывал только в очень дорогих Паласах, когда «по-английски», он всего раз за таким столом прислуживал, а пробовать и не пробовал ни разу. А теперь пьёт каждый вечер. Женя кофе никогда не варит. Только чай.

Алиса уже спала, и Женя как всегда затенила коптилку. Женино печенье Эркин нахваливал всюю, но Женя подозревала: только потому, что другого не пробовал. Она так и сказала ему. В шутку. Но он виновато поёжился. И Женя сообразила, что действительно ведь не пробовал. Ей захотелось погладить его по голове, утешить, но она сдержала себя. Может, ему и неприятно, что она так постоянно трогает его. А эти поцелуи рук и как он иногда прижимается к её руке лбом... Ну, он же должен это уметь и знать. По работе.

После чая он почти сразу ушёл в кладовку.

Эркин лёг, завернулся в одеяло. Поворочался. Как сказала эта сука? Мерин? Точно сказала, стерва. Шлюха белая, бегаёт, спальников вынюхивает. У него после удара о её харю на кулаке какая-то дрянь налипла. Оттирал потом травой. Это она под цветную намазалась. Ну, попадетса она ещё ему на дороге... Мерин тоже... лягаться умеет. Убьёт на месте, по земле размажет. Только мерином всё равно останется. Чтобы не закричать в голос от обиды, он закурил угол подушки, привычно загнал боль внутрь, чтоб не мешала жить. Сон уже наваливался блеском воды, белым страшным телом Андрея, пьяными песнями Цветного...

Женя прислушалась. Спит. Она лежала и никак не могла заснуть. Надо будет рассказать Эркину об этой... про которую говорила Роза. И мысль о Розе сразу вызвала, потащила за собой весь этот клубок. И обиду... Что вот он, больше месяца рядом и... и словно не понимает, что она – женщина. Нет, он добрый, хороший. Но неужели она настолько подурнела, что совсем, ну, совсем не волнует его. Хэмфри говорил: «У мужчины встаёт от одного взгляда женщины. Конечно, если это женщина». И остальные... да, по-разному, но все говорили одно и то же. Женщина волнует мужчину, возбуждает его. А спальники приучены возбуждаться от любой женщины. И уже сами возбуждают её. Хэмфри возбуждался легко. И его возбуждения хватало на двоих. Нет, не хочет она даже думать о нём. Эркин, ну почему, почему ты так? Ведь тогда она понравилась ему. Нет, не работал он тогда. Она же ничего не делала, это он был так страстен и нежен, если бы она ему не нравилась, нет... Не могло это быть работой. Так что же сейчас? Почему? Нет, не будет она больше ждать. Пусть скажет сам.

Женя встала и как была, в одной ночнушке, пошла на кухню. На пороге остановилась. Взять коптилку? Нет, на свету она может и не спросить. А в темноте, в темноте говорят уже правду. Хэмфри в темноте говорил то, чего бы никогда не решился сказать на свету.

Пол холодил ступни. Тапочки она тоже забыла. Надо будет Эркину тапочки купить, а то он дома босиком ходит. Правда, она полы моет часто, но так и простудиться недолго. Вот и кладовка. Она нашарила ручку, потянула. Он не запирался, дверь открылась мягко, без скрипа, и она услышала, вернее, почувствовала его дыхание.

– Эркин, – позвала она шёпотом. – Эркин, ты спишь, Эркин?

– ...Эркин, – звали его из темноты, – Эркин.

Голос, который шесть лет звал его в снах, не давая соскользнуть в Овраг...

Дыхание прервалось.

– Что? Женя? Что случилось?

Тревога в его голосе почему-то успокоила её.

– Ничего. Я хочу поговорить с тобой.

Женя шагнула вперёд и сразу наткнулась на него. Когда он успел только вскочить на ноги? Он держал её бережно, но... но это не было объятием. Но её это уже не могло остановить.

– Эркин.

– Да, Женя.

– Скажи, я совсем не нравлюсь тебе?

– Что? Я... я не понимаю...

– Не надо, Эркин. Ты всё понимаешь. Ты не хочешь близости между нами, да?

Он молчал. Она стояла, опустив руки, касаясь плечом его груди, и его руки лежали кольцом вокруг неё. Не давали упасть и не касались. И она продолжала.

– Почему? Я стала такая некрасивая?

– Нет, – у него был хриплый сдавленный голос. – Ты... Женя, ты... – у него как пережало горло, и он не закончил фразу.

– Эркин, тогда, ну, когда мы встретились, ты... я ведь понравилась тебе тогда?

– Да.

– Помнишь, я плакала тогда? Когда мы прощались. Я думала, что никогда не увижу тебя, что мы навсегда расстанемся.

– Да, помню, – теперь он говорил тихо и очень глухо.

– Я ждала тебя. Ты пришёл. И тебя нет. Почему? Ну, говори же, Эркин. Я хочу знать. Ты разлюбил меня?

– Нет, – и таким криком у него это вырвалось, что она повернулась к нему, прижалась и охватила, обняла его, такая боль звучала в этом еле слышном крике-шёпоте. – Женя, ты... у меня ничего нет, только ты. Я живу, потому что ты есть. Не будет тебя, и мне жить незачем. Не будь тебя... я только тобой и жил. Женя...

– Ну, так что ж тогда? Что мешает тебе?

– Я... я уже пять лет... не спальный, я скотником был. Вот, у меня и руки стали... Я дотронуться до тебя боюсь, что больно сделаю.

Женя засмеялась.

– А я думала, что тебе неприятно, когда я тебя трогаю.

– Женя... я боялся...

– А ты не бойся, дотронься. У меня же тоже вот, – она провела ладонью по его левой щеке. – Чувствуешь, какие шершавые. Тебе же не больно?

– Нет.

– И мне не будет. Ёжик мой, ёжики всегда колючие.

«Дурак, сволочь, скажи ей всё, она же не знает ничего, не понимает!» – кричал он себе, а его руки уже прижимали её, и он уже ловил губами её ладони, гладившие ему лицо. Нет, не скажет он, что будет, то и будет. Не может он так мучить её, пусть будет, как будет. Она к нему пришла, сказала то, чего он не ждал услышать, не думал, что вообще могут быть такие слова.

Он целовал её лицо, влажное от выступивших в разговоре слёз, собирал их губами, а руки его, глупые непослушные руки, которым бы только через ткань... они расширяли ворот её рубашки, сталкивали вниз, высвобождая её плечи. Худенькие, с ямками над ключицами. Он поцеловал её в эту ямку и почувствовал губами биение пульса. Оглушительно затрещала, разрываясь, ткань рубашки, тихо засмеялась Женя, и он, сдвигая рубашку, целовал её в грудь, в ложбинку между грудями. Она оперлась ладонями на его плечи, и он стоял перед ней уже на коленях, прижимая её к себе, касаясь губами её живота и не смея опуститься ниже. Позволит ли она? Ведь по-другому он теперь не может. Женя опять засмеялась, обнимая его за голову, прижимая его. И он гладил, вёл руками по её телу и, забываясь, вжимал ладони. И вдруг замер.

Женя перебирала его волосы, запуская пальцы в пряди, играла ими, а он с ужасом, боясь поверить, прислушивался к себе. Будто какие-то тяжи туго натягивались внутри, собирая, бугря мышцы, и горячая упругая сила била толчками, и пульсировала, набухая, плоть, выпрямляя и разворачивая тело. Нет, не может этого быть, не должно. Это есть – отвечало тело. Он знал себя, своё тело и не ошибался в его сигналах. Но сейчас... «Нет, ты же не можешь... этого» – «Могу, всё могу».

Эркин медленно встал, выпрямился. Женя стояла перед ним, всё ещё держась за его плечи. Она не видела его застывшего, иступлённого лица. Она просто и доверчиво следовала

его движениям, когда он мягко и сильно, положив ладони ей на ягодицы, раздвигал и разворачивал ей бёдра. Он чуть осел под ней и мягко точно вошёл. И тут же снова выпрямился, и сжал, сдвинул её ноги, зажал их своими ногами. Он не может рисковать, срыва не будет. Они стояли, обхватив друг друга, сцепленные, соединённые самым прочным, каким он знал, замком. Мягко покачиваясь, пружиня спиной, чудом держа равновесие, он сильно бил и бил толчками, и она, плотно прижавшись, поймав ритм, качалась встречными мягкими толчками. И ничего уже не было, только это тёплое, горячее, и она, прильнувшая к его груди, и его руки плотным кольцом вокруг нее, и встречное, слаженное, соединяющее их движение...

Женя вздрогнула от прикосновения холодного воздуха, и Эркин вдруг ощутил, что она уже не стоит, а держится за него и ей холодно, что они незаметно разделились. Ему было страшно отпустить её, что всё это сейчас окажется сном, одним из его сумасшедших несбыточных снов, когда он сочинял, чем бы он порадовал её, выдумывал такое, что наяву бы в жизни в голову даже не пришло... А оказалась тесная тёмная кладовка, и ей холодно, она устала...

Он мягко опустился, укладывая её на свою постель, нащупал сбитое, отброшенное в стору одеяло, расправил и укрыл её. А это что? Её рубашка? Кажется, он порвал её, вроде трещала материя... Дурак, совсем голову потерял. Он на ощупь забросил рубашку на стеллаж, чтоб не мешалась. Его била дрожь. То ли от холода, то ли...

– Эркин, – позвала Женя, – иди сюда.

Он осторожно лёг под одеяло, вытянулся рядом на краешке, но Женя обхватила его за поясницу и притянула к себе. И уже она укрывала, укутывала ему спину и плечи.

– Тебе удобно?

– Всё хорошо. Мне очень удобно. Ты дрожишь. Тебе холодно?

– Нет, всё в порядке.

Рука Жени мягко скользит по его боку, по бедру. Ей так хочется сказать: «Ну вот, а ты боялся», – но что-то мешает, и она говорит совсем другое.

– А Роза подарила Алисе куклу.

– М-м, – он мычит что-то невнятное, потому что ему как раз попали под губы её волосы, и он осторожно отдувает их.

– Они тебе мешают?

– Нет, – и лягает уже совсем несусветное. – Они вкусные.

– Ужинать надо вовремя, – притворно сердится Женя, отбирая у него свои волосы.

– Ага, – легко соглашается он, ловя губами её щёку, но почему-то натывается на нос.

Женя тихонько смеётся, и этот смех отдаётся его телу уже новой дрожью, тёплой, рождающей новую силу. Но он медлит, сдерживает себя: ей надо отдохнуть.

Но рука Жени, мягкая тёплая рука, с трогательными, памятыми с той ночи бугорками мозолей, мягко гладит, ласкает его, и он приникает к ней, утыкается лицом, губами в её шею. И Женя мягко поддаётся его нажиму, поворачиваясь на спину. Эркин растопыривает локти, чтобы случайно не задеть Женю, и крепко упирается ими в перину по бокам Жени, теперь его тяжесть придётся на его руки, не помешает ей. Женя пропускает свои руки под его руками и обхватывает его за спину, заставляя лечь на себя. Он пружинит, боясь своей тяжести, но руки Жени настаивают, он сдаётся и, входя, опускается на нее. Губы Жени мягко касаются шрама на его щеке, гладят его. И он уже спокойно, не боясь ничего, качает её ласковыми толчками. И всё тело Жени мягко качается, колыхается, сливаясь с его телом.

– Эркин, Эркин, – губы Жени шевелятся у его уха.

Или она что-то другое говорит? Или это он зовёт её? Он поворачивает голову, и их губы встречаются, но Женя начинает тяжело дышать, и он убирает, отводит лицо и слегка, чуть-чуть, только чтобы облегчить ей дыхание, приподнимается на локтях. От напряжения начинает кружиться голова, он судорожно слатывает, пытаясь удержаться от обморока. Но его дыхание уже стало таким же частым, неровным, как и у Жени, качание неритмичным, беспорядочным,

и он уплывает, уходит куда-то, и последним сознательным движением он опять опускается, обхватывает Женю, чтоб не потерять её в чёрно-красном, захлестывающем его водовороте.

Водоворот медленно отступал, высвобождая его. Он лежит на спине, и Женя спит рядом на его руке, прижавшись щекой к его груди. И она такая маленькая и худенькая, что помещается в тесной щели, что он оставил ей, раскинувшись во сне. Он пробует подвинуться, но она только крепче охватывает его, и он замирает, боясь её потревожить. Но одеяло... одеяло он сейчас подтянет. Свободной рукой он подтягивает и расправляет одеяло, укрывает Женю так, чтобы не заслонять ей лицо, и закидывает руку за голову, упираясь локтем в стену. Подушка тоже куда-то отлетела. Ладно, Жене удобно, а ему и так хорошо.

Эркин дышал медленно, спокойно восстанавливая дыхание, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Была пустота, какая-то новая, неиспытанная раньше пустота. Не тяжёлая опустошённость после смены и не чёрная мёртвая от усталости пустота ночи на скотной. Она какая-то тёплая, мягкая и словно светится, без лампы или свечи, а сама по себе. И он плыл в этой светящейся пустоте. Не хотелось даже думать о случившемся. Это было. И всё. И он знает, что будет, что он опять полновластный хозяин своего тела, и не нужны ему для проверки никакие упражнения. Он знает это. И сделала это Женя. В третий раз её голос, её руки... Сейчас он передохнёт и встанет, уложит Женю на кровать и укутает. Здесь она точно простудится, вон от двери как тянет. И немного поспит сам. Хоть и не устал.

Эркин вздохнул и осторожно, чтобы зря не потревожить Женю, свёл и распустил мышцы. Хорош. Сейчас он передвинет Женю на себя и сможет встать, взяв её на руки одним движением. Вроде она крепко спит. Ну, пошёл...

... Женя проснулась от солнца, бившего ей в глаза. Она завозилась, пряча лицо, и открыла глаза. И ничего не смогла понять. Она на своей кровати, без рубашки. Завёрнута в одеяло так, что и не выбраться. Комната залита солнцем. Одета умытая Алиса стоит у её изголовья, сжимая в руках новую куклу. А Эркин... тишина в квартире указывала на его отсутствие.

– Ты проснулась? – спросила Алиса.

– Да, – ответила Женя. – А где Эркин?

– Он на работу ушёл, – Алиса повертела куклу и задумчиво спросила. – Ты болеешь?

– Нет, – Жене, наконец, удалось выпутаться из обёрнутого вокруг неё рулоном одеяла. –

Я здорова.

– А чего тогда Эрик сказал, чтоб я к тебе не приставала?

– Не чего, а почему, – привычно поправила Женя. – Потому что он хотел, чтоб я выпалась. Сегодня выходной.

– А почему он тогда сказал, что на работу?

– Потому что у него работа в выходные дни.

Женя прямо на голое тело накинула халатик и с наслаждением потянулась. Тело ломило, но не от усталости. Наоборот, хотелось двигаться, что-то делать. И очень хотелось есть.

– Я проснулась, а ты спишь, – рассказывала Алиса. – Я пошла на кухню, а Эрик чай пил. С хлебом. Он сказал, что ты должна спать. И дал мне чаю. И сказал, чтобы я сама всё сделала.

Женя бегала по квартире в суматохе утренних дел, а Алиса бегала за ней, рассказывая на ходу, как они с Эриком всё делали и не разбудили её.

Управившись с утренними делами, Женя подошла к кладовке. Уходя, Эркин накинул крючок, и она уже давно, хлопоча на кухне, пробегая в комнату, косилась на белую дверь с тонкой короткой чёрточкой крючка. И сейчас решила. Сняла крючок и потянула дверь. Конечно, Эркин всё убрал. Его постель свёрнута и запрятана под стеллаж. Все его вещи аккуратно лежат на своих местах. Но что-то изменилось. Что? Женя стояла в дверях и не могла понять. Она шагнула внутрь, и дверь плавно закрылась за ней. Её охватила ночная темнота, и тогда она ощутила лёгкий запах. Живой, чуть пряный запах человеческого тела, запах Эркина. Он почти не заметен, видимо, он проветривал с утра кладовку, и нужно очень стараться, чтобы ощу-

тить его, но она старалась. Женя негромко рассмеялась в темноту. Ёжик, ёжик колючий. И как оказалось всё просто и объяснимо. А она уже накрутила, навывдумывала... Всё ещё смеясь, Женя повернулась и вышла. И уже выходя, заметила свою ночнушку. Она лежала скомканная на верхней полке, и, если бы не свесился кусок подола, так бы и осталась. Значит, Эркин как ночью забросил её туда, так и забыл. Женя сдёрнула рубашку и вышла из кладовки, накинула крючок.

На свету осмотрела ночнушку. От ворота почти до пупа разрыв. Ситец, конечно, старенький, но разрыв почти не лохматится, значит, одним рывком. А она и не ощутила его. Однако и силища у Эркина всё-таки...

Женя села зашивать ночнушку. Алиса вертелась рядом и радостно болтала. Женя отвечала ей и шила. Она шила короткими нитками и часто наклонялась, откусывая нитку. И каждый раз вдыхала запах рук Эркина, оставшийся, как ей казалось, на ткани.

Эркин вернулся в сумерках. Женя увидела его в кухонное окно и подвинула на огонь кашу. Но он медлил, и она вышла на площадку, откуда видна калитка, узнать, что его задержало. Он стоял и разговаривал с седой благообразной дамой из дальнего дома, которую все так и называли Старой Дамой. Вернее, она что-то говорила, а Эркин слушал и время от времени почтительно кивал. Наконец она величественным, но не обидным жестом отпустила его и ушла. Эркин поднял голову, увидел Женю, улыбнулся и пошёл к двери.

Он и в кухню вошёл, улыбаясь. И Женя улыбнулась ему в ответ. Он прошёл в кладовку и там разулся, вышел в кухню уже босиком. Женя ждала, что он подойдёт к ней, обнимет, поцелует, ну как положено, а Эркин сразу занялся топкой. Но тут он искоса, снизу вверх быстро взглянул на неё, и прежняя улыбка мгновенно блеснула и тут же спряталась. И вот он уже занят только огнём, сосредоточенно поправляя поленья. И Женя засмеялась и сказала совсем не то, что готовила.

– Уже жарко совсем. Тебе, наверное, тяжело в сапогах.

Он ответил, не оборачиваясь.

– Я смотрел, когда штаны искал. Обувь очень дорогая. И только на деньги.

Женя кивнула.

– Надо посчитать. Я пойду шторы опущу, темно уже, а ты мойся. Сейчас ужинать будем, – и от двери добавила. – Сегодня не отвертись.

– Не буду вертеться, – согласился он, вставая и расстёгивая рубашку.

Он умылся под рукомойником, обтёр мокрыми ладонями грудь и плечи, а когда выпрямился, перед ним стояла Алиса с чистым полотенцем.

– Вот, мама сказала, чтобы ты уже шёл.

Идя домой, Эркин не знал, что ему говорить и делать. Он весь день был в смятении: случившееся ночью слишком ошарашило его, не так обрадовало, как испугало. Как и всякая неожиданность. И он путался, спотыкался, отвечал невпопад... Ловил на себе недоумевающий взгляд Андрея, но ничего не мог сделать. Когда он в очередной раз стукнул мимо гвоздя – они что-то чинили, он так и не понял, что, – Андрей не выдержал.

– Тебя что?! С бабы сдёрнули, а разбудить забыли?

Эркин удачно стукнул себе по пальцу и потому смог отмолчаться, посасывая ушибленный ноготь. Больше Андрей ему ничего не сказал. Они вообще потом работали молча. И он как-то справился с собой. И даже договорился с этой белой старухой о завтрашней работе. Что он ходит за напарником, и они ей перепилят и переколют все её брёвна, и починят навес над поленицей. Это ж надо додуматься – сарая у неё нет! Но это её проблема. Нет, он всё понял и договорился об оплате деньгами. Но вошёл, увидел Женю, и словно его кто по затылку огрел. Нет, он старался держаться и разговаривать как обычно. И даже что-то получалось.

Эркин с силой растёр лицо, повесил полотенце рядом с рукомойником, пригладил обеими руками волосы. Он тянул время, но под внимательным взглядом Алисы несколько раз вдохнул, выдохнул и шагнул через порог.

Сидел на своём, уже обычном месте, ел густую, с мясом, жирную кашу. Женя постаралась. Всё мясо она ему, что ли, выбрала? Он не выдержал и спросил об этом.

– Нет, я потом нарезала. Нравится?

Рот у него был набит, и он молча изобразил восторг.

– Положить ещё? – и не дожидаясь ответа, Женя потянулась к его тарелке. – Я сегодня весь день такая голодная.

Эркин медленно покраснел. Но Женя уже поставила перед ним тарелку, и он начал есть, наклонившись, чтобы скрыть лицо. Он чувствовал на себе взгляд Жени и рискнул покоситься на неё. Она сидела, подперев подбородок кулачками, и смотрела на него. С доброй и очень... мягкой улыбкой. И он перевёл дыхание и поднял голову.

Женя засмеялась его робкому безмолвному вопросу, и он понял, что ему ответили. И напряжение сегодняшнего дня стало отпускат. Они ещё пили чай, а он уже засыпал, и, к немалому удовольствию Алисы, ему сказали идти спать даже раньше, чем ей.

Эркин дотащился до кладовки, уже с закрытыми глазами вытащил и развернул перину, кое-как побросал одежду и рухнул на постель. А как укрылся, и сам не знает.

Женя, войдя в кухню, постояла у двери кладовки, прислушиваясь к его дыханию, но заходить не стала и взялась за посуду. Пусть спит. Хэмфри как-то говорил, что мужчина всего себя в это вкладывает. Да и другие жаловались, что мужчина потом, ну, ни на что не способен. А он ещё весь день работал. Она-то сама спала почти до полудня. Эгоистка! Хорошо, хоть он поел, как следует. А то ушёл утром полуголодный. Ему обязательно нужны ботинки или ещё лучше – кроссовки. И легко, и не такие они тонкие, как скажем, кеды, те сразу протрут. Джинсы он себе удачно купил. Совсем целые. А рубашки у него все ношенные, чиненные. Клетчатая получше, но там штопка очень хорошо сделана, совсем незаметно. Майки он не носит. Ну и пусть лежат до осени. Будет их поддевать. Куртка у него ещё зиму выдержит. Зимы здесь мягкие. К зиме, пожалуй, только пару тёплых шерстяных, или подешевле байковых рубашек надо будет купить. Или распустить старую кофту и связать ему джемпер. Все равно она её не носит. Вот Алиса растёт, ей на зиму много нужно. Ну, или ему она вяжет, а Алисе покупает. Или если купит рубашки, то кофту перевяжет Алисе. Надо будет посчитать, что лучше. На лето у Алисы есть, да ещё она лоскуты купила. И с одеждой ничего, вот обувь – главная проблема. Эркин прав, Обувь безумно дорога. Простенькие туфли – четырехнедельная зарплата. С ума сойти! А хорошо бы на лето платье. Говорили, в моде будет матросский стиль. Стоп-стоп. У неё, кажется, что-то есть. Ну да, её старое платье. Бело-синее. Надо будет посмотреть, как его переделать. За квартиру она уплатила, теперь только через месяц...

Женя уже давно закончила все домашние дела, легла, уже спала, а расчёты и соображения никак не хотели оставить её в покое и дать возможность не спеша вспомнить и снова пережить вчерашнюю ночь.

– Джен, вы удивительно похорошели! – пальцы Ирэн выбивали звонкую дробь.

– Джен всегда была хорошенькой, – возразила Этель и лукаво добавила. – Как бутон.

– Да, – подхватила Майра, – а теперь она расцвела.

– Меня вдохновило цветущее окружение, – весело отпарировала Женя. – Но кто действительно расцвёл, так это Розы.

– Розы, ваша Счастливая Фермерша произвела фурор.

– Многие просто заболели фермерской модой.

Розы польщённо покраснела.

– Розы влюблена, – авторитетно заявила Майра.

– Конечно. Розы, не стесняйтесь, это видно невооруженным взглядом.

– Женщина хорошеет, когда влюбляется!

– Да?! – защищалась Розы. – А Джен? Джен, вы влюблены?

Женя не успела ответить.

– Влюблены в Джен, – вмешалась Ирэн. – Женщина расцветает, когда в неё влюбляются.

– Да, инженер Мюллер покорён, повержен и взят в плен, не правда ли, Джен?

– Ах этот Бал. У нас в городе все дамы расцвели.

– Либо влюбились они, либо в них. И неизвестно, что лучше.

Женя с удовольствием смеялась и болтала. Неужели, совсем недавно, ей эти разговоры казались глупыми и неинтересными. Радость переполняла её, приподнимала над землёй. И очень удачно, что влюбленность Гуго заметна всем. Не будь её, как бы она объяснила своё состояние. А так, ей не надо объяснять и не надо скрывать. Заметят и объяснят сами. А ей даже не надо ни отрицать, ни подтверждать. Можно просто смеяться и шутить. И думать о своём.

Сегодня она встала почти одновременно с ним и успела его накормить. Он спешил. Ему надо было найти Андрея и уже вместе работать у Старой Дамы. Никто во дворе иначе её не называл. Но она заставила его поест. Выпить горячего сладкого чая и поест хлеба с мясом. День обещал быть жарким, и он надел рубашку с короткими рукавами. И она опять завела речь о кроссовках. Он согласился, что кроссовки лучше и дешевле, и сказал, что ходит по вещевому ряду, посмотрит, сколько за них просят, и тогда уже вечером они посчитают деньги и прикинут, сколько нужно и сколько есть.

– Сигареты я больше не беру. На них всё равно ничего не меняют, – он торопливо глотал большие куски хлеба.

Она согласилась с ним. Он допил чай и уже у двери вдруг остановился и оглянулся. И подошёл к ней. Она обняла его, и его руки снова сомкнулись кольцом, тёплым сильным кольцом.

– Женя, – тихо сказал он. – Это правда?

– Правда, – убеждённо сказала она.

И потянулась поцеловать его, а он за этим же нагнулся, и они стукнулись лбами. Он даже испугался, а она засмеялась.

– Давай ещё раз, а то поспоримся, – и, взяв обеими руками его за голову, легонько стукнула своим лбом об его.

– Ну, всё, мне Алису будить.

– Да, бегу.

И убежал, только калитка хлопнула. Она метнулась к кухонному окну, но он успел вернуться за угол. Глупыш, ёжик колючий. Нашёл чего стесняться – намозоленных рук. Будто это так важно.

Женя рассмеялась удачной шутке Этель.

– Девочки, хотите анекдот? – Майра сегодня в ударе.

Глупый но неприличный анекдот вызвал общий восторг. Только миссис Стоун словно не слышала ничего. После Бала она стала совсем незаметной.

Брёвна Старой Дамы они перепилили к полудню. Эркин вооружился старым колуном, а Андрей занялся навесом. Там надо было поменять две поперечины и перестелить лоскуты кровли. Старая Дама оказалась вполне приличной старухой: показала им работу, дала топор, пилу и ушла, не стояла над душой. И зевак немного, а как Эркин взялся за колун и поленья полетели, то и детвора исчезла.

– Кормить не будут, – сразу предупредил он Андрея. – Я на деньги договорился.

– Дело, – согласился Андрей.

Андрей уже заканчивал навес, когда Эркин завяз с очень уж неподатливым чурбаком. Андрей посмотрел на его мучения и спрыгнул с навеса.

– Давай, я. А ты вон тот лоскут подтяни и закрепи.

– На, – передал ему колун Эркин.

Андрей, поднатужившись, вырвал его из чурбака, оглядел и пренебрежительно бросил на землю. Взял свой, достал из ящика окованный тяжёлый клин. И с двух ударов добил чурбак.

– Вот так! Ты когда-нибудь обзаведёшься своим инструментом?

– Когда-нибудь. – Эркин подбил край кровли и откинул молоток к ящику. – Так и буду с топором ходить, чтоб от меня шарахались? Или чтоб полиция замела?

Андрей помрачнел. Один раз они уже так чуть не вляпались. Эркин скинул свой нож к нему в ящик и пошёл вперёд на патруль, а Андрей успел увильнуть в проулок. Тогда обошлось обыском. Да и остальные рассказывали, что иметь при себе что-то – опасно. Не знаешь, на кого нарвёшься.

– Это, конечно, так, – наконец согласился Андрей и тут же предложил. – Можешь в моём носить. Ко мне так не цепляются.

– Посмотрим.

Старая Дама, видимо, всё-таки наблюдала за ними. И в тот момент, когда они уложили последние поленья, подошла к ним с приготовленными деньгами. Увидев их, Андрей досадливо крикнул: половина заработка старыми имперскими бумажками. На рынке их брали не все, и всякий раз приходилось заново пересчитывать, сколько это в радужных кредитках военной администрации. Но отступать поздно, они забрали деньги, поблагодарили и ушли. На улице Эркин виновато вздохнул.

– Об этом не подумал.

– Ладно, – отмахнулся Андрей. – Всего не обговоришь. Попробуем ещё чего перехватить?

– Тогда на станцию, – пожал плечами Эркин.

Рынок даёт работу только с утра, потом или станция, там всегда на погрузку можно подвалить, или ходить по улицам в надежде, что тебя позовут.

До станции они не дошли. Их окликнули. Поставить поваленную изгородь и навесить калитку. Не самая сложная работа, и до темноты они бы управились. Но помешал муж хозяйки или кем он ей там приходится. Крепкий, налитый силой, полупьяный, в накинутах на плечи армейском мундире со следами споротых погон и нашивок, он удобно расположился на веранде со стаканом виски и начал ими командовать. Что и как делать они и без него знали. И все его слова спокойно пропускали мимо ушей. Но когда он перешёл на цветных, их леность и нерадивость, Андрей не выдержал.

– За это двойная плата.

– За что? – не понял тот.

– А за то, что мы тебя слушаем, – попробовал удержаться на шутилой границе Андрей.

– Что?! – вскипел белый. – Ты, рвань, будешь мне указывать?! Да я тебя...

– Смотри, не лопни от натуги, – посоветовал ему Андрей.

– Ты... ты позор расы! – белый с грохотом опрокинул кресло и рванулся к ним.

Андрей выпрямился, поигрывая молотком. Эркин, привыкший к ругани во время работы, и толком не слушавший перепалку, забеспокоился. Дело грозило обернуться совсем не нужной дракой, если беляк полезет с кулаками, нельзя же подставляться, не то время. На веранде мелькнуло побледневшее лицо нанявшей их женщины.

Андрея вся эта история пока забавляла. Он спокойно стоял перед изрыгавшим ругательства белым и, улыбаясь, отвечал не менее забористой руганью. Что его назвали «позором расы», его не тронуло. Тот прошёлся по родне Андрея и... переключился персонально на Эркина.

– Всякий ублюдок краснорожий, – гремел белый, – смеет шляться...

– Я работаю, сэр, – тихо сказал Эркин и вдруг неожиданно для себя рывкнул на Андрея. – Мы работаем или треплемся?! Долго я тебя ждать буду?!

– Ща! – подмигнул ему Андрей, охотно принимая игру подчинения. – Видишь, отвлекли. Не сердись, – и нагнулся подбить удерживаемую Эркином секцию.

– Ты! – задохнулся белый. – Белому указывать?! А ты слушаешь?!

И он кинулся на них с кулаками. Андрей в последний момент подшиб Эркина, а сам отклонился в сторону, и кулак белого с размаху вонзился в только что натянутую железную сетку. От веранды к ним бежала женщина, с ужасом глядя на них и на вывшего от боли мужчину.

– Слушай, хозяйка, – Андрей улыбался, но улыбка его стала уже совсем иной. – Или ты своего... успокоишь, или мы уходим, и пусть он тебе забор ставит. У него вон... силы много.

Женщина, обхватив мужчину за плечи, быстро заговорила.

– Да-да, уходите. Уходите скорей. Уходите...

– Та-ак, – протянул Андрей, – с этим ясно. А плата? Мы вон, половину уже сделали.

– Уходите, – повторила женщина, – уходите.

Андрей покачал укрепленный ими стояк – повалить его уже будет сложно – и посмотрел на Эркина. Тот уже встал и отряхивал джинсы и рубашку. В ответ на взгляд Андрея пожал плечами. Мужчина что-то рычал и рвался к ним из рук плачущей женщины. Андрей махнул рукой, подобрал свой ящик, и они пошли со двора. Но у висевшей на одной петле калитки Андрей не выдержал и обернулся.

– Чтоб наш кусок тебе поперёк горла встал.

Мужчина снова начал рваться за ними, но они уже ушли.

Молча, они миновали несколько домов. Спускались сумерки, и найти работу было уже никак невозможно. Андрей остановился закурить.

– И на чёрта я созорничал, – тоскливо сказал Эркин. – Дёрнуло же меня...

– Ничего, – отмахнулся Андрей. – Жаль, морду ему не набили, а так всё нормально.

Они шли по стремительно пустеющей улице. Странно, но потеря заработка, похоже, не слишком огорчила Андрея.

– А трудно теперь будет, – вдруг сказал Андрей. – Это ж из пленных, понял? Возвращаются. И что не довоевали, на нас отыграют.

Эркин угрюмо кивнул. Он тоже заметил, что в городе появились белые в старой форме. Они недружелюбно ворчали вслед, придирались, когда на них работали... Похоже, Андрей прав. И только потерей работы не обойдётся.

– Давай что ли завтра с утра на станцию?

– Думаешь, на рынке не отломится?

– Заглянуть можно. Да толку... – Андрей сплюнул на середину мостовой.

– Посмотрим. На станцию всегда успеем. И на вещевой загляну.

– Прибарахляешься? – ухмыльнулся Андрей.

– В сапогах ноги горят. Да и к зиме целее будут.

– Далеко заглядываешь, – покрутил головой Андрей. – Ну, бывай.

– Бывай.

По дороге домой Эркину почудились за спиной шаги. Несколько раз он останавливался и прислушивался. Было уже совсем темно, и вне Цветного квартала индейцу лучше никому на глаза не попадаться. Ни полиции, ни своре, ни любой белой сволочи. Но он пошёл дальним путем, через парк, куда с наступлением темноты никто не рисковал сунуться. В парке он перестал слышать шаги и побежал через дворы домой. Не рискуя хлопнуть калиткой, перелез через забор у навеса Старой Дамы и, прячась в тени сараев, пробрался к дому. У сарая Жени он снова прислушался. Нет, похоже, оторвался. Но кто же ходит за ним? Неужели этот... Рассел, о котором говорила Женя. Что ему нужно?

Эркин бесшумно задвинул засов на калитке и вошёл в дом. Нижняя дверь, ступеньки скрипучие, надо бы починить, но это у Андрея надо сначала выпросить потихоньку, что и как. Звать его на эту работу он не может, не брать же с Жени деньги, а бесплатно Андрею с какой стати работать. Верхняя дверь. Он закрывал верхний замок, когда рядом прозвучало тоненькое.

– А мы сегодня твой пакет доедим?

И голос Жени.

– Ах ты, бесстыдница, нет чтобы поздороваться.

И недоумённый вопрос.

– А он разве гость? Он же свой.

Эркин прислонился лбом к двери и постоял так, будто не мог справиться с замком. Потом обернулся. Дверь в комнату открыта, и в двери стоит Женя с прислонившейся к ней Алисой, смотрят на него и обе улыбаются. И из кухни тянет запахом чая и чего-то вкусного. И он сбросил, как ненужный груз, и шаги за спиной, и сорвавшийся заработок, и страх от мелькнувших за углом фар... И улыбнулся.

...Толстые маленькие лепёшки Женя называла *oladii*, а Алиса *oladushki*. Он не сразу понял, что это одно и то же, и повторил: оладьи, оладушки.

– Да, Эркин, – Женя подвинула ему сметану в чашке. – Ты в сметану их макай, так вкуснее. – И перешла на английский. – Алиска опять стала путать. Ты же уже много слов по-русски знаешь, так давай тоже, день по-русски, день по-английски, хорошо? – он неуверенно кивнул. – А то ведь эта обезьянка так ни одного языка знать не будет.

– А разве сегодня английский день? – вмешалась Алиса. – Сама же по-русски начала. Про сметану.

Женя засмеялась и сказала по-русски.

– Виновата, исправлюсь.

И посмотрела на Эркина: понял ли?

– Я... плохо говорю... по-русски, – осторожно составил он фразу.

– Всё правильно, – одобрила Женя и тут же уточнила. – Сказал правильно. А говоришь ты совсем не плохо. С Андреем на смеси говорите? – перешла она на английский.

– Когда как, – быстро ответил он по-английски же.

– Ты ей смешивать не давай, а сам говори, как удобнее, – сразу изменила решение Женя.

– Да?! – тут же возмутилась Алиса, – а я тоже хочу...

– Мала ты ещё для хотений, – не давала ей перейти на английский Женя.

Он слушал их перепалку молча, и всё та же неуверенная улыбка чуть морщила ему губы, почти не меняя лица, только глаза поблёскивали.

Женя уложила Алису, а он ещё сидел за столом, ожидая их обычного вечернего разговора.

– Всё, спи, маленькая. Мне завтра с утра на работу, спи, Алиска.

– Тебе всегда на работу, – пыталась спорить Алиса.

Наконец она затихла, и Женя вернулась к столу. Села, налила себе и ему чая.

– Как сегодня?

– Немного. Мне... в имперских заплатили. Ничего?

– Не страшно, – махнула рукой Женя. – Вот давай и посмотрим, как у нас с деньгами.

Он кивнул. Женя встала, принесла шкатулку и выложила на стол деньги.

– Давай посмотрим, – повторила она.

Он залпом допил и отодвинул чашку, расчищая место.

– Отнеси на кухню, – попросила Женя. – Сложи там в тазик, я потом помою.

Он кивнул и быстро встал, собирая тарелки и чашки. На кухне он сложил всё в тазик для мытья посуды. Затем, подумав, вылил туда ковш тёплой воды, чтобы не присохло, и вернулся в комнату.

Женя, сосредоточенно хмурясь, раскладывала деньги на маленькие кучки. Эркин осторожно, чтобы не помешать ей, сел на своё место.

– Вот посмотри, – подняла на него глаза Женя, и он подался вперёд, навалился грудью на стол. – Вот, это нам на еду. В пятницу я получаю, и должно хватить.

Он медленно кивнул, настороженно разглядывая толстую пачку.

– На еде нельзя экономить, – поняла его взгляд Женя. – А то потом на лекарствах больше потратишь. Это на горючку для коптилок. А знаешь, – вдруг оживилась она, – я видела лампу, керосиновую. Очень хорошую. Керосин теперь в продаже есть. А то раньше как стратегический его и достать было нельзя, и цены сумасшедшие. А теперь свободно. Может, купим с полочки? Как думаешь?

Эркин пожал плечами и тихо спросил.

– Она... очень дорогая?

– Можно найти и не очень.

– Я в вещевом видел, недорогое. Но их чинить надо, – рискнул он предложить.

– Чинить? – переспросила Женя. – Чиненое не надёжно. Можно пожар устроить.

Женя пересчитала оставшиеся деньги, задумалась, тряхнула головой. Но он опередил её.

– Я смотрю, имперские... это я принёс, да?

– Да.

– Тогда давай, я их обменяю. Это же как сигареты, да?

– Правильно! – улыбнулась Женя. – Мне же в имперских не платят, – она быстро перебрала пачки, выбирая зелёные, цвета молодой листвы, бумажки. – Вот. Только не меняй, а купи чего-нибудь. Но на кроссовки этого мало.

Он кивнул.

– Вот что, давай тогда так, – решила Женя. – Бери все имперские, и что будешь зарабатывать, оставляй себе, – поглядела на его огорчённое лицо и улыбнулась, – пока не купишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.